Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Липецкий филиал

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

СБОРНИК
материалов всероссийской научной конференции

г. Липецк, 2 июня 2025 г.

Воронеж • 2025

УДК 340
ББК 67.081я431
Р76

Рецензент:
д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Заслуженный юрист Российской Федерации, академик Академии педагогических и социальных наук, член-корреспондент Академии Российской словесности, академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры **Ю.И. Голик**;
д-р. юрид наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН **Т.В. Щукина**

Российская правовая система: современное состояние, проблемы и перспективы развития: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. (г. Липецк, 2 июня 2024 г.) / под общ. ред. канд. юрид. наук, доцента В.А. Брусенцевой – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2025. – 332 с.

Материалы сборника научных трудов участников всероссийской научно-практической конференции «Российская правовая система: современное состояние, проблемы и перспективы развития», посвящены рассмотрению различных аспектов эволюции и развития правовой системы Российской Федерации, трансформации и адаптации отраслей права в условиях новых вызовов и угроз, а также общим проблемам правовой регламентации различных сфер общественных отношений. В сборнике представлены исследования представителей органов государственной власти, правоохранительных органов, профессорско-преподавательского состава, докторантов, аспирантов, магистрантов.

Сборник предназначен для широкого круга читателей: ученых, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 340
ББК 67.081я431

© Коллектив авторов, 2025
© Липецкий филиал РАНХиГС, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1

Анянова Е.С.
Правовой режим телекоммуникационных кабелей в Балтийском море 8

Ашанина Е.А.
Медиация как альтернативный способ разрешения споров 15

Бондаренко О.Н., Андреев К.В.
Правовые аспекты цифровизации корпоративного управления Российской Федерации 20

Бочкова И.В.
К вопросу реализации права на обязательную долю в наследстве . . 26

Быковский Т.Н.
Адаптация уголовного законодательства к новым видам оружия . . . 31

Воронцов М.И.
Понятие компьютерной игры 35

Гребенщикова К.А., **Пономарева Н.С.**
Способы изъятия криминалистически значимой информации с электронных носителей информации. 39

Горбунова Я.П., **Ратникова Н.Д.**
К вопросу о процессуальной правоспособности и дееспособности участников гражданского процесса 42

Горчакова А.П.
Плагиат в infl uencer-маркетинге: правовые ловушки и пути модернизации защиты ИС 47

Егоров В.А., Корнев А.С.
Соотношение неправомерного доступа к компьютерной информации со смежными преступлениями по УК РФ 53

Забайкалов А.П.
Контракт жизненного цикла в отечественной системе договоров. . . 58

Исмаилов Магамед Исмаил оглы
Подсудность как гарантия права на законный суд: адаптация в новых реалиях 62

Калитинская А.В.
Современные криминалистические средства и методы выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов 69

Костылева Е.Д.
Конституционно-правовые аспекты национальной безопасности и воинской обязанности 74
Маганкова А.А., Ревенко Я.Д.
Развитие института пробации в России 79
Макаров О.В.
Гражданско-правовое регулирование строительства: основные проблемы нормативности и реализации 85
Макурин П.С.
Цензурная политика в России в конце XVIII – начале XIX века 90
Медведев Ю.В., **Лебедева И.Н.**
Экологическая безопасность, как одна из важнейших задач государства, и ее правовые проблемы 98
Миликова А.В.
Современные подходы к пониманию уголовно-процессуальных актов и актов прокурорского реагирования 115
Небытов К.В.
Психологические механизмы уголовно-правового регулирования . . 120
Новокшонов Д.В.
К вопросу об изменениях уголовного законодательства в новых регионах с введением военного положения 124
Родыгин Р.А.
Тенденции развития правовой системы в области противодействия противоправному вовлечению несовершеннолетних в совершение опасного для их жизни поведения 128
Рыжкова И.Д., **Ширяева С.В**.
Проблемы в решении вопроса о клевете в рамках лингвистической экспертизы: доказывание негативной оценки через анализ текста в фокусе защиты чести и доброго имени 133
Соколов Д.В.
Уголовно-правовые основы обеспечения цифровой безопасности системы государственного управления 137
Соловьева В.В.
Генезис отечественного уголовного законодательства об ответственности за коррупционные преступления 140
Солодовник Ю.А.
Проблемы расследования взяточничества 149
Устинов Д.С.
Цифровизация и цифровая трансформация как средство обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства 156

Фалахеева А.Г.
Некоторые вопросы и проблемы участия защитника при особом порядке судебного разбирательства уголовных дел 161
Хорунжий И.А.
Система государственных оборонных закупок в СССР 168
Черкунова Т.В.
Возможности получения квалифицированной юридической помощи лицом, в отношении которого начата процессуальная проверка 175
Чуносов В.С.
Методы и средства получения информации из открытых электронно-цифровых источников 181
Шагунова В.М., **Филиппова Д.А.**
Кибербезопасность несовершеннолетних: комплексный подход к предупреждению и предотвращению противоправных действий в Интернете 192
Яворский В.М.
Влияние программирования на Python 3 на процессы адаптации уголовного права и криминалистики в условиях внедрения искусственного интеллекта 205

Секция 2

Андросова В.Е.
Анализ природы и основных характеристик правового государства . . 209
Анютина А.А.
Понятие и основные виды методов, применяемых в юридической науке 211
Бессмертная В.А.
Анализ санкций преступлений диверсионной направленности и вопросы их совершенствования 214
Бородовицына К.С.
Влияние либертарно-юридической теории в становлении правовой системы в Российской Федерации: теоретико-методологические особенности. 219
Викторова Л.К.
Перспективы внедрения ИИ-технологий в систему судопроизводства: конституционно-правовое исследование. 223
Гладышева С.Р.
Идеи естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека 229

Денищик А.Ю.
Использование технологий нейросетей для создания следственно-криминалистической базы данных 232
Долгов Н.М.
Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов в деятельности прокуратуры РФ: проблемы и перспективы совершенствования. 238
Зайцева В.С.
Применение искусственного интеллекта в суррогатном материнстве. 243
Зубкова П.В.
Роль Счетной палаты Российской Федерации в обеспечении эффективности использования бюджетных средств 247
Зябухина Е.И.
Основные компоненты современного правового государства 251
Красных В.А.
Гражданское правоотношение. 253
Кутейников В.А.
Понятие современного правового государства как конструкции правовой организации и функционирования публичной власти свободных людей 256
Масленникова А.В.
Местное самоуправление в России: конституционные вызовы и перспективы развития в эпоху перемен 260
Машеро Я.П.
Некоторые теоретические и практические аспекты компенсации морального вреда в трудовых отношениях 264
Молочко В.В.
Взаимодействие федеральных органов государственной власти и органов государственной власти Республики Крым в законодательном процессе 270
Некрасова Е.Д.
К вопросу определения категории верующих при нарушении права на свободу совести и вероисповеданий 277
Опарина С.А.
Понятие методологии. Ее отличия от науки. Смыслы методологической деятельности, ее задачи и функции 283
Сапегина С.И.
Кибербезопасность и права человека: вызовы цифрового общества . . 286

Сорокина Т.В.
Проблемы определения статуса лица, в отношении которого применяются принудительные меры медицинского характера 291
Стебенева Д.Ю.
Социальное государство: современные реалии и перспективы 296
Суслова Д.А.
Проблемы гражданско-правового договора в системе механизмов правового регулирования. 300
Шатенко К.Ю.
Тактические особенности проведения осмотра места происшествия, на котором совершено серийное сексуальное убийство. 305
Шведов А.А.
Особенности применения способов защиты чести, достоинства и деловой репутации 308
Ширяева Т.В.
Медиация в публично-правовых спорах: поиск консенсуса между государством и гражданами. 314
Юденкова Д.Ю.
Совершенствование процесса управления деятельности правоохранительной системы: правовой аспект 319
Якунин Д.В.
Градостроительное законодательство 324

СЕКЦИЯ 1

Анянова Е.С., канд. юрид. наук, юрисконсульт
ООО «Балторг», г. Калининград

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ КАБЕЛЕЙ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ

Аннотация

В данной статье предлагается исследование вопроса, требуется ли особая защита посредством международно-правовых для прокладки подводных телекоммуникационных кабелей по морскому дну.

В работе рассматривается, как в настоящее время обеспечивается безопасность подводных кабелей на международном уровне, а также проблемы, связанные с защитой подводных кабелей, включая военное право.

Ключевые слова: подводные кабели, телекоммуникационные кабели, морское право, судоходство.

1. Введение

Современные технологии, такие как телеграф, телефон, радио и интернет, требуют использования подводных волоконно-оптических кабелей.

Основная часть подводных телекоммуникационных кабелей принадлежит частным компаниям и консорциумам компаний [3]. Несмотря на распространение спутников, частные компании передают по подводным кабелям около 99 % цифровых коммуникаций (например, голос, данные, интернет).

Однако подводные телекоммуникационные кабели очень уязвимы [3]. В 1871 году Сэмюэл Морзе в письме к Телеграфной конференции просил защитить телеграф от любых атак или повреждений [6].

Большинство случаев повреждения кабеля (около 75 %) вызвано деятельностью человека, в основном рыболовством и постановкой на якорь, подводной добычей, нефтегазовой деятельностью и дноуглубительными работами [7]. Около 14 % обрывов кабелей вызваны природными явлениями (например, землетрясениями), а 6 % – поломкой оборудования. Изредка случаются также преднамеренные диверсии (перерезание кабелей в море или нападения) [3] и укусы акул.

Например, в 1850 году был проложен первый подводный кабель через Ла-Манш. После этого один рыбак вырезал часть кабеля в качестве сувенира.

В данной статье подробно рассматривается проблема охраны подводных кабелей в международном праве. Во-первых, исследуются произошедшие инциденты, применяемые к ним нормы права. Также

рассматриваются международно-правовые документы в этой области. В заключение дается ряд рекомендаций по дальнейшему развитию международного права в этом направлении.

2. Произошедшие аварии

Повреждения подводных кабелей происходят по всему миру. В октябре 2022 г. подводный кабель, соединяющий Шетландские и Фарерские острова, был случайно перерезан рыболовецким траулером [1]. Это нарушило связь на Шетландских островах [3].

В феврале-марте 2024 г. кабели в Красном море и у побережья Западной Африки были повреждены в результате затопления судна, атакованного повстанцами Хути [1].

В январе 2022 г. на Тонга произошло извержение подводного вулкана, в результате чего был поврежден подводный кабель.

В июне 2023 г. подводный кабель на Аляске был разорван в результате естественных подвижек льда [10]. Регион остался без интернета и сотовой связи.

Несколько кабелей компании «Ростелеком» в Балтийском море в исключительной экономической зоне (ИЭЗ) Финляндии были повреждены в 2023-2025 гг. Российское судно получило разрешение на ремонт.

В ноябре 2024 г. российское научно-исследовательское судно «Янтарь» получило от ВМС Ирландии приказ покинуть район Ирландии с подводными кабелями.

2.1. Повреждение кабеля судном «Вежен»

Судно «Вежен» 26 января 2025 г. оно повредило кабель, принадлежащий Латвийскому государственному радиотелевизионному центру, в ИЭЗ Швеции на глубине не менее 50 метров.

Судно «Вежен» под мальтийским флагом было досмотрено и задержано шведскими властями. Однако в ходе расследования было установлено, что к повреждению кабеля привело сочетание погодных условий, а также ненадлежащее оборудование и недостаточная квалификация моряков. Арест с судна был снят [10].

После этого инцидента НАТО начала свою миссию в Балтийском море «Страж Балтики» и направила в этот район патрульные корабли.

Грузовое судно под норвежским флагом «Сильвер Даниа», норвежское судно с полностью русским экипажем, также было задержано норвежским кораблем береговой охраны у побережья Тромсе на севере Норвегии. Судно подозревалось в причастности к серьезному повреждению упомянутого ранее кабеля в Балтийском море по запросу латвийских властей. Позднее судно было освобождено.

2.2. Инцидент с «Балтикконнектор»

В октябре 2023 г. были повреждены подводные кабели между Эстонией и Финляндией и Эстонией и Швецией, а также газопровод

«Балтикконнектор». Во время инцидентов в этом районе ходило подозрительное судно «Новый полярный медведь», зарегистрированное в Китае под флагом Гонконга. Эстонские и финские власти попытались связаться с судном, но не стали высаживаться на борт или задерживать его без согласия государства флага [9]. В октябре 2023 г. «Новый полярный медведь» вернулся в порт Тяньцзинь, Китай. Позднее китайское правительство признало, что судно несет ответственность за повреждение трубопровода и кабелей, но назвало инциденты несчастными случаями [2, с. 8].

Данный инцидент показывает, что, хотя прибрежное государство может использовать право на преследование судна, которое своим якорем вызвало разлив или утечку газа (ст. ст. 79(2) и 221 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в сочетании со ст. 111(2) Конвенции) на основании защиты и сохранения морской среды (ст. 56(1)(b)(iii) Конвенции), аналогичного права не существует в отношении подводных кабелей, которые повреждает судно [9].

2.3. Повреждение кабеля «Си-Лайон 1»

17-18 ноября 2024 г. судно под флагом КНР, перевозившее российские удобрения, предположительно повредило два кабеля, соединяющих Швецию с Литвой и Финляндию с Германией (кабель «Си-Лайон 1» и «БКС Восток-Запад Интерлинк»). Первый кабель, «Си-Лайон 1», является единственным в Финляндии подводным кабелем передачи данных, идущим из скандинавской страны напрямую в Центральную Европу [2, с. 7].

Под подозрение попал китайский балкер «И Пэн 3» с российским капитаном. Прибрежные государства получили согласие государства флага (Китая) на осмотр судна. Осмотр показал, что якорь «И Пэн 3» повредил кабель.

Задержание китайского судна стало первым случаем с 1959 г., когда была проведена подобная процедура на основании ст. 10 Парижской конвенции. В декабре 2024 г. судно покинуло Балтийское море.

2.4. Повреждение кабеля «Эстлинк»

24-25 декабря 2024 г. линия электропередачи «Эстлинк 2» и четыре телекоммуникационных кабеля, связывающие Финляндию и Эстонию, были повреждены [10] в результате волочения якоря судна по морскому дну. Финская полиция захватила подозрительный танкер с российской нефтью под флагом островов Кука «Игл С». Арест был снят только в марте 2025 г.

3. Правовые режимы защиты подводных кабелей

Защита подводных кабелей в рамках международного права ограничена. Существует только два договора, защищающих подводные кабели: Международная конвенция по защите подводных телеграфных

кабелей 1884 г. (Парижская конвенция) и Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

3.1. Международная конвенция 1884 г. о защите подводных телеграфных кабелей

Парижскую конвенцию подписали только 36 государств, в том числе США и Россия, но не КНР. Конвенция была заключена в Париже 14 марта 1884 г. и вступила в силу 1 мая 1888 г. Договор предусматривает уголовную ответственность за умышленное или преступно халатное повреждение подводных кабелей [2, с. 6].

3.2. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. предоставляет всем странам свободу прокладки и эксплуатации подводных кабелей в открытом море и на континентальном шельфе, в пределах ИЭЗ прибрежного государства (ст. 112 Конвенции) [3].

Согласно Конвенции, государства обладают юрисдикцией в отношении инцидентов с кабелями, происходящих в их территориальных водах.

В ИЭЗ государства обладают исключительными правами на природные ресурсы, но юрисдикция в отношении подводных кабелей в этой зоне не упоминается. Только юрисдикция государств флага и государств, являющихся гражданами нарушителя, имеет четкую юрисдикцию в отношении перерезания кабеля [4]. Таким образом, в Конвенции прослеживаются определенные пробелы в правовом регулировании подводных кабелей.

3.3. Досмотры подозрительных судов

Не существует единого стандарта для правового регулирования запретов в случае повреждения кабеля. Это еще больше усложняет сотрудничество между государствами.

В соответствии со ст. 10 Парижской конвенции капитаны военных кораблей могут потребовать от капитана судна, подозреваемого в повреждении кабеля, документы, подтверждающие национальную принадлежность судна, но в договоре не прописаны другие методы и права поднятия на борт и расследования.

В 1959 году одно из государств-участников конвенции 1884 г. применило эти полномочия. После повреждения нескольких трансатлантических подводных телекоммуникационных кабелей подозреваемый советский траулер «Новороссийск» был досмотрен американским судном «Рой О.Хэйл» 26 февраля 1959 г. В ноябре 2024 г. договор 1884 г. был вновь истолкован Финляндией как разрешающий высадку и обследование подозрительного судна [11].

Тем не менее, спорным является вопрос о том, может ли ст. 10 Парижской конвенции 1884 г. об охране кабелей позволить государ-

ствам-участникам подняться на борт подозреваемого судна, если они считают, что кабель был поврежден этим судном. Это положение имеет неопределенный правовой статус [9].

В случае с повреждением кабеля «Балтикконнектор» судно так и не было досмотрено без согласия государства флага, хотя в случае с судном Си-Лайон «И Пэн 3» судно было арестовано.

В настоящее время парламент Эстонии – прибрежного государства Балтийского моря, подготовило законопроект о применении военной силы против торговых судов, если они подозреваются в угрозе подводным кабелям или другим объектам.

Этот документ был разработан в связи с участившимися случаями повреждения морских кабелей.

Вопрос досмотра подозреваемого судна является спорным, однако государства-участники могут расследовать акты повреждения подводных кабелей в своей ИЭЗ и на континентальном шельфе. Никаких ограничений для таких прав государств-участников не существует.

3.4. Концепции пиратства и терроризма

Дополнительные правовые основания для борьбы прибрежных государств с подводным кабелем за пределами территориального моря могут быть основаны на концепциях пиратства (ст. 101 Конвенции 1982 г.) и терроризма в международном праве.

Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом и Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, и Протокол к ней 2005 г. включают такие преступления (ст. 3bis(1)) и право подниматься на борт подозреваемого судна с прямого разрешения государства флага (Протокол 2005 г., ст. 8bis(5)).

Нападения на подводные кабели и трубопроводы могут квалифицироваться как акты пиратства в широком смысле.

3.5. Концепции вооруженного нападения и самообороны

Возникает вопрос, могут ли преднамеренные акты повреждения квалифицироваться как вооруженное нападение, отвечают ли масштабы и последствия таких актов требуемой тяжести; какое государство должно быть определено как государство-жертва, поскольку подводный кабель обслуживает несколько государств [1]. Только в территориальном море прибрежного государства или в архипелажных водах архипелажного государств это государство может быть государством-жертвой запрещенного применения силы или вооруженного нападения в соответствии со ст. 2 (4) Устава ООН и ст. 19 (2) (a), 39 (9) (1) (b) и 54 Конвенции 1982 г. Если подводные кабели повреждены в ИЭЗ или на континентальном шельфе прибрежного государства или архипелажного государства [1], будет трудно применить к подводным кабелям концепцию запрещенного применения силы согласно ст. 2 (4) или

вооруженного нападения в соответствии со ст. 51 Устава ООН, поскольку в отличие от судов подводные кабели не ходят под флагом какого-либо государства.

Кроме того, в контексте теста «масштаб и последствия» Международного Суда, инциденты не были достаточно серьезными для применения права на самооборону, поскольку причиненный ущерб был не слишком значительным [8].

4. Меры борьбы с повреждением кабеля

Резолюции ООН, принятые Генеральной Ассамблеей 9 декабря 2021 г. 76/72 и 30 декабря 2022 г. 77/248 по Мировому океану и морскому праву, призывают государства принять законы и правила в отношении разрыва или повреждения подводных кабелей в открытом море, совершенных умышленно или по преступной небрежности судном под его флагом или лицом, подпадающим под его юрисдикцию, в соответствии с международным правом [6].

Необходима дополнительная правовая основа для принятия принудительных мер в отношении судна, подозреваемого в повреждении подводных кабелей в Балтийском море (права на перехват) [5].

Необходимость в новом глобальном договоре по защите подводных кабелей очевидна, чтобы устранить существующие пробелы в правовой базе [1]. Такие нормы права могут быть приняты в качестве поправки к Конвенции 1982 г., соглашения в рамках Конвенции 1982 г. или отдельного правового документа по защите и безопасности кабеля [2, p. 6; 9], к примеру резолюции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) [5]. Однако резолюции СБ ООН рискуют получить вето, для внесения таких поправок в конвенции требуются переговоры и другие дипломатические усилия. Эти процедуры отнимает много времени.

Кабели должны быть спроектированы и эксплуатироваться таким образом, чтобы иметь возможность даже перенаправлять трафик на альтернативные маршруты в случае выхода из строя другого подводного кабеля, наземной линии или спутника [3].

Например, перебоев в обслуживании из-за выхода из строя кабеля на Шпицбергене удалось избежать благодаря тому, что трафик был перенаправлен на параллельный кабель. А вот в результате повреждения кабеля в Тонга обслуживание было прервано на пять недель, преднамеренное нападение у южного побережья Франции прервало обслуживание на несколько часов.

Еще одно предложение – создание зон защиты кабелей. Поскольку свобода судоходства в ИЭЗ, включая постановку на якорь, защищена международным правом, ст. 60 (4-6) Конвенции 1982 г. иногда интерпретируется как препятствующая созданию зон безопасности вокруг подводных кабелей [8]. Тем не менее, Дания, Австралия и Новая

Зеландия используют охранные зоны вокруг кабелей. В этих зонах запрещены якорные стоянки и рыболовство.

Пространственное отделение подводных кабелей от других видов морской деятельности также является эффективным методом борьбы с повреждением подводного кабеля.

Можно сделать вывод, что международное право недостаточно для защиты подводных кабелей. Судебное преследование судов и государств, повредивших подводные кабели, затруднено. Необходимо разработать всеобъемлющую международную правовую базу для защиты подводных кабелей.

Список цитируемой литературы:

1. Azaria, D., Davenport, T.M. Submarine cables and pipelines under international law / D. Azaria, T.M. Davenport // International Law Association. Interim report 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ila-hq.org/en/documents/ilathi-1 (дата обращения: 05.05.2025).

2. Besch S., Brown E. Securing Europe's Subsea Data Cables / S. Besch, E. Brown // Catnegie endowment for international peace.16 December 2024. [Электронный ресурс]. – URL: https://carnegieendowment.org/research/2024/12/securing-europes-subsea-data-cables?lang=en&center=china (дата обращения: 05.05.2025).

3. Comay L.B., Figliola P.M., Gallagher J.C., Gatz L., Keating-Bitonti C., Lipiec E., Marshak A.R., Sheikh P.A., Ward E.H. Protection of Undersea Telecommunication Cables: Issues for Congress // Congress.gov, Library of Congress. – 20 March 2025.

4. Goldenziel J. Law Can't Stop Submarine Cable Sabotage. Russia And China Know It // Forbes Media, 13 February 2025. [Электронный ресурс] – URL: https://www.forbes.com/sites/jillgoldenziel/2025/02/13/law-doesnt-protect-undersea-cables-russia-and-china-know-it/ (дата обращения: 05.05.2025).

5. Hartmann J. Piracy and Undersea Cables: An Overlooked Interpretation of UNCLOS? // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 06 March 2025. [Электронный ресурс] – URL: https://www.ejiltalk.org/piracy-and-undersea-cables-an-overlooked-interpretation-of-unclos/ (дата обращения: 05.05.2025).

6. Hernández-Benito D. Damages to submarine cables and pipelines in times of peace and war: the Nord Stream sabotage / D. Hernández-Benito // Amsterdam law forum. – 2024. – Volume 16. Issue 1.

7. Hunt D., Gupta S. Damage to submarine cables: claims and remedies // Developing Telecoms Ltd., 10 May 2024. [Электронный ресурс] –URL: https://developingtelecoms.com/telecom-technology/optical-fixed-networks/

16683-damage-to-submarine-cables-claims-and-remedies.html (дата обращения: 05.05.2025).

8. Lott A. Attacks against Europe's Offshore Infrastructure within and beyond the Territorial Sea under Jus ad Bellum // EJIL:Talk! Blog of the European Journal of International Law. 17 October 2023. [Электронный ресурс] – URL: https://www.ejiltalk.org/attacks-against-europes-offshore-infrastructure-within-and-beyond-the-territorial-sea-under-jus-ad-bellum/ (дата обращения: 05.05.2025).

9. Lott A. The Baltic Sea Cable-Cuts and Ship Interdiction: The C-Lion1 Incident // Articles of war, 26 November 2024. [Электронный ресурс] – URL: https://lieber.westpoint.edu/baltic-sea-cable-cuts-ship-interdiction-c-lion1-incident/ (дата обращения: 05.05.2025).

10. Sweden releases ship after prosecutors rule Baltic cable damage 'not sabotage' // The Local, 3 February 2025. [Электронный ресурс] – URL: https://www.thelocal.se/20250203/sweden-releases-ship-after-prosecutors-rule-baltic-cable-damage-not-sabotage (дата обращения: 05.05.2025).

11. U.S. and U.S.S.R Exchange Notes on Damage to Submarine Cables // Department of State Bulletin. Volume XL, Number 1034 (20 April 1959). – P. 555-558.

Ашанина Е.А., преподаватель
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ

Аннотация

В данной статье рассматриваются особенности медиации и дается оценка возможноси ее применения при разрешении юридических конфликтов различного характера. Подчеркивается важность распространения практики медиации в современном российском праве.

Ключевые слова: разрешение споров, конфликт, медиативный подход, перспективы.

В России медиация – это добровольный выбор сторон конфликта, то есть ситуаций, в которых медиация обязательна, нет.

Под термином «медиация» понимается особый порядок урегулирования возникающих споров с участием независимого лица – медиатора, который оказывает содействие сторонам в поиске приемлемых

решений без обращения в суд. Отличительной чертой медиации является добровольность участия сторон, отсутствие обязательной природы принятого решения и гибкость способов его реализации. Важно отметить, что результатом медиации становится соглашение сторон, основанное на свободном волеизъявлении каждой из них. Это отличает данную процедуру от традиционной судебной формы защиты нарушенных прав, где решение принимается судьей единолично.

Процедура медиации применяется преимущественно в следующих ситуациях: разрешение корпоративных споров; урегулирование трудовых конфликтов; решение имущественных вопросов; рассмотрение семейных и наследственных споров.

Медиация представляет собой уникальный инструмент для разрешения споров, который помогает достичь решений, устраивающих все как с одной стороны, так и с другой стороны конфликта. При этом успех данного процесса в основном зависит от готовности сторон к разрешению конфликта. Нежелание одной из сторон к сотрудничеству может сделать проведение процедуры медиации невозможным, что, в свою очередь, приведет к необходимости обратиться к юристу для решения возникшей проблемы.

Следует рассмотреть основные преимущества медиации. Добровольный характер: участие в процессе медиации осуществляется добровольно, без какого-либо давления извне. Каждая сторона вправе свободно выбирать стратегию поведения и форму принятия решения. Отсутствие принудительного воздействия гарантирует сохранение дружеских или деловых отношений между участниками спора.

Конфиденциальность процесса: все сведения, полученные в ходе медиации, остаются закрытыми и не подлежат огласке. Такая форма конфиденциальности защищает личные интересы сторон и сохраняет репутацию бизнеса. Особенное значение эта характеристика приобретает в конфликтах внутри компаний или семей.

Скорость и эффективность: в основном, большинство случаев заканчивается достижением положительного результата уже спустя несколько встреч.

Экономическая эффективность медиации заключается в том, что ее расходы значительно ниже, чем затраты на судебные разбирательства. Участники процесса не обязаны уплачивать государственную пошлину, а также расходы на адвокатов и судебные экспертизы. Кроме того, в отличие от судебного процесса, медиация не требует привлечения множества свидетелей или экспертов. Все это делает медиацию более выгодной альтернативой для разрешения споров.

Возможность выбора медиатора: каждый участник конфликта сам выбирает подходящего специалиста-медиатора, исходя из личных

предпочтений, квалификации и опыта последнего. Такое положение повышает доверие сторон к процессу и увеличивает вероятность позитивного исхода дела. В рамках медиации стороны проводят переговоры с целью урегулирования возникших разногласий и достижения взаимовыгодного соглашения.

Участники спора самостоятельно определяют возможные варианты разрешения конфликта и согласовывают порядок дальнейшего взаимодействия.

Иногда процесс медиации напоминает психологическую консультацию. Например, представим семейный конфликт: отец часто задерживается на работе, что вызывает раздражение у жены и сына. Вечерние скандалы стали обычным делом. Отец объясняет свои переработки стремлением к профессиональному росту и желанием обеспечить семье достойную жизнь, в то время как жена и сын настаивают на том, что им важнее его время, проведенное с ними, чем материальные блага. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, семья решает обратиться к медиатору.

Медиатор, не наделенный властными полномочиями, оказывает содействие сторонам в организации и проведении переговоров, направленных на урегулирование спора.

Одна из обязанностей медиатора заключается в устранении эмоционального компонента. В этом процессе посредник, обладая знаниями в области психологии и конфликтологии, способен отвлечься от позиций сторон и сосредоточиться на их интересах.

В соответствии с законодательством, функции медиатора могут выполнять дееспособные граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет и имеющие высшее образование. Необходимым условием является также прохождение специальной программы подготовки медиаторов. Профессия медиатора пользуется высоким спросом в связи с тем, что она находится на стыке двух важных областей – юриспруденции и психологии.

В настоящее время медиация становится неотъемлемой частью системы правосудия во многих странах мира. Россия активно внедряет этот механизм в свою правовую систему. Согласно Федеральному закону № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров» [3], использование медиативных процедур закреплено на законодательном уровне.

Причина такого интереса к медиации очевидна: судебная система перегружена большим количеством дел, что снижает эффективность рассмотрения каждого конкретного случая. Применение медиации разгружает суды, позволяя участникам самостоятельно решать конфликты мирным путем. [2, С. 174]

Особое значение развитию медиации придает повышение осведомленности населения о данном инструменте разрешения споров. Правовое просвещение граждан, распространение позитивного опыта практического применения медиации способствуют росту популярности этого метода.

Проведя значительный анализ, предлагается рассмотреть наиболее часто встречающиеся ситуации в медиации:

1. Семейные споры

Семейные конфликты являются одними из самых частых поводов для обращения к медиации. Чаще всего такие споры возникают вокруг следующих вопросов:

Развод и раздел имущества. Супруги, находящиеся в разводе, стремятся разделить имущество справедливо и быстро, избегая длительной судебной волокиты. Вопросы воспитания детей. Часто родители расходятся во мнениях относительно места проживания ребёнка, порядка общения с ним и финансового содержания. Наследственные споры. Нередко родственники вступают в конфликты по поводу распределения наследства умершего члена семьи. [2, С. 245]

2. Трудовые конфликты

Трудовые споры также широко распространены в практике медиации. Обычно причинами возникновения таких ситуаций служат следующие факторы:

Споры по заработной плате и компенсациям. Сотрудники той или иной компании обращаются к процедуре медиации, после того как сталкиваются с задержкой выплат заработной платы, а также с проблемами увольнения. Работники могут считать увольнение несправедливым или незаконным, стремясь защитить свои права и восстановиться на работе. Нарушение и недовольства условий труда. такими как режим рабочего времени, санитарные условия или уровень безопасности, достаточно часто вызывает напряжённую обстановку в коллективе.

3. Жилищные и земельные споры

Споры, касающиеся недвижимости, относятся к числу сложнейших и деликатных проблем, подлежащих разрешению. Среди типичных примеров жилищных и земельных конфликтов выделяют:

Определение границ земельного участка и права собственности на землю. Решения, связанные с арендой помещений или продажей жилья. Совместное проживание и владение недвижимостью несколькими собственниками. Данные конфликты отличаются высокой степенью сложности и необходимостью привлекать экспертов-землеустроителей или оценщиков недвижимости.

4. Межличностные конфликты

Отдельной категорией выступают межличностные конфликты, возникающие между людьми вне профессиональной среды:

Соседские конфликты, связанные с шумом, нарушением спокойствия или порчей имущества.

Анализ практического применения медиации свидетельствует о широком спектре разрешаемых ею споров. Несмотря на уникальность каждого случая, можно выделить общие черты конфликтных ситуаций, указывающие на сходные подходы к их разрешению. Наиболее частыми являются семейные, трудовые, коммерческие и жилищные споры, каждый из которых требует индивидуального подхода и детального изучения всех обстоятельств. Применение медиации способствует оперативному урегулированию разногласий и сохранению межличностных отношений.

В связи с вышеизложенным, следует внести изменение в Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ:

1. Информирование населения о возможностях медиации

Предусмотреть меры информирования граждан и организаций о преимуществах примирительных процедур и способах обращения к услугам медиации. Законодательное установление обязанностей государственных органов распространять информацию о медиации среди населения.

2. Правовое регулирование дистанционной медиации

Современные технологии позволяют проводить процедуры медиации онлайн. Закон должен предусмотреть возможность дистанционного участия сторон в процессе медиации, установить порядок взаимодействия участников посредством электронных коммуникаций и обеспечить соблюдение принципов безопасности передачи конфиденциальной информации.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Под ред. В. В. Яркова. – 11-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 721 с.

2. Егоров, Н.Д. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др.; Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – Москва: Проспект. – 2021. – 625 с.

3. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (в ред. от 26 июля 2019 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

Бондаренко О.Н., канд. экон. наук, доцент кафедры
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
г. Москва
Андреев К.В., магистрант
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»,
г. Москва

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация

Цель исследования: настоящая статья посвящена анализу цифровизации корпоративного управления в Российской Федерации и выявлению ключевых изменений в законодательстве, регулирующем цифровые аспекты корпоративных отношений, а также оценке их правового и практического применения с учетом актуальных нормативных актов и судебной практики.

Методы исследования: для достижения поставленной цели были применены методы нормативно-правового анализа, включающего изучение законодательных актов, метод анализа судебной практики и метод обобщения.

Практическая значимость определяется в составление рекомендаций, на основе выявленных проблем цифровизации корпоративного управления, которые могут быть использованы для совершенствования законодательства, а также в разработке внутренних корпоративных регламентов, направленных на минимизацию технологических рисков, обеспечение безопасности данных и защиту прав участников в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, корпоративное управление, дистанционные собрания, УКЭП (усиленная квалифицированная электронная подпись), ЕСИА (Единая система идентификации и аутентификации), законодательство, судебная практика, персональные данные, технологические риски, правовое регулирование

Современный этап развития корпоративных отношений в Российской Федерации характеризуется стремительной цифровизацией, что, безусловно, требует оперативного обновления правовой базы для адаптации к новым реалиям. При этом особое внимание, как правило, уделяется вопросам легализации дистанционного взаимодействия органов управления компаний, а также правовым последствиям внедрения автоматизированных решений [1]. В данном исследовании рассмотрены ключевые изменения в законодательстве, регулирующем

цифровые аспекты корпоративного управления, с привязкой к актуальным нормативным актам и примерами из судебной практики.

Для всестороннего анализа цифровизации корпоративного управления в Российской Федерации в рамках данной статьи были применены методы нормативно-правового анализа, который включал изучение действующих законодательных актов, таких как Федеральный закон от 08 августа 2024 № 287-ФЗ называется «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 287), Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ – «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149), некоторые положения Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (далее – Положения ГК РФ), Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ № 152). Этот метод позволил выявить основные правовые нормы и пробелы в регулировании дистанционного взаимодействия.

Использование метода анализа судебной практики, который заключался в изучении конкретных судебных решений, связанных с применением цифровых технологий в корпоративном управлении при возможности оценить, нормы законодательства, интерпретирующиеся судами.

Выводы о текущем состоянии правового регулирования и перспективах его развития в условиях цифровой трансформации были сделаны с помощью метода обобщения.

Следует отметить, что цифровизация корпоративного управления в России получила новый импульс благодаря внесению изменений в законодательство, направленных на регулирование дистанционного взаимодействия [2]. Так, к примеру, с 1 марта 2025 года вступили в силу положения ФЗ № 287, который впервые детально регламентирует проведение общих собраний участников обществ с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерных обществ (АО) в дистанционной форме. Согласно новым правилам, устав компании может, в частности, предусматривать проведение собраний без указания физического места, обеспечивая при этом дистанционный доступ и возможность голосования через электронные платформы [3].

Важно подчеркнуть, что для идентификации участников дистанционных процедур ввели обязательное использование усиленной квалифицированной электронной подписи (далее – УКЭП), что стало обязательным с 1 сентября 2024 года. До этого момента устав предусматривал альтернативные способы подтверждения личности, включая авторизацию через Единую систему идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА), созданную в соответствии с ФЗ № 149 [4]. Данный закон устанавливает общие принципы защиты данных и регулирует

использование информационных систем в государственных и коммерческих структурах, что напрямую связано с безопасностью цифровых корпоративных процессов.

Значительным новшеством является закрепление обязательства видеотрансляции дистанционных собраний и сохранения их записей наряду с протоколами [5]. Это требование, без сомнения, вводит элементы цифровой доказательной базы в правовую систему. Если трансляция невозможна по техническим причинам, голосование может быть признано несостоявшимся, что, разумеется, добавляет технологические риски в корпоративный процесс [6]. Здесь важно учитывать Положения ГК РФ, которые регулируют общие принципы договорных отношений и применяются для определения ответственности сторон в случае технических сбоев при проведении собраний.

Кроме того, защита персональных данных участников дистанционных собраний регулируется ФЗ № 152, который обязывает компании принимать меры для обеспечения безопасности информации, передаваемой в ходе цифрового взаимодействия. Нарушение этих требований может, в свою очередь, повлечь административную ответственность в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 №195-ФЗ, где предусмотрены штрафы за утечку данных или ненадлежащее обеспечение их защиты.

Стоит заметить, что цифровизация корпоративного управления должна учитывать ранее внедренные меры, такие как ограничение на выплату дивидендов «потерянным» акционерам и закрепление закрытого перечня полномочий, не подлежащих передаче в общество с ограниченной ответственностью, что регулируется положениями Федерального закон от 08 февраля 1998 № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" и Федерального закона от 26 декабря 1995 № 208-ФЗ – «Об акционерных обществах» [7]. Эти законы формируют основу корпоративного права в Российской Федерации и дополняются новыми цифровыми нормами, создавая комплексную модель взаимодействия.

Таким образом, правовое регулирование цифровизации корпоративного управления должно не только закреплять цифровые механизмы, но и, что немаловажно, обеспечивать устойчивые гарантии защиты прав участников и формировать условия для безопасного использования технологий [8]. Это особенно важно в контексте возможных сбоев систем, утраты данных и различий в цифровой грамотности участников корпораций.

Для полноты иллюстрации применения законодательства, в условиях цифровизации корпоративных отношений, предлагаем рассмотреть примеры из судебной практики.

В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 14 августа 2023 №Ф05-18525/2023 по делу №А41-63745/2022, где истец, акционер общества, не согласился с решением годового общего собрания акционеров, которое было проведено обществом, и установлен факт нарушения правил подготовки и проведения собрания. В данном случае Суд установил, что отсутствие видеотрансляции собрания нарушило права одного из участников, и применил Положения ГК РФ для защиты его интересов, признав решение собрания недействительным.

Решение Арбитражного суда города Москвы от 20 октября 2022 по делу №А40-139096/22, где страховщик обратился в суд с заявлением к Управлению Роскомнадзора по Центральному федеральному округу, заключается в признании незаконными действий по признанию неправомерной обработки персональных данных и понуждению к прекращению такой обработки. В этом случае Суд удовлетворил заявленные требования, сославшись на ФЗ № 152 и обязал компанию выплатить компенсацию за нарушение конфиденциальности.

На сайте Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2023 №24 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами административных дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» представлено постановление об обжалование решения о признании голосования несостоявшимся из-за отсутствия УКЭП у ряда участников корпоративного собрания. В данном контексте Суд разъяснил, что до 2027 года допустимы альтернативные способы идентификации, ссылаясь на положения ФЗ № 287, и отменил решение нижестоящего суда.

В определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции №88–1466/2025 рассказывается о деле, в котором один из собственников оспорил решения электронного голосования про парковку и составленный администратором отдельный протокол, в котором из-за технического сбоя во время дистанционного собрания часть голосов не была учтена. В данном случае Суд применил Положения ГК РФ и указал на необходимость разработки внутренних регламентов для минимизации подобных рисков.

Рассмотренное Апелляционной коллегией Верховного Суда Российской Федерации в 2012 году, где заявители оспаривали, что постановление Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2011 года № 977 «О федеральной государственной информационной системе ЕСИА» противоречит положениям ФЗ № 152 и нарушает свободу совести и вероисповедания граждан. Однако суд отказал в удовлетворении заявления и указал, что система создана не для сбора персональных данных граждан, а для регистрации сведений, которые граждане предоставляют с согласия для обработки при предоставлении государ-

ственных и муниципальных услуг. Стоит отметить, что в 2024 году комитетом Государственной Думы Российской Федерации по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям подготовлен проект, в котором предлагается использование персональных данных из ЕСИА для идентификации участников онлайн-собраний. В итоге Суд подтвердил, что использование системы соответствует ФЗ № 149, и признал голосование действительным.

Важно отметить, что эти примеры не только демонстрируют, как суды интерпретируют новые цифровые нормы в корпоративном праве, но и подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования законодательства для учета технологических рисков.

Проведенное исследование показало, что цифровизация корпоративного управления в Российской Федерации находится на этапе активной правовой институционализации, что свидетельствует о стремлении государства адаптировать законодательство к реалиям цифровой эпохи.

Анализ судебной практики и обновленные нормы, закрепленные в законодательных актах, таких как ФЗ № 149 и ФЗ № 152, создают правовую основу для внедрения дистанционных собраний, использования УКЭП и ЕСИА, а также хранения цифровых записей. Эти меры, несомненно, способствуют формированию цифрового корпоративного права, обеспечивая новые возможности для взаимодействия участников корпораций [9].

В ходе анализа выявлено что, процесс цифровизации сопряжен с рядом вызовов и рисков, которые требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования. Судебная практика, рассмотренная в работе демонстрирует, что суды активно интерпретируют цифровые нормы, но при этом сталкиваются с проблемами, связанными с техническими сбоями, нарушениями конфиденциальности персональных данных и отсутствием единообразия в применении альтернативных способов идентификации до 2027 года. Эти примеры подчеркивают, что текущие нормы, несмотря на их прогрессивность, пока не в полной мере учитывают технологические риски и различия в цифровой грамотности участников корпоративных отношений.

Для дальнейшего развития правового регулирования в сфере цифровизации корпоративного управления необходимо:

- устранение выявленных пробелов в законодательстве, таких как недостаточная детализация ответственности за технические сбои и защиту данных в условиях дистанционного взаимодействия;

- усиление гарантий защиты прав участников корпораций, что особенно актуально в контексте возможной утраты данных или системных ошибок;

- учет социальных аспектов цифровизации, включая необходимость повышения цифровой грамотности и доступности технологий для всех категорий участников.

Таким образом, основой для дальнейшего развития цифровой экономики в Российской Федерации, является интегрированный подход, позволяющий обеспечить баланс между технологическими инновациями и защитой корпоративных прав.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеенко, А.П. Правовой статус оператора платформы электронной коммерции в КНР / А. П. Алексеенко // Правоведение. – 2024. – Т. 68, № 2. – С. 284-302.

2. Гордополов, Ю. В. Управление цепями поставок в условиях ESG / Ю. В. Гордополов, С.А. Демурия, К.В. Андреев // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2024. – № 6. – С. 214-224.

3. Гордополов, Ю.В. Экономические предпосылки ликвидации корпораций / Ю. В. Гордополов, К. В. Андреев, А. С. Туманова // Финансовая жизнь. – 2025. – № 1. – С. 66-70.

4. Дерюгина, Т. В. Проблемы определения правовой природы цифровой валюты / Т. В. Дерюгина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 64. – С. 274-288.

5. Зайцев, О. В. Цифровое право в системе российского права / О. В. Зайцев // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 9 (214). – С. 116-126.

6. Использование возможностей искусственного интеллекта в науке – 2024 : монография / под ред. Е. В. Малинович, Коллектив авторов. – Москва : Русайнс, 2025. – 246 с.

7. Линников, А.С. Цифровой правовой контроль как новая цивилистическая категория / А. С. Линников // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 64. – С. 289-310.

8. Полякова, Т.А. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации / Т.А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов // Государство и право. – 2024. – № 1. – С. 81-91.

9. Сергеева, О.В. Защита слабой стороны в условиях цифровизации договорных отношений / О. В. Сергеева // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 6. – С. 37-52.

10. Терещенко, Л. К. Цифровые платформы: подходы к регулированию / Л. К. Терещенко // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 9. – С. 163-175.

Бочкова И.В., аспирант
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Юридический институт, г. Ставрополь

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ ДОЛЮ В НАСЛЕДСТВЕ

Аннотация

Вопрос реализации права на обязательную долю является актуальным, так как затрагивает права социально-незащищенных категорий лиц. Важно отметить, что это право, а не обязанность необходимого (обязательного наследника). Поэтому такой наследник может право реализовать. Обращаем внимание на то, что если в состав наследства входит исключительное право на товарный знак, то надо рассчитывать обязательную долю, беря в расчет.

Ключевые слова: наследование; обязательная доля; наследник; наследодатель; товарный знак.

Начнем с того, что права при наследовании переходят в рамках универсального правопреемства. Отметим, что Покровский И. А. писал, что: «прежде всего нужно сказать, что самое понятие наследования, как некоторого универсального посмертного преемства во всем имуществе покойного, возникает в истории человеческих обществ далеко не сразу» [1]. Видим, что эта идея сохранилась и по сей день. На современном этапе законом предусмотрены такие основания наследования, как закон, завещание и наследственный договор. Последнее основание действует с 1 июня 2019 года. Бесспорно, что если имеется завещание, то оно имеет приоритет по сравнению с наследованием по закону. Наследодатель в завещании выражает свое волеизъявление. В этом документе определяются: субъекты наследования; имущество, подлежащее переходу; распределение имущества между наследниками. Если имеется завещание, то наследование по закону происходит в отношении не завещанного имущества. В этом и выражается принцип свободы завещания. В целях защиты прав и законных интересов социально-незащищенных категорий лиц, законодательством гарантировано право на обязательную долю (гарантированный минимум). Примечательно, что в наследственном праве сочетаются принципы: 1. свободы завещания; 2. охраны прав обязательных наследников (также используется понятие – необходимых наследников).

Вопрос реализации права на обязательную долю является актуальным, так как затрагивает права социально-незащищенных категорий лиц. Итак, обязательная доля в наследстве – это один из институтов. Его возникновение напрямую связано с нравственными началами

в отношениях между наследодателем и его близкими (необходимыми наследниками). Последними могут быть, в частности его несовершеннолетние дети. Таким образом, государство защищает интересы таких наследников. Отметим, что обязательная доля (необходимая доля) представляет собой часть имущества, которая переходит по наследству, к конкретным наследникам. Обращаем внимание на то, что порядок ее присуждения не зависит от содержания завещания. При этом соответствующие правила применяются к завещаниям, которые были составлены после 1 марта 2002 года и так далее. По нашему мнению, данный институт не противоречит реализации принципа свободы завещания, так как только предусматривает «гарантированный минимум» для необходимых наследников. Для сравнения отметим, что статья 535 Гражданского кодекса РСФСР, датированного от 11 июня 1964, предусматривала, что такой размер равен: «не менее двух третей доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля)» [2]. Речь в этом случае шла про такой круг наследников, как несовершеннолетние (нетрудоспособные) дети наследодателя, а также усыновленные, супруг (нетрудоспособный) и т.д. При этом в любом случае при расчете такой доли исходили из стоимости имущества, включающего предметы домашнего обихода. Современное гражданское законодательство определяет размер иначе. Сегодня он составляет в соответствии с п. 1 статьи 1149 ГК РФ – «не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону» [3].

Действительно, что переход к рыночным отношениям поспособствовал преобразованиям в данной области. Поэтому и размер был изменен. Понятно, что общий подход был сохранен в определенной части. Повлияло много факторов, включая развитие новых технологий и цифровизация.

Помимо этого, советский и российский ученый А. Л. Маковский по этому вопросу указывал, что «вполне объяснимо, ибо сейчас у значительной части населения (включая и тех, кто не имеет никаких денежных накоплений) появилось дорогостоящее имущество (приватизированные квартиры, земельные участки и т.д.)» [4, С. 17].

Также подчеркнем, что разработчики части 3 Гражданского кодекса оправдывали размер обязательной доли тем, что это менее противоречит волеизъявлению самого завещателя. В связи с этим отметим такую закономерность, что круг лиц, который имел право на обязательную долю, не был статичен, так как менялся со временем. То же самое касалось и размера этой доли.

Ранее мы сравнили размер доли в Гражданском кодексе (часть 3) и Гражданском кодексе РСФСР от 1964 г. Однако важно отметить, ко-

гда начал заграждаться данный институт. Истоки берут начало в древнем римском праве. В этой связи отметим, что оно значительно повлияло на развитие российской правовой системы в целом. В Древнем Риме данный институт был необходим для того, чтобы ограничить абсолютную и безграничную свободу завещателя. Требовалось это для близких лиц наследодателя.

С точки зрения М. Бартошек, «еще в Древнем Риме наследодатель обязан был оставить определенным лицам известную часть наследства, если у него не было уважительных причин, чтобы поступить иначе. Такая часть получила название «обязательной доли» – pars legitima» [5, С. 69].

Примечательно, что правила, касающееся обязательной доли, действуют во многих государствах. При этом речь также идет про аналоги. Отметим, что в целом за рубежом выделяется два способа определения такой доли: 1) судебный порядок, предусматривающий определения данной доли в суде; 2) внесудебный, заключающийся в том, что размер определяется законом. При этом это может быть, например, определенная доля в наследстве или точная выплата.

Что касаемо России, то отметим, например, что в судебном порядке может быть отказано присуждении данной доли. Это касается недостойных наследников (п. 4 ст.1117 ГК РФ). Также она может быть уменьшена и т.д.

Важно отметить, что это право, а не обязанность необходимого (обязательного наследника). Поэтому такой наследник может право реализовать. Это только зависит от его волеизъявления. Если он откажется от ее принятия, то ситуация может развиваться следующим образом. Во-первых, все имущество может быть распределено по завещанию между указанными наследниками. Во-вторых, если есть другие наследники необходимые, то имущество будет распределено с учетом эти наследников и наследников по завещанию. Отметим, что расчет обязательной доли вызывает определенные затруднения у нотариусов, поэтому данная тема как никак актуальна на сегодняшний день.

Теперь выделим круг лиц, имеющих права на такую долю, на современном этапе. В соответствии с Гражданским кодексом, а именно со ст. 1149, это: 1. несовершеннолетние (нетрудоспособные) дети; 2. нетрудоспособный супруг; 3. нетрудоспособные родители и т.д.

Теперь важно установить, что подтверждает нетрудоспособность супруга или родителя. Отметим, что это определяется наличием инвалидности или достижением пенсионного возврата. В этой связи отметим, что пенсионный возраст был повышен, но это не затронуло обязательной доли. Был принят ФЗ № 495-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского

кодекса Российской Федерации» [6], датированный от 25 декабря 2018 года. В соответствии с п. 1 указанного документа, правила п. 1 статьи 1149 ГК в частности применяется к женщинам в возврате 55 лет. А также к мужчинам в возрасте 60 лет.

На практике иногда возникают ситуации, когда обязательная доля присуждается не нуждающимся в этом гражданам. Иными словами, то есть лицам, которым не требуется особая социальная защита. Это, например, могут быть лица, получающие высокий годовой доход и занимающиеся предпринимательской деятельностью активно. При этом они достигли возраста (55 или 60 лет) в зависимости от пола. Поэтому указанный возраст – это формальный критерий, на наш взгляд.

Также выделим некоторые особенности, связанные с реализацией данного права. Во-первых, как мы отметили ранее, эту долю можно принять. Для этого нужно подать заявление нотариусу после открытия наследства. Во-вторых, невозможно отказаться от такой доли в пользу конкретного наследника. С нашей точки зрения, обязательную долю в наследстве следует рассматривать, как гарантию со стороны государства на получение «гарантированного минимума» от наследодателя в силу родственных связей и т.д. по причине нуждаемости.

Зачастую при определении обязательной доли допускаются ошибки. На наш взгляд, во многих случаях это касается состава наследства в части обязательной доли.

Обращаем внимание на то, что если в состав наследства входит исключительное право на товарный знак, то надо рассчитывать обязательную долю, беря в расчет. Отметим, что в соответствии с п. 1 статьи 1477 ГК РФ: «На товарный знак, то есть на обозначение, служащее для индивидуализации товаров, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак» [7]. Эти же положения применяются и к знакам обслуживания. Они служат для индивидуализации выполняемых работ и оказываемых услуг.

При этом товарный знак может быть: графический, звуковой, световой, словесный, объемный и т.д. Он может быть представлен в любом цвете, также может иметь любые цветовые сочетания. На конкретный товарный знак выдается свидетельство. При этом выделяются такие виды, как индивидуальный товарный знак, коллективный знак и общеизвестный.

Поэтому во внимание должны приниматься следующие моменты при расчете обязательной (необходимой доли). Во-первых, 1. Определяется с учетом всего наследства, в том числе учитываются исключительные права. Товарный знак подлежит оценке; 2. Необходимо определение всех возможных наследников.

Таким образом, институт обязательной доли является необходимым институтом. Он направлен на реализацию прав необходимых (обязательных наследников). Ими, например, могут быть 1. несовершеннолетние (нетрудоспособные) дети; 2. нетрудоспособный супруг; 3. нетрудоспособные родители и т.д. Обращаем внимание на то, что если в состав наследства входит исключительное право на товарный знак, то надо рассчитывать обязательную долю, беря в расчет.

Список цитируемой литературы:

1. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Москва : Статут, 2020. – 351 с.

2. Гражданский кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. (в ред. 26 ноября 2001 г.) (утратил силу) [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 24.04.2025)

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: федер. закон Рос. Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

4. Маковский, А. Наследование по закону: реальность и перспектива / А. Маковский / // Закон. – 2001. – № 4. – С. 16-20.

5. Спиридонов, А. А. Становление и развитие положений об обязательной доле в наследстве в советский период: историко-правовой аспект / А. А. Спиридонов // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 3. № 5. – С. 69-72.

6. О внесении изменения в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2018 г. № 495-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 53, ч. 1. – Ст. 8421.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от. 22 июля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1. – Ст. 5496.

Быковский Т.Н., адъюнкт
ФГКОУ ВО «Краснодарский университета МВД России»,
лейтенант полиции,
г. Краснодар

АДАПТАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА К НОВЫМ ВИДАМ ОРУЖИЯ

Аннотация

В статье рассматривается возрастающая потребность уголовно-правового регулирования новых видов оружия, что обуславливается их потенциальными возможностями и повышенной степенью общественной опасности. Анализируются существенные проблемы правового регулирования и предлагаются конкретные изменения уголовного законодательства в этой области. Обосновывается необходимость введения категориального аппарата новых видов оружия. Предложенные в статье меры направлены на расширение правового поля и формировании мер противодействия новым видам оружия.

Ключевые слова: оружие, новые виды, уголовное право, регулирование, противодействие, ответственность, правовые пробелы, контроль, терроризм, преступление.

На протяжении всей истории человечества происходило развитие вооружений: начиная от примитивных каменных орудий, и, заканчивая высокотехнологичными системами. Оружие всегда выступало в качестве фактора, определяющего баланс в распределении сил и формировании международных отношений. Развитие микроэлектроники и систем наведения привело к созданию высокоточного оружия, которое может поражать цели с минимальным ущербом для окружающей среды. Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и другие беспилотные системы стали распространенным «боевым техническим устройством» в вооруженных силах многих стран, которые используются для разведки, наблюдения, и нанесения ударов по противнику. Автономные системы вооружений (АСВ) позволяют сегодня выбирать и поражать цели без участия человека. Лазерное и электромагнитное оружие, кибернетическое и инфразвуковое также представляют особую опасность в отсутствии должного правового регулирования.

Новые научные открытия и инновационные технологии совместно с имеющейся конкуренцией между государствами и их стремление к обеспечению национальной безопасности стимулируют разработку новых видов вооружений. Вместе с этим, оборонная промышленность является крупным и прибыльным сектором экономики, создающей

стимулы для разработки и производства новых видов вооружений. Эти факторы являются единственными возможно положительными в тенденциях, связанных с развитием оружия. Однако выход подобных единиц вооружения из легального поля, создает существенные угрозы для общественной безопасности.

Законодатель в Федеральном законе №150-ФЗ «Об оружии» в п.1 ч.1 определил, что под оружием следует понимать устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов. Вместе с этим, в п. 14 ст. 6 этого же закона установлен четкий запрет оборота на территории Российской Федерации оружия и иных предметов, поражающее действие которых основано на использовании электромагнитного, светового, теплового, инфразвукового или ультразвукового излучения, имеющие выходные параметры, превышающие величины, установленные в соответствии с законодательством Российской Федерации о техническом регулировании [4].

Развитие оружейных технологий акцентирует внимание на потребности уголовной политики пересмотреть определения и практику применения мер незаконного оборота оружия, установив новую категорию – оружие, основанное на излучении. Однако в научной литературе можно встретить иное определение – оружие, основанное на новых физических принципах. Так например, Э.Э. Асабилиева дает понятие оружия, основанного на новых физических принципах, под которым следует рассматривать оружие, основанное на качественно новых или ранее не использовавшихся физических, биологических и других принципах действия и технических решениях, базирующихся на достижениях в новых областях знаний и на новых технологиях, а также имеющее принцип нелетального действия. [1] На наш взгляд, понятие, представленное нами, является более узким и емким для уголовно-правового поля. Общим для электромагнитного, светового, теплового, инфразвукового или ультразвукового оружия является наличие того или иного излучения.

Л.А. Андреева справедливо отмечает, что правоотношения, возникающие при обороте гражданского, служебного, а также боевого оружия, обозначены Федеральном законом РФ «Об оружии». При отсутствии нормы, указывающей на факт отнесения предмета к числу запрещенных к обороту, вся работа участников процесса собирания, оценки и использования доказательств будет напрасна [2; С. 143]. Исходя из вышеуказанных обстоятельств, возникает определенного рода коллизия: законодатель запрещает к обороту оружие, основанное на излучении, однако не дает четкого понимания последнего, несмотря на его наличие и применение в зоне вооруженных столкновений.

На наш взгляд, целесообразным будет внесение дополнений в ст. 1 ФЗ «Об оружии» в части касающейся применение следующих основных понятий:

- Электромагнитное оружие – оружие, в котором начальная скорость снаряда основывается на использовании магнитного поля, либо электромагнитного излучения, предназначенного для поражения цели;

- Световое (лазерное) оружие – вид вооружения, основанный на использовании излучения высокоэнергетических лазеров и предназначенное для поражения военной силы противника;

- Тепловое оружие – оружие, базирующееся на использовании зажигательных веществ, которые при контакте с целью вызывают возгорание и термическое поражение объектов;

- Инфразвуковое оружие – оружие, основанное на мощных направленных инфразвуковых колебаниях частотой менее 16 Гц;

- Ультразвуковое оружие – это разновидность акустического оружия, использующего звуковые волны частотой выше 20 кГц, которые находятся за пределами слышимого диапазона человеческого уха.

Внесение указанных юридических категорий позволит существенно облегчить проблему идентификации и отождествления оружия в качестве предмета преступления.

Незаконный оборот оружия, в части касающейся оружия, базирующегося на излучении, на сегодняшний день представлен образцами как российского, так и иностранного производства. Процесс «внедрения» в оборот новых видов вооружения включает в себя не только «простые» единицы вооружения, например, огнеметы, но и конструктивно сложные, такие как высокоточные крылатые ракеты различного базирования или огневые фугасы.

Парадоксальным является тот факт, что изучаемая нами категория является объектом, сходным с огнестрельным оружием, однако фактически представляет другую группу вооружения. Отсюда следует, что незаконный оборот оружия, основанного на излучении, несет в себе признаки преступлений предусмотренных не только ст. 222, 222^1, но и ст. 223, 223^1

Рассматривая расширение границ определения незаконного оборота оружия, основанного на излучении, следует учитывать следующее:

1) Оружие, основанное на излучении, имеет право на самостоятельную уголовно-правовую охрану, так как предназначено для поражения цели на расстоянии;

2) Каждый из видов вооружения, основанный на излучении может иметь свои технические отличия и могут применяться в комплексе;

3) Общественная опасность действий с оружием, основанным на излучении, определяется не только формальным составом преступления, но и реальной угрозой для общественной безопасности.

Криминализация того или иного общественно-опасного деяния базируется на степени общественной опасности. В незаконный оборот оружия могут быть вовлечены как «обособленные» личности, так и криминальные, террористические и экстремистские группировки. Оружие, основанное на излучении, является достаточно затратным в своем производстве. Его наличие в обороте возможно двумя способами: незаконный вывоз из зоны боевых действий или приобретение нелегальным путем крупными международными террористическими или преступными организациями. Исходя из этого, в уголовном законодательстве может сложиться противоречивая точка зрения относительно определения относимости данного вида оружия к объекту уголовно-правовой охраны.

С одной стороны, в ст. 355 УК РФ законодатель устанавливает ответственность за разработку, производство, накопление, приобретение или сбыт химического, биологического, токсинного, а также другого вида оружия массового поражения. Формулировка «другого вида» является неоднозначным, так как оружие, основанное на излучении, может быть предназначено для скопления большого количества живой силы.

С другой стороны, оружие, основанное на излучении, способное существовать в руках «рядового» гражданина, имеет право на закрепление в Главе 24 УК РФ, обеспечивающую охрану общественных отношений, возникающих по поводу совершения актов незаконного оборота и применения оружия. Следовательно, различны объекты рассматриваемых преступлений.

Вместе с этим, оружие, основанное на излучении может применяться узконаправленно – направляется в цель, в конкретного человека, а именно в конкретный орган и область организма пострадавшего. Например, члены преступного сообщества (преступной организации) направляют оружие в область внутренних органов жертвы, в область его головы, рук или ног поочередно, ежедневно меняя режим интенсивности и область применения [3].

Безнаказанность преступлений, связанных с оружием, основанном на излучении, существенно повышает опасность совершаемых противоправных деяний преступными сообществами и террористическими организациями. В качестве мер, направленных на борьбу с данным видом преступности, рассматривается принятие ключевого элемента противодействия – уголовно-правовой нормы. Вместе с этим необходимо закрепить в Уголовном кодексе РФ формулировку «оружие, основанное на излучении», включающего все виды оружия, рассмотренного нами.

Таким образом, на сегодняшний день диктатура научно-технического прогресса наряду с геополитической ситуацией в мире,

формирует в правовом поле потребность в действенном правоприменительном аппарате в борьбе с оружием, основанном на излучении.

Список цитируемой литературы:

1. Абасалиева, Э.Э. Научно-исследовательские проблемы в области правоприменительной практики в сфере незаконного оборота оружия, основанного на новых физических принципах / Э.Э Абасалиева // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 259-262.

2. Андреева, Л.А. К вопросу о современном состоянии уголовного законодательства по использованию дистанционных аппаратов / Л.А. Андреева // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества. Сборник статей по материал II Всероссийской научно-практической конференции (12 апреля 2024г., г. Владивосток)/ отв. ред. Е. Ю. Антонова. Антонова. – Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2024. – С.142. – 146.

3. Невмовенко, А.А., Чирков, Е.Н. Проблемы использования в органах внутренних дел оружия, основанного на новых физических принципах/ А.А. Невмовенко, Е.Н. Чирков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2016. – № 1 (27). – С. 67-70.

4. Об оружии: федер. закон Рос. Федерации от 13 декабря1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. –1996. – № 51. – Ст. 5681.

Воронцов М.И., аспирант
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы», г. Москва

ПОНЯТИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ

Аннотация

В статье рассматривается понятие компьютерной игры в гражданском законодательстве Российской Федерации. Автор рассматривает историю правового регулирования игр в России и приходит к выводу, что на современном этапе в гражданском законодательстве отсутствует понятие электронных игр, что является по мнению автора анахронизмом. В статье рассматриваются перспективы развития видеоигр. Автор приходит к выводу, что государство видит проблему и находится на пути ее разрешения.

Ключевые слова: электронная игра, результат интеллектуальной собственности, разработчик, программа для ЭВМ, видеоигра.

Игры являются неотъемлемой частью жизни человека. Неслучайно настольная игра «Го» имеет возраст более 5000 лет. Вместе с развитием общества и человека игры также развивались и приобретали все более новые и сложные формы.

С развитием игр некоторые из них вызывали зависимость и развивали вредные привычки у людей, что со временем привело к их регулированию на законодательном уровне.

В Российской Империи первое регулирование игр, началось с азартных игр. Так в Уставе Благочиния или Полицейского 1782 года, Екатерина II впервые вводила понятие азартной игры как игры, которая основывается на «дозволенном искусстве и случае».

Позже в 1863 году упоминание о регулировании игр указывается в книге Известного дореволюционного правоведа Габриэля Феликсовича Шершеневича «Если законом запрещается продажа игранных карт, то каждая колода карт должна считаться с точки зрения оборота вещью потребляемою, так как после вскрытия ее она выходит из оборота. Поэтому поданные в клубе карты продаются игрокам, а не отдаются внаем, как это совершенно ошибочно предполагается».

На современном этапе у нас есть отдельный закон о регулировании и проведении азартных игр, но сами игры с 1782 года развились еще дальше. Например, обычные настольные игры представляют из себя уже сложный объект, который объединяет в себе дизайн (коробка настольной игры, игровые карточки), литературное произведение (правила игры), товарные знаки («Мафия. Вся семья в сборе» номер заявки в Роспатенте 1089447), персонажей (Манчкин) и другие элементы. При этом каждый элемент может защищаться как по отдельности, так и в целом. Если сравнивать современные настольные игры и игры 1782 года разница будет существенной.

Но помимо настольных игр общество смогло развить электронные игры, то есть исходный код, который воспроизводит аудиовизуальные серии связанных между собой изображений на экране монитора компьютера.

В современном гражданском законодательстве нет понятия электронной игры, что является явным упущением и анахронизмом, поскольку электронные игры в современной экономике занимают лидирующее место. По оценкам аналитической компании «Newzoo» рынок электронных игр достигает 211,2 миллиарда долларов, что превышает в совокупности музыкальный рынок и рынок кино.

Электронные игры помимо экономической составляющей также развивают и духовные ценности человека, но не всегда в положительном аспекте, например, они могут навязывать ту или иную идеологию.

В связи с этим каждый день по поводу электронных игр возникают тысячи, если не сотни тысяч различных правоотношений начиная от покупки игры до продажи внутриигровых предметов на «серых» рынках. На данным момент, мы регулируем только малую часть правоотношений и чаще всего отказываем в защите.

Судьи активно ссылаются на статью 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации, в которой указано, что споры, связанные с организацией или участием в азартной игре, не подлежат судебной защите. Возможно, судьи применяют статью из-за сложившейся практики, когда в 2010 году мировой судья судебного участка № 39 Кологривского района Костромской области в деле Шевченко Е.И. против ООО «Иннова Системс» от безысходности выбрал сторону разработчиков, предвидя, повсеместное злоупотребление правами потребителей. Но использование этой нормы не является верным. Судьи не должны применять нормы об азартных играх ввиду отсутствия понятия электронной игры, ведь не каждая игра является азартной и не каждые правоотношения зависят от риска потерять имущество. Тем более, что сейчас разработчики игр, это далеко не слабая сторона, а технологии проведения судебных заседаний продвинулись и допускают дистанционное участие в процессах.

Чтобы разделить азартные игры и электронные игры, нужно дать видеоигре понятие в законодательстве и указать, что к ней не применимы положения статьи 1062 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Сейчас в рамках Проекта Федерального закона «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» № 795581-8 готовится введение понятия «видеоигры», как программы для электронных вычислительных машин, созданной в художественной, учебной, анимационной или иной форме на основе творческого замысла, воспроизводящая изображения, звуки, объединенные сюжетом, определяемым в том числе действиями пользователя.

Важным в этом определении является то, что игра признается как программа для ЭВМ и в понятии не присутствует указание на то, что видеоигра основывается на риске. В случае принятия законодателем указанного понятия есть высокий шанс того, что правоприменительная практика изменится в сторону защиты потребителей видеоигр.

Также поскольку законодатель прямо не разделяет видеоигру и азартную игру в исключительных случаях, когда в видеоигре будут присутствовать элементы азартной игры, то есть шанс потери имущества, вся игра основана на риске, есть какой-то выигрыш. Например, когда игра полностью копирует игру в покер с онлайн кошельком, в

таком случае применимы нормы об азартных играх и судебной защите споры, связанные с ней не будут подлежать.

В другом примере если перед нами будет также карточная игра, но без онлайн кошелька, то есть без возможности потери имущества, то в таком случае правоприменительная практика сможет применить нормы о защите прав потребителей и в случае спора по предоставлению услуг, например, при блокировании аккаунта незаконно, рассмотреть по существу спор.

Подводя итог можно сказать, что государство заметило анахронизм и готовит законопроект который может в перспективе помочь потребителям отстаивать свои права в видеоиграх. Если законопроект будет принят, то государство если не поможет восстановить баланс интересов разработчиков, то даст возможность судам в исключительных случаях менять практику и идти навстречу потребителям.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от. 22 июля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52, ч. 1. – Ст. 5496.

2. Рожкова, М.А. Видеоигры, гейминг, киберспорт: правовые вопросы / М.А. Рожкова, Р.Л. Лукьянова. – Москва: Развитие правовых систем, 2023. – 240 с.

3. Устав Благочиния или Полицейского 1782 года// Законодательство императора Петра III: 1761-1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762-1782 годы : сборник документов / сост. авт. предисл. и вст. статей В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало-М, 2017. – 368 с.

4. Шершеневич, Г.Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Г.Ф. Шершеневич; Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – Москва: Статут, 2017. – 832 с.

Гребенщикова К.А., инспектор КСО за РОВД,
ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу,
майор юстиции
магистрант
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева», г. Москва
Пономарева Н.С., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева», г. Москва

СПОСОБЫ ИЗЪЯТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ С ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация

В статье рассматривается понятия такие как информация, электронные носители информации, криминалистически значимая информация. Рассматривается вопрос корректного изъятия информации и применения исчерпывающих мер к ее сохранению.

Ключевые слова: электронные носители информации, интернет, криминалистически значимая информация, специалист.

За прошедшие два десятилетия сектор информационно-коммуникационных технологий продемонстрировал колоссальный прогресс. С развитием информационно-коммуникационной сети, увеличивается количество преступных деяний в сфере высоких информационных технологий. В связи с чем с каждым годом растет актуальность поиска криминалистически значимой информации – цифровой информации, оставленной преступниками в Интернете.

Для начала рассмотрим определение «информация», которое закреплено в ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а именно информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления [3]. В связи с развитием информационных технологий, растет и актуальность понятия «цифровая информация», которая требует разработки ее обнаружения, фиксации и использования в качестве доказательств в рамках уголовного дела.

Что же такое цифровая информация– это информация, представленная в форме электрических сигналов или информация, содержащаяся на электронных носителях информации. Электронный же носитель информации представляет собой материальный носитель, используемый для записи, хранения и воспроизведения информации, обрабатываемой с помощью средств вычислительной техники [1].

Обнаружение, изъятие и фиксация информации, хранящейся на электронном носители, является одним из основных доказательств по уголовным делам, совершенных как в сфере IT технологий, так и с использованием IT технологий.

Из ст. 81 УПК РФ следует, что электронные носители информации могут признаваться вещественными доказательствами по уголовному делу. Далее уже ст. 82 УПК РФ регламентирует условия хранения электронных носителей в уголовном деле, а именно хранить в опечатанном виде в условиях, исключающих доступ к содержимому третьих лиц, обеспечения сохранности информации. Процедура изъятия информации с электронных носителей содержится в ст. 164.1 УПК РФ, а именно изъятие электронных носителей информации осуществляется только с участием специалиста в присутствии понятых, копирование информации на иные носители информации осуществляется по ходатайству законного представителя, если такое копирование не повлечет утрату информации [2].

Для эффективного поиска и обнаружения криминалистически значимой информации на электронных носителях информации в ходе осмотра места происшествия, обыска, необходимо тщательно подготовиться к следственному действию, для начала выбрать специалиста, обладающего специальными познаниями в области программного обеспечения, различных операционных систем, таких как Windows, Linux, MacOs и др. Установить точное место расположение электронных носителей с компьютерной информацией, при этом учитывать возможности конспирации точки WiFi роутера, изучить распорядок дня подозреваемого, чтоб застать включенные электронные носители информации, и предотвратить блокирование информации. Также с целью сохранения криминалистически значимой информации на электронных носителях информации необходимо использовать факт неожиданности, ограничить все входы и выходы из здания подозреваемого, обвиняемого.

Основная роль специалиста сохранить информацию в неизменном виде.

Далее на месте обыска или осмотра места происшествия для максимального изъятия криминалистически значимой информации с электронных носителей информации необходимо пресечь доступ к электронным носителям информации всех участвующих лиц, исключить возможность отсоединения блоков питания от электронных носителей информации, предотвратить любые разговоры подозреваемого, обвиняемого, для исключения удаленного удаления информации с электронных носителей информации с помощью голосовых помощников Яндекс Алиса, VK Маруся и др. Также необходимо предпринять меры к недопустимости блокировки, включенных компьютеров, произвести фото-

графирование монитора компьютера. С использованием блокиратора, сделать слепок содержания оперативной памяти, произвести копирование информации с защищенных контейнеров для хранения и передачи цифровой информации, изъять информацию с облачных хранилищ, если же электронный носитель информации выключен, специалисту необходимо сначала создать копию жестких дисков SSD и HDD, а уже после начинать осмотр носителя информации. Осмотр содержания любых файлов необходимо производить в режиме «только чтение».

Подведя итоги, можно определить наиболее важные этапы работы следователя и специалиста с целью обнаружения и изъятия криминалистически значимых источников компьютерной информации на электронных носителях:

1. Лицо, осуществляющее следственное действие, должно:

- иметь полное представление о месте его проведения и о расположении электронных носителей информации в данной локации;

- провести перед началом следственного действия предварительный инструктаж для всех участников.

2. Приглашенный специалист:

- обязан обладать специальными знаниями, необходимыми для полноценных изъятий информации и предотвращения ее уничтожения;

- обеспечить неизменность компьютерной информации на протяжении всего процесса изъятия.

3. Действия, осуществляемые специалистом, должны быть зафиксированы в протоколе следственного действия.

Список цитируемой литературы:

1. Межгосударственный стандарт ГОСТ 2.051-2013 «Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения»: приказ Росстандарта от 22 ноября 2013 г. № 1628-ст. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «Гарант». – URL: https://internet.garant.ru/ (дата обращения: 04.05.2025).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 4921.

3.Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 1 апреля 2025 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ч. 1. – Ст. 3448.

Горбунова Я.П., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова»,
Воронежский филиал, г. Воронеж
Ратникова Н.Д., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Государственный университет морского и речного флота
имени адмирала С.О. Макарова»,
Воронежский филиал, г. Воронеж

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ И ДЕЕСПОСОБНОСТИ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация

В статье анализируется процессуальная правоспособность участников гражданского процесса, которые вступают в гражданско-процессуальные отношения. Раскрывается значение гражданско-процессуальной дееспособности при вступлении в гражданско-процессуальные отношения.

Ключевые слова: гражданский процесс; процессуальная правоспособность; дееспособность; участники гражданского процесса

Для вступления в гражданско-процессуальные правоотношения стороны должны обладать гражданской процессуальной право- и дееспособностью. В цивилистике относительно указанных понятий ведутся многочисленные дискуссии. По мнению Т.И. Ефстифеева необходимость использования правоспособности на практике вызывает сомнения, поскольку это искусственная теоретическая конструкция [1, С. 23].

Позиция других исследователей прямо противоположная, они полагают, что все участники гражданско-процессуальных отношений должны обладать гражданской процессуальной правоспособностью [2, С. 161]. До настоящего времени не выработана единая позиция в теории гражданского процесса относительно понятия и роли «гражданской процессуальной правоспособности» и «гражданской процессуальной дееспособности».

В интерпретации законодателя редакции ст. ст. 36 и 37 ГПК позволяют сделать вывод о необходимости установления гражданско-процессуальной право- и дееспособности не только на истца и ответчика, но и на третьих лиц.

Однако, в действующем гражданско-процессуальном законе нормы о процессуальной право- и дееспособности находятся в главе, посвященной лицам, участвующим в гражданском судопроизводстве. Кроме того, гражданской процессуальной правоспособностью облада-

ют лица, имеющие право на обращение в суд за защитой своих прав. В отличие от ранее действующего ГПК РСФСР, который очень широко и неопределенно сформулировал наделение граждан и юридических лиц данными признакам, в современном законодательстве более конкретизировано наделение лиц право- и дееспособностью. Существовавшее ранее трактовка указанных понятий давала основание для отдельных ученых-процессуалистов сделать вывод об обладании всеми субъектами гражданско-процессуальных отношений гражданской процессуальной правоспособностью.

Обратившись к ст. 49 ГПК РФ, мы видим, что там закрепляется гражданско-процессуальная дееспособность представителей, наличие которой дает им право представлять интересы заинтересованных лиц. Понятие дееспособности в гражданско-процессуальном законе практически не используется, оно характерно для гражданского, семейного права. Буквальное толкование норм ст. 52 ГПК РФ о законных представителях позволяет сделать вывод, что недееспособность относится к понятиям, используемым прежде всего в гражданском праве. Использование понятия частичной дееспособности в судебном процессе не существует.

В разных отраслях российского права используются понятия право- и дееспособности и наиболее часто используемым определением правоспособности и дееспособности является способность, юридическое свойство лица, как субъекта правоотношения.

По мнению некоторых ученых правоспособность и дееспособность относят к элементам правосубъектности. Так, М.Н. Марченко писал, что правосубъектность является особым юридическим свойством, позволяющим физическому или юридическому лицу выступать субъектом права [3, С. 591].

Имплементация правоспособности и дееспособности в гражданский процесс произошло из гражданско-правовых норм, но не было в теории гражданского процесса детально разработано. Для теории гражданского права установление правоспособности и дееспособности обусловлено для установления статуса физических и юридических лиц. Гражданское процессуальное право содержит только название «гражданская правоспособность» и «Гражданская дееспособность», но раскрывает их содержание.

Гражданская процессуальная правоспособность используется в гражданском процессуальном законе исходя из ее определения в нормах гражданского права. Любая процессуальная отрасль своим появлением обязана материальному праву, использует часть его терминологии.

Законодатель в гражданско-процессуальном праве ввел понятия «правоспособность» и «дееспособность», однако содержание гражданской процессуальной правоспособности в отличие от гражданско-

правовой является способностью лица обладать правом на защиту в суде своих прав и интересов.

Доводы противников использования в гражданском процессуальном праве понятия правоспособности основываются на конституционном праве граждан на защиту в суде своих прав и законных интересов. Поэтому практическое использование гражданско-процессуальной правоспособности не имеет смысла. Вместе с тем, поскольку правоспособность не относится к естественным правам личности в гражданском процессе, а государство наделяет физическое или юридическое лицо таким свойством, то необходимо использование понятия «правоспособность» и в гражданском процессе.

С нашей точки зрения под гражданской процессуальной дееспособностью следует понимать способность лица самому защищать свои права и законные интересы в гражданском процессе или передавать полномочия по защите своих прав и интересов своему представителю. Отличие гражданской процессуальной дееспособности от процессуальной правоспособности состоит в более детальной законодательной регламентации, когда требуется регламентация прав на возбуждение производства по гражданскому делу и обоснование исковых требований и осуществление процессуальных прав участников гражданского процесса.

Возникает вопрос об обладании теми или иными участники судебного процесса, кроме самих истца, ответчика и третьих лиц гражданской процессуальной правоспособностью и дееспособностью. В гражданском процессуальном законодательстве при определении признаков других участников процесса не содержится упоминание о гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности, за исключением истца, ответчика и третьих лиц.

Прокурор, государственные органы и органы местного самоуправления, организации, вступающие в гражданско-процессуальные отношения для защиты прав других лиц, дачи заключений, а также относительно представителей сторон вопрос дееспособности не ставится. Данные участники гражданско-процессуальных отношений наделены определенными полномочиями.

В научной литературе обосновывается положение, что не только стороны и третьи лица имеют гражданскую процессуальную правоспособность и дееспособность, а все участники гражданского процесса.

Поскольку все субъекты гражданского процесса вступают в правоотношения в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством, то отсутствие упорядоченного института право- и дееспособности вполне объяснимо. Кроме того, не только в гражданском процессуальном праве, но и в некоторых других отраслях отсутствует нормы описывающие вышеуказанные понятия.

Обратившись к гражданскому праву, мы отмечаем, что в нем отсутствуют нормы о правоспособности Российской Федерации, субъектов РФ и муниципалитетов. В конституционном праве также не упоминается об институте право- и дееспособности. Теория конституционного права характеризует субъектов конституционных правовых отношений при помощи термина правосубъектность [4, С. 125]. Такое же положение в теории финансового права, где субъекты финансовых правоотношений наделяются правосубъектностью, но в нормах права это не закреплено.

Несмотря на то, что законодатель не закрепил понятия правоспособности и дееспособности в конкретных нормах, это совсем не свидетельствует об их отсутствии. Общая теория права и отраслевые науки анализируя субъектный состав правоотношений, определяют, что субъект прав и обязанностей может ими владеть.

Таким образом, все участники гражданско-процессуальных правоотношений обладают процессуальными правами и обязанностями и могут сами их реализовывать. Любой субъект гражданско-процессуальных правоотношений наделен способностью выступать в качестве обладателя определенных прав и совершать процессуальные действия, то есть у него имеется правоспособность и дееспособность в гражданско-процессуальных отношениях.

В науке гражданского процесса существует классификация процессуальных прав сторон в зависимости от их содержания на три группы:

1) права, отражающие принцип усмотрения сторон;

2) процессуальные права, например, на личное участие в гражданском процессе, иметь представителя, на участие в исследовании доказательств;

3) права на судебную защиту в широком смысле: на предоставление доказательств, на заявление отвода прокурору, судье, эксперту, специалисту, переводчику и ряд других.

Важнейшим процессуальным правом истца является право изменять предмет или основание исковых требований. К основаниям исковых требований могут быть отнесены обстоятельства, которые истец приводит для обоснования предмета иска или все правоотношение в целом. В судебной практике в качестве оснований иска могут выступать договоры, акты органов государственной власти или местного самоуправления, решения других организаций, причиненный имущественный или моральный вред и т.д.

В качестве предмета исковых требований могут выступать то или иное право истца, например, на выплату неустойки, возмещение причиненного вреда, восстановление на работе.

Истец имеет такте значимое диспозитивное право, как отказ от исковых требований, на основании заявленного истцом отказа от материального требования к ответчику процесс завершается. Истец может заявить об отказе от иска на любой стадии гражданского процесса: в ходе рассмотрения дела по существу, а также в апелляционной или кассационной инстанции.

Законодатель наделил ответчика правом на признание иска. Если ответчик реализует свое право на признание исковых требований истца к нему, что будет признано судом, процесс будет продолжен и будет принято процессуальное решение об удовлетворении иска. В решении может быть указано о полном или частичном признании исковых требований и объем удовлетворения иска истца. Если суд не примет отказ истца от иска или признание иска ответчиком, то суд выносит определение о продолжении судебного разбирательства по существу.

Стороны при мировом соглашении, как справедливо отметил М.К. Треушников, заключают двусторонний договор, в котором стороны идут на взаимные уступки друг другу, определяя свои права и обязанности по спорному правоотношению [5, С. 115].

Право заключить мировое соглашение между собой имеют только участники оспариваемых материальных правоотношений: истец, ответчик или третья сторона, которая предъявляет независимые требования в отношении предмета спора. Однако не во всех категориях случаев возможно допускается заключить мировое соглашение. Так невозможно заключение мирового соглашения по делам особого производства и некоторым категориям дел искового производства, установленным законодательством, например, о лишении родительских прав. При заключении мирового соглашения истца с ответчиком в судебном заседании условия соглашения вносятся в протокол судебного заседания и подписывается сторонами. Если стороны заключили мировое соглашение путем подачи суду письменных заявлений, то они отражаются в протоколе и приобщаются к материалам дела.

Можно указать, что кроме прав и обязанностей, установленных в гражданско-процессуальном законодательстве, стороны обладают также особыми, или, как их еще называют, распорядительные права. Называются они так потому, что находятся только у сторон, и стороны, которые их воплощают в жизнь и таким образом определяют его направление. На наш взгляд, это еще раз доказывает, что стороны являются наиболее важными и необходимыми участниками гражданско-процессуальных отношений.

Список цитируемой литературы:

1. Евстифеева, Т.И. Гражданские процессуальные правоотношения : дис. ... канд. юрид. наук / Т.И. Евстифеева. – Саратов, 2001. – 154 с.
2. Гусев, В.Н. Гражданская процессуальная правоспособность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. / / В.Н. Гусев. – Саратов, 1996. – 161 с.
3. Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. – Москва: Зерцало, 2004. – 800 с.
4. Крашенинников, П.В. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / П.В. Крашенинников. – Москва: Статут, 2020. – 640 с.
5. Треушников, М.К. Гражданский процесс: Учебник. 5–е изд., перераб. и доп. / М.К. Треушников. – М.: Статут, 2021. – 960 с.

Горчакова А.П., ассистент кафедры,
ФГАОУ ВО «РОСБИОТЕХ»,
аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
Юридический институт, г. Москва

ПЛАГИАТ В INFLUENCER-МАРКЕТИНГЕ: ПРАВОВЫЕ ЛОВУШКИ И ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ ИС

Аннотация

Статья посвящена проблеме плагиата в influencer-маркетинге, где отсутствие четких правовых норм, регулирующих авторство контента (посты, сторис, видео), порождает многочисленные споры. Автор исследует пробелы в законодательстве, слабые стороны судебной практики и предлагаются пути совершенствования защиты ИС.

Ключевые слова: плагиат, интеллектуальная собственность, авторское право, исключительные права, лицензии Creative Commons, аранжировки, производные произведения, добросовестное использование, переработка.

В настоящее время все больше проектов по продвижению аккумулируются в социальных сетах блогерами. Это вызвано тем, что получить «просмотры» стало быстрее с приходом в нашу жизнь «трендов».

Для целей настоящего исследования под трендами понимаются шаблоны, маски, которые используют блогеры в социальных сетях, например, определенный сценарий видео, использование популярной аудиодорожки, графики.

Часто рекламодатели сталкиваются с проблемой, как можно «продвинуть» свои товары и услуги в социальных сетях, не нарушая чужих исключительных прав на звук, шутливые картинки и др.

Существует несколько способов легального использования музыкальных композиций в социальных сетях.

1) Использование бесплатной музыки. Некоторые музыкальные произведения доступны бесплатно благодаря специальным лицензиям, таким как лицензия Creative Commons. Эти лицензии позволяют использовать музыку при условии соблюдения определенных требований, например, указания автора или ограничения коммерческого использования. Примеры платформ, предоставляющих доступ к такой музыке, включают Free Music Archive и Bensound. Однако всегда стоит внимательно читать условия лицензии, чтобы избежать возможных проблем.

Лицензии Creative Commons (CC) представляют собой гибкий инструмент, позволяющий авторам делиться своими произведениями с определенными условиями использования. Существует несколько типов лицензий CC, которые важно учитывать при выборе музыки для рекламных кампаний:

CC BY (Attribution). Требует указания автора произведения. Это минимальное условие, позволяющее использовать музыку в любых целях, включая коммерческие, при условии упоминания правообладателя.

CC BY-SA (Attribution-ShareAlike). Помимо указания автора, требует, чтобы производные произведения распространялись под той же лицензией. Это может быть проблематично для рекламных роликов, так как созданный контент должен быть доступен для свободного использования другими.

CC BY-NC (Attribution-NonCommercial). Запрещает коммерческое использование. Такая музыка подходит для некоммерческих проектов, но не для рекламы товаров или услуг.

CC BY-ND (Attribution-NoDerivs). Не допускает внесение изменений в произведение. Это ограничивает возможности редактирования музыки, что может быть неудобно для создания уникального контента.

CC BY-NC-SA (Attribution-NonCommercial-ShareAlike). Сочетает запрет на коммерческое использование и требование распространения производных работ под той же лицензией.

CC BY-NC-ND (Attribution-NonCommercial-NoDerivs). Наиболее строгая лицензия, запрещающая коммерческое использование и модификацию произведения.

Платформы, такие как Free Music Archive, Bensound или Jamendo, предлагают треки под различными лицензиями CC. Например, на Bensound многие композиции доступны под CC BY-ND, что позволяет использовать их бесплатно при указании автора, но запрещает редак-

тирование. Free Music Archive, в свою очередь, предоставляет более широкий выбор лицензий, включая CC BY, подходящих для коммерческих проектов.

2) Покупка лицензионной музыки. Если блогеру нужна конкретная песня или композиция, которую нельзя найти в бесплатных источниках, он может приобрести лицензию на её использование. Существуют специализированные сервисы, такие как Epidemic Sound и Artlist.io, где можно купить права на использование музыки в коммерческих проектах, включая контент в социальных сетях.

В условиях, когда блогерам требуется конкретная музыкальная композиция, отсутствующая в бесплатных источниках, одним из наиболее эффективных решений является приобретение лицензии на ее использование через специализированные платформы, такие как Epidemic Sound, Artlist.io или AudioJungle. Эти сервисы предлагают различные модели лицензирования, включая подписку с неограниченным доступом к обширным библиотекам музыкальных треков за фиксированную плату, как в случае с Epidemic Sound и Artlist.io, или единоразовую покупку лицензии на отдельную композицию, что характерно для AudioJungle. Подобные платформы обеспечивают юридическую чистоту треков, исключая риск нарушения авторских прав, и предоставляют гибкие условия, позволяющие использовать музыку в социальных сетях, на YouTube, в подкастах, а также в коммерческих проектах, таких как реклама. Однако условия лицензий могут варьироваться, и пользователям следует учитывать, распространяются ли права на все необходимые платформы и типы контента, а также возможные географические ограничения.

Ключевыми преимуществами использования платных сервисов являются высокая безопасность, обусловленная предварительной юридической проверкой всех композиций, и разнообразие музыкального контента, включающего тысячи треков в различных жанрах, инструментальные версии и звуковые эффекты. Это позволяет адаптировать музыку под любой формат контента. Кроме того, такие платформы, как Epidemic Sound, интегрированы с системами Content ID на YouTube, что упрощает монетизацию контента и предотвращает наложение ограничений. Гибкость редактирования треков, включая возможность обрезки и наложения эффектов, также существенно облегчает их использование в видеопроизводстве.

Особенности отдельных платформ заслуживают отдельного внимания. Например, Epidemic Sound предоставляет доступ к более чем 40 000 треков и 90 000 звуковых эффектов, что делает сервис оптимальным для блогеров, регулярно публикующих контент. Artlist.io акцентирует внимание на кинематографических композициях, предлагая универсальную ли-

цензию для использования музыки в любых проектах без ограничений по платформам. AudioJungle, в свою очередь, функционирует в рамках Envato Market и ориентирован на единоразовые покупки треков по цене от 10 до 30 долларов, предоставляя различные типы лицензий (например, Standard или Extended) в зависимости от целей использования.

Приобретая лицензию, необходимо учитывать ряд факторов. Во-первых, объем предоставляемых прав должен соответствовать предполагаемому использованию, включая конкретные платформы (TikTok, YouTube) и тип контента (реклама, блог, корпоративное видео). Во-вторых, некоторые лицензии могут предусматривать географические ограничения, что требует внимательного изучения условий. В-третьих, срок действия лицензии имеет значение: для подписных сервисов, таких как Epidemic Sound и Artlist.io, требуется поддержание активного аккаунта для использования треков в новых проектах, хотя ранее опубликованный контент остается защищенным. Наконец, важно сохранять документы, подтверждающие приобретение лицензии (квитанции, договоры или доступ к личному кабинету), чтобы иметь возможность подтвердить легальность использования в случае споров.

В качестве альтернативы платформам лицензирования блогеры могут рассмотреть прямое обращение к правообладателям, например, через музыкальные лейблы или организации по управлению правами, такие как ASCAP или BMI. Однако этот процесс может быть дорогостоящим и длительным из-за необходимости индивидуального согласования условий. Для независимых или менее известных исполнителей возможен прямой контакт, что иногда позволяет договориться о лицензии на более доступных условиях, если музыка не представлена на специализированных сервисах.

3) Музыка с открытым доступом. Некоторые музыкальные произведения могут быть доступны в общественном достоянии, что означает отсутствие необходимости получать разрешение на их использование. Однако следует помнить, что не все произведения автоматически переходят в общественное достояние после определенного времени. При выборе произведения рекламораспространителям важно удостовериться, что выбранное произведение действительно доступно для свободного использования. Например, классические произведения, которые известны уже около 100 лет.

4) Собственная музыка. Самый безопасный способ избежать проблем с авторскими правами – это создавать свою собственную музыку. Если блогер сам сочиняет мелодии и записывает их, то они принадлежат ему, поэтому он может свободно использовать их в своих проектах.

5) Музыка, предоставляемая платформами. Многие социальные сети имеют собственные библиотеки музыкальных треков, которые

пользователи могут легально использовать в своем контенте. Например, TikTok предоставляет обширную библиотеку звуков, а YouTube предлагает Audiolibrary, где можно выбрать подходящую композицию для своего видео. Важно отметить, что эти библиотеки обычно ограничены условиями использования внутри самой платформы, поэтому их нельзя экспортировать и использовать вне её экосистемы.

Так, корпорация Google подтверждает, что можно свободно использовать звуки из фонотеки.

Отчет Google борьбе с пиратством от 2018 года говорит о том, что большая часть копирайта прилетает не тем видео, которые целиком сопровождаются звуковыми дорожками из приложения, а «разговорным» видео, поскольку часто их записывают в общественных местах, где на фоне играет радио и т.п [2]. Это еще раз подтверждает, что использование звукотеки в наиболее полной мере соответствует политике защиты ИС крупных игроков рынка, а попытки обхода этого (возможно, с помощью записи звуков на записывающее устройство в фоновом режиме) – напротив, порождают несанкционированное копирование оригинального саунда.

Многие рекламораспространители обманываются, полагая, что можно сделать ремикс или ныне популярный мэшап, и таким образом избежать санкций за неправомерное использование звуков. Однако это неверно, поскольку любые аранжировки подпадают под требования закона – на создание аранжировки должно быть получено разрешение у правообладателя (ст. 1260 ГК РФ). На международном уровне вопрос регулируется важнейшей конвенций в сфере авторских прав – Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года (далее – Бернская конвенция). Статья 12 Бернской конвенции гласит, что «авторы литературных и художественных произведений пользуются исключительным правом разрешать переделки, аранжировки и другие переработки своих произведений».

Предлагаем углубиться, почему соблюдение копирайта в сфере музыки в социальных сетях является важным. Во-первых, такое безразборное копирование создает проблему регулирования авторства контента блогеров. В случае с загрузкой звука в звукотеку приложения становится очевидно право приоритета того, кто загрузил музыку со своего аккаунта. В противном случае нарушаются субъективные права автора – право авторства, право на имя, на неприкосновенность произведения, право на получение вознаграждения. Во-вторых, также неизвестно, к кому предъявляются санкции в случае, если звук, находящийся в звукотеке, загружен туда с нарушением требований закона. В данном случае ясно, что санкции будут назначаться следующим образом:

Если блогеры добросовестно использовали звук из звукотеки, очевидно полагая, что она загружен в рамках закона, звук будет удален, но блогеры не понесут ответственности, поскольку они не знали и не могли знать в обычных условиях о нарушении, ведь они пользовались легитимными инструментами.

Если блогеры загружают понравившийся звук снова и снова, каждого нарушителя можно привлечь к ответственности за нарушение исключительных прав на ИС.

Таким образом, проблема плагиата в influencer-маркетинге остается актуальной в условиях цифровой трансформации, где отсутствие четких правовых механизмов регулирования авторства контента создает значительные риски для всех участников рынка. Исследование выявило ключевые правовые ловушки, связанные с использованием музыкальных композиций, графики и иных элементов в социальных сетях, а также обозначило пути модернизации защиты интеллектуальной собственности (ИС).

Для минимизации рассмотренных рисков, на наш взгляд, необходимы: 1) усиление законодательства: разработка специализированных норм, регулирующих использование ИС в цифровом маркетинге, включая механизмы защиты «трендов» и шаблонов; 2) просвещение участников рынка: обучение блогеров и рекламодателей основам авторского права, включая тонкости лицензирования и ответственность за ремиксы; 3) технологические решения: интеграция систем автоматической проверки прав (аналоги Content ID) в социальные сети для оперативного выявления нарушений; 4) международное сотрудничество: гармонизация законодательства в рамках Бернской конвенции и создание глобальных стандартов для цифрового контента.

Список цитируемой литературы:

1. Как использовать композиции и звуковые эффекты из фонотеки YouTube [Электронный ресурс]. – URL: https://support.google.com/youtube/answer/3376882?hl=ru (дата обращения: 17.05.2025 г.)

2. How Google Fights Piracy. [Электронный ресурс]. – URL:// https://storage.googleapis.com/gweb-uniblog-publish-prod/documents/How_Google_Fights_Piracy_2018.pdf. November 2018. (дата обращения: 17.05.2025 г.)

Егоров В.А., канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Корнев А.С., канд. юрид. наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

СООТНОШЕНИЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ СО СМЕЖНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПО УК РФ

Аннотация

В статье рассмотрены способы обеспечения законности в деятельности органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, которые непосредственно оказывают положительное влияние на весь пенитенциарный процесс.

Ключевые слова: ФСИН России, Концепция развития УИС до 2020 г., Концепция развития УИС до 2030 г., Общественная наблюдательная комиссия, осужденные.

Широкое внедрение цифровых технологий в общественный уклад жизни общества предоставляет множество сфер противоправных преступных деяний, как нарушение авторских и смежных прав, нарушение изобретательских и патентных прав, незаконное получение кредита, незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую и банковскую тайну, уклонение от уплаты налогов с организаций, сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей и другие. Например, разграничение неправомерного доступа к компьютерной информации.

Анализ судебной практики показывает, что остаются вопросы отграничения неправомерного доступа к компьютерной информации от нарушения авторских и смежных прав (ст. 146 УК). По данным случаям проводятся служебные расследования, как показывает анализ привлеченных сотрудников к дисциплинарной, административной и уголовной ответственности за неправомерный доступ обвиняемого (подозреваемого) к данным не только потерпевшего, но и информации имеющей гриф «секретно». Необходимо учесть, что деяния включены в обе части УК РФ. Видовым объектом нарушения авторских и смежных прав являются конституционные права и свободы человека и гражданина и интеллектуальная собственность. А ст. 272 УК РФ санкционирует за посягательства на безопасность компьютерной информации.

Предметом неправомерного доступа является компьютерная информация, охраняемая законом. [2, С. 37]

Предметом нарушения авторских и смежных прав – только объекты авторского права. При этом следует отметить, что к предметам преступления, предусмотренного ст. 146 УК РФ, но при этом по ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, может выступать компьютерная программа. [1, С. 27]

Объективная сторона нарушения авторских и смежных прав в качестве необходимого признака включает наступление общественно опасных последствий в виде причинения крупного ущерба автору объекта авторского права в форме упущенной выгоды или морального вреда. Указанный признак не является обязательным для привлечения виновного к уголовной ответственности по ст. 272 УК РФ.

Нарушение авторских и смежных прав связано либо с присвоением авторства, либо с незаконным использованием объектов авторского права. [3, С. 125] При неправомерном доступе к компьютерной информации нарушением является, прямой доступ посторонних к информации, которая не может распространятся без соответствующего разрешения. При использовании не законно полученной информации может квалифицироваться по совокупности ст. ст. 146 УК и 272, если автору программы был причинен крупный ущерб. «Менщиков, обладая специальными знаниями по копированию контрафактных программных обеспечений с сети «Интернет», а также по копированию (установке) контрафактных программных обеспечений на электронно-вычислительные машины (далее ЭВМ), с целью получения прибыли за копирование (установку) на принадлежащих заказчикам ЭВМ, контрафактных программных обеспечений, необходимых заказчикам, действуя умышленно, из корыстных побуждений, имея умысел, направленный на незаконное, вопреки воле правообладателя использование объектов авторского права, с целью сбыта, неправомерно приобрел с помощью ЭВМ через сеть «Интернет» контрафактные экземпляры программных продуктов – «MicrosoftOffice 2007», незаконно скопировав их на машинные носители информации, и с момента приобретения он стал хранить при себе с целью сбыта вышеперечисленные контрафактные экземпляры программных обеспечений, намереваясь сбыть контрафактную продукцию, посредством публичной оферты. [4, С. 51]

Таким образом, Менщиков, умышленно собственноручно, используя машинные носители информации – съемный жесткий диск емкостью и 20 оптических дисков различных форматов, осуществил копирование (установку) программных обеспечений «MicrosoftOffice 2007».

Следовательно, Менщиков совершил незаконное приобретение, хранение контрафактных экземпляров произведений в целях сбыта, в

крупном размере, а также неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, повлекшем копирование такой информации из корыстной заинтересованности». Можно согласится с мнениями других авторов, что диспозиции ст. ст. 146 и 272 УК РФ являются смежными. [5, С. 45] Сложность составов как неправомерный доступ к компьютерной информации и нарушение авторских и смежных прав возможна при учете разграничительных признаков. Являясь коммерческой, налоговой или банковской тайной. Основу будет составлять соотношение составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 183 и 272 УК РФ, где уголовная ответственность наступает при собирании сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, а также за незаконные разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, без согласия их владельца лицом, которому она была доверена или стала известна по службе или работе. Предметом нарушения закона, предусмотренного ст. 183 УК РФ, являться любые данные в виде шифра [7, С. 124]. Выход можно найти в разграничении по объекту правонарушения. «Непосредственным объектом, преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, являются общественные отношения, по поводу создания, распространения любой из тайн. Коммерческая тайна – это режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. Банковская тайна определено в ст. 857 ГК РФ – это сведения о банковском счете и банковском вкладе, операциях по счету и сведения о клиенте, кроме того сведения, которые не могут составлять коммерческую тайну, который, в соответствии с п. 1 ст. 139 ГК РФ [6, С.67] Налоговая тайна содержится в ст. 102 НК РФ. В секрете должны оставаться любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, за исключением сведений: разглашенных налогоплательщиком самостоятельно или с его согласия; об идентификационном номере налогоплательщика; о нарушениях законодательства о налогах и сборах и мерах ответственности за эти нарушения; предоставляемых налоговым (таможенным) или правоохранительным органам других государств в соответствии с международными договорами (соглашениями), одной из сторон которых, является Российская Федерация, о взаимном сотрудничестве между налоговыми (таможенными) или правоохранительными органами (в части сведений, предоставленных этим органам); предоставляемых избирательным комиссиям в соответствии с законодательством о выборах по

результатам проверок налоговым органом сведений о размере и об источниках доходов кандидата и его супруга, а также об имуществе, принадлежащем кандидату и его супругу на праве собственности. Если копирования компьютерной информации не произошло, то квалифицироваться деяние должно по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 183 и ст.ст. 30 и 272 УК РФ [11, С. 113].

Мошенничество в сфере компьютерной информации – специальный состав мошенничества. Объект компьютерного мошенничества тождественен объекту хищения – это хищение чужого имущества, равно приобретение права на него путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Преступление считается законченным с момента получения виновным суммы денег (чужого имущества), а равно приобретения им юридического права на распоряжение такими деньгами (имуществом). Сам по себе факт ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей в зависимости от обстоятельств дела может содержать признаки приготовления к мошенничеству в сфере компьютерной информации или покушения на совершение такого преступления.

Похожие преступления отграничиваются ст. 159.6 УК РФ и ч. 2 ст. 272 УК РФ, предусматривающей неправомерный доступ к компьютерной информации, разграничение следует проводить по объекту: при мошенничестве вред причиняется отношениям собственности, при неправомерном доступе компьютерной информации [8, С. 107]. Мошенничество влечет изменение права собственности, однако, смена владельца проходит незаконно, тоже относиться и к любой информации, которая храниться на электронных носителях.

Учитывая, что объективная сторона похожих составов преступлений как бы тождественна. Но, если при мошенничестве ввод, удаление, блокирование, модификация, либо иное вмешательство являются способами преступления. С субъективной стороны мошенничество в сфере компьютерной информации и неправомерный доступ отличаются по направленности умысла [10, С. 51]. При мошенничестве умысел направлен на хищение имущества, не связанной с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц. Напрашивается вывод о том, что хищение имущества, совершенное путем неправомерного доступа к компьютерной информации, следует квалифицировать по совокупности ст. ст. 159.6 и 272 УК РФ.

При этом существует прямо противоположное мнение, что включение ст. 159.6 в УК не обосновано, поскольку хищение имущества или приобретение права на имущество, совершенное путем неправомерного доступа к компьютерной информации, согласно постановлению Пленума Верховного Суда «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», следует квалифицировать по совокупности ст. ст. 159 и 272 УК РФ не вызывало критики [12. С. 20].

Полагаем, что выделение ст. 159.6 УК РФ как отдельного состава, а хищение имущества или приобретение права на имущество, совершенное путем неправомерного доступа к компьютерной информации, следует квалифицировать по совокупности ст. ст. 159 и 272 УК РФ.

Список цитируемой литературы:

1. Артемьев, Н. С. Общественный контроль за соблюдением законности в деятельности исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России / Н.С. Артемьев, Ю.А. Морозова, // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 1. – С. 24-31.

2. Багреева, Е.Г. Институты гражданского общества и уголовно-исполнительная система России: от конфронтации к сотрудничеству /Е.Г. Багреева // Российский следователь. – 2012. – № 22. – С. 35-39.

3. Егоров, В. А. Коррупция в современном Российском Обществе сквозь призму международного опыта / В. А. Егоров // Международное право и современный мир : Материалы международной научно-практической конференции, Липецк, 25 марта 2016 года / под ред. Н. Ю. Жуковской, Е. В. Калининой. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. – С. 15-19.

4. Егоров, В.А. Коррупция через призму проявления психики человека /В.А. Егоров, Д.С. Казарова // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 3. – С. 109 – 111.

5. Егоров, В. А. Формирование правосознания в условиях современного российского общества / В.А. Егоров, Е.В. Королева. – Тамбов : Издательство Першина Р.В., 2015. – 131 с.

6. Егоров, В. А. Психологические аспекты правосознания молодежи в борьбе с наркотиками / В. А. Егоров, Д. С. Казарова. – Тамбов : Издательство Першина Р.В., 2015. – 117 с.

7. Егоров, В. А. Правосознание как фактор глобализации мирового общества / В. А. Егоров, Д. С. Казарова, А. А. Коростелев // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2015. – № 1-2. – С. 94-96.

8. Егоров, В. А. Образование, меняющее Россию / В. А. Егоров, Ю. П. Башаримов // Стратегическое планирование развития террито-

рий. Опыт. Современные тенденции. Перспективы : материалы международного научно-практического форума, Елец, 24 апреля 2014 года. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2014. – С. 233-238.

9. Клебанов, Л.Р. Уголовно-правовая охрана коммерческой, налоговой и банковской тайны / Л. Р. Клебанов ; под науч. ред. А. В. Наумова. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 190 с.

10. Попова, Е.Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных : историко-правовые аспекты и современные тенденции развития: монография / Е.Э. Попова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 197 с.

11. Скиба, А.П. К вопросу о перечне субъектов общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания и эффективности его осуществления / А.П. Скиба // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 4. – С. 112-118.

12. Шамсунов, С.Х. Место и роль международных стандартов в системе исполнения наказаний России / С.Х. Шамсунов, С.Н. Лосева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2016. – № 1. – С. 19-27.

Забайкалов А.П., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

КОНТРАКТ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ДОГОВОРОВ[1]

Аннотация

Автором рассматривается контракт жизненного цикла определение его места в системе договоров, сложившейся в праве Российской Федерации. Делается вывод о том, что в существующей отечественной правовой системе контракт жизненного цикла относится к контрактам на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государ-

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы 9.12-2025-1 «Формирование предложений по совершенствованию института контракта жизненного цикла для развития системы управления имущественным комплексом коммунальной сферы России», выполняемой по государственному заданию Российской академией народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ственных и муниципальных нужд. При этом он является поименованным смешанным возмездным договором, который может включать элементы договоров подряда, поставки и возмездного оказания услуг.

Ключевые слова: возмездное оказание услуг; контракт жизненного цикла; контракт на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд; контракт; подряд; поименованный договор; поставка; смешанный договор.

Контракт жизненного цикла выступает новеллой отечественной системы договорных отношений. Нормативно возможность его заключения предусмотрена Федеральным законом от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [1]. Этот же акт содержит и основной массив норм, специально регламентирующих соответствующие специфические отношения. Таким образом, контракт жизненного цикла в существующей отечественной правовой системе относится к контрактам на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд (государственным (муниципальным) контрактам).

Как разновидность государственного (муниципального) контракт, контракт жизненного цикла имеет своими сторонами государственного (муниципального) заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) – участника закупки.

Государственным заказчиком может выступать государственный орган (в том числе орган государственной власти), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», публично-правовая компания «Единый заказчик в сфере строительства», орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, действующие от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации и осуществляющие закупки.

Муниципальным заказчиком может выступать муниципальный орган или муниципальное казенное учреждение, действующие от имени муниципального образования, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени муниципального образования и осуществляющие закупки.

Участником закупки, по общему правилу, может стать «любое юридическое лицо независимо от его организационно-правовой фор-

мы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала», а также «любое физическое лицо, в том числе зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя». Однако и Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», и иные нормативные акты устанавливают дополнительные критерии при отборе лиц, которые станут поставщиком (подрядчиком, исполнителем).

В частности, но не исключительно, к таким требованиям относят:

- текущая работоспособность: отсутствие решений о применении к лицу наказания в виде приостановления деятельности (ст.3.12 КоАП РФ [2]);

- перспективная работоспособность: лицо не должно находится в процессе ликвидации;

- платёжеспособность: отсутствие разбирательств о несостоятельности (банкротстве) и исполнение обязанностей по обязательным, в частности, налоговыми бюджетным, платежам;

- компетентность: наличие необходимых лицензий, сертификации и допусков;

- лояльность: не относится к лицам, указанным в Федеральном законе от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [3].

Длительный период реализации контрактов жизненного цикла, разнообразие обязательств, которые должен выполнить (исполнение которых должен обеспечить) поставщик (подрядчик, исполнитель), а также значительный размер расходов, которые несет поставщик (подрядчик, исполнитель) на начальных этапах исполнения контракта, обуславливают необходимость того, чтобы поставщиком (подрядчиком, исполнителем) по таким соглашениям выступали крупные и стабильные компании, обладающие достаточными организационными, кадровыми, финансово-экономическими, техническими и иными ресурсами. Конечно, при исполнении контракта жизненного цикла не исключено привлечение со- или субисполнителей (со- или субподрядчиков). Однако очевидно, что расчет на успешное завершение типичного многолетнего, многоэтапного и затратного проекта, например, в сфере ЖКХ, только за счет организационных механизмов (с привлечением многочисленных сторонних организаций и делегированием им исполнения основных обязанностей по контракту жизненного цикла) несет значительные риски.

Кроме того, множественность, как на стороне заказчика, так и на стороне поставщика (подрядчика, исполнителя), законом не предусмотрена. При этом консорциумы поставщиков (подрядчиков, испол-

нителей) в мировой практике достаточно распространены [4, С. 35]. Заинтересованность в такой множественности может возникнуть и на публичной стороне. Представляется, что при необходимости эту проблему можно решить путем определения «технического заказчика» и «технического поставщика (подрядчика, исполнителя)», то есть лиц, которые будет заключать контракт и нести ответственность за него, но при этом действовать по согласованию с иными заинтересованными субъектами.

Применение модели контракта жизненного цикла с иным составом участников, например, в отношениях между коммерческими организациями, возможно в силу диспозитивности гражданского законодательства, но специального нормативного регулирования в настоящее время не имеет. Соответственно, к их участникам предъявляются общие требования.

При этом специалисты отмечают возможность и перспективность расширение перечня лиц и ситуаций использования контрактов жизненного цикла, в том числе, в существующих правовых рамках [4, С. 207]. Так, можно отметить, что Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» не предусматривает применение контрактов жизненного цикла (хотя «жизненный цикл закупаемой продукции» в законе упоминается в подп. 3 п. 1 ст. 3). В тоже время специалисты отмечают, что организации, находящиеся в сфере действия данного закона, контракты жизненного цикла все же заключаю, но «с оглядкой» на нормы Федерального закон от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», хотя последний на них как раз не распространяется [1].

Таким образом, в рамках прямого нормативного регулирования стороны контракта жизненного цикла имеют стандартные характеристики сторон отношений, вытекающих из контракта на поставку товаров, выполнение работ и оказание услуг для государственных и муниципальных нужд. Применение модели контракта жизненного цикла с иным составом участников, например, в отношениях между коммерческими организациями, возможно в силу диспозитивности гражданского законодательства. Но специального нормативного регулирования в настоящее время подобные отношения не имеют. При этом в перспективе возможно внедрение в контракты жизненного цикла множественности, как на стороне заказчика, так и на стороне поставщика (подрядчика, исполнителя), в том числе, путем введения института «технического заказчика» и «технического поставщика (подрядчика, исполнителя)».

Список цитируемой литературы:

1. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон Рос. Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1.

3. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: федер. закон Рос. Федерации от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 29, ч. 2. – Ст. 5222.

4. Герасименко, О.А. Понятие, признаки и преимущества применения контрактов жизненного цикла как формы государственно-частного партнерства в регионе / О. А. Герасименко, Ж. Н. Авилова // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2017. – №4. – С. 203-208.

5. Димитриев, Р.С. Контракт жизненного цикла как гражданско-правовой договор: дис. ... канд. юрид. наук / Р.С. Димитриев. – Москва, 2024. – 261 с.

Исмаилов Магамед Исмаил оглы, аспирант
ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
адвокат КА «Московский юридический центр»,
г. Москва

ПОДСУДНОСТЬ КАК ГАРАНТИЯ ПРАВА НА ЗАКОННЫЙ СУД: АДАПТАЦИЯ В НОВЫХ РЕАЛИЯХ

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию института подсудности в современном уголовном процессе. Автор анализирует двойственную природу подсудности как судопроизводственного и судоустройственного института, выявляет трансформацию традиционных подходов к определению подсудности в условиях цифровизации и глобализации. Особое внимание уделяется проблемам установления территориальной подсудности при расследовании киберпреступлений и трансграничных уголовных дел. В работе предлагается авторское

определение уголовно-процессуальной подсудности, выделяются основные недостатки современного правового регулирования данного института и направления его совершенствования. Рассматривается дискуссия о концептуальном понимании подсудности в научной доктрине, включая новые терминологические подходы к классификации видов подсудности.

Ключевые слова: подсудность, уголовный процесс, судопроизводство, киберпреступность, трансграничные преступления, территориальная подсудность, векторная подсудность, компетенция суда, цифровизация правосудия, доступ к правосудию.

Институт подсудности в современном уголовно-процессуальном праве переживает период существенной трансформации, обусловленной как глобализацией общественных отношений, так и масштабной судебной реформой Корректное установление судебной юрисдикции представляет собой обязательную предпосылку для гарантирования возможности обращения за судебной защитой, а также реализации фундаментальных процессуальных постулатов правомерности, непредвзятости и нейтральности при рассмотрении дел судами. Актуальность исследования данной проблематики усиливается в контексте новых вызовов, связанных с информатизацией общества, появлением интернет-споров и трансграничных конфликтов, что требует переосмысления традиционных подходов к определению компетентного суда для рассмотрения дела.

Институт подсудности в современном уголовно-процессуальном праве представляет собой комплексное правовое явление, определяющее распределение дел между различными судами судебной системы. В научной литературе существуют различные подходы к пониманию сущности подсудности. Так, П.С. Сорокина определяет подсудность как свойство юридического дела, позволяющее установить конкретный суд системы судов общей юрисдикции, который должен разрешить данное дело [13].

Родовая (предметная) подсудность играет ключевую роль в обеспечении доступа к правосудию, распределяя компетенцию между судами разных уровней в единой системе. Г.Л. Осокина формулирует данное понятие как характеристику правового случая, которая даёт возможность определить, какой именно судебный орган из всей структуры судов общей юрисдикции наделён полномочиями по принятию решения по этому конкретному делу [6]. Примечательно, что вопреки названию, в основе предметной подсудности «практически нет предмета иска», а определить род дела сложно из-за отсутствия четких идентифицирующих признаков. Процессуальная реформа 2018 года изменила характе-

ристики родовой подсудности, что вызвало научные дискуссии о пересмотре классификации и предложения рассматривать её как элемент «внутренней подсудности» для разграничения компетенции внутри судебной системы. Этот подход логичен после исключения категории «подведомственность» из законодательства и отражает динамичное развитие процессуального права в ответ на современные вызовы.

Территориальная подсудность представляет собой институт процессуального права, определяющий конкретный суд одного уровня, который уполномочен рассматривать дело в первой инстанции.

Институт специальной подсудности, хотя и не выделяемый в процессуальном законодательстве как самостоятельный вид, вызывает значительный научный интерес в контексте поиска оптимальных подходов к определению компетентного суда для отдельных категорий дел. В контексте процессуальной реформы 2018 года особую актуальность приобретает концепция «векторной (субъектной)» подсудности, предложенная в научной литературе. Как указывается в работе Е.В. Любимовой, векторная (субъектная) подсудность позволяет определить компетентную систему судов, в частности, в зависимости от статуса участников спора: систему судов общей юрисдикции или систему арбитражных судов [5]. Данный подход представляется перспективным, поскольку создает логически стройную трехзвенную систему определения компетентного суда: сначала векторная подсудность для определения судебной системы, затем родовая для определения уровня суда и наконец территориальная для определения конкретного суда.

В научной доктрине уголовного процесса продолжается активная дискуссия о концептуальном понимании института подсудности в условиях трансформации уголовно-процессуального законодательства. В научной литературе представлен обширный спектр иных терминологических вариантов: цивилистическая, административно-гражданская, отраслевая, межотраслевая, системная, структурная, институциональная, множественная, субъектная подсудность [4].

Данные терминологические поиски не являются схоластическими упражнениями – они отражают объективную сложность теоретического осмысления трансформации института подсудности после законодательного отказа от категории «подведомственность».

Анализ исторического развития научной мысли свидетельствует о формировании трех базовых подходов к пониманию сущности подсудности. Первый подход, представленный в дореволюционной русской процессуальной науке, рассматривает подсудность как отношение между уголовным делом и судом. Выдающийся процессуалист И.Я. Фойницкий определял данную категорию через дихотомию «ведомство-подсудность»: «Возложенная государством на судебные ме-

ста власть производства уголовных дел имеет субъектом – уголовные суды, а предметом – уголовные дела. Распределение судебной власти между судебными местами образует компетенцию или ведомство их..., а отношение между делами и судом, в силу которого определенные дела подлежат ведомству определенного судебного места, составляет подведомственность или подсудность дела» [18, С. 82]. Аналогичных воззрений придерживались Д.Г. Тальберг и С.И. Викторский [15, С. 249; 3, С. 153].

Второй подход, также сформировавшийся в дореволюционной процессуальной науке, трактует подсудность как нормативное установление или правило. Как отмечал М.В. Духовский, подсудность представляет собой «твердое указание – какому суду подлежит разбор той или иной категории дел» [4].

Третий подход, получивший наибольшее распространение в советской и современной доктрине, связывает подсудность со свойствами уголовного дела. Н.Н. Розин определял: «Подсудность дела есть совокупность его юридических черт, в силу которых оно подлежит рассмотрению именно в этом судебном установлении» [10, С. 198-199]. Данной концепции придерживались такие авторитетные процессуалисты как М.С. Строгович и М.А. Чельцов [14, С. 267; 19, С. 418].

В современной уголовно-процессуальной науке наиболее обоснованной представляется позиция О.Б. Порцевой, которая определяет подсудность как «материально-правовую характеристику уголовного дела в зависимости от категории преступления, места его совершения и лица, его совершившего, влияющую на установление суда, правомочного рассматривать данное уголовное дело по первой инстанции» [10, С. 20].

Судебная практика по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, демонстрирует разнообразные подходы к определению подсудности: от привязки к местонахождению компьютерных серверов и регистрации доменных имен до определения по месту нахождения потерпевшего или наступления вредных последствий преступления. Отсутствие специальных норм в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) [2] значительно осложняет обеспечение неотвратимости уголовной ответственности за киберпреступления трансграничного характера.

Критического анализа заслуживает традиционное понимание подсудности как «свойства» уголовного дела. Согласно философскому толкованию, свойством называется «признак, нераздельно принадлежащий одному конкретному объекту» [17, С. 503]. Однако подсудность не может рассматриваться как имманентная характеристика уголовного дела, поскольку не определяет его сущностной природы.

Исходя из вышеизложенного, представляется обоснованным определять уголовно-процессуальную подсудность как совокупность нормативно закрепленных правил, в соответствии с которыми определяется, какой суд должен рассмотреть и разрешить дело и в каком составе, основанных на фактических и материально-правовых характеристиках преступления, а также процессуальных особенностях уголовного или иного судебного дела.

Институт подсудности в уголовно-процессуальном законодательстве России обнаруживает существенные нормативные дефекты, нуждающиеся в научно-обоснованной корректировке.

П. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, определяющий родовую подсудность судов субъекта федерации, сформировался в результате многочисленных поправок и демонстрирует гипертрофированную сложность юридической конструкции. Избыточная кумуляция разнородных критериев (категория преступления, наличие соглашения о сотрудничестве, стадия реализации умысла, сроки давности, возраст субъекта) затрудняет правоприменение.

П. 3 ч. 3 ст. 31 УПК РФ необоснованно относит к компетенции региональных судов дела с государственной тайной, включая информацию об ОРД, что при массовом характере таких дел нарушает принцип исключительности и деформирует судебную нагрузку, при том что закрытый режим заседаний возможен и в районных судах.

П. 4 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ алогично использует для определения подсудности военным судам критерий (совершение преступления в целях пропаганды терроризма), который устанавливается лишь на этапе назначения наказания, что создает процессуальную неопределенность на досудебных стадиях.

Нормы территориальной подсудности (ст. 32 УПК РФ) не регулируют ситуации: при невозможности точной локализации преступления и при соединении равнозначных дел, совершенных в разных юрисдикциях.

Таким образом, комплексный анализ института подсудности в современном уголовном процессе позволяет сформулировать следующие выводы:

Подсудность представляет собой фундаментальный институт уголовного судопроизводства, имеющий двойственную природу: судопроизводственную (как гарантия конституционного права участников уголовного процесса на доступ к правосудию) и судоустройственную (как средство обеспечения рациональной организации судебной системы).

В условиях цифровизации и глобализации уголовно-правовой сферы требуется концептуальное переосмысление традиционных подходов к определению подсудности, особенно в контексте транснациональных и киберпреступлений.

Наиболее обоснованным представляется определение уголовно-процессуальной подсудности как совокупности нормативно закрепленных правил распределения уголовных и иных судебных дел между различными звеньями судебной системы и составами суда, основанных на материально-правовых характеристиках преступления и процессуальных особенностях производства по уголовному делу.

Современное правовое регулирование института подсудности характеризуется рядом существенных недостатков, требующих законодательного решения для обеспечения эффективной реализации права на судебную защиту и оптимизации уголовного судопроизводства.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 21 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 4921.

3. Викторский, С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: А.А. Карцев, 1912. – 443 с.

4. Духовский, М.В. Русский уголовный процесс: издание для студентов / М.В. Духовский. – Москва : Склад изд. в книжном магазине М. В. Клюкина, 1908. – 464 с.

5. Кони. А.Ф. Курс уголовного судопроизводства/ А.Ф. Кони. – Москва: Американская ассоциация юристов, 2011. – 280 с.

6. Любимова, Е.В. Классификация подсудности в гражданском и административном судопроизводстве / Е.В. Любимова // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 439 – 448.

7. Осокина, Г.Л. Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: сравнительно-правовой аспект / Г.Л. Осокина // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 43. – С. 140-150.

8. Порцева О.Б. Подсудность уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. / О.Б. Порцева. – Ижевск, 2004. – 207 с.

9. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Д. Лабусова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 марта 2017 г. № 7-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 13. – Ст. 1991.

10. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 25 февраля 2016 г. № 6-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 10. – Ст. 1476.

11. Розин, Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. / Н.Н. Розин. – 2-е издание. – Санкт-Петербург : издание Юридическаго книжнаго склада «Право», 1914. – 546 с.

12. Самсонова, М.В. Проблемы совершенствования института подсудности гражданских дел / М.В. Самсонова // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 2 (159). – С. 80-89.

13. Смагина, Е.С. Завершена ли «процессуальная революция»? / Е.С. Смагина // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 113-123.

14. Сорокина, П.С. Разграничение понятий «подсудность уголовных дел» и «компетенция суда»: теоретико-правовой аспект / П.С. Сорокина, П.В. Шумов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 187 – 189.

15. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. / М.С. Сторович. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – 703 с.

16. Тальберг, Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. Т. 1. / Д.Г. Тальберг. – Киев : т-во печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К° в Москве, Киев. отделение, – 318 с.

17. Угренинова, А.М. Подсудность в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. / А.М. Угренинова. – Екатеринбург, 2018. – 205 с.

18. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – Москва: Республика, 2001. – 719 с.

19. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1910. – 606 с.

20. Чельцов, М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. – Москва : Юрид. изд-во, 1948. – 624 с.

21. Элькинд, П.А. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Москва : Юрид. лит., 1967. – 192 с.

22. Якупов, Р.Х. Уголовный процесс: учебник для вузов / Р. Х. Якупов ; науч. ред. В. Н. Галузо. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : ТЕИС, 2001. – 600 с.

Калитинская А.В., адъюнкт
ФГКОУ ВО «Восточно-Сибирский институт МВД России»,
г. Иркутск

СОВРЕМЕННЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ И РАБОТ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕКОНСТРУКЦИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

Аннотация

В исследовании на основе положений действующего законодательства и анализа опыта деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции рассмотрены современные криминалистические средства и методы выявления и преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов, определены основные проблемы при выявлении и расследовании преступлений данной категории.

Ключевые слова: криминалистические средства и методы; противодействие расследованию; закупки; федеральный бюджет; строительство и реконструкция железнодорожных объектов; коррупционные преступления.

Многогранность исследуемого спектра криминальной деятельности в указанной сфере, и высокая степень латентности, а также результаты деятельности правоохранительных органов, квалифицирующих посягательства на установленный законом порядок проведения данных закупок по различным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации (159, 174.1, 178, 200.4, 200.5, 200.6, 201.1, 204, 238, 285, 285.1, 286, 289, 290, 291, 291.1, 292, 293, 327) дает основание с уверенностью утверждать, что преступления в данной сфере относятся как к экономическим преступлениям, так и к коррупционным.

Выделим две группы противодействия расследованию преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов:

1. Внутреннее противодействие, оказываемое должностными лицами ОАО «РЖД», комиссии по осуществлению закупок; подрядными организациями. Это могут быть: фальсификация, уничтожение доку-

ментов, подкуп следователя, свидетелей, активные действия по отстранению следователя от расследования, дача ложных показаний.

2. Внешнее противодействие – это противодействующая деятельность лиц, связанных со следователем процессуальными, служебными или иными властными отношениями или зависимостями.

Р.С. Белкин рассматривал криминалистические средства неразрывно с методами и определял их как «разрабатываемые криминалистикой специальные аппаратура, материалы, инструменты, способы действия, рекомендации и пр. по осуществлению судебного исследования и предотвращения преступлений» [1, С. 91].

Существующие в настоящее время в следственной практике средства и методы преодоления противодействию расследования можно разделить на две группы:

1. Средства и методы преодоления сокрытия преступлений (следственные и розыскные действия, а также помощь населения и СМИ).

2. Средства и методы преодоления иных форм противодействия. [2, С. 255].

Рассмотрим первую группу подробнее. Представляется, что одними из наиболее действенными следственными действиями для преодоления противодействию расследования указанной группы преступлений являются допрос и обыск.

Учитывая специальный субъект рассматриваемого преступления, необходимо учитывать, что должностное лицо, совершившее преступное деяние, при даче показаний может не только раскаиваться в содеянном, намереваться возместить нанесенный ущерб, но также и скрыть некоторые нюансы, существенные для процесса расследования. В связи с этим в целях предотвращения возможности развития конфликтной ситуации допроса, а также возможности установления психологического контакта с подозреваемым рекомендуется тщательная подготовка, предшествующая допросу, что позволит выбрать наиболее оптимальный вариант тактики указанного следственного действия. [3, С. 153-155]

Д.О. Серебров подчеркивает, что начальная стадия допроса любого подозреваемого характеризуется общими тактическими рекомендациями. [4, С. 117-121]

Прежде всего, необходимым будет предварительное ознакомление с личностью подозреваемого.

По наблюдениям Е.В. Чиненова, наиболее часто экономические преступления, связанные с железнодорожными объектами, совершаются лицами, которые являются холериками по темпераменту. Социальные и физические способности таких лиц в большинстве случаев определяются как достаточные. Уровень интеллекта – средний либо выше среднего. Коммуникабельны. Имеют завышенный уровень уве-

ренности в своих силах. Среди основных волевых качеств можно отметить твердую решимость, полную самостоятельность, целеустремленность, отсутствие страха перед рисками, а также способность брать на себя ответственность. [5, С. 65-72]

Если подозреваемое лицо соглашается на дачу показаний, могут быть использованы следующие тактические приемы: снятие напряжения, прием «напоминание», прием «ассоциация по смежности», сведенный к тому, что лицо, проводящее допрос, помогает вспомнить обвиняемому детали преступления при помощи обращения к ассоциациям.

Учитывая изначальную следственную ситуацию, а также личность подозреваемого лица, при наличии конфликтной ситуации необходимо иметь в виду возможность использования следующих тактических приемов допроса:

1.Прием «последовательность». Такой прием используют тогда, когда необходимо воссоздать постепенное психическое напряжение у допрашиваемого, который сообщает лживые показания. Для этого надлежит последовательно, в темпе нарастания предъявлять допрашиваемому лицу доказательства, при этом детально разъясняя значение каждого из них.

2.Внезапность. Данный прием сводится к неожиданной постановке вопроса либо предъявлению нового доказательства в момент, когда допрашиваемый этого не ожидает.

Помимо приемов допроса, характеризующихся психологической природой, востребованными будут являться приемы, имеющие под собой логическую основу.

Например, среди приемов допроса, востребованных при расследовании преступлений, связанных с закупкой товаров и услуг за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов, и имеющих под собой логическую основу, можно выделить следующие: конкретизация и детализация показаний, предъявление доказательств, противоречащих даваемым либо данным ранее, постановка вопросов, логически доказывающих допрашиваемому несостоятельность его объяснений.

Согласимся с Е.В. Чиненовым, который подчеркнул, что при проведении допроса в рамках расследования преступлений, связанных со сферой железнодорожного транспорта, необходимо учитывать ряд важных особенностей.

В большинстве случаях целесообразным будет привлечение к допросу специалиста. По мнению С.Г. Еремина, потребность в участии специалиста при допросе отдельных лиц должна быть определена исходя из уровня знаний следователя в областях делопроизводства и экономики.

Также при расследовании данной группы преступлений востребованным является такое следственное действие, как обыск, который в силу специфики данного преступления имеет некоторые особенности. Тактика обыска в рассматриваемом виде преступления подразумевает, что таковой в большинстве ситуаций должен осуществляться как по месту работы подозреваемого, так и по месту его проживания, что будет типичным для расследования экономических преступлений в целом. Причем важная для следствия информация может быть зафиксирована на различных носителях [6, С. 80-83].

Помимо возможных мест хранения документов, обыск при расследовании анализируемого преступления в случае необходимости должен проводиться, собственно, на самих железнодорожных объектах, в пределах которого было совершено строительство либо реконструкция, либо планировались данные действия, что подтверждается материалами правоприменительной практики.

По мнению С.Д. Долгинова криминалистику справедливо называют «искусство раскрытия преступлений». Но в современных условиях борьбы с преступностью большинство расследуемых преступлений экономической направленности требует оперативного сопровождения.

Отметим наиболее действенные оперативно – розыскные мероприятия, используемые в ходе расследования уголовных дел и проводимые параллельно следственным действиям для преодоления противодействию расследованию данной группы преступлений.

Одними из таких являются «снятие информации с технических каналов связи» и «прослушивание телефонных переговоров». Следователь в ходе доказывания по уголовным делам рассматриваемой группы преступлений может столкнуться с противодействием расследованию, выраженном в даче ложных показаний. Например, отрицание факта связи с другими участниками преступления, наличия преступного сговора. Предъявление в ходе допроса по уголовному делу результатов указанных видов ОРМ поможет следователю установить факт дачи ложных показаний и преодолеть противодействие, оказываемое расследованию.

Следующим немаловажным видом ОРМ является «оперативный эксперимент», в ходе которого оперативными сотрудниками выявляется факт получения и дачи взяток должностными лицами, участвующими в закупках.

Также для преодоления противодействия расследованию преступлений указанной группы в случаях фальсификации документов необходимо проведение почерковедческих судебных экспертиз. Однако получение свободных образцов почерка и подписи подозреваемых лиц не всегда становится возможным. В таком случае оперативными

работниками по поручению следователя проводится ОРМ «изъятие образцов для сравнительного исследования». В ходе данного ОРМ, проводимого в большей степени негласно, оперативными сотрудниками изымаются у подозреваемых лиц свободные образцы почерка и подписи. Это могут быть записные книжки, записки, договоры и т.д. Снятие информации проводится с использованием оперативно-технических сил и средств органов ФСБ и МВД в порядке, определяемом межведомственными актами или соглашениями между органами, осуществляющими ОРД. Для проведения мероприятия правоохранители вправе привлекать технических специалистов. Однако сведения о конкретных методах снятия информации с технических каналов связи являются государственной тайной согласно п. 85 Указа Президента РФ от 30 ноября 1995 года № 1203.

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что эффективность в выявлении и преодолении противодействия расследованию преступлений в сфере закупок товаров и работ за счет средств федерального бюджета для осуществления строительства и реконструкции железнодорожных объектов зависит от правильности, последовательности и сроков выполнения следственных действий и оперативно – розыскных мероприятий. Зачастую данные преступления являются много эпизодными и совершаются организованной группой. В связи, с чем для расследования данных уголовных дел необходимо создание следственно-оперативной группы, в которой все участники будут заинтересованы в расследовании и взаимозаменяемы при уходе в отпуска и передаче дел, а также их оперативного сопровождения. Другим условием положительного итога расследования является наличие определенного порядка взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками правоохранительных органов и иными участниками расследования. Слаженность и координация любого взаимодействия достигается путем распределения функций и обязанностей его участников.

Список цитируемой литературы:

1. Белкин, Р.С. Криминалистика : учеб. слов.-справ. / Р.С. Белкин. – Москва : Юристъ, 1999. – 266 с.

2. Зеленский, С.А. Средства и методы преодоления противодействия расследованию / С.А. Зеленский // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 3. – С.255.

3. Усенко, А.С. Допрос подозреваемого по делам о незаконном участии в предпринимательской деятельности / А.С. Усенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – №11-2. – С. 153-155.

4. Серебров, Д.О. Тактические приемы допроса подозреваемого по преступлениям в сфере экономики / Д.О. Серебров, С.П. Сереброва // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – №2(50). – С. 117-121.

5. Чиненов, Е.В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры / Е.В. Чиненов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – №4. – С. 65-72.

6. Борисов, Г.В. Тактика осмотра и обыска по делам об экономических преступлениях / Г.В. Борисов // Энигма. – 2020. – №28-2. – С. 80-83.

7.Долгинов, С.Д. Актуальные проблемы использования в расследовании экономических преступлений материалов ОРД /С.Д. Долгинов. // Пермский юридический альманах. – 2020. – № 3. – С. 611-623.

Костылева Е.Д., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия (РГУП) им. В.М. Лебедева», г. Москва

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ

Аннотация

В статье рассмотрены конституционные нормы регулирования национальной безопасности и воинской обязанности. На основании обобщения теоретических аспектов проанализированы правовые механизмы, которые применяются в России для обеспечения национальной безопасности и обороны страны. Исследование направлено на выявление существующих проблем и недостатков в реализации воинской обязанности, а также на разработку предложений по улучшению существующего законодательства, для разработки эффективных мер и правовых решений по обеспечению суверенитета и безопасности страны.

Ключевые слова: конституционные ценности; национальная безопасность; воинская обязанность; Защита Отечества.

Концепция конституционных ценностей в условиях глобализации вызовов и угроз, когда на первый план выходят национальные интересы, безопасность и оборона страны нуждается в теоретической переоценке. Система военно-патриотического воспитания молодёжи сталкивается с глубокими трансформациями и нуждается в переосмысле-

нии. Вследствие изменения социальных установок, нового понимания гражданской ответственности, патриотизма, национальных ценностей, молодежь стала отчуждаться от государственных институтов, что негативно сказывается на её духовно-нравственном развитии.

В настоящее время российский народ идентифицирует себя опираясь на национальные конституционные ценности, а современной молодёжи необходимо ощущать себя частью великого народа и гордится этим. Поэтому огромное значение приобретает воспитание в молодёжи патриотизма, чувства любви к Родине, активной гражданской позиции, ответственности за национальные интересы, готовности защищать свою страну.

Основная цель государства заключается в обеспечении эффективного функционирования конституционных ценностей, трансформации их в нормативно составляющие положения, закрепления в национальном законодательстве и совершенствовании механизма их реализации.

Для современной России в приоритете свободное установление своих национальных ценностей, что способствует более эффективной реализации государством своего суверенитета и проведению независимой внешней политики. В настоящее время механизмы обеспечения национальной безопасности и обороны страны находятся в состоянии трансформации, реформирования. Развитие технологий и глобализация усиливают этот процесс, делая вопросы национальной безопасности более актуальными и важными для обеспечения суверенитета и безопасности государства, сохранении национальных ценностей.

Национальная безопасность России в основе содержит государственную и общественную безопасность, которые включают такие стратегические цели, как оборона страны, социально-экономическое развитие государства и инновационную военную политику.

Конституционные обязанности гражданина, включая воинскую обязанность имеют естественное происхождение. Ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями упомянута и в преамбуле Конституции РФ, в которой говорится о том, что необходимо чтить память предков, передавших новым поколениям любовь и уважение к Отечеству.

Согласно ст. 59 Конституции РФ: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ». Данное положение предусматривает необходимость несения военной службы, исполнение воинской обязанности, то есть непосредственное личное участие в обороне страны.

Реализация воинской обязанности подразумевает и конституционный долг по защите Родины, что по сути является более обширным по содержанию понятием, чем конституционная обязанность военной

службы, так как включает нравственную и моральную составляющую. В основе регулирования реализации воинской обязанности лежит правовой статус личности, особенности взаимоотношений государства и гражданина (его мера должного поведения по защите конституционных ценностей).

Важным элементом реализации суверенитета государства является свободное установление им своих национальных ценностей, которые позволяют проводить независимую внешнюю политику.

Ценности – это зеркало времени, исторической эпохи, культурного наследия народа, они предопределяют сплочённость общества. К ценностям, имеющим приоритетное значение, которые важны в любой деятельности, можно отнести те, которые включены в общественно-исторический прогресс и находятся в его подчинении. Отражение ценностей мы видим в реальной, практической жизнедеятельности человека.

Конституционные ценности – это основополагающие начала, универсальные принципы, приоритетные цели, устанавливающие основу российской государственности, которые складываются из конституционных норм (с высоким уровнем абстрактности) в конкретные положения, при чётком претворении которых реализуется ценностный смысл, находящийся в содержании конституционный идей.

Наиболее эффективная реализация конституционных ценностей может быть достигнута с помощью инструментов механизма, способствующих упорядоченному достижению поставленных целей, что будет свидетельствовать об уровне правового государства, показателем его политических возможностей. Например, права человека (личные, политические, социальные и др.), обладая социальной ценностью, отражая ресурсы Конституции РФ они показывают уровень благосостояния граждан и имеют определённое место в механизме конституционно-правового регулирования социальной жизни, а «наличие широкого круга социальных прав и их обеспеченность выступают ключевыми показателями реализации доктрины социального государства» [3, С. 116].

Ответственность государства за реализацию конституционных ценностей определяется «как конституционный правовой императив – ответственное отношение адресуется к органам, осуществляющим публичную власть» [4, С. 54]. Эффективность практической властной деятельности государства зависит от легитимности власти, способности защитить интересы всего общества, от уровня правовых актов и правоприменительной деятельности.

В процессе реализации таких конституционных ценностей, как защита Отечества происходит актуализация нормативного содержания соответствующих норм, институтов, принципов, а также установление их сбалансированного взаимодействия. «Нормативность конституци-

онных ценностей проявляется в прямом действии конституционных положений» [2, С. 100].

Значение конституционных ценностей проявляется и в том, что с их помощью устанавливаются ориентиры, достижение которых требует непрерывного, постоянного развития конституционных отношений, их реализация обосновывает конституционную стратегию государства, способствует балансированию государства, общества и конкретной личности на конституционной основе.

Национальная безопасность страны обеспечивается человеческим фактором мировоззрением личности, который лежит в основе нравственного, морального, интеллектуального развития человека, зависящего от полученного им воспитания. Поэтому обеспечение национальной безопасности России напрямую зависит от уровня образования, общей культуры, нравственных идеалов, военно-патриотического воспитания граждан. Могущество страны предопределяет её интеллектуальный потенциал, инновационный характер воспитания и образования, отражающий трансформацию современного процесса развития технологий, глобализацию всех сфер жизнедеятельности, способствующий формированию у молодёжи нравственных ценностей, патриотизма, любви к Родине. В связи с этим образование является той средой в которой формируется национальная идентичность общества, сохраняются духовно-культурные ценности.

В основе национальной безопасности лежат доктринальные конституционные положения, которые опираются на современный уровень науки, техники, технологий, обеспечиваемые за счет функционирования системы военно-патриотического воспитания. Для страны очень важно контролировать внутренние образовательные и воспитательные процессы, в связи с этим принимаются необходимые законы, обеспечивающие более полную реализацию военно-патриотического воспитания, обеспечение интересов личности, защите её от внутренних и внешних угроз.

Воинская обязанность носит целевой публичный характер, является гарантией основ конституционного строя и её реализация взаимосвязана с конституционно-правовым статусом гражданина. Долг защиты Отечества взаимосвязан с воинской обязанностью на основе права и нравственного императива личности.

Конституционные обязанности гражданина, включая воинскую обязанность имеют естественное происхождение. Ответственность за Родину перед нынешним и будущими поколениями упомянута и в преамбуле Конституции РФ. Сущность воинской обязанности – это военная подготовка, несение военной службы и участие в защите Отечества.

Несмотря на Нюрнбергский процесс, который: «явился ответом на небывалые в мировой истории злодеяния нацистов и милитаристов» [1, С. 42] преступления против человечества продолжаются и приобретают более извращённые формы. Поэтому на сегодняшний день неоспоримо значение воинской обязанности гражданина в публично-правовых интересах государства и общества в защите Отечества, как главной конституционной ценности.

Согласно ч. 3 ст. 67.1 Конституции РФ: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества…», поэтому сам подвиг имеет конституционно-правовое значение и охрану, а воинская обязанность является одной из правовых гарантий суверенитета и национальной безопасности государства.

Воинская обязанность с точки зрения юридической обязанности реализуется не только в процессе прохождения обязательной военной службы, военной подготовки, но и в вооружённой обороне государства.

Защита Отечества, является одной из основных конституционных ценностей, частью доктрины национальной безопасности России, приоритетной целью российской государственности, при четкой реализации данной обязанности реализуется ценностный смысл, находящийся в содержании конституционных идей. Защита Отечества должна быть одной из главных задач государственной политики в обеспечении эффективного функционирования конституционных ценностей, трансформации их в нормативно составляющие положения, закрепления в национальном законодательстве, реализацию в общественной жизни граждан.

Список цитируемой литературы:

1. Конюхова, И.А. Правовые формы участия Российской Федерации в деятельности международных судов: современное состояние и перспективы расширения / И. А. Конюхова, Е. Д. Костылева // Журнал Конституционного правосудия. – 2009. – № 6. – С. 37-48.

2. Костылева, Е.Д. Конституционные ценности и цели как ограничители прав и свобод человека в решениях Конституционного Суда РФ / Е. Д. Костылева // Современный юрист. – 2020. – № 2(31). – С. 98-108.

3. Умнова-Конюхова, И.А. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав / И. А. Умнова-Конюхова, Е. Д. Костылева // Правосудие. – 2023. – Т. 5. – № 2. – С. 110-131.

4. Умнова-Конюхова, И.А. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации актуальные проблемы теории и практики: учебное пособие / И. А. Умнова-Конюхова, Е. Д. Костылева. – Москва: Российский государственный университет правосудия, 2023. – 156 с.

Маганкова А.А., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры,
председатель КА «ПАРТНЕР» Смоленской области,
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Смоленский филиал, г. Смоленск
заведующий юридической клиникой
ОЧУ ВО «Международный юридический институт»
Смоленский филиал, г. Смоленск
Ревенко Я.Д., канд. юрид. наук, доцент кафедры
ОЧУ ВО «Международный юридический институт»
Смоленский филиал, г. Смоленск

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРОБАЦИИ В РОССИИ

Аннотация

В данной статье исследованы процессуальные и организационные аспекты формирования и эволюции института пробации осужденных в Российской Федерации. Основанием для этого послужило Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 года № 1138-р, подвергшееся обновлению в 2023 году. В рамках статьи осуществляется анализ функций и задач органов уголовно-исполнительной системы, связанных с процессом ресоциализации и реабилитации лиц, которые были освобождены из мест лишения свободы.

Ключевые слова: пробация, осужденные, исполнительная пробация, пенитенциарная пробация, постпенитенциарная пробация.

Одной из ключевых областей реформирования уголовно-исполнительной системы в России является развитие института пробации. Этот институт направлен на содействие в трудоустройстве, обеспечении стабильного места жительства, а также на предоставление юридической и психологической помощи осужденным. Институт пробации в России продолжает вызывать активные обсуждения среди теоретиков и практиков. Важно выявить факторы, которые способствуют его значимости и эффективности в рамках уголовно-исполнительной системы.

В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации, концепция развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года акцентирует внимание на необходимость создания системы поддержки для осужденных, что является ключом к их успешной реинтеграции в общество [2]. В данном контексте Президент России В. Путин в своем выступлении 31 января 2022 года подчеркивает значимость пробации, указывая на то, что она должна способствовать подготовке осужденных к освобождению и их социальной адаптации [3]. Федеральная служба исполнения наказаний (ФСИН) яв-

ляется основным органом, осуществляющим реализацию задействованных механизмов пробации. Важным аспектом этого процесса является индивидуальный подход к каждому осужденному, что позволяет эффективно реализовать цели ресоциализации и реабилитации.

В соответствии с Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ, в последние годы подчеркивается необходимость оказания помощи лицам, содержащимся в условиях изоляции от общества. Однако, практика реализации данного положения остается недостаточной. Многочисленные исследования указывают на особый характер социальной среды осужденных, обусловленный их фактической изоляцией от общества и ограничениями в организации досуга. Эти условия могут способствовать рецидиву преступлений, учитывая, что в учреждениях, выполняющих функции лишения свободы, находятся личности, ранее совершавшие правонарушения различной степени тяжести.

Важно отметить, что в условиях изоляции существующие конфликты между осужденными имеют множество оснований, что требует активного вмешательства психологической службы и воспитательных отделов в исправительных учреждениях. На основании исследования пенитенциарной литературы можно выделить ряд факторов, препятствующих эффективному исправительному воздействию на осужденных:

1. Недостаточное обеспечение необходимых условий содержания, что негативно сказывается на психическом состоянии осужденного;
2. Отсутствие разделения по срокам отбывания наказания, что приводит к совместному размещению осужденных с различными сроками заключения;
3. Обостренные условия быта, препятствующие социальной адаптации;
4. Недостаток навыков компромисса у осужденных;
5. Конфликты на религиозной и политической почвах;
6. Стремление осужденных решать личные проблемы самостоятельно, сопровождающееся недоверием к специалистам-психологам.

Основная цель пробации заключается в ресоциализации осужденных и оказании им помощи в возвращении к полноценной жизни. Это подразумевает целый спектр мероприятий, таких как:

- Психологическая и правовая помощь, необходимая для преодоления трудностей, связанных с адаптацией.
- Предоставление необходимых документов, облегчающих процесс трудоустройства и восстановление прав.
- Проведение социальных и образовательных мероприятий, направленных на улучшение навыков и социальной активности.

Таким образом, пробация не только помогает осужденным адаптироваться к новой жизни, но и уделяет внимание защите их прав и законных интересов.

Законодатель выделяет три основных вида пробации:

1. Исполнительная пробация – совокупность мер, направленных на помощь гражданам, не подлежащим изоляции от общества.

2. Пенитенциарная пробация – мероприятия, проводимые в исправительных учреждениях, которые направлены на исправление осужденного и его подготовку к жизни в обществе.

3. Постпенитенциарная пробация – помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы, для их интеграции в общество [1].

Данная стратификация, зафиксированная в законе о пробации, рассматривается как шаг вперед в правовых основах пенитенциарной системы, которые были установлены в Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2030 года [2]. Каждый из этих видов пробации играет важную роль в процессе ресоциализации осужденных и обеспечивает их плавный переход к нормальной жизни.

Некоторые ученые, такие как Н.В. Ольховик [6], Н.А. Овчинникова [5] и Л.А. Сарафанникова [7], высказывают мнение о необходимости существования допенитенциарной пробации, которая включала бы в себя следующие меры:

1. Досудебную и судебную пробацию, помогающую подозреваемым в преступлениях.

2. Подготовку необходимой информации о личности подсудимого для суда.

3. Оказание помощи в сборе материалов при избрании меры пресечения.

4. Применение методов медиации, способствующих разрешению конфликтов до обращения в суд.

Однако критики данного подхода утверждают, что многие из этих действий следует относить к полномочиям адвоката, а не пробационного работника. Это создает дискуссию в научных кругах о том, какую именно роль должна выполнять пробация на разных этапах уголовного процесса. Необходимо подчеркнуть, что соблюдение законодательных требований к адвокату является недостаточным условием для обеспечения качества предоставляемых услуг. В. В. Конин утверждает, что качество адвокатских услуг зависит от личностных характеристик адвоката, которые не имеют законодательного закрепления[4]. Таким образом, мы разделяем точку зрения, согласно которой адвокат не может быть рассматриваться как субъект, осуществляющий допенитенциарную пробацию.

Одной из актуальных проблем, возникающих в процессе реализации законодательства о пробации, является необходимость уточнения

термина «трудная жизненная ситуация». Согласно статье 5 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации», комплекс мер по пробации применяется исключительно к определённым категориям осуждённых и освободившихся из мест лишения свободы или исправительных учреждений, которые находятся в трудной жизненной ситуации. Однако закон не включает критерии, определяющие, что именно понимается под трудной жизненной ситуацией.

Согласно закону, уголовно-исполнительные инспекции обязаны (в соответствии со статьей 28) осуществлять оценку индивидуальных потребностей в ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации лиц, в отношении которых принято решение о применении пробации. При проведении такой оценки уполномоченные органы руководствуются приказом Министерства юстиции России от 29 ноября 2023 года № 350, в котором установлены критерии и методики оценки нуждаемости, представленные в приложении № 4 к этому приказу.

Однако важно отметить, что признание осуждённого нуждающимся в ресоциализации и социальной адаптации не гарантирует, что это лицо будет официально признано находящимся в трудной жизненной ситуации органами социальной защиты или службой занятости. Это обусловлено тем, что критерии для определения трудной жизненной ситуации устанавливаются в соответствии с законодательством о занятости и социальном обслуживании и не совпадают с параметрами, определёнными в приказе Минюста.

Критерии для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании прописаны в части 1 статьи 15 Федерального закона № 442-ФЗ от 28 декабря 2012 года «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». В то же время, критерии для признания граждан безработными определены в части 1 статьи 3 Федерального закона № 565-ФЗ от 12 декабря 2023 года «О занятости населения в Российской Федерации».

В данной ситуации лицо, для которого применяется исполнительная пробация, признано уголовно-исполнительной инспекцией нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации. Однако оно не сможет получить необходимую помощь, поскольку действующее законодательство о занятости населения и социальном обслуживании в Российской Федерации не допускает признания данного лица находящимся в трудной жизненной ситуации. Для разрешения данной проблемы необходимо провести унификацию критериев оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации с критериями, определяющими статус лица, находящегося в трудной жизненной ситуации.

Подводя итог, можно выделить следующие положительные и отрицательные аспекты органа пробации в России:

Плюсы института пробации

1. Снижение уровня рецидивизма. Пробация предоставляет осужденным возможность избежать лишения свободы, что, в свою очередь, может снижать риск рецидивов. Программа пробации обычно включает в себя меры по социальной адаптации и поддержке, что способствует успешной реинтеграции.

2. Поддержка реабилитации. Институт пробации акцентирует внимание на реабилитации, в отличие от традиционного уголовного наказания. Осужденные получают доступ к психологической, социальной и профессиональной помощи, что облегчает их возвращение к нормальной жизни.

3. Снижение нагрузки на исправительные учреждения. Пробация позволяет разгрузить тюремную систему, что важно в условиях существующих проблем с перенаселенностью и нехваткой ресурсов в российских тюрьмах и колониях.

4. Гуманизация уголовного правосудия. Введение пробации свидетельствует о переходе к более гуманных подходам в уголовном правосудии, что способствует снижению стигматизации осужденных и улучшению общественного восприятия реабилитации.

5. Экономическая эффективность. Исполнение уголовных наказаний в виде пробации, как правило, требует меньших затрат по сравнению с содержанием осужденных в тюрьмах, что делает этот подход более экономически эффективным.

Минусы института пробации

1. Недостаток ресурсов. Необеспеченность необходимыми ресурсами (финансовыми, человеческими) для реализации программ пробации часто мешает их эффективному функционированию. В некоторых случаях наблюдается нехватка квалифицированных специалистов, которые могли бы проводить реабилитацию.

2. Социальная стигматизация. Осужденные, находящиеся на пробации, могут сталкиваться с предвзятым отношением со стороны общества. Это усиливает социальную стигму и может создавать препятствия для их реинтеграции.

3. Неполная правовая база. Пробирование в России как институт находится на стадии развития, и ряд аспектов его функционирования до сих пор требует дальнейшего доработки и правового регулирования.

4. Риски нарушения условий пробации. Осужденные могут не соблюдать условия пробации, что иногда приводит к необходимости их повторного наказания. Это не всегда эффективно и не всегда результативно.

5. Применение пробации в преступлениях тяжкой категории. Проблема заключается в том, что пробация не всегда может быть адекватно применена к лицам, совершившим тяжкие преступления. В таких случаях возникают дебаты о том, насколько оправдано освобождение этих лиц под надзор.

В заключении отметим, что эффективная система пробации может значительно сократить уровень рецидивов и помочь осужденным интегрироваться в общество. Оценка действующего законодательства и практика применения пробации должны стать основой для создания более гуманной и эффективной системы уголовного правосудия. Эффективность пробации зависит от четкой организации работы пробационных служб, наличия социальных программ, а также от понимания важности этой системы как альтернативы лишению свободы. Закон 2023 года "О пробации" открывает возможности для дальнейшего развития и совершенствования системы, обеспечивая тем самым устойчивое общество и способствуя снижению уровня рецидивной преступности в стране.

Подходы к разрешению текущих проблем пробации могут стать ступенькой к созданию безопасного и справедливого общества, где возможности для реабилитации осужденных будут максимально реализованы.

Список цитируемой литературы:

1. О пробации в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 06 февраля 2023 г. № 10-ФЗ (в ред. от 29 мая 2024 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 6. – Ст. 917.

2. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (в ред. от 27 мая 2023 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 20. – Ст. 3397.

3. Владимир Путин обсудил с министром юстиции проблемы заключенных [Электронный ресурс]. Российская газета. – URL: https://rg.ru/2022/01/31/vladimir-putin-obsudil-s-ministrom-iusticii-problemy-zakliuchennyh.html (дата обращения: 14.02.2025)

4. Конин, В.В. Право на квалифицированную юридическую помощь и ее доступность: некоторые теоретические вопросы / В.В. Конин // Адвокат. – 2013. – № 6. – С. 9-16.

5. Овчинникова, Н.А. Перспективы формирования службы пробации в Российской Федерации: международно-правовой аспект / Н.А Овчинникова // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (Воронеж, 6-7 июня 2012 г.). – Воронеж : Научная книга, 2012. – С. 379-384.

6. Ольховик, Н.В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов пробации с институтами гражданского общества / Н.В. Ольховик// Вестник Кузбасского института. – 2023. – № 1. – С. 71-79.

7. Сарафанникова, Л.А. Институт пробации в РФ / Л.А. Сарафанникова // Научно-практические исследования. – 2020. – № 11-5(34). – С. 10-12.

Макаров О.В., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СТРОИТЕЛЬСТВА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОСТИ И РЕАЛИЗАЦИИ

Аннотация

В статье рассмотрены концептуальные основы гражданско-правового регулирования строительства и иных организационно-экономических форм оперирования с недвижимостью. Отстаивается идея обеспечения максимальной взаимосвязи частно-правовых и публично-правовых предписаний и требований в области строительства.

Ключевые слова: гражданское право, строительство; воссоздание и реставрация, договор строительного подряда.

Интересное обстоятельство: термин «строительство» впервые встречается в ст.130 Гражданского кодекса РФ, правда, применительно к целям определения правового режима объектов незавершенного строительства. С учетом того, что сам по себе Гражданский кодекс РФ состоит из свыше полутора тысяч статей, дополняемых множеством статей, содержащихся в иных источниках позитивного права, и с учетом объема гражданско-правового регулирования общественных отношений, – это достаточно симптоматично. Далее ст.141.3 Гражданского кодекса РФ применительно к таким объектам недвижимости как здания и сооружения предусматривает «строительство» как организационно-технический и экономико-правовой способ их создания. Сравнительный анализ ст. ст. 141.3 – 141.5 Гражданского кодекса приводит к выводу о том, что строительство представляет собой частный случай (или вид, форму) создания недвижимости, поскольку объекты недвижимости могут создаваться и иными способами.

Что касается рукотворных (искусственных) земельных участков, то первоначально они должны быть созданы, поскольку Федеральный закон от 19.07.2011 № 246-ФЗ «Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] рассматривает искусственные земельные участки именно как созданные сооружения. После создания, строительства и ввода в эксплуатацию правовой режим образования искусственных земельных участков подчиняется общим правилам об образовании нерукотворных земельных участков (глава I.1 Земельного кодекса РФ [2]. Предписания главы I.1 Земельного кодекса РФ носят как организационно-технический, так и формально-правовой характер. Ясно, однако, что субстанция не создается, а манипуляции относятся к форме субстанции: тем не менее, результатом применения различных способов образования земельных участков будет новый объект недвижимости.

Само по себе понятие строительства моделируется в Градостроительном кодексе РФ [3], согласно которому под строительством понимается процесс создания зданий, строений, сооружение; поскольку искусственный земельный участок представляет собой сооружение, то термин «строительство искусственного земельного участка» вполне применим. Поскольку разрешение выдается как на строительство, так и на реконструкцию, то, видимо, вполне обоснован вывод о наличии достаточно общих черт правового режима строительства и реконструкции. Здание, строение, сооружение в организационно-правовом смысле рассматривается в позитивном праве как результат строительства; то же самое здание, строение, сооружение, находящееся в процессе строительства, рассматривается как объект капитального строительства (или объект незавершенного строительства). Капитальность означает будущее качество неразрывности созданного здания, строения, сооружения с местом нахождения, сто обуславливает ряд организационно-технических и формально-юридических особенностей строительства. Именно поэтому Градостроительный кодекс РФ выделяет некапитальные строения и сооружения, которые вполне и достаточно легко могут быть перемещены в другое место. По этой же причине некапитальные улучшения земельного участка: правда Градостроительный кодекс выделяет неотделимые улучшения земельного участка (замощение, покрытие, иное); однако, ясно, что это неудачное классифицирование неотделимых, поскольку земельного участка, поскольку замощение или покрытие вполне может быть отделено от земельного участка и заменено на более качественное и эффективное.

Неотделимые улучшения земельного участка – это, видимо, что-то иное.

Рассмотрим проблему на примере земель сельскохозяйственного назначения. Федеральный закон от 16.07.1998 № 101-ФЗ (в ред.26.12.2024) «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» [4], оперирующим таким понятием как воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения, а воспроизводство плодородия земель сельскохозяйственного назначения содержательно состоит из различного рода мероприятий, направленных на сохранение и повышение плодородия почв. В варианте сохранения плодородия почв качество и свойства почв не улучшаются, а всего лишь находятся на некоем достигнутом уровне, хотя по себе сохранение плодородия почв может быть достаточно затратным. В варианте повышения плодородия почв явно требуется проведение каких-то мероприятий, направленных на улучшение почв, возникают неотделимые улучшения почвы и земельных участков, вложения в мероприятия по повышению плодородия почв приобретают характер капитальных: в этом варианте если речь не идет о строительстве, то о некоем обновлении, модернизации земель вполне можно говорить.

Роль и значение улучшения земель и повышение плодородия почв вытекает естественным образом из того места, какое земля занимает среди всех природных ресурсов.

Между тем, правовой режим новации и модернизации земель и почв не заняли того места в системе правового регулирования, какое они должны занять.

Теоретически и практически, юридически и экономически позитивное стимулирование улучшения земель и повышения плодородия почв (и вообще нерукотворных объектов) в позитивном праве отсутствуют. Имеются правовые предписания, направленные против негативного воздействия на землю и иные компоненты природной среды [5], что явно недостаточно. Проблема заключается не только в первичности, изначальной роли и значении компонентов природной среды в развитии экономики и социальной сферы, но и в том, что эффективное и качественное использование компонентов природной среды невозможно без надлежащих объектов недвижимости. Таким образом, складывается проблема взаимодействия нерукотворных и рукотворных объектов недвижимости, их соотношения и взаимовлияния и развития.

В отношении рукотворных объектов недвижимости возможно их воссоздание: речь, прежде всего, идет о воссоздани утраченного объекта культурного наследия. Для России проблема воссоздания утраченных объектов культурного наследия более чем актуальна. Предусматривая воссоздание утраченного объекта культурного наследия, Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (в ред.26.12.2024) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации» [6] не формулирует понятие воссоздания, смешивая с понятием реставрация. В случаях с храмом Христа Спасителя или мечетью Кул Шариф реставрировать было, по сути дела, нечего, поскольку оба объекта погибли в результате известных исторических событий и их необходимо было строить заново. Реставрация все-таки предполагает существование объекта культурного наследия и возможность его приведения в прежнее или более лучшее состояние. Представляется, что с учетом особой значимости воссоздание и реставрация объектов культурного наследия могут осуществляться в особом правовом режиме. Поскольку Градостроительный кодекс РФ не знает понятия воссоздания и реставрации, постольку требует определение соотношения градостроительного законодательства и законодательства об объектах культурного наследия в части регулирования строительно-монтажных, реставрационных, инженерно-технических работ и архитектурно-строительного проектирования.

Если Градостроительный кодекс РФ закрепляет общее понятие строительства, то такого не формулируется в отношении реконструкции и капитального ремонта объектов недвижимости. Принципиальной ошибкой является закрепление понятий «реконструкция» и «капитальный ремонт» по отношению к объектам капитального строительства. Объекты капитального строительства закрепляются Градостроительным кодексом РФ как объекты незавершенного строительства, находящиеся в процессе создания, появления. Реконструировать или, тем более, капитально ремонтировать можно завершенные строительством объекты, т.е. здания, строения, сооружения. Пока же строительство не завершено, реконструкционные и ремонтные работы охватываются строительно-монтажными работами. После же завершения строительства и ввода объекта в эксплуатацию возможна его реконструкция или капитальный ремонт с учетом степени физического и морального износа, изменения целевого назначения и видов разрешенного использования и других условий использования.

Не случайно ст. 740 Гражданского кодекса РФ предусматривает возможность заключения и исполнения договора строительного подряда именно на реконструкцию предприятия, здания, сооружения или иного объекта и на капитальный ремонт зданий и сооружений.

Применительно к правовому регулированию строительства одна из сложнейших проблем состоит в сочетании частных и публичных интересов.

В литературе высказана точка зрения о том, что исполнение договора строительного подряда неизбежно затрагивает публичные интересы [7. С.267]. На самом деле, проблема сочетания частных и публичных интересов складывается и должна решаться не на стадии ис-

полнения договора строительного подряда и даже не на стадии его заключения, а на стадии территориального планирования, зонирования и проектирования. Проблема заключается в том, что в источниках позитивного права не выражена взаимосвязь между территориальным планированием, зонированием, проектированием и заключаемыми договора строительного подряда. Представляется, что ст. 740 Гражданского кодекса РФ должна отражать взаимосвязь частно-правового и публично-правового регулирования и дополнена указанием на необходимость соблюдения сторонами договора строительного подряда публично-правовых предписаний и требований на любой стадии заключения и исполнения договора строительного подряда.

Основные выводы: 1) научная разработка гражданско-правовой концепции строительства и взаимосвязанных со строительством организационно-экономических и правовых форм назрела в условиях усиливающейся сложности социально-экономических отношений и 2) реализация обоснованной концепции, прежде всего, обуславливает необходимость усиления взаимосвязей между частно-правовыми и публично-правовыми режима осуществления различных видов строительных и реставрационных работ.

Список цитируемой литературы:

1. Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 19 ноября 2011 г. № 246-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. – № 30, ч. 1. – Ст. 4594.

2.Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 23 марта 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1, ч. 1. – Ст. 16.

4. О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения: федер. закон Рос. Федерации от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. –1998. – № 29. – Ст. 3399.

5. Об охране окружающей среды: федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.

7. Николаева, З.Е. Увеличение цены в следствии существенного изменения обстоятельств в договоре строительного подряда: отечественный и зарубежный опыт / З.Е. Николаева, К.Ф. Егоров // Проблемы строительного права. Выпуск 1: сборник статей / Отв. ред. В.Н. Щербаков. – Москва: Статут, 2022. – С. 256. – 272.

Макурин П.С., ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк

ЦЕНЗУРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Аннотация

Статья посвящена сложной и противоречивой природе цензурной политики в России в конце XVIII – начале XIX века. Рассматривается ужесточение цензурной политики в России в период правления Екатерины II и ее преемников. Приводятся примеры цензурных распоряжений Екатерины II, направленных на запрет публикаций, которые могли угрожать устоям власти, а также указываются меры, предпринятые Павлом I для усиления контроля над печатью. Описывается процесс институционализации цензуры в виде отдельного ведомства, изменения ее функции с приходом Александра I и принятием Уставов о цензуре. Рассматривается процесс пересмотра цензурных правил.

Ключевые слова: цензура, Екатерина II, Павел I, Александр I, типография, печать, указ, манифест, устав, запрет, книги, библиотека, ужесточение, ограничение, автор, свобода, идеи.

Ужесточение цензурной политики Екатерины II, как правило, связывают с французской революцией (1789–1794), вызвавшей стремление всех европейских правительств принять меры против проникновения в их страны революционных идей [13]. А. М. Скабичевский, ставя под сомнение причины изменения цензурного режима в России, пишет: «Но смею думать, что далеко не одним впечатлением революции обусловливается эта реакция. Революция могла служить ей оправданием, могла обострить ее проявления и довести до прискорбных крайностей, но главная причина ее коренилась в иных обстоятельствах, чисто внутрен-

них и наших собственных. Не надо забывать при этом, что первые признаки реакции проявились уже в 1785 году, т. е. за 4 года до созыва Людовиком XVI государственных штатов, когда о революции никто еще и не помышлял, и разразились эти первые громы реакции вовсе не над какими-нибудь вольтерианцами и вольнодумцами, увлеченными французскими идеями, а над благочестивыми и набожными мартинистами, не помышлявшими ни о каких революционных переворотах.

Дело заключалось в том, что в правительственных сферах этого времени преобладали воспитанные в духе старых порядков люди, которые никак не могли привыкнуть к тому, чтобы в обществе совершалось какое бы ни было умственное движение, самостоятельное, независимое и не имеющее ни малейшего официального характера» [16].

Сказанное А. М. Скабичевским подтверждается распоряжениями императрицы, изданными в это время. Так, рескриптом от 23 сентября 1784 г., адресованным Московскому военному губернатору И. П. Архарову, приказывалось запретить печатание в Москве «ругательной истории Ордена иезуитов». Этот акт, к тому же, свидетельствует о том, что первое цензурное преследование в царствование Екатерины II пришлось на работу об иезуитах [16].

Именным указом от 23 декабря 1785 г. губернатору Москвы графу Брюсу [16] предписывалось: «В рассуждение, что из типографии Новикова выходят многие старинные книги, прикажите Губернскому Прокурору, сочиня роспись оным книгам, отослать оную с книгами вместе к Преосвященному Архиепископу Московскому; а его Преосвященство имеет особое от нас повеление, как самого Новикова приказать испытать в законе нашем, так и книги его типографии освидетельствовать, и что окажется, нам донести и Синод наш уведомить. Сверх того, нужно есть, чтобы вы согласились с Преосвященным Архиепископом об определении одного или двух духовных особ, вместе с светскими, для освидетельствования книг, выходящих из Новиковой и других вольных типографий, где что-либо касается до веры или дел духовных, и для наблюдения, чтобы таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрывается» [1].

23 января 1786 г. Брюсу был адресован еще один именной указ Екатерины II, согласно которому повелевалось объявить Новикову, что типографии созданы для печатания полезных книг, а не сочинений, «наполненных новым расколом для обмана и уловления невежд» [16].

В последний год жизни Екатерина II издает наиболее реакционные распоряжения. Указом от 16 сентября 1796 г. фактически отменяется указ от 1783 г. о вольных типографиях. Их запрет обосновывался просто: для издания полезных и необходимых книг вполне достаточно официально утвержденных типографий [2].

Во время правления Павла «цензура … вышла из всех берегов: она перестала ограничиваться одной прессой, а вторглась во все пределы жизни, начала наблюдать над каждым словом и шагом людей, стремясь проникнуть в самые сокровенные их мысли…» [16]. В эти годы цензура получила институциональное закрепление, она была представлена в виде отдельного ведомства [18], что нашло отражение в ряде указов и распоряжений императора. Так, высочайше утвержденным докладом Сената от 16 февраля 1797 г. [14] были определены порядок формирования штатов цензуры, представительство от Академии наук, Синода и Сената. Согласно именному указу от 4 июля 1797 г. было предписано все книги, «кои окажутся сомнительными, представлять на рассмотрение Совету» [3]. По сути, в России была создана новая цензурная инстанция – правительственная организация, осуществлявшая непосредственный надзор за издаваемой литературой.

Абсолютное большинство указов Павла о цензуре выдержаны в духе последних распоряжений Екатерины II, имеют четко читаемую цель: отгородить Россию от проникновения идей революционной Европы. В этой связи принимались меры, направленные на совершенствование цензурного режима, как правило, характеризующиеся его ужесточением.

Вместе с тем было бы несправедливым не видеть положительные проявления (правда, единичные) цезурной политики Павла. Так, с 13 августа 1797 г. предписывалось «из всех казенных и вольных типографий всякой в печать издаваемой книги по одному экземпляру доставлять в Библиотеку Санкт-Петербургской Академии наук» [4]; указом от 24 апреля 1798 г. сохранялась типография в Дерпте, а контроль за выпускаемыми книгами возлагался на рижскую цензуру [5].

Первые шаги Александра в обществе были восприняты как отмена всякой цензуры [6]. Однако это были иллюзии, несмотря на то, что в именном указе от 9 февраля 1792 г., данном Сенату, «О уничтожении цензур, учрежденных в городах и при портах; о дозволении учреждать вольные типографии и о поручении Губернаторам рассматривать вновь издаваемые книги» признавалось: «По уважению внешних обстоятельств, хотя и признано было в 1796 году нужным существовавшие до того времени правила на пропуск книг иностранных и учреждение типографий внутренних переменить, и вследствие того установить особые цензуры, подчинить строгому их рассмотрению все сочинения, как извне привозимые, так и внутри Империи издаваемые, с уничтожением и существовавших дотоле вольных типографий; но как с одной стороны внешние обстоятельства, к мере сей Правительство побудившие, прешли, и ныне уже не существуют, а с другой – пятилетний опыт доказал, что средство сие было и весьма недостаточно к

достижению предполагаемой им цели: то по уважениям сим и признали Мы справедливым, освободив сию часть от препон, по времени соделавшихся излишними и бесполезными…» [7]. На самом деле цензура не устранялась, она из ведения полиции передавалась в ведомство народного просвещения [12].

В годы правления Александра был разработан и 9 июля 1804 г. был принят самый либеральный, из имевшихся в России, Устав о цензуре [8], отражающий тенденции первых лет его царствования. Он состоял из 47 пунктов, был подписан членами подготовившей его комиссии (8 чел.). Согласно п. 2 Устава цензура предусматривалась для того, чтобы «доставить обществу книги и сочинения, способствующие к истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению». Поэтому «…ни одна книга или сочинение не должно быть напечатано в Империи Российской, ни пущено в продажу, не быв прежде рассмотрено Цензурой» (п. 3). Для осуществления такого контроля за издаваемой литературой учреждались цензурные комитеты при университетах, в состав которых входили профессора и магистры. Церковные книги и сочинения, относящиеся к Священному Писанию, вере либо толкованию закона Божия и святости, подлежат духовной цензуре, находящейся в ведении Святейшего Синода и епархиальных архиереев.

В Уставе особо выделялась ответственность автора («сочинителя»), переводчика и издателя за нарушение цензурных требований (отд. III, п. 37–47). Весь тираж издания, опубликованного без разрешения цензора, подлежал конфискации в Приказ общественного призрения; если книга была издана не за счет издателя, но при этом не содержала оскорблений чести и достоинства гражданина (п. 18) или «мыслей и выражений, явно отвергающих бытие Божие … против веры и законов Отечества, оскорбляющая Верховную власть», не являлась противной духу общественного устройства (п. 19), то дополнительно взыскивались все расходы, связанные с подготовкой и тиражированием литературы (п. 43). «Если же книга или сочинение, напечатанные без позволения Цензуры, будут сверх того содержать в себе места, упомянутые в 18 и 19 пунктах … Устава, в таком случае содержатель типографии и издатель отсылаются к суду; а книга или сочинение предаются сожжению» (п. 44).

Оценивая Устав, Ю. М. Батурин замечает: «…возможность административного произвола дала импульс к довольно быстрому ограничения свободы печати. Опыт Устава 1804 г. показал, что недостаточно лишь провозгласить “совершенную свободу тиснения, возвышающую успехи просвещения” (§ 22). Без необходимых правовых

гарантий и механизма судебной защиты неизбежен полный произвол цензуры» [12].

Манифестом от 25 июля 1810 г. «О разделении Государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих» [9], подготовленным М. М. Сперанским, «дела по цензурным установлениям» были отнесены в ведение «Министерства полиции» (§ 12). В 1811 г. в структуре полиции была создана Цензурная ревизия, в компетенцию которой входило: «надзор за книгопродавцами и типографиями. Наблюдение, чтоб не обращались книги, журналы, мелкие сочинения и листки без установленного от Правительства дозволения. Сведения о дозволениях, данных для тиснения новых сочинений и переводов. О вновь пропущенных из-за границы книгах. Дозволения представления новых театральных сочинений. Надзор над изданием и обращением разных публичных известий (афишей) и проч. предметов сего рода» (§ 54) [10].

Таким образом, цензурные комитеты оказались в двойном подчинении: во-первых, Главного управления училищ при министерстве народного просвещения; во-вторых, комитета цензурной ревизии Особенной канцелярии Министерства полиции [16].

Устав о цензуре 1804 г. действовал весь период правления Александра I – до 1826 г., когда был принят новый Устав. В докладе его императорскому Величеству отмечалось: «Благосостояние Государств утверждается на вере и добрых нравах; а потому Правительства просвещеннейших народов Европы, в разные времена, изыскивали все возможные средства к сохранению сих оснований общественного благоденствия невредимыми.

К числу таковых средств принадлежат Цензурные постановления, которые появлялись в разных Государствах, со времени введения книгопечатания и потом изменялись, сообразно с успехами просвещения, или переменами в политическом их существовании» [11].

10 июня 1826 г. был принят новый Устав о цензуре [11], «прозванный за крайнюю стеснительность для литературы – чугунным» [15]; «по словам С. Н. Глинки, по нему даже “Отче наш” можно было истолковать якобинским наречием» [14]. Он был почти в пять раз объемнее, чем его предшественник, содержал 230 параграфов. Выделенные в нем главы дают общее представление о содержании Устава: 1) О цензуре вообще; 2) Управление и состав цензуры; 3) Состав Главного и других Цензурных Комитетов; 4) Порядок определения и увольнения; 5) Порядок производства дел в Верховном Цензурном Комитете и обязанности оного; 6) Порядок производства дел в главном и прочих Цензурных Комитетах и обязанности оных; 7) Порядок производства дел в общих собраниях Цензурных Комитетов и случаи, подлежащие

рассмотрению сих собраний; 8) Обязанности книгопродавцев и содержателей библиотек для чтения; 9) О содержателях типографий и литографий; 10) Об исключениях из общих Цензурных правил; 11) О приобретении права издавать ведомости и другие повременные издания; 12) «Глава вторая на десять, содержащая общие положения для руководства при рассматривании разного рода произведений»; 13) Правила для руководства Цензоров; 14) О книгах и сочинениях по части Словесности, Истории, Географии и Статистики, с включением правил относительно изображений, предполагаемых к гравированию и литографированию; 15) О сочинениях Логических, Философических, Юридических, а также по части естественных наук и Медицины; 16) О книгах Еврейских; 17) Об Адвокатских голосах, позывах, манифестах и других статьях по тяжебным делам в присоединенных от Польши Губерниях; 18) Порядок и мера ответственности лиц, употребляемых по Цензуре, или имеющих к ней отношение; 19) О правах Председателей Цензурных Комитетов и Цензоров на пенсионы.

Таким образом, Устав представлял собой комплексный законодательный акт, вобравший институционально-организационные, содержательные, процедурные и иные аспекты деятельности цензурных органов. Обращает на себя внимание выделение цензуры по предмету ее осуществления: книг – татарских, армянских и др.; отраслей наук – логики, философии, юриспруденции и др.; изданий – периодики, литературы и искусства (цензуре подлежали даже афиши и объявления). Устав получился крайне реакционным, «мелочный педантизм Шишкова, стремление все до деталей регламентировать привели к тому, что уставом оказалось невозможно пользоваться» [14].

П. С. Рейфман утверждает, что к Уставу о цензуре прилагалась секретная инструкция для цензоров [14], но в открытой печати она не приводится.

Правила, предусмотренные Уставом о цензуре 1826 г., применялись очень строго [19], что привело к многочисленным цензурным делам [17].

«…К счастью, он (Устав. – *Ю. К.*) просуществовал недолго. С одной стороны, явился случайный повод – пересмотр правил об иностранной цензуре, с другой стороны, в правительственных сферах восторжествовало мнение, что невозможно, опасно брать всю литературу под безусловную опеку правительства» [19].

Таким образом, цензурная политика в России в конце XVIII – начале XIX века претерпела значительные изменения, связанные как с внутренними, так и с внешними факторами. Цензурная политика в России того времени была сложной и противоречивой, сочетая элементы контроля и попытки просвещения. Несмотря на некоторые по-

пытки смягчить цензуру, в конечном итоге она оставалась инструментом власти, направленным на подавление инакомыслия и защиту существующего порядка. В результате, цензура оказала значительное влияние на развитие культуры и общественной мысли, ограничивая свободу выражения и доступ к информации.

Список цитируемой литературы:

1. Об определении духовных особ вместе с светскими для освидетельствования книг, выходящих из вольных типографий в Москве: именной указ Екатерины II от 23 декабря 1785 г., данный главнокомандующему в Москве графу Брюсу // ПСЗ Российской империи. – 1785. – Т. 23. – № 16301.

2. Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец цензур в городах Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивиловской таможне, и об упразднении частных типографий: указ Екатерины II от 16 сентября 1796 года // ПСЗ Российской империи. – 1783. – Т. XXIII. – № 17508.

3. О представлении книг на разсмотрение Совета Его Императорского Величества, признаваемых Цензурою недозволенными и сомнительными: именной указ Павла I от 4 июля 1797 года // ПСЗ Российской империи. – 1797. – Т. XXIV. – № 18032.

4. О доставлении со всякой в печать издаваемой книги по одному экземпляру в Библиотеку Академии Наук: Сенатский указ от 13 августа 1797 года // ПСЗ Российской империи. – 1797. – Т. XXIV. – № 18094.

5. Об оставлении по прежнему имеющейся в Дерпте Типографии и о невыпуске из оной никаких сочинений без одобрения Рижской Цензуры: именной указ Павла I от 24 апреля 1798 года // ПСЗ Российской империи. – 1798. – Т. XXIV. – № 18094.

6. Об отмене запрещения ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты и дозволении типографиям печатания книг: именной указ Александр I от 31 марта 1801 г., данный Сенату // ПСЗ Российской империи. – 1801. – Т. XXVI. – № 19807.

7. О уничтожении цензур, учреждённых в городах и при портах; о дозволении открывать вольные типографии и о поручении губернаторам рассматривать вновь издаваемые книги: указ Александра I от 9 февраля 1802 года, данный Сенату // ПСЗ Российской империи. – 1792. – Т. XXVII. – № 20139.

8. Устав о цензуре от 9 июля 1804 года // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – СПб.: в Тип. Морскаго министерства, 1862. – 482 с.

9. О разделении Государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих: мани-

фест от 25 июля 1810 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I, 1802–1825. – СПб.: тип. Т-ва «Общественная польза, 1864. – 1644 с.

10. Об общем учреждении министерств: манифест от 25 июня 1811 г. // ПСЗ Российской Империи. – 1811. – Т. XXXI. – № 24687.

11. Устав о цензуре от 10 июня 1826 года // Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. – СПб.: тип. Мор. м-ва, 1862. – 482 с.

12. Батурин, Ю.М. Российский путь к свободе прессы / Ю.М. Батурин. – М.: РАН, 2017. – 50 с.

13. Михайлова, Н.В. Концепции правового регулирования деятельности средств массовой информации в истории Российского государства / Н.В. Михайлова // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – С. 94-96.

14. Рейфман, П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. В 2-х томах. Т. 1. / П.С. Рейфман. – М.: Пробел-2000, 2015. – 232 с.

15. Розенберг, В.А. Какой цензурный устав у нас действует / В.А. Розенберг // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. – 250 с.

16. Скабичевский, А.М. Очерки истории русской цензуры (1700–1863 г.) / А.М. Скабичевский. – СПб.: Ф. Павленков, 1892. – 495 с.

17. Щебальский, П.К. Исторические сведения о цензуре в России / П.К. Щебальский. – СПб.: тип. Мор. м-ва, 1962. – 107 с.

18. Эриашвили, И.Д. Правовое регулирование цензуры в правление «государя императора» Павла Петровича / И.Д. Эриашвили, В.Н. Галузо // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 23-26.

19. Якушкин, В.Е. Из истории русской цензуры / В.Е. Якушкин // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. – М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. – 250 с.

Медведев Ю.В., канд. ист. наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк
Лебедева И.Н., соискатель
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
г. Липецк

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ ГОСУДАРСТВА, И ЕЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация

Статья посвящена вопросам обеспечения экологической безопасности, как одной из важных задач, решение которой необходимо для обеспечения качества жизни населения и реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду. Экологическая безопасность рассматривается комплексно, как целостная система, соприкасающаяся с иными видами безопасности и включающая в себя взаимозависимые и взаимосвязанные элементы. Авторы высказывают мнение о необходимости дополнения определения понятия «природная среда» в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» и кодификации экологического законодательства, работы над понятием «экологическая ответственность».

Ключевые слова: экологическая безопасность; экологический мониторинг; экологическое просвещение; экологическая политика; охрана окружающей среды.

Под безопасностью в широком смысле слова и законодательстве понимается состояние защищенности интересов общества и государства от угроз внешнего и внутреннего характера. Выделяют глобальную, международную, коллективную, национальную, региональную, локальную, личную, социальную, информационную, военную, экономическую, экологическую, политическую, культурную, интеллектуальную, техносферную, генетическую, энергетическую, демографическую, правовую, криминологическую виды безопасности. Каждый вид безопасности не представляет собой что-то отдельное и четко разграниченное. Один вид безопасности тесно связан с другими, без обеспечения одного вида безопасности невозможно быть уверенным в другом.

Особую важность представляет такой вид безопасности как экологическая. Она тесно связана со всеми остальными видами безопасности. На ее примере очень ярко прослеживается то, что подход к безопасности должен быть комплексным.

Экологическая безопасность и ее обеспечение – одна из важнейших задач государства, общества, каждого человека и мирового сообщества в целом. Вредное воздействие человека на окружающую среду, непосредственная связь здоровья, физического, психологического и духовно-нравственного благополучия с состоянием окружающей среды, наличие многочисленных угроз природного и техногенного характера человеку, окружающей среде подчеркивают необходимость защиты и поддержания экологического благополучия, минимизации вредного воздействия человека на окружающую среду.

Под экологической безопасностью понимается комплекс действий, состояний, процессов, обеспечивающих экологическое равновесие в окружающей среде и не приводящих к жизненно важным ущербам, которые причиняются естественной среде и человеку. Под экобезопасностью можно также понимать процедуру предоставления обеспечения надлежащей защиты жизненно важным интересам личности, государства, общества от имеющихся в наличии в настоящее время и возможных угроз и опасностей природного или антропогенного характера, которые воздействуют или могут оказать влияние на окружающую среду, гармоничное взаимодействие человека и окружающей среды.

Под опасностью понимается состояние, при котором возможно возникновение и развитие процессов и явлений, оказывающих негативное, разрушительное, пагубное воздействие на окружающую среду.

Проблемами экологической безопасности посвятили свои научные труды О.И. Башлакова, А.В. Букин, А.В. Васильев, Н.П. Ващекин, Е.А. Выстроробец, Э.В. Гирусов, Е.И. Глушенкова, Е.Е. Голышева, С.С. Гостева, А.В. Грибков, В.И. Данилов-Данильян, М.И. Дзлиев, В.К. Донченко, А.Д. Думнов, К.С. Лосев, Ю.А. Израэль, А.А. Кирилов, О.С. Колбасов, К.Я. Кондратьев, А.И. Костин, Б.И. Кочуров, Г.Д. Кулагина, А.И. Лагунова, М.М. Лебедева, Д.С. Львов,Н.М. Мамедов, Д.Ж. Маркович, В.О. Мокиевский, А.И. Муравых, В.И. Назаров, Н.В. Никанорова, К.А. Никитина, А.А. Ойцев, А.А. Панфилов, Н.Ф. Реймерс, Н.Г. Рогожина, В.А. Смышляев, В.А. Снытко, А.В. Собисевич, Т.Ю. Сорокина, А.В. Тулина, И.Т. Фролов, А.С. Шилов, А.В. Яблоков, О.Н. Яницкий, А.Н. Яншин и др. [35, С. 2]

Пристальное внимание вопросам экологической безопасности стало уделяться во второй половине XX века. Экологическая безопасность требует комплексного подхода, так как взаимодействие человека и окружающей среды представляет собой достаточно сложный комплекс отношений и взаимосвязей.

В Федеральном законе от 10 января 2002 года № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ст. 1) экологическая безопасность определена как состояние защищенности природной среды и жизненно важных

интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [5].

Под жизненно важными интересами человека понимаются потребности и необходимые блага для него, которые нужны для его жизни и возможности самореализации, развития, плодотворной деятельности (здоровье, состояние жизни, человеческое достоинство, права на жизнь, личную безопасность, медицинскую помощь, образование, доступ к информации, духовное и интеллектуальное развитие, достойный минимум условий существования при условии тенденции к росту).

Под природной средой, называемой также природой, понимают совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов. На наш взгляд, определение понятия, данное в федеральном законе, можно дополнить тем, что природная среда – это важнейшая часть окружающей среды, природная составляющая среды обитания человека и человеческой деятельности, совокупность природных (биотических и абиотических) объектов, процессов и явлений, с которыми человек взаимодействует, осуществляя свою жизнедеятельность. В природную среду входят такие компоненты, как земля, недра, поверхностные и подземные воды, почвы, атмосферный воздух, животный и растительный мир и другие организмы, озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, которые обеспечивают в своей совокупности и гармоничных взаимодействии и взаимодополнении благоприятные условия для существования жизни на нашей планете – естественная экосистема, природный ландшафт, сохранившие свои природные свойства, развивающиеся без значительного влияния людей, самостоятельно, а также природно-антропогенные объекты, представляющие собой природные объекты, подвергшиеся изменениям в результате деятельности человека, и (или) созданные человеком объекты со свойствами природного объекта, которые имеют рекреационное и защитное значение (искусственные лесные массивы, сады, парки, пашни, поля, осушенные болота и т.д.).

Экологическую безопасность определяют также как допустимый уровень негативного воздействия природных и антропогенных факторов экологической опасности на окружающую среду и человека. Обеспечение экологической безопасности осуществляется с помощью системы необходимых мер, в которые входят экологическая политика, комплексная оценка состояния окружающей среды, экологический мониторинг.

Экобезопасность представляет собой социальную ценность, основанную на системе гарантий защищенности природы и человека, их взаимодействия. Это взаимодействие может проявляться как в процессе осуществления человеческой деятельности, например, использова-

ние опасных, оказывающих деструктивное воздействие процессов и технологий, работа с опасными – токсичными, радиоактивными, химическими веществами, так и в процессах и явлениях, которые человек не может контролировать, связанных со стихийными явлениями природы. Стоит отметить, что при обеспечении экологической безопасности обязательно следует учитывать законы природы. Все природные объекты в совокупности представляют собой единую экологическую систему с внутренней дифференциацией, которая обусловлена природными особенностями объектов окружающей среды. Обеспечение экобезопасности гарантируется и контролируется государством в лице его специальных органов. Юридическое обеспечение экологической безопасности – важнейший принцип экологического права, одна из основных задач экологической политики государства. Безопасность в сфере экологии направлена на достижение гармоничного взаимодействия природы и общества, поддержание экологического равновесия в мире, государстве и его отдельных регионах [35, С. 3].

Экологическая безопасность нашла свое правовое закрепление в праве на благоприятную окружающую среду, с которым данный вид безопасности тесно связан [35, С. 3]. Одним из краеугольных принципов экологической безопасности является соблюдение права на благоприятную окружающую среду [35, С. 7]. Это право было закреплено в законодательстве и нашло свое отражение в Конституции РФ [1], а также в Лесном кодексе, Федеральном законе «Об охране окружающей среды», Федеральном законе «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Федеральном законе «О радиационной безопасности» [5; 6].

Положения о благоприятной окружающей среде и праве на нее человека содержатся и в некоторых международно-правовых актах, таких как Африканская Хартия прав человека и народов (1981 год, ст. 24), Протокол к Американскому соглашению по экономическим, социальным и культурным правам человека 1969 года (1988 год, ст. И), Декларация основных прав и свобод, принятая Европейским парламентом в апреле 1989 года [8; 9; 17].

Экологическая безопасность состоит из нескольких взаимосвязанных элементов:

Экологическая политика – это деятельность государства, организаций, физических лиц, направленная на охрану, рациональное использование, оздоровление окружающей среды для обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности человека, включающая в себя решение социально-экономических, научно-технических и иных проблем.

Экологический мониторинг в соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды» (ст. 1) представляет собойком-

плексные наблюдения за ее состоянием, в том числе за состоянием различных компонентов природной среды, естественных экосистем, за процессами, происходящими в них, явлениями, а также оценка и прогноз изменений состояния окружающей среды.

Впервые термин «мониторинг» можно встретить в рекомендациях специальной комиссии СКОПЕ (научный комитет по проблемам окружающей среды) при ЮНЕСКО в 1971 году, позже данные вопросы рассматривались на проходившей. в Стокгольме в 1972 году конференции ООН по проблемам окружающей среды. На данном мероприятии членами специальной комиссии Научного комитета по проблемам окружающей среды Международного совета научных союзов, созданной Г. Уайтом и Т. Малоном, были обозначены и названы предложения по экомониторингу. Под экологическим мониторингом ученые рассматривали систематические наблюдения за состоянием окружающей среды, возможными изменениями в связи с антропогенной деятельностью, контроль подобных изменений и проведение различных мероприятий, направленных на управление окружающей средой [32, С. 393-398].

Следующим крупным событием в сфере экомониторинга стало межправительственное совещание по программе защиты окружающей среды при ООН в 1974 году. На нем освещались и обсуждались вопросы создания мировой системы экомониторинга. Также были представлены разработки советских ученых. Видным отечественным ученым, работающим в этой области и участвующим в совещании, был Ю.А. Израэль, который написал статью и предложил в ней свое определение экомониторинга. В статье исследователя «Глобальная система наблюдений. Прогноз и оценка изменения окружающей природной среды. Основы мониторинга» под экомониторингом рассматривалась система наблюдений, которая позволяет выделить изменения состояния биосферы под влиянием человеческой деятельности. В 1975 году Ю.А. Израэль возглавляет секцию «Мониторинг состояния биосферы» Научного совета по проблемам биосферы при Президиуме АН СССР и становится руководителем разработки мероприятий по экомониторингу в СССР [19, С. 3-8; 31, С. 202-206].

Так как экомониторинг решает задачи различного уровня и характера, охватывает многочисленные постоянно изменяющиеся процессы и явления, его можно разделить на: биосферный (глобальный), геосистемный (природно-хозяйственный) и биоэкологический (санитарно-гигиенический) [18; С. 13-25].

По пространственному принципу выделяются: точечный (экомониторинг конкретного источника, объекта в определенной точке, на заданном уровне, например, в конкретном месте предприятия), локальный (изучение на уровне каких-либо предприятия, природного

объекта, муниципального образования, ограниченной территории), региональный (в пределах субъекта Федерации, акватории или территории внутри государства или межгосударственного уровня), национальный (в пределах одного государства) и глобальный экомониторинг (масштаб всей биосферы).

Выделяют атмосферный, геологический, гидрологический, геофизический, лесной, почвенный, биологический, зоологический, геоботанический виды экомониторинга [28].

Эффективный экологический контроль невозможен без использования данных экомониторинга, который осуществляется путем наблюдения, фиксации, анализа данных, отражающих состояние окружающей среды. Экомониторинг служит необходимым условием экоконтроля на различных уровнях: государственном (федеральном и региональном), местном, производственно-корпоративном, локальном, общественном.

Государственный экомониторинг осуществляют Росгидромет, Росприроднадзор, Ростехнадзор, Росводресурсы, Роснедра, Рослесхоз, Министерство природных ресурсов и экологии РФ (Минприроды России).

Минприроды России в соответствии с Положением о Министерстве природных ресурсов и экологии РФ от 11 ноября 2015 года № 1219 представляет собой орган исполнительной власти, осуществляющий госуправление в сферах природопользования, природоохраны, обеспечения экологической безопасности. Экологическая безопасность и ее обеспечение включены и в другие направления деятельности государственного органа, например, рациональное недропользование, охрана недр; охрана, защита, использование и воспроизводство лесов, объектов животного и растительного мира; рациональное использование и охрана водных объектов; обеспечение безопасности гидротехнических сооружений, защитных систем и сооружений; охрана атмосферного воздуха и особо охраняемых природных территорий, обращение с производственно-потребительскими отходами; совершенствование правового и экономического механизмов в области охраны окружающей среды. Подведомственным Минприроды Российским фондом информации по природным ресурсам и охране окружающей среды создан проект ФГИС «Экомониторинг». Данная государственная информационная система будет заниматься сбором информации, касающейся состояния окружающей среды. Работа будет проводиться с помощью анализа и структурирования сведений и данных, в том числе систем автоматического контроля выбросов и сетей мониторинга окружающей среды, ее состояния и загрязнения [33].

Следующим элементом системы экобезопасности является комплексная экологическая оценка территории – это процесс определения

степени пригодности природно-ландшафтных условий определенной территории для проживания человека и какого-либо вида хозяйственной деятельности [16; 22, С. 21].

Комплексная экологическая оценка объектов включает в себя: подтверждение наличия или отсутствия загрязнения почв и грунтовых вод; выявление масштабов и характера загрязнения; оценка потенциальных финансовых и юридических рисков и обязательств собственника; разработка мероприятий по устранению экологических рисков; разработка плана очистки или рекультивации территорий; оценка соблюдения текущих и ожидаемых законодательных требований и других стандартов [20].

Статья 42 Конституции РФ гласит, что каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением [1]. Право на благоприятную окружающую среду означает право и гарантированную возможность проживания в экологически безопасной среде. Безопасная окружающая среда – это среда, защищенная от негативного воздействия человеческой деятельности. Данное право предполагает и возможное участие человека в принятии решений, которые касаются защиты и охраны окружающей среды.

Право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды означает право человека на получение таких сведений от государственных органов и организаций, которые осуществляют деятельность в области природоохраны.

Граждане и общественные экологические объединения имеют право требовать от соответствующих органов предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей природной среды и мерах по ее охране, об обстоятельствах и о фактах хозяйственной и иной деятельности, создающих угрозу окружающей среде, жизни, здоровью и имуществу граждан; отказ от предоставления своевременной, полной, достоверной информации о состоянии природной среды и радиационной обстановке рассматривается как административное правонарушение (ст.ст. 12, 13 Федерального закона РФ «Об охране окружающей природной среды») [5].

Наконец, экологические вопросы не могут быть предметом государственной или иной приравненной к ней тайны**.** Согласно ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне» от 21 июля 1993 года сведения о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях, а также о стихийных бедствиях, их официальных прогнозах и последствиях; о состоянии экологии, здравоохранения, санитарии не подлежат засекречиванию [7].

Должностные лица, принявшие решения о засекречивании перечисленных сведений либо о включении их в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причиненного обществу, государству и гражданам (человеку) материального и морального ущерба. Граждане вправе обжаловать такие решения в суд.

Согласно п. 2 ч. 4 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и защите информации» от 27 июля 2006 года не может быть ограничен доступ к экологической информации, то есть информации о состоянии окружающей среды [4].

Ответственность за сокрытие или искажение экологической информации административная (ст. 8.5 КоАП РФ). Кодекс об административных правонарушениях в статьях 8.5.1-8.5.3 конкретизирует ответственность за искажение, сокрытие некоторых видов экологической информации, включение недостоверных сведений. Например, ст. 8.5.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за сокрытие сведений о санитарном и лесопатологическом состоянии лесов или включение недостоверных сведений о нем в акт лесопатологического обследования [2].

УК РФ устанавливает уголовную ответственность за сокрытие либо искажение информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей либо для окружающей среды, лицом, обязанным обеспечивать население и уполномоченные на принятие мер по устранению такой опасности органы вышеуказанной информацией. Ст. 237 УК РФ в части 2 предусматривает ответственность за такие деяния лиц, занимающих государственные должности РФ или субъекта РФ либо являющихся главой органа местного самоуправления. Также данная часть статьи устанавливает ответственность за названные деяния, если в результате их причинен вред здоровью человека или наступили иные тяжкие последствия (например, гибель человека, существенное нарушение экологической обстановки, гибель флоры и фауны, нарушение нормальных работы предприятий и жизнеобеспечения населения, причинение крупного ущерба и др.) [3].

В зарубежных странах право на благоприятную окружающую среду также занимает важное место среди прав человека. В одних странах экологический конституционализм имеет более длительное развитие, в других является сравнительно новым явлением.

Впервые данное право было закреплено в Конституции Испании 1978 года. Широкое юридическое отражение получило лишь в конце 1980-х – начале 1990-х годов [17; 30].

Данное право нашло свое закрепление в конституциях Франции, Германии, Словении, Словакии, Чехии, Ирака, Республики Кореи, Португалии, Норвегии и других стран.

Например, во Франции основные начала права на благоприятную окружающую среду и экологическую безопасность указаны в Хартии окружающей среды, составляющей часть Конституции страны. Данный нормативно-правовой акт определяет не только право каждого жить в сбалансированной среде, но и экологические обязанности, касающиеся экологической безопасности (участие каждого в сохранении и улучшении окружающей среды; предвидение, избегание и уменьшение последствий ущерба окружающей среде, внесение своего вклада в его возмещение; обязанность государства внедрить процедуры оценки риска и иные меры при наличии серьезного и необратимого ущерба; государственная политика, научные исследования и инновации, образование и профессиональная подготовка должны содействовать осуществлению экологических прав и обязанностей, способствовать устойчивому развитию и защите окружающей среды в сочетании с экономическим и социальным развитием и прогрессом) [12].

В США право человека на благоприятную окружающую среду не оговорено законодательно. Ключевой правовой акт, регулирующий вопросы экологической безопасности и обеспечения экологического благополучия, благоприятной окружающей среды, – Закон о национальной политике в области окружающей среды (NEPA) [13].

В странах Латинской Америки право на благоприятную окружающую среду и экологическое равновесие, экологические права человека также нашли закрепление в основных законах стран. Право на благоприятную окружающую среду отражено в конституциях Бразилии, Колумбии, Венесуэлы, Парагвая, Перу, Боливии, Аргентины, а Эквадор – это первая в мире страна, признавшая природу субъектом права [29, С. 151-152].

Право на благоприятную окружающую среду, достоверную, объективную информацию о ее состоянии, обязанность охранять окружающую среду закреплены в конституциях стран бывшего СССР, таких, например, как основные законы Грузии, Армении, Узбекистана, Азербайджана, Казахстана, Таджикистана, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Туркменистана. В некоторых странах, например, в Эстонии право на благоприятную окружающую среду не сформулировано в статьях основного закона, однако закреплены обязанности каждого бережно относиться к жизненной и природной среде, возмещать ущерб, нанесённый окружающей среде (ст. 53 Конституции Эстонии) [10]. В Конституции Таджикистана это право не прописано, но зафиксированы обязанность охраны окружающей среды и исключительное право государства использовать природные ресурсы в интересах народа, то есть для обеспечения социального благополучия, жизнедеятельности людей и функционирования государства [11]. Право на благоприятную окру-

жающую среду, а также на ее защиту от негативного воздействия, вызванного деятельностью человека, закреплено в ст. 12 Закона Республики Таджикистан от 2 августа 2011 года № 760 «Об охране окружающей среды», в соответствии с ней граждане Таджикистана имеют право на проживание в благоприятной для здоровья и жизни окружающей среде и пользование ее благами, на защиту окружающей среды от негативного воздействия, вызванного хозяйственной и иной деятельностью, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера [14].

В Швеции, Франции, Казахстане экологическое законодательство кодифицировано, в Таджикистане, Кыргызской Республике, Узбекистане, республике Беларусь ведутся работы по кодификации экологического законодательства, разрабатываются проекты экологических кодексов. Работа по систематизации экологического законодательства началась еще 15 лет назад, но была приостановлена. В настоящее время разработкой экологического кодекса занимается Китай.

Экологические и иные общественные объединения, выполняющие экологические функции, имеют право разрабатывать, утверждать и пропагандировать свои экологические программы, защищать экологические права и интересы населения, развивать экологическую культуру населения, привлекать на добровольных началах граждан к активной природоохранной деятельности (ст. 12 Федерального закона «Об охране окружающей природной среды») [5].

С экологической безопасностью тесно связано санитарно-эпидемиологическое благополучие. Федеральный закон РФ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 года понимает под ним в ст. 1 состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности [6]. Для достижения санитарного благополучия также необходимы просвещение, информирование населения, формирование санитарной культуры, ответственного отношения к своему здоровью и здоровью других людей, окружающей среде.

Статья 72 Конституции РФ относит охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности к совместному ведению РФ и субъектов РФ [1]. Это объясняется тем, что Россия – это федеративное государство, субъекты РФ отличаются по природным условиям, ресурсным составляющим, социально-экономической инфраструктуре, численности населения, воздействию человеческой деятельности на природную среду. Каждый субъект Федерации на региональном уровне разрабатывает свою экологическую политику, отражающую экологические проблемы и пути их решения, актуальные для данной местности. Региональная экологическая политика проводится не только путем раз-

работки собственных, приближенных к конкретному региону мер, но и опирается на федеральную государственную политику в области охраны окружающей среды. Так, регионы России участвуют в национальном проекте «Чистый воздух», и каждый из регионов может использовать и свой комплекс мер, опираясь на региональную экополитику и политику в области рационального природопользования и охраны окружающей среды отдельных предприятий, а также предложения и мероприятия общественных организаций. В Липецкой области на основании национального проекта «Чистый воздух» был создан региональный проект с одноименным названием, адаптированный под экологические проблемы и ситуацию Липецкой области. Проект «Чистый воздух» направлен на снижение уровня загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, в том числе уменьшение не менее чем на 20% совокупного объёма выбросов загрязняющих веществ в атмосферу в наиболее неблагополучных в этом плане городах. В рамках данного проекта в Липецке с 2019 года реализуется соглашение между Минприроды России, Росприроднадзором, Администрацией Липецкой области и Новолипецким металлургическим комбинатом.

Целью регионального проекта выступает улучшение качества жизни населения путем снижения выбросов в атмосферный воздух опасных загрязняющих веществ. Куратором проекта является заместитель главы администрации Липецкой области, курирующий вопросы АПК, ветеринарии, охраны, использования объектов животного мира и водных биологических ресурсов, экологии и природных ресурсов, лесного хозяйства. Руководителем регионального проекта выступает министр природных ресурсов и экологии Липецкой области, администратором – его заместитель. Данный проект связан с Государственной программой Липецкой области «Охрана окружающей среды, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов Липецкой области» [27].

В рамках проекта проводятся следующие мероприятия: капитальный ремонт доменных печей и конвертеров; строительство нового комплекса переработки доменного щебня; модернизация пылегазоочистных установок и аспирационных систем; повышение эффективности улавливания установок; применение экологически безопасных красок при проведении окрасочных работ; замена старых автобусов на более экологичные, работающие на газомоторном топливе; реконструкция очистных сооружений – строительство и реконструкция городских очистных сооружений МУП «Липецкая станция аэрации»; утепление производственных помещений с целью снижения нагрузки котельной; изменение регламента работы технологического оборудования; внедрение газоочистных установок [26].

Из 11 федеральных проектов национального проекта «Экология» Липецкая область определила свое участие в 6 федеральных и соответ-

ствующих одноименных региональных проектах: «Чистый воздух», «Сохранение уникальных водных объектов», «Чистая вода», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами», «Сохранение лесов», «Чистая страна».

Так, один из крупных экологических проектов – Федеральный проект «Чистая страна» направлен на освобождение территории регионов от крупнейших многолетних свалок – объектов накопленного экологического вреда, которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду, ухудшают качество жизни населения. Проект «Чистая вода» нацелен на повышение качества питьевой воды для населения. «Сохранение уникальных водных объектов» – на обеспечение сохранения биоразнообразия, уникальных природных свойств водных систем, устойчивого естественного воспроизводства компонентов их экосистем. «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами» направлена на эффективное обращение с отходами производства и потребления – на увеличение доли обработанных и утилизированных твердых коммунальных отходов (ТКО) и сокращение доли отходов, направляемых на захоронение, для обеспечения снижения экологической нагрузки на население за счет сокращения захоронения ТКО [21].

Одной из экологических проблем Липецка является недостаточное количество парков, скверов, особенно в новых районах города. Парки выполняют воспроизводственную и рекреационно-досуговую функции, сохраняют и восстанавливают природную среду. Для посадки зеленых насаждений можно привлекать и волонтерские движения, и неравнодушных граждан, в том числе жителей района. Позитивным моментом стало создание в Липецке нового парка «Петропарк», который должен гармонично вписаться в городскую инфраструктуру. Парки – это вклад в сохранение и приумножение природного потенциала, места семейного отдыха, где можно провести время в спокойной обстановке, наслаждаясь красотой природы, а также культурной и (или) развлекательной программой.

Конституция в ст. 42 гарантирует право на возмещение ущерба, причинённого здоровью или имуществу экологическим правонарушением [1]. Это право включает в себя гарантированную законом возможность компенсации вреда, нанесенного здоровью или имуществу в результате разрушения природных объектов, загрязнения окружающей среды, нарушения экологических требований и законодательства при осуществлении хозяйственной и иной деятельности.

Важной проблемой экологической безопасности является эффективное противодействие экологической преступности, которое невозможно без разработки государственной политики в данной области, включающей в себя анализ сильных и слабых сторон мер борьбы с эко-

логическими правонарушениями, загрязнением окружающей среды, экологической политики прошлых лет, налоговой политики в области экологического налогообложения. Для решения экологических проблем необходима и продуманная политика в области реформирования экологического законодательства, работа по его совершенствованию, особенно это касается ответственности за экологические правонарушения [23, С. 208]. На наш взгляд, экологическому законодательству Российской Федерации требуется систематизация и кодификация.

Важное место в системе противодействия экологической преступности и нарушению законодательства в области экологии и безопасности занимает экологическое просвещение. Оно должно быть направлено на изменение отношения человека к окружающему миру, природным богатствам, собственной безопасности и безопасности других людей. Как справедливо отмечал Ю. Шрейдер, «самая страшная из грозящих нам катастроф – это не столько атомная, тепловая или тому подобные варианты физического уничтожения человечества на Земле, сколько антропологическая – уничтожение человеческого в человеке» [34, С. 5].

В Липецкой области, как и в других регионах Российской Федерации, вопросами экологического просвещения занимаются органы государственной и муниципальной власти, образовательные организации и учреждения культуры, организации системы здравоохранения, СМИ, включая интернет-издания, общественные организации, в том числе волонтерские, общественные деятели, предприятия, субъекты бизнеса, граждане. Экологические проекты чаще всего реализуются при взаимодействии нескольких субъектов экопросвещения, например, органы власти, образовательные организации (школы, колледжи, вузы), общественные организации, библиотеки, как учреждения культуры, бизнес, неравнодушные к состоянию окружающей среды и будущему потомков люди.

Воспитание – это социально-полезная деятельность, направленная на формирование, развитие и совершенствование духовно-нравственных и профессионально значимых качеств личности. Экологическое воспитание нацелено на формирование, развитие и совершенствование духовно-нравственных и профессионально значимых качеств, направленных на бережное, разумное и ответственное отношение к окружающей среде, здоровью человека, их состоянию защищенности и на создание и поддержание гармонии в отношении с природой, друг другом и с самими собой [25, С. 9].

С экологическими воспитанием и просвещением, экологической безопасностью тесно связана экологическая культура населения. Экологическую культуру невозможно сформировать без правовой культуры – уважения к правам и свободам человека, человеческой личности в це-

лом, социальном справедливости, правопорядка и стремления к нему. Экологическая культура основана на формировании, развитии и совершенствовании социально значимых качеств (сострадания, человечности, милосердия, ответственности перед обществом, государством, планетой, будущими поколениями, самими собой), усвоении общечеловеческих национальных ценностей и традиций, культуры общения, экологичного преодоления конфликтов и возникающих противоречий [25, С. 13, 60]. Неслучайно принцип культурологичности является одним из основных в экологическом образовании и просвещении.

Важнейшим из направлений экологизации образования выступает изучение экологического права. Данной дисциплине необходимо выделить заслуженное место не только при подготовке юристов различных специализаций, но и при обучении специалистов в области экономики, медицины, туристской и ресторанно-гостиничной деятельности, различных технических специальностей, например, технология производства продуктов из растительного или животного сырья, техносферная безопасность, аналитическая химия, химия окружающей среды, химическая экспертиза и экологическая безопасность, технология и переработка полимеров, химическая технология топлива и высокоэнергетических веществ, химическая технология природных энергоносителей и углеродных материалов и т.д.

Экологическое право – это сравнительно молодая, комплексная отрасль российского права, представляющая собой совокупность юридических норм, регулирующих отношения в области охраны и рационального использования природных ресурсов, сохранения, улучшения, восстановления природных объектов. Обеспечение экологической безопасности является одним из принципов экологического права [25, С. 46].

Экологическая безопасность, защищенность окружающей среды, человека от экологических бедствий и проблем должны стоять во главе угла в современном мире и внутренней политике государства. Экологические проблемы ведут к ухудшению качества жизни людей, в том числе могут привести к катастрофическому ухудшению качества окружающей среды, снижению продолжительности жизни, увеличению смертности, заболеваемости, ухудшению генофонда; истощению запасов природных ресурсов (истощение минерального сырья, снижение плодородия почв, сокращение лесных, топливно-энергетических, рыбных ресурсов); образованию зон экологического бедствия и неблагополучия; изменению климата; загрязнению воздуха; возрастанию риска крупных экологических и техногенных катастроф; ухудшению качества продуктов и товаров и др. Проблемы экологической безопасности, экологизации производств, формирования экологической культуры и экологического правосознания населения, ответственного отношения к окружаю-

щей среде, природным богатствам, праву других на благоприятную и безопасную окружающую среду представляют огромную важность для жителей Липецкой области, так как наш регион входит в число наиболее загрязненных и неблагоприятных по состоянию окружающей среды в России, несмотря на определенные позитивные сдвиги в экологизации качества жизни людей [23, С. 207; 25, С. 46].

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 7 апреля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ч. 1. – Ст. 3448.

5. Об охране окружающей среды: федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

6. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: федер. закон Рос. Федерации от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 26 декабря 2024 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 14. – Ст. 1650.

7. О государственной тайне: закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 41. – Ст. 8220

8. African Charter for Human and Peoples' Rights, 27 June 1981, 211.L.M. 59 (1982) [Электронный ресурс] – URL: https://www.african-court.org/wpafc/wp-content/uploads/2020/04/african-banjul-charter-on-human-and-peoples-rights.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

9. Protocol to the 1969 American Convention on Human Rights on Economic, Social, and Cultural Rights, Nov. 1988 25 I.L.M. 161 (1989). [Электронный ресурс] – URL: https://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-52.html (дата обращения: 15.05.2025).

10. Конституция (Основной закон) Эстонской республики: закон от 28 июня 1992 года, RT, 1992, 26, 349, вступила в силу 3 июля 1992

года [Электронный ресурс] – URL: https://www.nommeraadio.ee/meedia/pdf/RRS/EV%20põhiseadus%20vene%20keeles.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

11. Конституция Республики Таджикистан: принята всенар. голосованием от 6 ноября 1994 года (в ред. 22 мая 2016 г.) [Электронный ресурс] Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. Таджикистан. – URL: https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya (дата обращения: 15.05.2025).

12. Хартия Франции по охране окружающей среды (Хартия об окружающей среде; Экологическая хартия Франции): 2004 год. Конституция Франции 1958 года. Blocdeconstitutionnalité // Россия: Библиотека Пашкова. Европа 3. [Электронный ресурс] – URL: https://constitutions.ru/?p=24989 (дата обращения: 15.05.2025).

13. Закон США о национальной политике в области окружающей среды 1969 года (National Environment Policy Act – NEPA). [Электронный ресурс]. – URL: https://ceq.doe.gov/ (дата обращения 15.05.2025).

14. Об охране окружающей среды: закон Республики Таджикистан 2 августа 2011 года №760. [Электронный ресурс] – URL: ncz.tj›system/files/Legislation/760_ru.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

15. Анисимов А.П. Развитие экологического законодательства в США: проблемы и перспективы / А.П. Анисимов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – Т. 20. – Вып. 3. – С. 301-309.

16. Букин, А.В. Обследование и экологическая оценка территории: учебное пособие / А.В. Букин. – Тюмень: ГАУ Северного Зауралья, 2022 – 142 с.

17. Выстроробец, Е.А. Право на благоприятную окружающую среду / Е.А. Выстроробец [Электронный ресурс] Минэкологии Татарстана. – URL: https://eco.tatarstan.ru/pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayushchuyu-sredu.htm (дата обращения: 15.05.2025).

18. Герасимов, И.П. Научные основы современного мониторинга окружающей среды / И.П. Герасимов // Известия АН СССР. Серия география. – № 3. – 1975. – С. 13-25.

19. Израэль, Ю.А. Глобальная система наблюдений. Прогноз и оценка окружающей природной среды. Основы мониторинга / Ю.А. Израэль. // Метеорология и гидрология. –1974. – № 7. – С.3-8.

20. Комплексная экологическая оценка объектов. [Электронный ресурс] Environconsult. – URL: https://environcons.com/competencies/due_dil/ru (дата обращения: 15.05.2025).

21.Национальный проект «Экология». [Электронный ресурс] Контрольно-счетная палата Липецкой области. – URL:

https://ksp48.ru/upload/iblock/a02/bk07fq9j16tmb4ytp9rwaum2l63zvgzy.pdf (дата обращения: 15.05.2025).

22. Кочуров, Б.И. Экодиагностика и сбалансированное развитие / Б.И. Кочуров. – Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2024. – 362 с.

23. Лебедева, И.Н. Меры противодействия экологической преступности / И.Н. Лебедева // Экология центрально-Черноземной области Российской Федерации. Научно-технический журнал по проблемам экологии, охраны окружающей среды и рационального природопользования. №1-2 (32-33). – Липецк: Изд-во НОУ ВПО «Липецкий эколого-гуманитарный институт», 2014. – С. 207-208.

24. Лебедева, И.Н. Проблема целостности института экологической ответственности в условиях глобального экологического кризиса / И.Н. Лебедева // Целостность в мире философии и социально-гуманитарного знания: сборник статей и тезисов докладов II всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной Международному дню философии 18 ноября 2011 года. – Липецк-Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2012. – С. 123-125.

25. Лебедева, И.Н. Экологическое воспитание и образование, их место в образовательном процессе: монография / И.Н. Лебедева, А.В. Кидинов. – Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2015. – 65 с.

26. Федеральный проект «Чистый воздух» [Электронный ресурс] Минприроды России. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/clean-air/lipetsk/ (дата обращения 15.05.2025).

27. Паспорт регионального проекта «Чистый воздух» [Электронный ресурс] Министерство природных ресурсов и экологии Липецкой области. – URL: https://экология-48.рф/wp-content/uploads/2025/05/rp_chistyj_vozdux_lipeckaya_oblast-2025.pdf (дата обращения 15.05.2025).

28. Познякова, И.В. Рабочая программа по курсу внеурочной деятельности «Биология в вопросах и ответах» 10 класс (с использованием цифрового и аналогового оборудования центра естественнонаучной и технологической направленностей «Точка роста») направление: естественнонаучная грамотность / И.В. Позднякова. [Электронный ресурс] – URL: https://kur-vink.gosuslugi.ru/netcat_files/32/315/vneurochka_10_s_lotipom_1_.pdf (дата обращения 15.05.2025).

29. Попова, Е.С. Экологический конституционализм стран Латинской Америки / Е.С. Попова, С.В. Королев. – Образование и право. – № 3. – 2024. – С. 150-156.

30. Румянцев, О.Г. Право на благоприятную окружающую среду / Юридический энциклопедический словарь / О.Г. Румянцев, В.Н. Додонов. – Москва: ИНФРА-М, 1997. – 384 с.

31. Снытко, В.А. Деятельность Научного совета по проблемам биосферы Академии наук СССР / В.А. Снытко, А.В. Собисевич // II

Всероссийская научная конференция с международным участием «Мониторинг состояния и загрязнения окружающей среды. Экосистемы и климат Арктической зоны». 25-27 ноября 2020 года. Расширенные тезисы докладов. – Москва: ММИ, 2020. – С. 202-206.

32. Снытко, В. А. Система экологического мониторинга в научном наследии академиков И.П. Герасимова и Ю.А. Израэля / В. А. Снытко, А. В. Собисевич // Индикация состояния окружающей среды: теория, практика, образование : Труды пятой международной научно-практической конференции, Москва, 30 ноября – 03 2017 года. – Москва: ООО «Буки-Веди», 2017. – С. 393-397.

33. ФГИС «Экомониторинг» [Электронный ресурс] ФГБУ «РФИ Минприроды России». – URL: https://rfi.mnr.gov.ru/projects/247/ (дата: обращения 15.05.2025).

34. Шрейдер, Ю.А. Ценности, которые мы выбираем / Ю.А. Шрейдер. – Москва: Изд-во Эдиториал УРСС, 1999. – 208 с.

35. Экологическая безопасность / краткий курс лекций для бакалавров. – Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова», 2016. – 47 с.

Миликова А.В., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ АКТОВ И АКТОВ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются на первый взгляд схожие правовые категории: «уголовно-процессуальные акты» и «акты прокурорского реагирования». Автором проводится анализ различных позиций ученых относительно обсуждаемых терминов и дается им соответствующая оценка. На основе проведенного исследования делается вывод о соотношении рассматриваемых правовых категорий и отмечаются отдельные проблемные вопросы.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, процессуальный документ, уголовный процесс, акты прокурорского реагирования, уголовно-процессуальные акты прокурора.

Современный российский уголовный процесс все еще нельзя назвать окончательно сформировавшимся, устойчивым и совершен-

ным. Большое количество изменений, вносимых в законодательство, многочисленные труды ученых, посвященные несовершенству действующих уголовно-процессуальных норм, позволяют утверждать, что имеются как теоретические, так и практические проблемы, а также существует очевидная потребность в поисках путей их решения.

Как справедливо отмечает С.Б. Россинский, существует благодатная законодательная почва, обусловленная тенденциями национального, в частности, уголовно-процессуального правотворчества, направленными на формализацию уголовного судопроизводства, что обуславливает появление новых правовых запретов и предписаний, но не способствует повышению качества закона. Отсюда недоработки и несогласованность отдельных положений уголовно-процессуального права [6, С. 120].

Для верной оценки результатов реализуемой уголовно-процессуальной деятельности, она осуществляется посредством строгой регламентации в законе и фиксации с помощью уголовно-процессуальных актов и документов. Именно внешняя форма принимаемых уполномоченными должностными лицами уголовно-процессуальных решений и совершаемых действий позволяет оценить эффективность уголовно-процессуальной деятельности. Отсюда и важность и высокое значение, придаваемое как уголовно-процессуальной форме в целом, так и уголовно-процессуальным актам в частности.

По своей сути уголовно-процессуальные акты представляют собой особую разновидность процессуальных документов, обладающих своей собственной правовой природой, системой, признаками, совокупностью требований, предъявляемых к ним, и, безусловно, ограниченным кругом субъектов, уполномоченных на их вынесение. К числу таких субъектов согласно УПК РФ можно отнести должностных лиц государственно-властных субъектов, а именно органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и суда. Представляется считать верным, что в самом общем виде уголовно-процессуальные акты – это юридически значимые документы, отражающие предусмотренные уголовно-процессуальным законом элементы государственно-управленческой деятельности участников уголовного процесса, наделенных властными полномочиями, и обусловливающие возникновение, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений либо состояний [3, С. 31].

Исторически сложилось, что органы прокуратуры в правовой системе России играют ведущую роль по обеспечению законности, в частности, при осуществлении надзора за законностью деятельности органов предварительного расследования и при участии в рассмотрении уголовных дел судами. При этом прокурор как помогает в решении задач по осуществлению правосудия и противодействию преступности, так и

осуществляет защиту прав граждан и организаций, ставших участниками уголовного процесса. О.В. Химичева считает, что прокурор в уголовном процессе является ведущим, главным органом уголовного преследования, так как именно он поддерживает государственное обвинение в суде и качественному выполнению данной обязанности способствует осуществляемый им надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [8, С. 20].

Свою деятельность прокурор осуществляет посредством вынесения актов прокурорского реагирования. Однако вопросам, касающимся актов прокурорского реагирования, в уголовном судопроизводстве учеными не уделяется большого внимания.

Т.А. Овчинникова отмечает, что в настоящее время одним из ключевых направлений работы органов прокуратуры, ориентированных на повышение эффективности борьбы с преступностью и соблюдения законности судами, является вовлечение прокурора в уголовный процесс путем вынесения им актов прокурорского реагирования [4, С. 284].

Среди имеющейся недавней статистической информации, рассмотрим данные о деятельности прокуратуры Московской области за январь-март 2025 года [5]. Так, за указанный период при осуществлении надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина принесено 3087 протестов, внесено 6213 представлений, при осуществлении надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного процесса внесено представлений и информаций об устранении нарушений закона 2243. Представленные цифры говорят о большом количестве вносимых актов прокурорского реагирования, а значит и об актуальности рассматриваемой категории, которая, к сожалению, все еще не имеет к ее пониманию единого подхода.

В связи с тем, что законодательно закрепленное определение акта прокурорского реагирования отсутствует, данный факт порождает научную дискуссию относительно его содержания и признаков.

По мнению Ю.А. Авагимовой, акт прокурорского реагирования представляет собой определенное специфическое правовое средство реагирования на выявленное в ходе деятельности прокурора нарушение закона, предусмотренное законодательством, регулирующим деятельность прокурора, полномочие прокурора, выраженное в письменной форме документа, носящее юрисдикционный характер, выносимое определенными в законе должностными лицами органов прокуратуры, отвечающее требованиям законности, обоснованности и справедливости. При этом автор выделяет следующие присущие ему признаки: письменный документальный характер; решение уполномоченного сотрудника органов прокуратуры; императивность, обязательность исполнения, государственно-властный характер; индивидуальный и пра-

вопримечательный характер; юридический факт; определенная форма; направление на достижение цели в виде устранения выявленных прокурором нарушений; законность и целесообразность акта; определенная структура; опосредованный характер; определенный срок внесения и исполнения [1, С. 65-66]. Отдельные указанные автором черты, пожалуй, можно отнести к числу уголовно-процессуальных актов, другие же являются сугубо особенностью актов прокурорского реагирования.

А.А. Терехин полагает, что акты прокурорского реагирования представляют собой разновидность уголовно-процессуальных актов и под ними понимается как единство властного волеизъявления и процессуального действия, в которых прокурор в пределах своей компетенции в определенном законом порядке проявляет правовое отношение к деятельности иных органов и лиц, участвующих в уголовном процессе. Актам прокурорского реагирования, по мнению автора, присущи следующие признаки: вынесение только уполномоченными должностными лицами органов прокуратуры; наличие властного волеизъявления; определение правового отношения прокурора к деятельности иных органов и лиц, участвующих в уголовном процессе; установление, изменение или прекращение уголовно-процессуальных отношений; подтверждение или опровержение материально-правовых отношений; установленный законом порядок принятия; определенная законом форма [7, С. 6].

По мнению Т.А. Овчинниковой, акт прокурорского реагирования является официальным документом, вынесенным прокурором в адрес соответствующего органа или должностного лица, в котором излагается сущность выявленных нарушений закона и дается предписание об их устранении [4, с. 284].

Таким образом, можно констатировать, что в науке отсутствует единый подход к определению термина «акт прокурорского реагирования». Нет и единого понимания относительно его соотношения с таким понятием как «акт прокурорского надзора». По мнению отдельных авторов, согласно Федеральному закону «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 к числу актов прокурорского реагирования относятся: протест прокурора, представление прокурора, постановление прокурора, предостережение о недопустимости нарушения закона. Другие, напротив, полагают, что данный перечень не является исчерпывающим.

Безусловно, что понятие «уголовно-процессуальные акты» более широкое, чем «акты прокурорского реагирования», в том числе, стоит отметить, что не все акты прокурорского реагирования являются уголовно-процессуальными актами.

Стоит отметить и еще одну проблему относительно отсутствия единой четко регламентированной формы актов прокурорского реаги-

рования. В современном законодательстве отсутствуют какие-либо детальные подробные требования, предъявляемые к процессуальной форме актов прокурорского реагирования и указывается лишь на необходимость их составления в письменной форме.

Т.П. Кесареева отмечает, что, несмотря на частоту применения и распространенность термина «акты прокурорского реагирования» в качестве обобщающего понятия, охватывающего документы, используемые в прокурорской деятельности, законодательство не содержит четких определений для большинства видов этих актов. В то же время, в различных субъектах Российской Федерации наблюдаются различия в подходах к применению и оформлению одних и тех же актов прокурорского реагирования [2, С. 49].

Представляется верным, что законодательно закрепленное определение актов прокурорского реагирования и введение их единой четкой процессуальной формы будет способствовать унификации в деятельности органов прокуратуры для осуществления защиты правопорядка от противоправных посягательств. Следует признать, что подобные требования нет необходимости вносить в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации». Ведомственные инструкции или рекомендации будут способствовать повышению качества составляемых актов прокурорского реагирования, в том числе позволят избежать типичных ошибок уже на стадии подготовки соответствующих актов.

Список цитируемой литературы:

1. Авагимова, Ю.А. Понятие акта прокурорского реагирования через его сущность / Ю.А. Авагимова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – №2 (13). – С. 64-66.

2. Кесареева, Т.П. К вопросу о систематизации актов прокурорского реагирования / Т.П. Кесареева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – №3(71). – С. 49-53.

3. Миликова, А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия / А.В. Миликова, С.Б. Россинский. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2021. – 160 с.

4. Овчинникова, Т.А. Акты прокурорского реагирования на нарушения уголовно-процессуального закона / Т.А. Овчинникова // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2(206). – С. 284-286.

5. Результаты деятельности органов прокуратуры РФ. Прокуратура Московской области [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_50/activity/statistics/office/result?item=102286529 (дата обращения: 24.05.2025 г.)

6. Россинский, С.Б. Уголовно-процессуальная форма vs правила уголовно-процессуального делопроизводства / С. Б. Россинский //

Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2023. – Т. 18. – № 1. – С. 116-135.

7. Терёхин, А.А. Акты прокурорского реагирования в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. / А.А. Терёхин. – Челябинск, 2013. – 19 с.

8. Химичева, О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. / О.В. Химичева. – Москва, 2004. – 46 с.

Небытов К.В., судебный психолог-эксперт
НП Центр правовой помощи и независимых экспертиз «Надежда»,
г. Ставрополь

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация

В настоящей статье рассматриваются психологические механизмы, обеспечивающие реализацию уголовно-правового регулирования, с опорой на коммуникативный подход Р.О. Долотова и модель права как семиотического треугольника В.В. Попова, что позволяет более глубоко понять природу уголовного права и обеспечить его эффективность.

Ключевые слова: уголовно-правовое регулирование; коммуникативный подход; семиотический треугольник; коммуникативная модель, понятийные способности.

Современная правовая наука всё более склоняется к мультидисциплинарному осмыслению правовых явлений, опираясь на различные теоретико-методологические основы: социологию, лингвистику, психолингвистику, психологию, социологию, философию языка и другие. Уголовное правовое регулирование, как одна из наиболее значимых сфер правовой системы, требует не только системного, но и комплексного подхода, позволяющего наиболее эффективно реализовывать регулирование.

Р.О. Долотов предлагает рассматривать уголовно-правовое регулирование через призму коммуникативной теории. Автор выделяет два измерения регулирования: поведенческое, проявляющееся в регулятивных и охранительных правоотношениях, и социопсихическое, которое тоже обнаруживает себя в регулятивных и охранительных правоотношениях, но при этом подразделяется на когнитивные и актуальные. Когнитивная стадия наступает после того, как субъект интерпре-

тирует (уясняет) текст уголовного закона, а переход в актуальную форму происходит в момент осознанного правомерного поведения, то есть воздержания от совершения преступления [1].

При этом подход Р.О. Долотова полностью соотносится с коммуникативной моделью Р.О. Якобсона (рис.1).

Рис.1 Коммуникативная модель Р.О. Якобсона

Согласно коммуникативной моделиуголовно-правовое регулирование включает в себя ряд компонентов [5]:

адресант – государство (законодатель, правоприменитель);

адресат – граждане и прочие лица, находящиеся на территории данного государства (включая мигрантов и туристов);

код – официальный государственный язык, дополненный правовой терминологией, юридической техникой, системой понятий и закреплёнными правилами (статьи Уголовного кодекса);

контакт – официальные источники массовой информации, а также правовая система в широком смысле (законодательство, судебная практика, официальные правовые тексты и комментарии);

сообщение – доведение закона до сведения общества, его публикация;

контекст – содержание самой публикации.

Если разбирать отдельные элементы данной модели, то необходимо остановится на ряде её отдельных элементов, а именно коде, контексте и адресанте.

Рассматривая код и контекст следует обратить внимание на концепцию В.В. Попова, который в своей концепции права как семиотической системы исходит из классической для лингвистики схемы «знак – значение – референт» [4].

Уголовно-правовое предписание, зафиксированное в законе, выступает в роли знака. Оно содержит зашифрованную в языковой форме информацию о том, какие действия считаются преступными, а какие –

нет, а также о видах и пределах наказания. Смысл нормы раскрывается через её официальное толкование (конституционный и судебный контроль), правоприменительную практику и доктрину. При этом может возникать полисемия (множественность значений), если норма допускает различные интерпретации. Для уголовного права особенно важна точность толкования, связанная с принципом законности. Правовая норма всегда соотносится с реальной жизнью, описывает или регулирует конкретное поведение лиц, обстоятельства совершения преступления, его последствия и пр. Между правовой нормой и социальной реальностью устанавливается динамическая связь: с одной стороны, норма влияет на поведение субъектов, с другой – изменяющаяся социальная реальность требует корректировки или переосмысления нормы.

Таким образом, уголовно-правовая норма выступает не просто в роли знака, но и является частью коммуникативного процесса, предполагающего наличие источника сообщения (законодатель), канала передачи (закон, судебные решения, правовая информация) и получателя (субъекты уголовно-правовых отношений).

Однако, следует помнить, что помимо полисемии уголовно-правовая норма может быть неверно проинтерпретирована в силу индивидуально-психологических особенностей адресата (получателя). Поскольку уголовно-правовые нормы (как и любые юридические нормы) являются формализованными конструкциями, требующими высокого уровня понятийного мышления для их понимания. Способность оперировать понятиями, классифицировать и анализировать ситуации, позволяющая человеку осознать и следовать установленным законам, базируется на понятийных способностях [2]. Под понятийными способностями понимаются когнитивные навыки, необходимые для понимания и оперирования абстрактными понятиями и концепциями. Эти способности включают в себя анализ, синтез, классификацию, абстракцию и способность к логическому мышлению. Они формируют основу критического мышления, которое необходимо для интерпретации правил и норм, в том числе юридических.

Можно выделить несколько аспектов значимости понятийных способностей:

- понятийные способности обеспечивают способность понять социальную значимость законов, позволяющую, в свою очередь, видеть их как необходимые нормы поддержания общественного порядка;

- понятийные способности позволяют человеку понимать причинно-следственные связи своих действий и действий других и предвидеть последствия своих действий;

- понятийные способности позволяют людям анализировать свои поступки, соотносить их с юридическими нормами и корректировать их в соответствии с последними.

Из сказанного следует весьма важное следствие, которое заключается в том, что поскольку связанный с решением уголовно-релевантной задачи мыслительный процесс включает в себя не только анализ собственных действий и их последствий как для субъекта, так и для жертвы, в том числе с позиций окружающих и официальных институтов, то недостаточное развитие понятийных способностей может привести к интерпретации ситуации дозволительного характера [3].

Таким образом, для успешной реализации уголовного-правового регулирования требуется не только ясность уголовно-правовой нормы, как сообщения, но и способность получателя верно интерпретировать данное сообщение. В случае нарушения данной последовательности на определённом из этапов снижение эффективности уголовно-правового регулирования неизбежно.

Список цитируемой литературы:

1. Долотов, Р.О. Механизм уголовно-правового регулирования в сфере преступных посягательств на объекты интеллектуальной собственности: дис. … канд. юр. наук / Р.О. Долотов. – Саратов, 2009. – 229 с.

2. Небытов, К. В. О взаимосвязи понятийных и юридически значимых способностей. Доклад на Всероссийской научно-практической конференции «Правовые проблемы укрепления Российской государственности» (30 января – 1 февраля 2025 года, г. Томск)

3. Небытов, К. В. О соотнесённости уровней мышления и понимания с типом семантики / К. В. Небытов // Язык. Сознание. Коммуникация: методология и гуманитарные практики (вызовы современности): Материалы II Всероссийской конференции с международным участием, Москва, 08–11 апреля 2024 года. – Москва: ИД «Канцлер», 2024. – С. 253-254.

4. Попов, В.В. Взгляд на право через призму семиотического треугольника: проблема конвенционального ограничения множественности правовых смыслов / В.В. Попов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 1. – С. 163–173.

5. Якобсон, Р.О. Речевая коммуникация. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – Москва: Прогресс, 1985. – 460 с.

Новокшонов Д.В., канд. юрид. наук, доцент, нач. кафедры ФГКВОУ ВО «Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации»,
полковник юстиции,
г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В НОВЫХ РЕГИОНАХ С ВВЕДЕНИЕМ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Аннотация

В статье анализируется, изменение уголовного законодательства с началом проведения специальной военной операции. Исследуется применение уголовного кодекса в особых условиях и на новых территориях. Делается вывод о своевременности внесений изменений военно-уголовного законодательства в период мобилизации и военное время. Анализируется некоторые изменения уголовно-процессуального законодательств. Констатируется, что совершение преступлений в период военного положение и особых условиях, будут являться отягчающим обстоятельством или квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком.

Ключевые слова: военное положение, военное время, мобилизация военная служба, военнослужащие, преступления против военной службы

Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», направлен на закрепление механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, которые заключили контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации в период специальной военной операции (СВО). Уголовный кодекс дополнен новой статьей 78.1, которая предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо в связи с заключением контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время [4, С. 182].

В ч. 1 ст. 78.1 указано, что лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 200.1, ч. 1 ст. 205.2, п. «б» ч. 2 ст. 215.4, ч. 1 и 2 ст. 217.1, ч. 1 и 2 ст. 220, ч. 1 ст. 221, ч. 1 ст. 274.1, ст. 280, 280.1, ч. 1 ст. 280.4, ч. 1 ст. 283, ч. 1 ст. 283.1, ч. 1 и 2 ст. 283.2 и 284 УК РФ, призванное на военную службу по мобилизации или в военное время либо

заключившее в период мобилизации, военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, а равно совершившее преступление в этот период, предварительное расследование, в отношении которого приостановлено в соответствии с п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, освобождается от уголовной ответственности: а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Закона о воинской обязанности и военной службе. Часть 2 названной статьи закрепляет, что контроль за поведением указанных лиц осуществляется командованием воинской части (учреждения) [1, С. 23].

Внесены изменения в УК РФ в ст. 80.2 «Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время», которая разъясняет механизмы освобождения лиц, отбывающих наказание за совершение преступления, за исключением преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних либо преступлений, предусмотренных ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 275 , 275.1, 276–280, 281–281.3, 282.1– 282.3, 360, 361 УК РФ, от наказания условно. Если освобожденное лицо в период прохождения военной службы совершит новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ.

Поправки дополняют ст. 86 УК РФ частью 3.1, в которой указано, что в отношении лица, имеющего судимость, за исключением судимости за совершение вышеперечисленных преступлений, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключившего контракт о прохождении военной службы в указанные период и время, судимость погашается со дня награждения либо увольнения с военной службы. В свою очередь УПК РФ дополнен статьей 28.2 «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время». Вносятся и другие корреспондирующие поправки.

Кроме того, указывается, что лица, в отношении которых осуществлялось уголовное преследование на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской области и Херсонской области до 30 сентября 2022 г., освобождаются от уголовной ответственности и наказания, а судимость в отношении таких лиц погашается.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 года № 507-ФЗ о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ, появился новый специальный

субъект воинских преступлений в уголовном праве, это лица, поступившие в добровольческие формирования в период мобилизации и военное время, простыми словами говоря «добровольцы», в соответствии с ФЗ «Об обороне». Этого и следовало ожидать от законодателя, что в условиях ведения боевых действий значительные силы представляют именно добровольческие отряды. Ранее 24 сентября 2022 года Федеральным законом № 365-ФЗ, были внесены существенные дополнения в уголовное законодательства и статью 151 уголовно-процессуального кодекса РФ, которые определили вектор направленности дальнейшего развития военно-уголовного законодательства в период проведения Специальной военной операции на новых территориях.

Основные изменения претерпела ч. 3 статьи 331 УК РФ, где в предыдущей редакции было сказано, что субъекты воинских преступлений привлекаются к уголовной ответственности в военное время и боевой обстановке отдельным законом, который должен быть принят законодателем в этот период. В новой редакции уголовного кодекса часть 3 статьи 331 утратила силу, но были внесены отягчающие обстоятельства совершения преступлений против военной службы, как совершение преступления в период военного положения, военное время, условия вооруженного конфликта, ведения боевых действий. Таким образом, уголовное законодательство предусматривает ответственность в полном объеме в период ведения специальных режимов военного времени [2, С. 117].

Следует отметить, что граждане, поступившие в добровольческие отряды по защите нашего государства, в связи с принятием вышеуказанных законов признаны субъектами воинских преступлений при совершении деяний предусмотренными (частями 1, 2 ст. 332, ч.3 ст.333, ч. 3. ст. 334, чч. 2.1, 3.1, 5 ст. 337, ч. 3 ст. 338, ч. 3 ст. 339, ч. 3 ст. 346, ч. 2 ст. 347, ст. 352.2 УК РФ). Автор считает, принятия этих решений на законодательном уровне правильной и своевременной мерой, что говорит о концентрации и мобилизации военно-уголовного законодательства в период проведения специальной военной операции. Следует отметить, что преступления совершенные в этот период можно подразделить по группам, в зависимости от времени совершения деяния. К первой группе следует отнести преступления совершенные в обычных условиях, все общеуголовные преступления и некоторые преступления против военной службы (статьи 335, 336, 343, 345, 349, 352), с применением отягчающих обстоятельств по пункту «л» статьи 63 УК РФ. Второй группе преступлений как в мирное время так и в условиях в ведения специальных режимов такие как: (ст. 332-334, 337-342, 344, 346-348 УК РФ), в этих составах предусмотрены отягчающие признаки в совершения в особых условиях. Третей группе преступления можно отнести совер-

шенные только в период ведения боевых действий, это такие составы преступлений: (ст. 352.1, 353, 354, 356, 359 УК РФ) [3 с. 68].

Периоды мобилизации, военного положения, военного времени, вводятся Указом Президента РФ на основании положений Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении», федеральных законов от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» и от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», дата начала и окончания мобилизации и военного положения определяется соответствующим Указом Президента России.

В заключении автор считает, что уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, совершенствуется и дополняется с объявлением начала специальной военной операции. Оно неразрывно связано с введением военного положения и особого периода в стране. Все эти условия способствуют и дальнейшему развитию военно-уголовного законодательства. Кроме этого, совершение преступлений в период военного положение и особых условиях, будут являться отягчающим обстоятельством или квалифицирующим или особо квалифицирующим признаком, а в некоторых случаях создает условия для прекращения уголовного преследования, освобождения от наказания и погашения судимости.

Список цитируемой литературы:

1. Глухов, Е.А. Пределы правового регулирования военно-служебных отношений / Е.А. Глухов // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21. – № 1. – С. 22-38.

2. Закомолдин, Р.В. Актуальные проблемы военно-уголовного законодательства на современном этапе / Р.В. Закомолдин // Военное право. – 2024. – № 5(87). – С. 115-122.

3. Ермолович, Я.Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ) / Я. Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 1(330). – С. 67-74.

4. Новокшонов, Д.В. Особенности уголовной ответственности военнослужащих за преступления, совершенные в период проведения специальной военной операции / Д. В. Новокшонов // Военное право. – 2024. – № 3(85). – С. 180-183.

Родыгин Р.А., ст. преподаватель
ФГКОУ ВО «Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Екатеринбург

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНОМУ ВОВЛЕЧЕНИЮ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ОПАСНОГО ДЛЯ ИХ ЖИЗНИ ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация

В статье рассматривается структура четырехуровневой национальной правовой системы в сфере противодействия противоправному вовлечению несовершеннолетних в совершение опасного для их жизни поведения. Отдельно рассмотрены уголовно-правовые средства противодействия указанным явлениям.

Ключевые слова: правовая система; несовершеннолетние; противоправное вовлечение.

Ребенок является особым субъектом в современной системе правоотношений, интересы которого, подлежат первоочередной защите. В пункте 30 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400, определена необходимость поддержки семьи и детства, воспитания детей, их всестороннего духовного, нравственного, интеллектуального и физического развития. Обучение и воспитание детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей является важнейшей задачей для достижения целей государственной политики в сфере сбережения народа России и развития человеческого потенциала.

Технологический прогресс в области современных информационных технологий обусловил возникновение новых форм преступной деятельности, направленной на вовлечение детей в различные формы деструктивного поведения, представляющие непосредственную угрозу для их физического и психического благополучия. Эффективность противодействия указанным негативным явлениям во многом зависит от степени развития и состояния правовой системы, которую можно условно дифференцировать на несколько уровней.

Первый уровень образован конституционно-правовыми постулатами, закрепленными в основном законе Российской Федерации (ст. ст. 38 и 67^1 Конституции РФ). Нормы Конституции РФ являются базисом, на котором «строится» разветвленная система правовых предпи-

саний, обеспечивающих защиту подрастающего поколения от воздействия информации деструктивного толка.

Второй уровень состоит из нормативных документов декларирования и стратегического планирования. За последнее время принято большое количество такого рода юридических актов, что предопределяет особое стремление государства создать все необходимые условия для поступательного развития подрастающего поколения. Так, например, в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия определяется в качестве национального интереса Российской Федерации. Согласно Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358, распространение информации, представляющей опасность для детей, в том числе посредством сети «Интернет» является одной из основных угроз безопасности несовершеннолетних. Кроме того, к числу документов стратегических характера можно также отнести Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, утвержденную указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646; Концепцию информационной безопасности детей, утвержденную распоряжением Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р и др.

Третий уровень национальной правовой системы в исследуемой сфере образован нормативными актами федерального уровня, обеспечивающие реализацию тех декларируемых задач, позиций и предписаний, которые закреплены в правовых источниках предыдущих уровней. К числу таковых можно отнести:

- федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»;
- федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»;
- федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Кроме того, рассматриваемый уровень правовой системы также включает в себя группу актов, которыми установлена юридическая ответственность за совершение противоправных действий, связанных с побуждением несовершеннолетних к осуществлению опасного для их жизни и здоровья поведению.

Говоря о нормах, предусматривающих административную ответственность, то стоить выделить следующие: ст. 6.10 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психо-

активных веществ или одурманивающих веществ»; ст. 6.23 КоАП РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в процесс потребления табака или потребления никотинсодержащей продукции». Также стоит отметить изменения ст. 14.53 КоАП РФ, которыми установлена ответственность за реализацию несовершеннолетнему опасных бытовых товаров, содержащих углеводородный газ. Указанное решение стало одним из составляющих элементов в общей системе противодействия вовлечения в такое опасное для жизни и здоровья деструктивное явление как снифинг.

Особое внимание стоит уделить уголовно-правовым средствам противодействия рассматриваемым противоправным явлениям. В 2017 году законодатель предусмотрел ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных опасных для их жизни действий (ст. 151^2 УК РФ).

Согласно содержанию пояснительной записки к этому федеральному закону, необходимость установления указанного уголовно-правового запрета, обусловлена активизацией деятельности лиц, занимающихся системным вовлечением несовершеннолетних в совершение различных активностей, которые представляли непосредственную угрозу для их жизни. Примером таких действий являлись: «трейн-серфинг» (проезд на крыше поезда) или другие разновидности смертельно опасного «зацепинга», руфинг (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные виды деятельности, в том числе игры по типу «Беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе перед движущимся транспортом. При этом приводятся показательные статистические данные о количестве пострадавших несовершеннолетних от такой смертельно опасной деятельности. Кроме того, отдельно акцентируется внимание на деструктивном воздействии информационно-телекоммуникационной сети Интернет, которая способствовала широкому распространению конкретных инструкций, содержащих информацию о способах совершения подобных действий [3].

Однако стоит отметить, что указанная норма используется правоприменителем достаточно редко. С 2017 года правоохранительными органами зарегистрировано 34 таких преступления [5]. Подобный низкий уровень правоприменительной практики порождает вопросы о необходимости нахождения ст. 151^2 УК РФ в структуре уголовного закона [1, С. 126]. Считаем, что данная проблема обусловлена несовершенствами юридико-технического конструирования нормы, которые в свою очередь затрудняют процесс доказывания. Так, например, нет общего подхода относительно понимания соотношения категорий «склонение» и «вовлечение», что влечет за собой дискуссию относи-

тельно конструкции состава преступления и установления момента окончания [6, С. 46]. Кроме того, указанный уголовно-правовой запрет характеризуется наличием оценочных свойств, к числу которых относится признак «опасности для жизни» тех действий, к совершению которых побуждается несовершеннолетний. Также неоднозначно оценивается признак противоправности этих действий, на что указывалось, в том числе, в Общественной палате Российской Федерации в своем заключении на стадии обсуждения проекта указанной нормы [2]. Мы считаем, что ст. 151^2 УК РФ является эффективным средством противодействия новым распространяющимся посягательствам, связанным с деструктивным воздействием на сознание несовершеннолетних по крайней мере с точки зрения ее превентивных функций и свойств. Необходимость и обоснованность этой нормы рассмотрена нами с позиций оснований и принципов криминализации [4, С. 40-44]. Считаем, что «активизация» правоприменительной практики станет возможной при условии устранения юридико-технических недостатков формулирования конструкции состава преступления, а также в случае выработки единых научно-обоснованных подходов в вопросе толкования конститутивных признаков, правил квалификации и критериев разграничения со смежными деяниями.

Заключительный уровень правовой системы в сфере противодействия противоправному вовлечению несовершеннолетних в совершение опасного для их жизни поведения образован нормативными актами субъектов Российской Федерации. Однако стоит отметить, что в большинстве регионов страны отсутствуют какие-либо специализированные законы, регулирующие отношения противодействия распространению информации деструктивного толка среди детей. В основном этот вопрос разрешается нормативными актами, которые охватывают общие вопросы защиты прав и законных интересов ребенка. Например, в Свердловской области таким юридическим документом является областной закон от 23.10.1995 № 28 – ОЗ «О защите прав ребенка».

Подводя итог, можно сделать выводы о том, что государство очевидно осознает первостепенную необходимость защиты интересов детей и недопущения распространения информации деструктивного толка, которая оказывает негативное влияние на физическое и психологическое здоровье несовершеннолетних. Для реализации указанного направления государственной политики выстраивается обширная правовая система, имеющая на данный момент недостатки.

Список цитируемой литературы:

1. Гребеньков, А. А. Об оценке жизнеспособности нормы ст. 151.2 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. А. Гребеньков, Л. А. Гребенькова // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : Сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 сентября – 01 2019 года / под общей ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 126-129.

2. Заключение Общественной палаты РФ от 24 апреля 2017 г. по результатам общественной экспертизы проекта федерального закона № 118634-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.05.2025 г.)

3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.05.2025 г.)

4. Родыгин, Р. А. Об обусловленности криминализации вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни / Р. А. Родыгин // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(45). – С. 40-44.

5. Статистические данные ГИАЦ МВД России за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023 г.

6. Щетинина, Н. В. Особенности уголовно-правовой оценки вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни / Н. В. Щетинина // Законность. – 2021. – № 5(1039). – С. 45-49.

Рыжкова И.Д., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Ширяева С.В., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ В РЕШЕНИИ ВОПРОСА О КЛЕВЕТЕ В РАМКАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ДОКАЗЫВАНИЕ НЕГАТИВНОЙ ОЦЕНКИ ЧЕРЕЗ АНАЛИЗ ТЕКСТА В ФОКУСЕ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ И ДОБРОГО ИМЕНИ

Аннотация

В настоящее время увеличивается количество уголовных дел и судебных споров, связанных с распространением клеветы в цифровом пространстве и СМИ, особенно в делах о защите репутации публичных и должностных лиц. В статье показаны границы возможностей лингвистической экспертизы в доказывании негативной оценки при рассмотрении дел о клевете, с акцентом на её роль как инструмента анализа коммуникативных стратегий.

Ключевые слова: клевета, лингвистическая экспертиза, анализ текста.

Согласно ст. 128.1 Уголовного кодекса РФ, клеветой признается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь, достоинство или репутацию лица. Для квалификации деяния необходимо доказать:

1. Ложность информации – несоответствие утверждений действительности.

2. Умысел распространителя – осознание ложности сведений.

3. Порочащий характер – способность информации нанести ущерб репутации.

Ключевое отличие клеветы от законных оценочных суждений или мнений заключается в доказанной ложности и наличии умысла. Например, высказывание «чиновник Х взял взятку» может быть клеветой, если факт не подтвержден, но станет оценочным суждением, если выражено как предположение: «возможно, чиновник Х коррумпирован».

Лингвистическая экспертиза в делах о клевете решает строго ограниченные задачи. Как отмечает А.Н. Баранов, её цель – выявить языковые средства, формирующие негативную оценку личности или деятельности, но не давать правовую оценку тексту [1, С. 37].

Методы лингвистического анализа включают:

1. Лексико-семантический анализ – изучение слов с пейоративной коннотацией («тряпка», «фашист»), оценочных прилагательных («некомпетентный», «продажный»).

2. Анализ стилистических помет – выявление маркеров субъективной оценки: гиперболы («он разрушил весь район»), метафор («крысятничество»), иронии («гениальный управленец»).

3. Контекстуальный анализ – определение коммуникативной цели высказывания (дискредитация, обвинение, насмешка).

Эксперт фиксирует наличие/отсутствие языковых маркеров негатива, но не определяет:

- являются ли сведения ложными (это устанавливает суд через другие доказательства);

- был ли у автора умысел распространять заведомую ложь (это вопрос правовой квалификации).

Таким образом, лингвист отвечает на вопросы: «Какие языковые средства формируют негативную оценку? Содержит ли текст утверждения о фактах или оценочные суждения?». Суд решает, являются ли выявленные утверждения заведомо ложными, и можно ли квалифицировать деяние как клевету по ст. 128.1 УК РФ. Лингвистическая экспертиза ограничивается анализом языковых средств, доказывая наличие/отсутствие негативной оценки через лексико-семантические и стилистические маркеры. Установление факта клеветы (ложности и умысла) – исключительная прерогатива суда, который учитывает лингвистические выводы как часть доказательной базы. Четкое разделение задач эксперта и правоприменителя исключает подмену понятий и обеспечивает объективность судопроизводства.

Клеветнические высказывания, направленные на дискредитацию лица, обладают специфическими лингвистическими и жанровыми характеристиками. Их анализ позволяет выявить языковые средства, формирующие негативную оценку, однако установление факта клеветы остаётся прерогативой суда. Рассмотрим ключевые аспекты, объединяющие лингвистические методы и юридическую практику.

Языковые инструменты формирования негативной оценки.

Основу клеветнических текстов составляют лексико-семантические маркеры, актуализирующие порочащие смыслы:

1. Лексемы с негативными семами:

- слова, содержащие семы «преступление» («хищение», «подлог»), «аморальность» («разврат», «продажность»), «деструктивность» («разрушил», «сорвал»);

- лексика со стилистическими пометами, усиливающими отрицательную коннотацию: пренебрежительные («хапуга», «казнокрад»),

грубо-просторечные («стерва», «жулик»).

2. Глаголы в форме прошедшего времени, являющиеся маркером совершенного факта действительности: «присвоил средства», «сфальсифицировал отчёт», «сорвал собрание». Такие глаголы входят в лексико-семантические поля негативной деятельности (обман, разрушение, присвоение).

Эти средства не только формируют отрицательное восприятие объекта, но и маскируют оценочные суждения под констатацию фактов, что характерно для публицистических жанров.

Клевета чаще встречается в жанрах, ориентированных на массовую аудиторию и требующих эмоционального воздействия:

- публикации в СМИ и соцсетях (репортажи, посты, комментарии).
- обращения и заявления (открытые письма, петиции).

Для этих жанров типичны:

- экспрессивность: использование гипербол («разворовал весь бюджет»), риторических вопросов («Неужели такой человек достоин должности?»);
- публицистические клише: апелляция к стереотипам («все чиновники – воры»), обобщения («системная коррупция»);
- имитация документальности: введение терминов («злоупотребление полномочиями») и цифр («присвоил 10 миллионов») для создания видимости объективности.

Особенно часто мишенью становятся должностные лица, чьи действия связаны с публичной сферой. Их профессиональный статус делает их уязвимыми для атак, так как любое обвинение автоматически привлекает внимание общества.

Для иллюстрации взаимодействия лингвистики и юриспруденции рассмотрим два типичных примера, связанных с должностными лицами.

Пример 1. Контекст: В публикации о должностном лице Н. утверждается: «Самовольно снёс забор и оборвал проводку, совершил хищение профильной трубы, нанеся материальный ущерб её хозяину».

Лингвистический анализ:

- глаголы в форме прошедшего времени («снёс», «оборвал», «совершил») акцентируют завершённость действий, что характерно для констатации фактов;
- лексемы «хищение» (сема «преступление») и «самовольно» (сема «без разрешения») формируют образ Н. как злоумышленника;
- семантическое поле разрушения: «снёс», «оборвал», «ущерб» – усиливают негативную оценку.

Пример 2. Контекст: В комментарии к посту о гражданке В., занимающей высокопоставленную должность, написано: «Эта змея

только и может предлагать себя для постели и обливать грязью своих сотрудников».

Лингвистический анализ:

- лексема «змея» (по словарю Л.П. Крысина – «злая и коварная женщина») [6, С.376];

- фраза «предлагать себя для постели» входит в семантическое поле «интимные услуги», дискредитируя профессиональный статус гражданки В.;

- фразеологизм «обливать грязью» (значение: «незаслуженно, без оснований порочить, оскорблять кого-либо») имеет стилистическую помету «экспрессивное».

В перечисленных кейсах в представленных для анализа текстах были выявлены высказывания, выражающие негативную оценку отдельных личностных качеств должностных лиц, а также некоторых эпизодов их деятельности.

Специфика клеветы в отношении должностных лиц: языковые и социальные факторы

Дела о клевете, связанные с должностными лицами, отличаются:

1. использованием профессиональной лексики для придания ложным утверждениям видимости достоверности. Пример: «Злоупотребил служебным положением» (термин из УК РФ);

2. Апелляцией к общественным интересам: «Если мэр ворует, город обречён на крах» – клевета маскируется под социальную критику;

3. эксплуатацией стереотипов: обвинения в коррупции или аморальном поведении, основанные на клише о «продажных чиновниках».

Эти факторы делают тексты более убедительными для аудитории, но не отменяют необходимости правовой проверки их содержания.

Таким образом, лингвистический анализ выявляет языковые паттерны клеветы: лексемы с негативными семами, глаголы завершённого действия, стилистически окрашенная лексика. Жанрово-стилистические особенности (публицистическая экспрессивность, имитация документальности) усиливают воздействие текста, маскируя оценочные суждения под факты. Примеры с должностными лицами демонстрируют, как лингвистические выводы становятся основой для юридической оценки, но не заменяют её: установление ложности и умысла требует анализа доказательств за рамками текста. Лингвистическая экспертиза выполняет роль «моста» между языковыми стратегиями автора и правовыми критериями клеветы, подчёркивая необходимость междисциплинарного подхода, помогая в необходимых случаях защитить права человека на честь и доброе имя в соответствии со ст. 23 Конституции Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Баранов, А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика / А.Н. Баранов. – Москва: Флинта, 2018. – 571 с.

2. Базылев, В.Н. Как слово наше отзовется: понятия чести и достоинства, деловой репутации, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации / В.Н. Базылев, Ю.А. Бельчиков, А.А. Леонтьев, Ю.А. Сорокин // Российская юстиция. – 1998. – № 4-7. – С. 19-31.

3. Головин, Б.Н., Костомаров, В.Г. Лингвистика судебной речи / Б.Н. Головин, В.Г. Костомаров // Вопросы языкознания. – 2015. – № 3. – С. 117-127.

4. Зиновьева, Н.О. Лингвистическая экспертиза текста в судебных процессах / Н.О. Зиновьева // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 4 (27). – С. 131-135.

5. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов / Л.П. Крысин. – Москва : Эксмо, 2008. – 944 с.

6. Чернышова, Т.А. Квалификация преступлений против чести и достоинства личности в российском уголовном праве / Т.А. Чернышова // Правоведение. – 2017. – № 1. – С. 159-169.

Соколов Д.В., канд. юрид. наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЦИФРОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация

Данная статья посвящена актуальным вопросам реализации государственной политики в области уголовно-правового обеспечения информационной безопасности деятельности органов власти Российской Федерации. Немедленного решения проблем требует уголовно-правовая защита важных стратегических информационных ресурсов страны, обеспечивающая независимость страны, в том числе от несанкционированного доступа к информации и защита от поступающей социально вредной информации. В сфере уголовно-правового регулирования информационных технологий, пока еще отсутствует одно-

значно сложившаяся правовая терминология, система обеспечения слаженной деятельности уполномоченных органов власти, составы об уголовной ответственности за правонарушения в цифровой среде. Это обуславливает выработку политического решения – принятия Стратегии развития системы информационной безопасности органов государственной власти и управления РФ до 2035 года. Для этого следует определиться с понятийным аппаратом, принять во исполнение стратегии необходимые концепции и законы. Например, принять концепцию информационной безопасности органов власти РФ, федеральный закон «Об информационной безопасности», определить юрисдикцию существующих уполномоченных органов власти в сфере противодействия преступлениям и условиям их совершения в сети Интернет, с целью наделения специальными юрисдикционными полномочиями специализированного правоохранительного органа – «киберполиции». Данная статья посвящена актуальным вопросам реализации уголовно-правового обеспечения информационной безопасности деятельности органов власти Российской Федерации.

Ключевые слова: информационная безопасность; органы власти; информационная сфера.

В связи с институционализацией глобального информационного общества и электронного государства актуальным является создание организационно-правовых условий для электронного документооборота, а также обеспечения уголовно-правового регулирования информационной безопасности в целях достижения баланса информационных интересов устойчивого и безопасного развития человека, общества и государства.

«Для этого требуется выработка стратегии уголовно-правового регулирования различных в различных областях, в частности сфере информационной безопасности, обеспечивающей в условиях информационного общества с одной стороны защиту национальных интересов и суверенность государства, а с другой – позволяющей максимально реализовывать гражданам свои конституционные права и интересы с применением информационных технологий, а также минимизировать условия возможной бюрократизации и отстранения населения от процессов управления» [1]. По мнению автора, это требует следующего:

- Российской Федерацией необходимо создавать систему обеспечения информационной безопасности, опирающуюся на комплекс нормативных правовых актов, которая позволит предупреждать и противодействовать реализации имеющихся угроз информационной безопасности, а также выявлять и принимать меры против уже объективно реализовавшихся угроз;

- действующая система обеспечения информационной безопасности, которая еще не реализована, то есть, не подкреплена гарантиями и не обеспечена, в полной мере, уголовно-правовыми средствами, может стать моделью для разработки и практической реализации, предлагаемых в исследовании нормативно-правовых актов обеспечивающих информационную безопасность и защиту национальных интересов Российской Федерации;

- требуется осмысление и развитие существующей практики обеспечения информационной безопасности системы государственного управления посредством реализации конституционно-правовых положений, касающихся дальнейшего уголовно-правового регулирования информационно-правовой среды часть 1 ст. 1,статья 2, часть 2 статьи 6,часть 1 и 2 ст.8,часть 1 и 2 статьи 7,часть 3 статьи 4, часть 3 статьи 5, ст. 13, 14, 15,17,18,19,23,28, 29,41,42, 44, ч. 2 ст. 45, ч. 1 и ч. 2 ст. 46), ч.3 ст. 46 Конституции РФ [2], внесением поправок в соответствующие нормативно-правовые акты, в том числе принятием Федеральных законов «Об основах государственного регулирования в сети Интернет», «О реализации права на получение информации», поправок в соответствующие разделы Уголовного кодекса РФ.

-«требуется систематизация понятийного аппарата правовых и организационных аспектов государственного управления в ракурсе информационной безопасности, в том числе «государственного информационного ресурса», «информационной безопасности», «информационного преступления», «судебной информации».

-необходима выработка уголовно-правового инструментария реализации Концепции информационной безопасности, необходимость формулирования и законодательного закрепления Концепции информационной безопасности России, отвечающей потребностям времени и угрозам, посредством принятия ФЗ «Об информационной безопасности РФ».

-создание специального Суда (судебных составов в судах общей юрисдикции) по уголовно-правовой защите прав граждан в цифровой сфере.

-создание целостной юрисдикционной структуры конкретной федеральной службы, отвечающей за информационную безопасность в РФ» [3].

Выше приведены лишь некоторые предлагаемые к внедрению разработки приоритетных направлений и конкретные меры по реализации современной политики уголовно-правового обеспечения информационной безопасности.

Научно-практическая значимость данных предложений состоит в том, что данные приведенные результаты могут быть использованы

для дальнейших теоретических разработок, в уголовно-правовой политике деятельности органов государственной власти и управления, с целью их последующего внедрения в систему государственного управления для совершенствования обеспечения уголовно-правовой защиты цифровых прав граждан.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, С.С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития: некоторые тенденции мирового правового развития надежда и драма современной эпохи / С.С. Алексеев. – Москва: Статут, 2000. – 256 с.

2. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. // КонсультантПлюс: Высшая школа. – 2012. – Вып. 16.

3. Соколов, Д. В. Институциональные проблемы развития российской государственности в условиях информационного общества / Д.В. Соколов // Дискуссия. – 2015. – № 9(61). – С. 105-108.

Соловьева В.В., д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация

Коррупция как социальное и правовое явление возникло практически одновременно с государственностью. Наказуемость коррупционных проявлений напрямую зависит от политического режима, исторических особенностей развития государства, общественного мнения. В настоящее время отмечается высокий уровень коррупции в Российской Федерации, в связи с чем необходимо проследить путь формирования современной системы уголовно-правового воздействия на членов общества.

Ключевые слова: коррупция, история коррупции, уголовная ответственность, уголовное законодательство, уголовно-правовое воздействие.

Продолжительное время понятия «коррупция» и его негативной окраски не существовало в русском обществе. Связано это с тем, что

чиновники на Руси не получали оплату из казны, вместо этого существовала система «кормления». Кормление представляет собой возможность должностных лиц получать подношения от местного населения. Отсутствовала и строгая регламентация деятельности чиновников и оплаты труда в принципе. За счет этого «кормление» не рассматривалось как социально-опасное явление и потому не может выступать в качестве первых проявлений коррупции.

Например, в Двинской уставной грамоте [2] указывалось на возможность передачи чиновнику «посула», т.е. отступного в целях избежать или заменить уголовное наказание.

В последующем, первые формы коррупции, получившие осуждение со стороны общества и государства, были закреплены в Судебнике 1497 г. [13]. Запрет на получение «вознаграждения» от населения в первую очередь распространялся на бояр, дьяков, судей, а также лиц, участвующих в отправлении правосудия. Установив только запрет, Судебник не обозначил ответственность за их нарушение и это привело к тому, что нормы практически не функционировали, а взяточничество продолжало повсеместно распространяться.

Существенные изменения в понимании правомерности подношений для чиновников возникают вместе с земской реформой XVI века при Иване IV. В соответствии с реформой, система кормления упразднялась, а получение вознаграждения от населения должностным лицом, рассматривалось как преступное деяние.

Причинами проведения реформирования административного устройства страны стали в том числе неконтролируемые поборы с населения, а также рост должностных злоупотреблений. В рамках реформы устанавливались меры ответственности за взяточничество, которые нашли отражение в Судебнике 1550 г. [14]. Уровень ответственности за факты взяточничества зависели от статуса обвиняемого лица. Больше всего страдали низшие должностные чины, что в последствие было закреплено и в Судной грамоте 1561 г. в виде возможности казни таких лиц. В это же время, представители боярства могли просто вернуть полученную взятку. Несмотря на избирательность в вопросах ответственности за коррупцию, в этот период развития уголовного законодательство предпринимались наиболее действенные меры борьбы с ней.

Так, Л.Л. Блашкова отмечает: «Предпринимаемые карательные меры, будучи довольно суровыми (жестокими), оказали положительное воздействие на общественное сознание и существенно сократили коррупционные проявления в чиновничьем аппарате. Только публичных квалифицированных казней чиновников-коррупционеров при Иване Грозном было осуществлено свыше восьми тысяч, что составило, примерно, 34% от общего количества всех лиц, состоящих на госу-

дарственной службе. Общее количество лиц, привлеченных к ответственности за коррупционные преступления, было еще больше» [1, с.62]. Также, с этого момента формируется практика оплаты труда чиновников из государственной казны.

В период Смуты борьба с коррупционными проявлениями была затруднена. Судебник 1550 г. не обеспечивал эффективную уголовно-правовую борьбу с коррупцией, которая стала проявляться во всех сфера жизни общества. Произвол со стороны чиновников стал причиной нескольких народных волнений, но привлечь нарушителе к ответственности официально нельзя, т.к. соответствующих норм не было.

Соборное уложение 1649 г. [12] вновь изменяется уголовно-правовая концепция борьбы с коррупцией и дополняется следующими видами коррупционных преступлений: получение незаконного вознаграждение за увольнение со службы, коррупция в сфере правосудия, вымогательство взятки, посредничество во взяточничестве. Уже в новом памятнике права вид наказания зависит от тяжести преступления, но в условиях политическое нестабильности, слабой власти, реализация концепции осложнялась, что вновь стало причиной роста коррупции.

Действовавшее почти 200 лет Соборное уложение вплоть до 1832 г., постепенно уточнялось специальными указами. В период правления Петра I было издано сразу несколько указов: 24.12.1714 «О воспрещении взяток и посулов», от 21.05.1720 «О наказании за взятки и лихоимство», от 22.06.1720 «О разных государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота». Система законодательства об ответственности за совершение коррупционных преступлений запрещала брать и давать чиновникам не только денежные средства, но и другие ценности. К числу уголовных наказаний отнесены: штрафы, телесные наказания, лишение имущества, лишение всех прав, торговая казнь, смертная казнь. Но даже такие меры не возымели должного влияния на уровень коррупции в государстве в связи с незнанием правовых запретов или отказом соблюдать их. В это время сформировалось новое правило – знакомить чиновников с правовыми документами, содержащие антикоррупционные нормы.

За время правления Петра I существенно расширяется система преступлений коррупционной направленности, которые делились на частные и государственные. Наиболее общественно-опасными преступлениями для государства признавались взяточничество и казнокрадство, а смертная казнь выступала в качестве основного вида наказания.

Рост аппарата чиновников и нехватка государственных средств на их содержание, а также непоследовательность проводимых реформ, взяточничество среди приближенных Петра I, которые продолжали получать и давать взятки, коррупционная ситуация в стране суще-

ственно не изменилась. Можно говорить о формировании национальной традиции «посула» чиновникам.

Эпоха дворцовых переворотов привела к очередному росту коррупции, а в связи с отсутствием у государства средств на обеспечение чиновников, государство снова вернулось к системе кормления. Жалование чиновникам было отменено, а их содержание стало осуществляться за счет поборов с населения.

В 1832 году был издан Свод законов Российской Империи[12] Николая I, который ознаменовал формирование новых антикоррупционных правил. В Своде был прописан отдельный раздел «О мздоимстве и лихоимстве» где был прописан запрет на взяточничество, получение подарков за службу, посредничество во взяточничестве, вымогательство взятки, укрывать или подделывать документы в личных интересах или интересах третьих лиц. В качестве санкций за совершение указанных преступлений, виновное лицо могло лишиться всех прав, имущества, отправится в ссылку на каторжные работы, а также быть заключенным под стражу или казненным.

А.В. Онуфриенко отметил, что «Указанные санкции свидетельствуют о том, что законодателями принимались беспрецедентные меры по борьбе с коррупцией, а самое главное ими пресекались такие деяния как посредничество во взяточничестве, злоупотребление должностными полномочиями и некоторые другие, которые являются уголовно-наказуемыми и по настоящее время. Немаловажным является и то, что уже в те времена существовала такая превентивная мера за коррупционные деяния, как конфискация имущества» [9, с.62].

Позже основу уголовно-правовой борьбы с коррупцией составило Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [18], где в пятом разделе, посвященном преступлениям по службе государственной и общественной, коррупционные правонарушения отделялись от халатности или неправомерного осуществления правосудия. Коррупционными признавались преступления, совершенные вопреки службе или общественным интересам, совершенные из личной или корыстной заинтересованности. Более четко определяется круг субъектов преступления, к которым относятся должностные лица, а также посредники во взяточничестве, взяткодатели, а также лица, которые знали о совершении коррупционного преступления, но не передали информацию соответствующим должностным лицам.

Реформирование мер уголовно-правового воздействия на коррупционеров и создание качественных уголовно-правовых норм не смогло сдержать рост взяточничества в государстве. Сформированная во время Дворцовых переворотов и продолжающаяся вплоть до Николая II система товарно-денежных отношений между чиновниками и гражда-

нами показала себя крайне устойчивой, несмотря на страх смертной казни. Меры профилактики, проводимые в отношении должностных лиц и граждан, не привели к необходимому результату, а в сознании общества укореняется правило «подношения» должностному лицу даже за выполнение его должностных обязанностей.

Ко времени прихода к власти Николая II масштабы коррупции в стране достигали угрожающих показателей – ею был поражен практически весь государственный аппарат. Неудачи на фронте, ослабление государственной власти, начавшиеся народные волнения и революционные движения, только усугубляли ситуацию и даже новое Уголовное уложение 1903 года [15], детально описывающее объективную сторону коррупционных преступлений, установившее более строгие виды наказания, не смогли уменьшить число совершаемых преступлений. Даже в период гражданской войны, революционных движений коррупция существовала по обе стороны противостояния, а соответствующего систематизированного законодательства не было.

Переход к советской власти ознаменовался реформированием не только политической, но и правовой системы страны. Новая власть осознавала размеры и пагубное влияние коррупции на построение нового государства, тем более что проявление коррупции и совершение должностных преступлений, противоречили концепции социализма, рассматривались как пережитки империализма. Первый правовой акт появился в 1918 г. им стал Декрет «О взяточничестве» [3]. В первом пункте Декрета указывалось, что лица, уличенные в совершении в принятии взятки за выполнение действия, входящего в круг их обязанностей, или за содействие в выполнении действия, составляющего обязанность должностного лица другого ведомства, наказываются лишением свободы на срок не менее пяти лет, соединенным с принудительными работами на тот же срок. Строгость мер раскрывается правилом, в соответствии с которым покушение на получение или дачу взятки наказывается как оконченное преступление.

Принципиальное отличие царского и советского нормативного регулирования в части борьбы со взяточничеством заключалось только в классовом подходе, поскольку принадлежность преступника к «имущественному классу» признавалась обстоятельством, отягчающим уголовное наказание. Интерес вызывает и отношения советской власти к терминологии. В связи с тем, что явление коррупции противоречило идеям социализма, которые успешной реализовывались в СССР такого понятия как «коррупция» не существовало, его заменяли термины определяющие отдельные виды коррупционных преступлений: взяточничество, злоупотребления, превышения должностных полномочий и т.д. За счет того, что общественная жизнь была подчи-

нена политике партии, коррупция не обходила и советский государственный аппарат управления на всем протяжении его существования. При этом, если должностное лицо и уличалось в совершении преступления, то это было связано с неодобрением его в высших политических кругах. Примером может стать министр внутренних дел СССР Н.А. Щёлоков.

Борьба с взяточничество и иными коррупционными преступлениями активно освещалась в средствах массовой информации и со временем власть была вынуждена реагировать на ее проявление.

Так, появляется Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [4], который рассматривает преступления против власти и государства как наиболее опасные. Уже со 105 статьи кодекса начались перечисления должностных преступлений: ст. 105 «Злоупотребление властью»; ст. 106 «Превышение власти»; ст. 107 «Бездействие власти»; ст. 108 «Халатное отношение к службе; ст. 109 «Дискредитирование власти»; ст. 113 «Присвоение»; ст. 116 «Служебный подлог».

Помимо этого, уголовная ответственность предусматривалась за посредничество во взяточничестве, укрывательство взяточничества, провокация или вымогательство взятки. В качестве видов наказания были предусмотрены лишение свободы, ссылка, смертная казнь, а также конфискация имущества.

Практически в полном объеме составы коррупционных преступлений и наказания к ним перешли в Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [5]. Жесткие меры ответственности, применяемые к виновным в совершении коррупционных преступлений, оказали влияние на общественность, но не искоренили коррупцию полностью, а в некоторых случаях использовались для устранения нежелательных элементов через доносы или «лжеобвинения».

Даже наличие тотального контроля за доходами чиновничества и высокие доходы должностных лиц, не смогли искоренить коррупцию, но существенно снизили уровень ее проявления. Отличительной особенностью борьбы с коррупцией в СССР была неотвратимость наказания для любых должностных лиц, любого ранга. Если данные о взяточничестве слишком долго и часто фигурировали в информационных сводках специальных служб, к ответственности привлекали не только должностное лицо, но и всю его семью. К середине XX века, минуя Великую Отечественную войну, страна приблизилась к приемлемому уровню коррупции, в том числе за счет формирования нетерпимости к подобному поведению в обществе.

Ситуация усугубилась после смерти И.В. Сталина и изменением политического курса правящей партии. Обвинения в коррупции использовались как меры борьбы с политическими оппонентами, лица-

ми, идущими в разрез с партией, инакомыслящими. Послабления в политике, сказались и на борьбе с коррупцией, которая снова начала набирать обороты.

В 1958 году были приняты Основы уголовного законодательства СССР [10], которые стали базой для республиканского уголовного законодательства. На его основе в 1960 г. издается Уголовный кодекс РСФСР [17], включивший в себя 7 главу «Должностные преступления», в которую поместили следующие составы: ст. 170 «Злоупотребление властью или служебным положением»; ст. 171 «Превышение власти или служебных полномочий»; ст. 172 «Халатность»; ст. 173 «Получение взятки»; ст. 174 «Дача взятки»; ст. 174.1 «Посредничество во взяточничестве»; ст. 175 «Должностной подлог»; ст. 175.1 «Нарушение антимонопольного законодательства» (от 1992 г.).

В качестве менее строгого наказания предусматривалось отстранение от должности, а наиболее строгое наказание – это лишение свободы до восьми лет. Данные меры не позволяли обеспечить эффективность деятельности по снижению коррупции в обществе, в связи с чем данные о состоянии коррупции во второй половине XX в СССР были засекречены. Изредка освещались громкие уголовные процессы, связанные с коррупционными скандалами, такие как «Азербайджанское дело» 1969 года о покупке вышестоящих должностей в республике, «Рыбное дело» 1976-1978 гг. о коррупции в Министерстве рыбного хозяйства СССР, а также «Хлопковое дело» 1989 г. о превышении должностных полномочий и завышении показателей сбора хлопка в Республике Узбекистан.

Распад СССР стал основанием для роста коррупции в каждой из новых независимых республик. Потребовалось создание нового более эффективного законодательства, отвечающего требованиям рыночной экономики. За время формирования нового государства – Российской Федерации, коррупция стала официально признаваться угрозой обществу и национальной безопасности страны.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации [16] (далее по тексту – УК РФ) отвечал требованиям времени, в связи с чем приоритетными направлениями уголовно-правовой защиты стали интересы личности и общества, а потом государства. В 2008 году издается указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции» [6] и Федеральный закон РФ «О противодействии коррупции» [8], установившее понятие коррупции и преступлений коррупционной направленности, а также принципы борьбы с их проявлениями в обществе. Формируется и издается Указ Президента РФ «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [7].

Наказание для коррупционеров в новой России прежде всего отличается тем, что они восстанавливают нанесенный ущерб в денежном эквиваленте, за счет чего им назначаются кратные штрафы и отстраняют от должности. К ответственности привлекаются и взяткополучатели, и посредники во взятке, с целью искоренения «традиции посулов» должностным лицам.

Как справедливо отмечают А. В. Швецов и Д. Э. Галиуллина: «Историко-правовой опыт показывает, что коррупция – это социальная болезнь, которая обусловлена целым комплексом причин. Формы коррупции подобно хамелеону изменялись, и государству требовался определенный временной промежуток для распознавания нового ее проявления» [19, С. 8]. Добавим, что до сегодняшних дней борьба с коррупцией продолжается на всей территории Российской Федерации за счет мер уголовного и административного воздействия.

История распространения коррупции в России начинается задолго до начала борьбы с ней как с общественно-опасным явлением. Наиболее действенные меры борьбы были предприняты при Иване IV и И.В. Сталине, т.к. в периоды их правления отмечается снижение числа коррупционных преступлений. За время формирования уголовно-правовой системы борьбы с коррупцией она претерпела множество изменений и наиболее эффективными оказываются меры, направленные на ограничение личных и имущественных прав, в сочетании с высоким уровнем материального обеспечения, тотального контроля и высокого уровня уважения к статусу чиновников.

Список цитируемой литературы

1. Блашкова, Л.Л. Состояние и направления совершенствования уголовно-правового реагирования на преступления коррупционной направленности: дис. … канд. юрид. наук / Л.Л. Блашкова. – Ханты-Мансийск, 2023. – 204 с.

2. Двинская уставная грамота 1397 г. [Электронный ресурс]. Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: http://музейреформ.рф/node/13622 (дата обращения: 15.02.2025).

3. Декрет о взяточничестве от 08 мая 1918 г. [Электронный ресурс]. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения: 15.02.2025).

4. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 01 июня 1922 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons (дата обращения: 15.02.2025).

5. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. [Электронный ресурс]. Справочно-

правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons (дата обращения: 15.02.2024).

6. О мерах по противодействию коррупции: указ Президента Рос. Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 (в ред. от 17 мая 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 21. – Ст. 2429.

7. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы: указ Президента Рос. Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 (в ред. от 13 марта 2012 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.

8. О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52, ч.1. – Ст. 6228.

9. Онуфриенко, А.В. Система преступлений коррупционной направленности: дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Онуфриенко. – Москва, 2015. – 234 с.

10. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик: закон СССР от 25 декабря 1958 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons (дата обращения: 15.02.2025).

11. Свод законов Российской империи 1832 г. [Электронный ресурс]. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения: 15.02.2025).

12. Соборное уложение 1649 г. [Электронный ресурс]. Исторический факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения: 15.02.2025).

13. Судебник 1497 г. [Электронный ресурс]. Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: http://музейреформ.рф/node/13622 (дата обращения: 15.02.2024).

14. Судебник 1550 г. [Электронный ресурс]. Музей истории российских реформ им. П.А. Столыпина. – URL: http://музейреформ.рф/node/13622 (дата обращения: 15.02.2024).

15. Уголовное уложение 1903 г. [Электронный ресурс]. Исторический факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения: 15.02.2024).

16. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

17. Уголовный кодекс РСФСР: утвержден Верховным советом РСФСР 27 октября 1960 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая

система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons (дата обращения: 15.02.2024).

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. – URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения: 15.02.2024).

20. Швецов, А.В. История возникновения коррупционных преступлений в России /А.В. Швецов, Д.Э. Галиуллина, // Марийский юридический вестник. – 2019. – № 4(31). – С. 8-9.

Солодовник Ю.А., канд. экон. наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Аннотация

Дискуссионные вопросы расследования коррупционных преступлений активно обсуждаются в теории уголовного права. Проблемы расследования связаны с систематизацией коррупционных преступлений, практикой организации и осуществления расследования, предупреждения таких преступлений в обществе, а также общей профессиональной подготовки следователей, дознавателей, оперативных-уполномоченных и других должностных лиц, которые уполномочены осуществлять расследование данной категории дел.

Ключевые слова: расследование преступлений коррупционной направленности

Исходя из анализа научной литературы и судебной практики можно сделать вывод, что большинство проблем расследования возникает в связи с несовершенством описания признаков преступления в уголовном законодательстве и коррупционные преступления не являются исключением. В связи с тем, что к числу коррупционных преступлений относится сразу множество составов, полагаем необходимым рассмотреть возникающие проблемы их систематизации, что также влияет на расследование преступлений.

Установление признаков коррупционных преступлений и их систематизация влияют на эффективность борьбы с коррупционными проявлениями в настоящее время. В прошедшем 2023 году измененная систематизация утверждена упомянутым Указом Генеральной Прокуратуры РФ и МВД РФ от 19 июня 2023 г. № 401/11/2, в соответствии с

которым выделено только 14 преступлений, которые относятся к числу коррупционных без дополнительных условий. Основными признаками коррупционных преступлений в соответствии с данным Указом являются – наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (в соответствии с признаками выделенными в ст. 201, 285 УК РФ), связь со служебным положением, обязательный корыстный мотив, наличие прямого умысла. Предложенная систематизация основывается на процессуальных особенностях выявления коррупционных преступлений, в связи с чем имеет важное значение время его совершения или наличие в статистической карточке данных о наличии корыстного мотива. За время существования практики расследования коррупционных преступлений в Российской Федерации, было сформировано множество подобных указаний, которые содержали перечень других признаков или составов преступлений, в том числе в других органах власти, связанных с расследованием уголовным дел.

В настоящее время действует приказ «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации [2]. В соответствии с данным приказом, к числу коррупционных преступлений относится также ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат», утратившая силу ст. 188 УК РФ «Контрабанда», также отсутствуют статьи, предусматривающие ответственность за совершение коррупционных преступлений и введенные в УК РФ после 2009 г. В сам приказ с момента его издания не было внесено изменений, а других актуальных документов Следственного комитета РФ не издано. Соответственно, три разных ведомства используют в своей деятельности различные формы отчетности. За счет того, что Указание, изданное Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ издано недавно и соответствует требованиям современного общества и практики расследования коррупционных преступлений.

Подобное несоответствие списка преступлений коррупционной направленности существенно влияет на квалификацию и расследование указанных преступлений, формирование статистической отчетности. Не исключаем, что подобные правовые акты являются одной из причин латентности данных преступлений.

Также, сложности расследования коррупционных преступления связано с тем, что большая часть преступников имеет личные связи среди высших должностных лиц, в том числе среди своего руковод-

ства. Это приводит к тому, что при расследовании нескольких эпизодов коррупционных преступлений, виновное лицо с целью скрыть ряд преступных деяний увольняется задним числом, т.е. фактически его деяния квалифицируются по другим нормам УК РФ, как правило, предусматривающих менее строгое наказание. Другая проблема возникает в случае уничтожения документов в бумажном и электронном виде, которые могут свидетельствовать о совершении виновным лицом коррупционного преступления. В этих случаях расследование осложняется фактами воспрепятствования со стороны виновного лица и должностных лиц, покрывающих его деятельность. Анализируя практику расследования таких преступлений А.Г. Юдаков и Э.Р. Галимов рекомендую предпринимать специальные меры: «меры, направленные на нейтрализацию актов противодействия со стороны коррумпированных должностных лиц органов власти, такие как официальное предупреждение лица, проявляющего активность и интерес к делу; допрос такого лица в качестве свидетеля по делу; временное отстранение от дел должностного лица с согласия руководства (предоставление ему очередного отпуска, направление в длительную командировку); требование документального подтверждения предложений и требований должностных лиц по делу; фиксирование предложений и требований коррумпированных должностных лиц оперативно-розыскными средствами; возбуждение процедуры служебной проверки заподозренного в попытке вмешательства в ход расследования либо в отдельных действиях, объективно нанесших ущерб расследованию» [6, С.151].

Отдельно следует отметить возможность давления на должностных лиц, проводящих расследование коррупционного преступления. Давление может проявляться в угрозах жизни и здоровья таких лиц и их близких, в психологическом давлении, предложении вознаграждение за бездействие или применение методов убеждения со стороны высокопоставленных лиц. Приступая к расследованию необходимо отдавать отчет в том, что такое должностное лицо попробуют вовлечь в коррупционную схему, запугать. Чем больше сумма предмета коррупционного преступления и больше высокопоставленных лиц фигурирует в деле, тем больше сложностей возникает на пути расследования. Целесообразно привлекать к расследованию меньшее число следователей, дознавателей или должностных лиц, на подготовительном и первоначальном этапах расследования. Это связано с необходимостью сохранения информации о возбуждении уголовного дела в тайне от других должностных лиц, чтобы избежать утечки информации.

Следующая проблема касается сговора участников коррупционного преступления для того, чтобы обвинить в преступлении одно лицо, тем самым уменьшить свою ответственность или вовсе ее исключить. Такие

лица могут не только уничтожать соответствующие документы и другие доказательства, но и отказываться давать показания, или давать ложные показания о давлении со стороны других лиц, а также убеждение следствия в том, что лицо не знало о противоправности подобных деяний.

В этом случае важно зафиксировать показания каждого лица, а также провести очную ставку в короткие сроки для того, чтобы все участники коррупционного преступления не успели выбрать свою тактику защиты, обговорить детали, которые могут ввести следствие в заблуждение.

Уже на этапе проведения следственных действий можно столкнуться с проблемой необходимости подключения большого числа экспертов, в особенности если речь идет о большой сумме предмета и количестве участников коррупционного преступления. Каждый эксперт получает по несколько предметов по которым необходимо дать заключение, но в зависимости от предмета исследования различается и срок экспертизы. В этом случае следствие с трудом собирает необходимые данные для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности, продлевая сроки расследования. Также, за счет необходимости быстрого получения информации следствие выбирает какие экспертизы являются наиболее важными, т.к. провести все экспертизы, которые могут в той или иной степени определять особенности совершенного деяния, практически не существует.

Время, которое тратится на получение заключения эксперта необходимо потратить на работу со свидетелями и потерпевшими, виновными на предмет стимулирования дачи показаний. Это необходимо для того, чтобы свидетели не забыли информацию, которая была им известна, а также чтобы в отношении них не проводилось давления со стороны преступников. В этом случае обеспечивается безопасность свидетелей, возможность применения мер по защите свидетелей.

В.В. Цыбульский отметил острую необходимость разработки частной методики расследования коррупционных преступлений и пишет, что «законодательное закрепление понятия – это не только и не столько декларативное заявление государства о готовности и желании бороться с соответствующими общественно опасными деяниями, но и определение вполне конкретных методологических основ, которых необходимо придерживаться ради обеспечения эффективности этой деятельности. Без этого не может быть эффективного противодействия как в целом всему названному негативному социальному явлению – коррупционной преступности, так и каждому отдельному её проявлению в соответствующих преступлениях» [4, С. 567].

Дополним, что в современном обществе факты совершения преступлений коррупционной направленности требуют использования но-

вых подходов, методик расследования. Если раньше такие преступления совершались преимущественно при личном контакте, то в современном обществе преступники используют достижения цифровых технологий, договариваются о встречах с использованием шифрования данных и пр. Статистические данные, представленные МВД РФ и другими органами власти, и средствами массовой информации свидетельствуют о высоком уровне коррупционной преступности, но до настоящего времени соответствующих методических рекомендаций не разработано.

Так, учебные заведения Следственного комитета РФ сформировали несколько методических рекомендаций по расследованию некоторых категорий уголовных дел, например, об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной оплаты сумм налогов. В практической деятельности используются стандартные методики расследования, которые в большинстве случаев требуют модификации.

О. В. Газизова и О. А. Захарова указывают на наличие дополнительных процессуальных гарантий у лиц, имеющих должностные и служебные полномочия: «Такие привилегии создают для правоприменителей иногда непреодолимые препятствия, а то и вовсе исключают возможность привлечения к уголовной ответственности указанных лиц» [1, С. 59]. Такие лица нередко направляют жалобы и заявления в вышестоящие инстанции, обвиняя следствие в нарушении его прав и законных интересов, необоснованном привлечении к уголовной ответственности, что приводит к затягиваю процессуальных сроков, утраты доказательств по делу. В связи с этим следует рассмотреть вопросы в части отмены «привилегий» у отдельных категорий лиц, наиболее склонных к противоправным действиям указанного характера, и ужесточения наказания за преступления данной категории.

Вызывает сложности и существующая подследственность, регламентированная УПК РФ. Е. А. Черкасова, Е. А. Новикова и Д. Н. Рудов пишут: «подследственность уголовных дел коррупционной направленности постепенно меняется. Так после создания Следственного комитета Российской Федерации значительная часть таких дел оказалась подследственными следователям Следственного комитета, чья подследственность постепенно увеличивается. При этом часть сотрудников следственных подразделений МВД России (в основном следователи специализированных следственных подразделений по экономике, в том числе в рамках следственных частей Следственных управлений и Главных следственных управлений)» [5, С.179]. Автор приходит к выводу, что наиболее квалифицированные специалисты в сфере расследования экономических преступлений работают в Следственном комитете РФ, но ряд преступлений все еще расследуется следственным подразделением МВД РФ, в особенности это касается мошеннических действий.

Нагрузка на следователей в МВД РФ значительно выше, чем у следователей Следственного комитета. Так, в соответствии со статистическими данными МВД РФ за 11 месяцев 2023 года[3] сотрудниками следственных органов Следственного комитета РФ было выявлено 1182 преступления коррупционной направленности, а сотрудниками органов внутренних дел – 26135 преступлений, сотрудниками ФСБ России – 4425 преступлений, органами прокуратуры – 2100 преступлений, таможенными органами – 18. Именно поэтому мнение о необходимости изменения подследственности ряда коррупционных преступлений Следственному комитету РФ является целесообразным, может стать причиной совершенствования методов и тактики расследования преступлений. Кроме этого, данные изменения повлекут за собой увеличение штата следователей Следственного комитета Российской Федерации, при этом как нам видится штат следователей МВД России сокращать не стоит в виду их значительной загруженности.

Исследуя сложности в расследовании коррупционных преступлений необходимо отметить ошибки в фиксации следственных действий и документах, использования аудио- и видеозаписи, непроизвольных ошибок во время допроса или иных следственных действий, возможность субъективной оценки совершенного деяния. На это влияет и высокая нагрузка на должностных лиц, отсутствие необходимой стажировки для расследования сложных коррупционных преступлений, участие в расследовании молодых специалистов, не успевших ознакомиться с особенностями расследования дел данной категории.

Повышение качества профессиональной подготовки следователей является существенной необходимостью, но проводить модернизацию в этой сфере необходимо комплексно с пересмотром оплаты, условий труда, допустимой нагрузки, а также предоставления необходимой помощи со стороны более опытных сотрудников.

На уровне вузовской подготовки студентам даются теоретические знания, которые не сопоставляются с тем и условиями, в которых им приходится работать. Также нельзя исключать наличие коррупционных проявлений в самих органами власти при поступлении на службу, вследствие чего должности следователей не редко получают лица, не имеющие выдающихся умений и навыков в юриспруденции. Полагаем, что борьба с коррупцией должна начинаться именно с органов осуществляющих расследование преступлений.

Вместе с этим, в ходе длительного и сложного расследования могут совершаться ошибки при оформлении документов, таких как протокол задержания, протокол допроса, постановление о возбуждении уголовного дела, уведомление о производстве личного обыска и пр. Проверять эту деятельность необходимо руководителям подразделе-

ний, производящим расследование, но и этот процесс существенно осложняется из-за нехватки кадров.

Все это в совокупности приводит к латентности коррупционной преступности, отсутствию возможности качественного расследования преступлений, а также подготовки профессиональных кадров. Стоит отметить и взаимосвязь проблем квалификации и расследования коррупционных преступлений, что также является одной из причин роста числа коррупционных преступлений.

Таким образом, в рамках проведенного исследования определены такие проблемы расследования коррупционных преступлений как: проблемы систематизации коррупционных преступлений и несоответствие между нормативными правовыми актами, закрепляющими списки таких преступлений; воспрепятствование расследованию со стороны третьих лиц; давление на должностных лиц, проводящих расследование коррупционных преступлений; использование устаревших методик и тактики расследования; при совершении коррупционных преступлений в соучастии – возможность достижения преступниками сговора для того, чтобы запутать следствие; отсутствие возможности быстрого получения заключений экспертов; отсутствие методических рекомендаций по расследованию коррупционных преступлений; затягивание процессуальных сроков со стороны виновных лиц за счет использования своих знаний и связей; несоразмерная нагрузка на органы внутренних дел при расследовании преступлений; ошибки в профессиональной деятельности следователей, дознавателей и других должностных лиц.

Список цитируемой литературы:

1. Газизова, О. В. Проблемы правовой регламентации расследования коррупционных преступлений / О. В. Газизова, О. А. Захарова // Право: ретроспектива и перспектива. – 2020. – № 4(4). – С. 56-61.

2. Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации: приказ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации от 19 марта 2009 г. № 7. [Электронный ресурс] Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/cons (дата обращения: 07.03.2024).

3. Состояние преступности в РФ январь-ноябрь 2023 г. [Электронный ресурс]. Министерство внутренних дел Российской Федерации. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 07.03.2024).

4. Цыбульский, В. В. Методологические проблемы расследования коррупционных преступлений, совершённых сотрудниками ГИБДД / В. В. Цыбульский // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2022. – Т. 32. – № 3. – С. 566-571.

5. Черкасова, Е. А. Преступления коррупционной направленности: некоторые проблемы раскрытия и расследования / Е. А. Черкасова, Е. А. Новикова, Д. Н. Рудов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 1. – С. 178-181.

6. Юдаков, А.Г. Сложности раскрытия и расследования коррупционных преступлений / А.Г. Юдаков, Э.Р. Галимов // Вестник науки. – 2020. – № 4. – С. 150-155.

Устинов Д.С., канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА[1]

Аннотация

В статье рассматривается сущность транспарентности уголовного судопроизводства и возможности и проблемы ее реализации путем цифровизации и цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности. Отмечается недостаточность и непоследовательность законодательного регулирования этих процессов, отсутствие единого подхода к их сущности в теории уголовно-процессуального и информационного права, а также ведомственный подход к их осуществлению на практике.

Ключевые слова: транспарентность уголовного судопроизводства, цифровизация, цифровая трансформация, информатизация уголовного процесса.

Явление транспарентности в юридических исследованиях рассматривается как информационная открытость различных видов государственной деятельности, предоставляющая возможность общественности осуществлять контроль за публичной деятельностью государственных органов [1, С. 6-7] [2, С. 2] [8, С. 109-114] Как точно от-

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №25-28-01190, https://rscf.ru/project/25-28-01190/

мечается многими учеными-правоведами, для четкого воплощения идеи транспарентности необходимо, чтобы такая информация была понятной, своевременной, достоверной и достаточной [5, С. 120] [10, С. 240]. Именно данные характеристики очерчивают облик транспарентности в сфере юридической деятельности.

Применительно к уголовному судопроизводству категория «транспарентность», как правило, связывается с понятиями «гласность», «открытость» производства по уголовным делам. Так, профессор А.А. Тарасов определяет транспарентность уголовного судопроизводства как «систему нормативно закрепленных правил, обеспечивающих любому заинтересованному лицу возможность получить информацию о производстве по уголовному делу в том объеме и в той форме, которая … позволяет этому лицу реализовать собственные конституционные права и свободы, но при этом не допускает необоснованного нарушения или ограничения конституционных прав и свобод других лиц» [9, С. 19]. Автор подчеркивает, что транспарентность охватывает «открытость не только судебного производства по уголовным делам, но и доступность для восприятия заинтересованными лицами информации и о досудебном производстве», отмечая, кроме «прозрачности правосудия», транспарентность включает в себя «другие приоритетные публично-правовые ценности уголовного судопроизводства: независимость судей, презумпцию невиновности, следственную, адвокатскую и иную охраняемую законом тайну» [9, С. 19].

По нашему мнению, транспарентность в уголовном процессе «следует рассматривать более глобально, как процессуальную основу открытого, доступного и справедливого уголовного судопроизводства в целом …, как явление, позволяющее обществу контролировать данную сферу государственной деятельности, давать объективную оценку ее результатов и, как следствие, способствующее формированию доверия населения к уголовному судопроизводству, и поэтому находящееся в прямой коррелирующей зависимости с проблемами достижения его социального назначения» [3, С. 111]. Именно транпарентность способна выполнить важнейшую социальную функцию – повышение правовой грамотности граждан, преодоление правового нигилизма, так присущего российскому населению, способствуя росту доверия общества к результатам деятельности следственных и судебных органов, сыграть значимую антикоррупционную роль, одновременно выступая гарантией использования механизма судебной защиты заинтересованными участниками процесса. Столь высокая значимость транспарентности уголовного судопроизводства обусловлена становлением России как «государства открытого доступа» и, как следствие – изменением характера взаимодействия, взаимосвязей между государством и личностью.

В настоящее время важнейшим средством обеспечения транспарентности уголовного судопроизводства выступает его цифровизация, цифровая трансформация. Под цифровизацией уголовно-процессуальной деятельности следует понимать «использование существующих и внедрение новых цифровых технологий с целью повышения эффективности и результативности деятельности участников уголовного процесса» [16, С. 17], а под цифровой трансформацией – «процесс комплексного преобразования, фактической реализации и правового регулирования деятельности участников уголовного судопроизводства, проходящий под воздействием цифровых технологий и инноваций, направленный на повышение эффективности, качества и доступности процессов, связанных с производством по уголовному делу на всех его этапах, а также на оптимизацию взаимодействия компетентных государственных органов и должностных лиц между собой, с иными лицами, вовлеченными в уголовное судопроизводство, и населением» [16, С. 17-18].

Цифровые технологии сегодня используются во всех сферах государственной деятельности, включая уголовное судопроизводство. Появилось множество различных цифровых сервисов, обеспечивающих быстрое получение информации по любому вопросу. И хотя некоторые ученые с долей опасения относятся и к транпарентности, и к цифровизации уголовного процесса, считая, что они «становятся идеологическими побратимами, настойчиво стремясь лишить мир традиционных для него тайн, сделать жизнь не только отдельных граждан, но и государства прозрачной и наблюдаемой» [6, С. 72], невозможно не признавать, что, реализуя Концепцию технологического развития страны [7], Россия обеспечивает национальные и государственные интересы, а в сфере уголовного процесса – и право граждан на доступ к правосудию, к уголовному судопроизводству в целом, на осуществление контроля за данным видом государственной деятельности.

В уголовно-процессуальное законодательство в последние годы были внесены ряд изменений, связанных с внедрением в порядок осуществления процессуальной деятельности некоторых цифровых технологий: была законодательно урегулирована возможность применения систем видео-конференц-связи при проведении ряда следственных действий [12], для участия в судебном разбирательстве подсудимого, потерпевшего, свидетелей [13], обвиняемому, защитнику, потерпевшему была предоставлена возможность получать копию обвинительного заключения в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью [11], была предпринята попытка урегулировать порядок использования электронных документов в ходе досудебного и судебного производства [14]. Однако, как справедливо отмечено, все это лишь точечные изменения, носящие «частный, узконаправленный

характер и принципиально не решающие вопросы комплексного использования современных информационных технологий в уголовном судопроизводстве», обеспечение его транспарентности [15, С. 58].

Применительно к реализации транпарентности уголовного судопроизводства наибольший интерес представляют проблемы его информатизации, как процесса формирования необходимого уровня доступности информации и информационного взаимодействия при осуществлении уголовного судопроизводства, которые тесно взаимосвязаны с цифровой трансформацией уголовно-процессуальной деятельности. Именно цифровая трансформация уголовного судопроизводства способна обеспечить доступность процессов и результатов уголовно-процессуальной деятельности, необходимое взаимодействие компетентных должностных лиц между собой, с иными участниками процесса и широкими слоями населения.

Однако в теории уголовного процесса, информационного права и, как следствие, у законодателя ныне отсутствует единый подход и к сущности этих процессов и способам их обеспечения в уголовном судопроизводстве. Это осложняется и сложившимся в настоящее время ведомственным подходом к осуществлению информатизации и цифровой трансформации уголовно-процессуальной деятельности, порождающим неравномерный уровень этих процессов в различных органах, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, а также недостаточным уровнем компетентности их сотрудников в области использовании информационных технологий и систем, во многом связанный с их высокой загруженностью [4, С. 39-53].

Таким образом, основными проблемами обеспечения цифровизации и, как следствие, транспарентности уголовного судопроизводства в настоящее время является отсутствие нормативно установленного порядка внедрения новых и использования существующих информационных технологий и систем, и существующие в силу этого высокие риски нарушения прав и свобод личности при нерегулируемом их применении, а также недостаточный уровень компетентности сотрудников правоохранительных органов и судов в области использования информационных технологий и систем.

Список цитируемой литературы:

1. Гунин, Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.И. Гунин. – Екатеринбург, 2008. – 31 с.

2. Малько, Е.А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики / Е.А. Малькова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 11. – С. 2-7.

3. Манова, Н.С. Защита прав и законных интересов в уголовном судопроизводстве: эффективность правовой политики и перспективы ее совершенствования / Н.С. Манова, Н.В. Спесивцев // Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права: Н.С. / под ред. А.Ю. Соколова. – Москва: Институт государства и права РАН, 2024. – С. 104-118.

4. Манова, Н.С. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности / Н.С. Манова, М.А. Ливнов, А.Ю. Чурикова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 39-53.

5. Павленков, Р.В. Транспарентность деятельности властных субъектов уголовного судопроизводства / Р.В. Павленко, М.С. Колосов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 1 (68). – С. 120-132.

6. Поляков, М.П. Принцип транспарентности в уголовном процессе: мнения и сомнения / М.П. Поляков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2024. – № 4 (71). – С. 69-76.

7. Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 22. – Ст. 3964.

8. Тарасов, А.А. О транспарентности российского правосудия / А.А. Тарасов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1. – С. 109-114.

9. Тарасов, А.А. Транспарентность правосудия – важный признак правового государства / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4 (34). – С. 15-20.

10. Тованчова, Е.Н. Транспарентность как метод исключения двойных стандартов в анализе социально-политических процессов / Е.Н. Тованчова // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2014. – № 4. – С. 238-244.

11. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: федер. закон Рос. Федерации от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26, ч. 1. – Ст. 3889.

12. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. –2022. – № 1, ч. 1. – Ст. 70.

13. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря

2022 г. № 610-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1, ч 1. – Ст. 57.

14. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ// Собрание законодательства Рос. Федерации. – 2024. – № 1, ч. 1. – Ст. 53.

15. Чурикова, А.Ю. Информационные технологии в уголовном судопроизводстве / А.Ю. Чурикова; под ред. Н.С. Мановой, С.Е Чанова. Москва: ДМК Пресс, 2024. – 308 с.

16. Чурикова, А.Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование: дис. … докт. юрид. наук / А.Ю. Чурикова. – Саратов, 2024. – 498 с.

Фалахеева А.Г., аспирант
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ И ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА ПРИ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные проблемы участия защитника при особом порядке судебного разбирательства, включая случаи досудебного соглашения о сотрудничестве. Акцентируется внимание на недостаточной регламентации понятия «согласие с обвинением», рисках, связанных с нарушением принципа права на защиту, а также на важности квалифицированной юридической помощи при особом порядке судебного разбирательства уголовных дел.

Ключевые слова: особый порядок; защитник; согласие с обвинением; досудебное соглашение; право на защиту.

Согласно статистике, в 2024 году в Российской Федерации осуждено 512 845 человек, из них 168 804 являются лицами, в отношении которых дела были рассмотрены в особом порядке судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением, а также 2 518 в отношении которых дела были рассмотрены в особом порядке судебного разбирательства в случаях досудебного соглашения о сотрудничестве [7]. Таким образом, треть осужденных за прошлый год были согласны с предъявляемым им обвинением или сотрудничали со стороной обвине-

ния. Данная тенденция обусловлена совокупностью различного рода факторов, при этом, на наш взгляд, одним из ключевых является текущая геополитическая обстановка в Российской Федерации [2].

В связи с вышеизложенным, представляется, что рост количества дел рассматриваемых в особом порядке является неизбежным и в ближайшие несколько лет будет лишь увеличиваться.

Вместе с тем, стоит отметить, что особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, а также механизм досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с главой 40.1 УПК РФ, стали эффективными инструментами процессуальной экономии и снижения нагрузки на суды. При этом, не стоит упускать и наличие определенных проблем в этой связи, связанных с охраняемой законом и государством, гарантией судебной защиты прав и свобод обвиняемого.

Согласно части 1 статьи 314 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Вместе с тем, неизвестно, что подразумевал под понятием «согласие» законодатель при конструировании данной нормы [1, С. 374]. При этом, исходя из абзаца 2 пункта 11.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» видится, что заявляя ходатайство, обвиняемый осознает, а суд оценивает фактические обстоятельства содеянного, форму вины, мотивы совершения деяния, характер и размер причиненного вреда [4]. Таким образом, дефиниция «согласие», на наш взгляд, подразумевает под собой признание вины обвиняемым и подтверждение им совокупности всех обстоятельств, которые образуют состав преступления.

В связи с этим, казалось бы, к чему может быть сведена деятельность защиты, если подзащитный заранее признает содеянное, не отрицает факт совершения им преступления?

Отвечая на данный вопрос, стоит обратить свой взор на часть 2 статьи 314 УПК РФ, которая указывает на добровольность, а пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» на осознание обвиняемым характера и последствий заявленного им ходатайства [4]. На практике бывает, что лица, непричастные к совершенному преступлению, но в силу сложившихся обстоятельств или личных убеждений оговаривают себя [3, С. 296; 9, С. 23, 24; 10, С. 79], а затем соглашаются с обвинением, незаконно и необоснованно осуждаются впоследствии судом. Указанное, для отечествен-

ной практики, не редкость. Задача защитника в случае самооговора усложняется вдвойне, ведь теперь необходимо убедить не только самого подзащитного в его невиновности и необходимости в дальнейшей даче достоверных сведений, но и сторону обвинения и суд.

Более того, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» [5] внесены изменения в абзац 3 пункта 12.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [4], указано, что изменение обвинения в части квалификации содеянного, которое допускается, если для этого не требуется исследования собранных по делу доказательств и фактические обстоятельства при этом не изменяются, должно быть мотивированно. В связи с указанным нововведением имеется поле для активных действий со стороны защиты. В соответствии с пунктом 2 статьи 61 УК РФ при назначении наказания круг смягчающих обстоятельств неограничен. При этом, видится, что согласие обвиняемого с предъявленным обвинением позволяет суду сделать вывод о раскаянии и содействии последнего в отправлении правосудия, в связи с этим, защитником должны быть произведены действия, с целью дальнейшей переквалификации содеянного на менее тяжкий состав преступления, а также снижения степени вины обвиняемого, в том числе ссылаясь и на наличие дополнительных смягчающих обстоятельств.

Также согласно части 2 статьи 49 УПК РФ, в качестве защитников участвуют адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. При производстве у мирового судьи указанное лицо допускается и вместо адвоката.

В соответствии с частью 1 статьи 31 УПК РФ мировому судье подсудны уголовные дела о преступлениях, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, а также по ряду дел, которые перечислены в норме указанной статьи. Таким образом, большинство уголовных дел, рассматриваемых в особом порядке, относятся к компетенции мировых судей. При этом, исходя из положений части 2 статьи 314 УПК РФ ходатайство должно быть заявлено добровольно, как уже отмечалось, и после проведения консультаций с защитником. Согласно части 1 статьи 315 УПК РФ ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением обвиняемый заявляет в присутствии защитника. Представляется, что в случае если защитником является близкий родственник обвиняемого или

иное лицо, о допуске которого ходатайствовал обвиняемый, которые не обладают достаточными познаниями в области юриспруденции, то они не могут в полной мере проконсультировать подзащитного, разъяснить тому правовые последствия, дать полноценную оценку данному юридически значимому действию, как заявление ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. В связи с указанным, полноценное осознание сущности заявленного ходатайства обвиняемым является недостижимым. В соответствии с пунктом 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 №29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях [6]. Таким образом, в указанном случае, нарушается принцип, изложенный в статье 46 Конституции Российской Федерации и статье 16 УПК РФ связанный с правом на защиту. Представляется, что в данном случае, в действующую норму требуется внесение изменений. Видится, что консультации должны быть проведены с лицами, имеющими юридическое образование, которые могут дать профессиональное пояснение относительно характера даваемого лицом согласия и заявляемого ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и дальнейших правовых последствий.

Аналогично особому порядку судебного разбирательства при согласии с предъявленным обвинением, в УПК РФ имеется глава 40.1 регулирующая особый порядок судебного разбирательства в случаях досудебного соглашения о сотрудничестве, которая введена Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.06.2009 № 141-ФЗ [8]. Интересным остается тот факт, что данные механизмы довольно-таки схожи между собой, более того, они имеют и общие черты с рассмотрением уголовных дел, дознание по которым проводилось в сокращенной форме.

В соответствии с пунктом 2) части 2 статьи 317.6 суд должен удостовериться, что досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено добровольно и при участии защитника. Согласно части 1 статьи 317.1 УПК РФ ходатайство о заключении указанного соглашения защитник удостоверяет своей подписью. Практика показывает, что досудебное соглашение о сотрудничестве заключается подозреваемым или обвиняемым в связи с оказываемым давлением со стороны обвинения.

Так, например, следователь, оперируя результатами оперативно-розыскных мероприятий, которые указывают на признаки совершения лицом преступления, под угрозой дальнейшего возбуждения уголовного

дела, в довесок к уже имеющемуся, вынуждает последнего сообщать требуемые следствию сведения, заключать досудебное соглашение о сотрудничестве, которое является заранее невыгодным. А иногда и путем различного рода уловок пытается подстрекнуть лицо к его заключению. Указанное, вряд ли можно назвать добровольным. Задачей защитника в данном случае будет являться недопущение ухудшения положения подзащитного лица, с которым следствие намерено заключить досудебное соглашение о сотрудничестве, обжалование указанных действий со стороны следователя, признание их недопустимыми и незаконными.

При этом, с учетом ранее указанных обстоятельств, не стоит забывать, что иногда досудебное соглашение о сотрудничестве может наоборот быть выгодно лицу, с которым оно заключается. Так, например, законодателем вполне обоснованно указано, в части 2 статьи 317.2 УПК РФ, что постановление прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано. Защитник должен обосновать, что досудебное соглашение о сотрудничестве будет способствовать расследованию преступления. При этом, конечной целью для защиты будет являться возможность смягчения наказания, исключения каких-либо эпизодов преступлений из обвинения, освобождения от уголовной ответственности или от отбытия наказания по соответствующим основаниям в отношении обвиняемого.

Законодателем предусмотрено, что прокурор составляет досудебное соглашение о сотрудничестве при участии защитника, согласно части 1 статьи 317.3, а в соответствии с частью 3 той же статьи оно подписывается защитником. На данной стадии защитником совместно со стороной обвинения обговариваются и закрепляются условия соглашения. Условия не должны носить характер ухудшающий положение обвиняемого или подозреваемого, их содержание должно быть понятно всем участникам процесса, не должно создаваться коллизий и разночтений.

Также согласно положениям статьи 317.4 УПК РФ подозреваемым или обвиняемым, должны соблюдаться условия досудебного соглашения о сотрудничестве. А в соответствии с частью 3 статьи 317.5 впоследствии прокурором выносится представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу в связи с подтверждающими соблюдение обвиняемым условий и выполнением обязательств, предусмотренных данным соглашением, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, копия вынесенного прокурором представления вручается обвиняемому и его защитнику, которые вправе представить свои замечания, учитываемые прокурором при наличии к тому оснований. В

данном случае защитником должны быть указаны конкретные обстоятельства затрагивающие законные права и интересы подзащитного, так как замечания в последствии могут сыграть значительную роль при исследовании данного представления судом. При этом, стоит заметить что законодатель опять-таки прибегает к дефиниции «согласие», при этом, в данном случае данное понятие нигде не раскрывается.

Вместе с тем, стоит учитывать, что в соответствии с положениями статьи 317.7 УПК РФ судебное заседание проводится по правилам статьи 316 УПК РФ с обязательным участием подсудимого и его защитника, с дополнениями в части заключенного досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Во-первых, представляется необходимым нормативно закрепить в статье 5 УПК РФ, что подразумевает под собой «согласие лица с обвинением», а именно трактовать это, как субъективную категорию, связанную с осознанием лицом (подозреваемым, обвиняемым) фактических обстоятельств содеянного, формы вины, понятия мотивов совершения деяния, характера и размера причиненного вреда, подтверждения совокупности указанных элементов. Во-вторых, деятельность защитника при особом порядке судебного разбирательства считается необходимой и обоснованной в той мере, которая указана законодателем. В-третьих, в часть 2 статьи 314 УПК РФ необходимо внести изменения, а именно указать, что должно быть озвучено защитником во время консультации, какие конкретные процессуальные права и обязанности, а также правовые последствия ожидают лицо в случае согласия с предъявленным ему обвинением и после подачи ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Более того, представляется, что консультации должны быть проведены с лицами, имеющими юридическое образование, которые могут дать профессиональное пояснение относительно характера данного действия.

Стоит также упомянуть, что некоторые вопросы и проблемы участия защитника при особом порядке судебного разбирательства уголовных дел до сих пор остаются открытыми в доктрине уголовного процесса, данный институт является довольно-таки спорным в контексте состязательности процесса в Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Епихин, А.Ю. Признание вины или согласие с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) / А.Ю. Епихин // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 14–15 апреля 2017 года / Ответственный редактор: Н.В. Ху-

раськина. – Чебоксары: Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, 2017. – С. 372-380.

2. Изменения в законодательство, касающиеся освобождения от уголовной ответственности и наказания для участников СВО [Электронный ресурс] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_76/activity/legal-education/explain?item=94207524 (дата обращения: 10.05.2025).

3. Овсянников. И.В. Приговор при упрощенном порядке судебного разбирательства / И.В. Овсянников // Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – №2. – С. 294-300.

4. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 (в ред. от 29 июня 2021 г.) // Российская газета. – 2006. – № 286. – 20 декабря.

5. О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 июня 2021 г. № 22 // Российская газета. – 2021. – № 159. – 16 июля.

6. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29// Российская газета. – № 150. – 2015. – 10 июля.

7. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год [Электронный ресурс] Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 10.05.2025)

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 26. – Ст. 3139.

9. Центров, Е.Е. Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самооговора и оговора / Е.Е. Центров // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2020. – №1. – С. 21-41.

10. Цыганенко, С.С. Ускоренное судопроизводство в свете дифференциации уголовно-процессуальной формы / С.С. Цыганенко // JER. – 2023. – № 2. – С. 69-82.

Хорунжий И.А., аспирант
ФГБОУ ВО «МИРЭА – Российский технологический университет»,
г. Москва

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБОРОННЫХ ЗАКУПОК В СССР

Аннотация

В статье исследуется эволюция системы государственных закупок в СССР на протяжении всего периода существования советского государства (1917-1991 гг.). Автор анализирует трансформацию механизмов государственного снабжения от революционного периода через эпоху НЭПа, индустриализацию, военные и послевоенные годы до периода перестройки. Особое внимание уделяется противоречиям между идеологическими установками и экономической целесообразностью, проблеме сохранения элементов преемственности в условиях радикальных преобразований.

Ключевые слова: государственные закупки СССР; плановая экономика; система снабжения; НЭП; индустриализация; военная экономика; Госснаб; административно-командная система; хозяйственный механизм; экономическая история.

Известно, что 1917 год принес череду исторических событий. Так, начавшаяся в феврале 1917 года революция привела к свержению самодержавия и образованию Временного правительства. Однако Временное правительство просуществовало лишь до октября 1917 года, не изменив коренным образом систему общественных отношений. Октябрьская революция 1917 года принесла радикальную «ломку» общественных отношений и строительство нового государственного и правового порядка.

Новые источники права заменили прежние. Так, указ императора или предписание Сената сменились декретами, которые легли в основу правового регулирования общественных отношений в первые годы советской власти. Другую группу источников советского права составили законы свергнутых правительств, к которым относилось законодательство Российской империи и Временного правительства. Законы свергнутых правительств продолжали действовать до принятия законодательных актов образованных советских республик [1, с.16]. Примечательно, что законодательство о закупках в первые годы советской власти реформированию не подвергалось, в связи с чем нормативные акты царской эпохи юридически сохраняли действие вплоть до 1921 года.

В период новой экономической политики (НЭП) сфера государственных закупок и гособоронзаказа подверглась новому правовому

регулированию. Декретом СНК РСФСР от 30 сентября 1921 года была установлена необходимость определения подрядчиков для выполнения государственных заданий путем проведения публичных торгов, сведения о которых должны были публиковаться заблаговременно [2]. Одновременно устанавливался порядок взаимодействия государственных органов с привлекаемыми для выполнения государственных заданий потенциальными подрядчиками, а также порядок приемки товаров и оказанных услуг и порядок взыскания штрафов и возмещения убытков. По аналогии с царскими актами сохранялся и институт задатка, который необходимо было внести в размере 10% от стоимости контракта. Важной нормой, содержащейся в указанном декрете, являлась ответственность подрядчика (исполнителя), предусматривающая возможность привлечения последнего к уголовной ответственности вне зависимости от его привлечения к имущественной ответственности.

Декрет 1921 года сменило совместное постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1923 года, установившее ряд особенностей при исполнении госзаказов. Так, предусматривалось, что при возникновении форс-мажорных обстоятельств (например, стихийных бедствий) допускалась возможность заключения госзаказов без подряда [3]. Дополнительно допускалось заключение госзаказа без проведения торгов в случае выполнения задания для государственных органов, не состоящих на госбюджете, а также при осуществлении поставок и выполнении подрядов между государственными органами. Примечательно, что рассматриваемый декрет устанавливал освобождение от внесения залога для хозяйствующих субъектов с преобладающим государственным участием [4, С. 53].

В 1927 году в связи со свертыванием НЭПа было утверждено новое Положение, регулирующее порядок осуществления закупок для государственных нужд. Так, в целях исполнения обязательств в разумные сроки была введена норма, допускающая заключение госзаказа без проведения торгов по договорам поставки сроком не более двух недель и суммой контракта не более пяти тысяч рублей [5]. Рассматриваемый нормативный акт предусматривал обязательные преддоговорные стадии, включающие разработку предварительных условий договоров, разработку сметы, а также публикацию объявления о проведении торгов. Одновременно Положением 1927 года был установлен порядок проведения торгов, которые являлись многоэтапными. Так, на первом этапе проведения торгов необходимо было подать предложения в запечатанных конвертах с изложением предложений и обязательным указанием цены исполнения контракта. Второй этап подразумевал не что иное, как процедуру «переторжки», хорошо известную с дореволюционных времен. Так, потенциальные подрядчики или ис-

полнители должны были лично явиться в назначенное место и время и вновь подтвердить готовность принять на себя обязательства по исполнению госзаказа. По итогам проведения конкурса с лицом, предложившим наиболее выгодные условия, заключался государственный контракт на выполнение государственного задания, а при равенстве предложенных условий – с государственными органами и организациями с преобладающим участием государства либо с кооперативными организациями. Таким образом, Положение 1927 года детально регламентировало порядок осуществления закупок для госзакупок, что являлось его существенным достоинством.

К основным недостаткам рассматриваемого Положения следует отнести то, что рассматриваемый нормативный акт не включал в себя ряд специальных норм, устанавливающих порядок осуществления госзакупок в целях обеспечения обороны и безопасности государства, в связи с чем Положение 1927 года применялось к осуществлению закупок как в целях «общегражданских» нужд, так и в целях исполнения гособоронзаказа. Следует отметить, что руководству СССР следовало более ответственно подойти к правовому регулированию сферы осуществления госзакупок, особенно в целях обеспечения обороноспособности и безопасности государства, что и было сделано после окончательного свертывания НЭПа в 1930-е годы.

1930-е годы характеризовались стремительной индустриализацией и коллективизацией, однако начавшаяся в Восточной Европе Вторая мировая война внесла свои коррективы в законодательство о закупках. Если в период политики «военного коммунизма», НЭПа финансовый контроль за осуществлением госзакупок фактически отсутствовал, то сложившаяся геополитическая обстановка потребовала изменений. Так, вплоть до 1941 года финансовый контроль за расходованием бюджетных средств осуществлялся непосредственно Наркоматом обороны. В целях контроля качества выпускаемой продукции на предприятиях военно-промышленного комплекса создавались военные представительства, полномочия которых охватывали не только приемку товаров по качеству и контроль за качеством выпускаемой продукции, но и проверку документации и расчет цен на выпускаемую продукцию [6].

В период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) вся власть в государстве перешла к Государственному комитету обороны СССР, на который также возлагались функции по снабжению армии и флота. В целях эффективного контроля и надзора за своевременным и полным обеспечением армии и флота был создан Наркомат государственного контроля СССР, который после окончания Великой Отечественной войны был преобразован в Министерство государственного контроля СССР с полномочиями направления своих представителей в

военные округа и на флот и широкими контрольными полномочиями: от проверки документов до их изъятия [7, С. 30].

Возрождение системы госзакупок началось в послевоенные годы. Так, к источникам правового регулирования института госзакупок относится законодательство СССР и союзных республик. В 1961 году были утверждены Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик, на основе которых в 1964 году был принят Гражданский кодекс РСФСР [8]. Гражданский кодекс РФ содержал положения о договоре контрактации, согласно которому планировалось увеличить оборот государственных закупок продукции, необходимой государству [9, С. 51]. Несмотря на то что нормы гражданского законодательства были ориентированы на регулирование порядка закупок сельскохозяйственной продукции, они послужили основой формирования советского законодательства в сфере госзакупок.

Совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 25 февраля 1961 года «О перестройке и улучшении организации государственных закупок сельскохозяйственных продуктов» устанавливало срок, на который рекомендовалось заключать договор контрактации, а именно на срок от одного года до пяти лет с ежегодной сверкой [10, с.100]. В 1966 году постановлением Совета Министров СССР была утверждена форма типового договора контрактации [9, С. 51].

Немаловажное значение в системе источников законодательства в сфере закупок имели нормативные акты Комитета по заготовкам, который занимался разработкой и утверждением условий закупок. Одним из ключевых нормативных актов являлось «Положение о порядке заключения и исполнения договоров контрактации сельскохозяйственной продукции» [11]. Проекты договоров разрабатывались соответствующими министерствами и ведомствами СССР при участии заинтересованных министерств и ведомств союзных республик и Комитета по заготовкам при Совете Министров СССР. Примечательно, что параллельно с принятием новых актов гражданского законодательства в 1958 году были утверждены Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик, на основе которых в 1960 году был принят Уголовный кодекс РСФСР. Важно, что в отличие от совершенствующегося гражданского законодательства, УК РСФСР не содержал положений, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере госзакупок, что не позволяло выявлять виновных лиц в срыве государственных поставок, а также развязывало руки должностным лицам в отношении возможного применения мошеннических схем при исполнении госзаказа.

Экономическая реформа 1965 года была направлена на совершенствование системы органов государственного финансового контроля.

В декабре 1965 года был создан Комитет народного контроля СССР, который обладал широкой сетью контрольных органов на местах и на региональном уровне [12]. Параллельно с Комитетом народного контроля ряд ревизионных полномочий осуществляли подразделения Министерства финансов СССР [13]. Таким образом, формировалась система межведомственного взаимодействия, основанная на принципах оперативности, плановости и эффективности с одновременным распределением полномочий между государственными органами, что мешало оперативным действиям предприятий [14, С.142].

В 1987 году было принято совместное Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 816 «О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования» [15]. Так, нормами рассматриваемого постановления вводилась конкурсная система распределения заказов между предприятиями, которые выдавались вышестоящими органами и подлежали обязательному включению в план [9, С. 54].

В 1988 году было принято Постановление Совета Министров СССР, устанавливающее основные принципы формирования госзаказов, к которым относились социальная переориентация экономики, укрепление экономического суверенитета и внедрение в производство достижений науки и техники. Вновь был закреплен принцип конкурсного распределения госзаказов. Основной целью данного акта являлось удовлетворение, с одной стороны, государственных интересов, а с другой – обеспечение конкуренции и соблюдение интересов конечного потребителя, включая одновременное укрепление обороноспособности страны и государственной безопасности. Рассматриваемым постановлением было утверждено Временное положение, в соответствии с которым устанавливались порядок и сроки распределения госзаказов [16, С. 7], а также сохранялась обязанность исполнения госзаказов предприятиями [17, С. 43].

После принятия Временного положения было принято решение сократить объем госзаказов на треть, а в отдельных отраслях – наполовину от прежнего объема. Впоследствии реализация данного решения увеличила доходы предприятий, а в ряде отраслей стала формироваться сверхприбыль, что привело к взрыву потребительского рынка с одновременным выводом из производства некачественной продукции [9, С. 57].

В целях повышения качества выпускаемой продукции в конце 1980-х годов была создана Госприемка, представлявшая собой контролирующую организацию и наделенная полномочиями по приемке продукции по качеству и количеству. Одновременно Госприемка обладала полномочиями привлекать к ответственности виновных в выпуске некачественной продукции. Летом 1987 года был принят Закон «О государственном предприятии», целью которого являлось повышение са-

мостоятельности предприятий. Так, хозяйствующим субъектам предоставлялось право реализовывать произведенную сверх установленных соответствующим министерством показателей продукцию по свободным ценам [18, С. 22-24]. Была введена система прямых заказов, то есть предоставлялось право выдавать заказы предприятий на необходимую для потребителей продукцию. Одновременно предприятия могли самостоятельно распоряжаться имуществом, объединяться в кооперативы и совместные предприятия, а также выступать субъектом внешнеэкономической деятельности.

В 1988 году правительство СССР разрешило частное предпринимательство в форме кооперативов. В то же время сохранялась проблема огромных военных расходов, в связи с чем правительство СССР пересмотрело планы по государственным закупкам.

Несмотря на частичную реформу законодательства о закупках, основой функционирования экономики оставался командно-административный метод, сформированный под руководством Госплана СССР. Как и прежде, плановые показатели формировались исполнителями – министерствами и ведомствами союзных республик. Госплан СССР наделялся полномочиями издавать постановления, обязательные для исполнения всеми министерствами и ведомствами.

Таким образом, проанализировав законодательство в сфере госзакупок в период перестройки, можно прийти к выводу, что с разрушением системы государственных заготовительных организаций перед государством встала необходимость решения проблемы определения государственных заказчиков, которым предстояло реализовывать товары потребителям и закупать продукцию для исполнения госзаказа.

Распад Советского Союза и кризис 1990-х годов бросили новые вызовы и создали определенные угрозы для нашей страны. В государственном строительстве фактически все пришлось начинать с нуля [19, С. 65]. С образованием Российской Федерации как суверенного государства возник вопрос о создании новой системы законодательства в сфере госзакупок, которая должна была стать конкурентной. Однако ряд императивных норм также предстояло сохранить, чтобы не допустить срыва исполнения государственного контракта. Поэтому новая российская система осуществления госзакупок, в том числе для нужд гособоронзаказа, основывается как на частноправовых, так и на административных методах регулирования.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, С.В. Возникновение основ социалистического права / С.В. Алексеев// Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 8. – С. 12–26.

2. О государственных подрядах и поставках (Положение): декрет СНК РСФСР от 30 сентября 1921 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025 г.)

3. Положение о государственных подрядах и поставках: декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 27 июля 1923 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025)

4. Михашин, А.В. Гражданско-правовое регулирование закупок по государственному оборонному заказу: дис. … канд. юрид. наук / А.В. Михашин. – Москва, 2020. – 199 с.

5. Положение о государственных подрядах и поставках: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 11 мая 1927 г. [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025)

6. О представительствах Наркомата обороны в промышленности: постановлением Комитета обороны при СНК СССР № 204но. [Электронный ресурс]. – Электронная библиотека исторических документов. – URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/280905?ysclid=mfw9z5f3zh435747003 (дата доступа: 01.03.2025)

7. Славинский, П.В. Государственный финансовый контроль в сфере государственного оборонного заказа: дис. … канд. юрид. наук / П.В. Славинский. – Москва, 2018. – 208 с.

8. Гражданский кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 406.

9. Бурмистров, А.А. Государственные закупки СССР в послевоенное время / А.А. Бурмистров // Марийский юридический вестник. – 2013. – № 10. – С. 49-60.

10. Корнеев, С.М. Основы советского гражданского права / С.М. Корнеев. – Москва, 1962. – 158 с.

11. О договорах контрактации сельскохозяйственной продукции: постановление Совета Министров СССР от 4 января 1966 г. № [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025)

12. Об органах народного контроля в СССР: закон СССР от 9 декабря 1965 г. № 4224-VI [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025)

13. Об утверждении Положения о Министерстве финансов СССР: постановление Совета министров СССР от 16 февраля 1971 г. № 105 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025)

14. Шохин, С.О. Проблемы и перспективы развития финансового контроля в Российской Федерации / С.О. Шохин. – Москва: Финансы и статистика, 1999. – 351 с.

15. О перестройке планирования и повышении роли Госплана СССР в новых условиях хозяйствования: постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. № 816 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 24.05.2025)

16. Шевченко, Л.В. Формирование договорных отношений по поставкам товаров для государственных нужд / Л.В. Шевченко // Приложение к журналу «Хозяйство и право». – 1999. – № 12. – С. 3–31.

17. Андреева, Л.В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование / Л.В. Андреева. – Москва: Волтерс Клувер, 2009. – 296 с.

18. Курс лекций по истории России. Ч. IV: История России со второй половины 80-х годов XX века до начала XXI века: учеб. пособие / [Т. А. Реховская и др.]. – Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. 2006. – 112 с.

19. Шауро, И.Г. К вопросу о типологии Российской Федерации / И.Г. Шауро // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Т. 7. – № 10А. – С. 64-71.

Черкунова Т.В., преподаватель
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
майор полиции,
г. Нижний Новгород

ВОЗМОЖНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ЛИЦОМ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО НАЧАТА ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА

Аннотация

В рамках данного исследования анализируется возможность реализации права на получение квалифицированной юридической помощи лицом, в отношении которого производятся «проверочные» действия, и, как следствие, полномочия и статус адвоката, а также способы оплаты услуг адвоката в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: процессуальная проверка; обвинительная деятельность; квалифицированная юридическая помощь; адвокат; судебные издержки.

А.А. Давлетов отмечал, что «... человек, в отношении которого проводятся процессуальные проверочные действия, ощущает себя заподозренным в преступлении, но официально таковым не признается» [1, С. 62].

Согласно доктрине уголовно-процессуального права стадия возбуждения уголовного дела, считается начальной и обязательной стадией уголовного процесса [2, С. 54]. Вместе с тем, несмотря на то, что стадия охватывает широкий круг лиц и правоотношений, законодательство России не содержит в себе ее определения. Круг государственных органов и должностных лиц, которые могут производить проверочные действия, четко определен (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Несмотря на значительные изменения законодательства, призванные обеспечить защиту уголовно-преследуемых лиц, на всех этапах уголовного процесса, до настоящего времени неясными остаются процессуальный статус и полномочия «иных» участников стадии, в частности неясен статус лица, в отношении которого начато производство проверочных действий, и, как следствие, статус его правового помощника.

Безусловно, процессуальная проверка, представляет собой начало сложного и специфичного уголовного процесса. Суть ее состоит в процессуальном сборе сведений, необходимых для принятия законного и обоснованного процессуального решения: о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении; о передаче по подследственности (ст. 145 УПК РФ). В этой связи высшие судебные органы России обозначили необходимость обеспечения лица, в отношении которого начато производство проверочных действий, правом на получение квалифицированной юридической помощи:

1) Конституционный Суд РФ (далее – Суд) в своем постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П, отмечает: «право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, если управомоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения» [3].

2) Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 30 июня 2015 г. № 29, заключает: «правом на защиту обладает не только лицо в статусе подозреваемого, обвиняемого, но и любое лицо, против которого направлены меры обвинительной деятельности, независимо от его формального процессуального статуса» [4].

Таким образом, в стадии возбуждения уголовного дела появилось лицо – «в отношении которого направлены меры обвинительной деятельности» и которое нуждается в квалифицированной юридической помощи.

Нормы ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, корреспондируются с правовой позицией высших судебных инстанций и закрепляют обязанность должностных лиц, производящих процессуальную поверку: 1) разъяснить права; 2) обеспечить возможность их реализации, при этом акцентируя право на адвоката.

Вместе с тем, следует отметить, что адвокат может выступать в анализируемой стадии: 1. представителем, по аналогии адвоката свидетеля или потерпевшего; 2. защитником «будущего подозреваемого, обвиняемого» реализуя в полной мере право на защиту и квалифицированную юридическую помощь. Данный вопрос носит принципиальный характер, так как, во-первых, право на защиту имеет иные процессуальные полномочия, чем право на адвоката [5, С. 74], во-вторых, встает вопрос оплаты услуг адвоката.

Суд в своем постановлении от 28 января 1997 г. № 2-П употребляет понятие адвокат как основной критерий «квалифицированности», т. е., по сути, отождествляя эти понятия и устанавливая для органов предварительного расследования правило, привлечения в уголовный процесс для защиты уголовно-преследуемого лица именно адвоката [6].

Определением Суда от 5 декабря 2003 г. № 446-О дополнительно разъясняется, что ч. 2 ст. 49 УПК РФ обязательна к применению лишь в уголовно-правовых отношениях, возникающих между защитником и подозреваемым (обвиняемым) [7]. Право потерпевшего (гражданского истца, частного обвинителя) на получение юридической помощи, в связи с участием в уголовном процессе, не может влечь за собой возникновение у него обязанности обращаться за юридическими услугами исключительно к лицам, имеющим статус адвоката, в противном случае это является противоречием к ст. 52 Конституции РФ.

Исходя из анализа правовой позиции Суда, именно адвокат-защитник, является надлежащим субъектом оказания квалифицированной юридической помощи подозреваемому (обвиняемому). Эта позиция нашла отражение и закрепилась в практической деятельности органов ОВД и юстиции. В случае допуска, ненадлежащего субъекта защиты, все следственные и процессуальные действия с участием последнего и обвиняемого будут признаны недопустимыми доказательствами по делу (ст. 75 УПК РФ), т. к. согласно постановлению Суда № 2-П будет нарушено право на получение квалифицированной юридической помощи и право на защиту в целом. Таким образом, по аналогии, адвокат-защитник должен оказывать правовую помощь лицу, в отношении которого начаты проверочные действия, в порядке ст. 144 УПК РФ, реализуя полномочия, предусмотренные ст. 53 УПК РФ.

В рамках исследования нами был произведен опрос адвокатов районных адвокатских образований г. Н.Новгорода. 96 % опрошенных, ука-

зали, что не участвовали в качестве защитников по назначению в рамках доследственной проверки. Из опрошенных адвокатов 40 %, сообщили, что принимали участие в производстве доследственной проверки исключительно посредством заключения соглашения с доверителем.

Согласно постановлению Пленума ВС РФ № 29 государственные органы обязаны обеспечивать возможность пользоваться услугами защитника по назначению, в стадии возбуждения уголовного дела даже в случае если у «будущего подозреваемого, обвиняемого» нет финансовой возможности оплатить его услуги. Опрошенные нами респонденты адвокаты, указали на ранее существовавшие затруднения в практической реализации оплаты их услуг за счет средств федерального бюджета. Виной чему было постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 [8]. Название и текс документа устанавливал, что оплате подлежали юридические услуги адвоката, оказанные уже после вынесения процессуального решения о возбуждении уголовного дела и по назначению (приглашению) дознавателя, следователя или суда. Таким образом, буквальное толкование формулировок, изложенных в постановлении исключало:

1) оплату услуг адвоката за счет средств федерального бюджета, участвующего в процессуальной проверке;

2) возможность вызова адвоката сотрудником органа дознания, в чьем производстве находится материал проверки (к примеру, участковым уполномоченным, оперативным сотрудником, сотрудником подразделения ЭБиПК).

Первое выделенное нами противоречие не так давно было устранено. 13 июня 2024 г. Постановлением Правительства № 796 [9], внесены существенные изменения и дополнения, направленные на обеспечение реализации права, на получение квалифицированной юридической помощи в стадии возбуждения уголовного дела. Так, в Постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 словосочетание «уголовное дело» заменено на «уголовное судопроизводство», так же в тексте документа предусмотрена выплата вознаграждения адвокату, за счет средств федерального бюджета при участии в проверке сообщения о преступлении.

Тем не менее, на наш взгляд, изменения оставили за адвокатами скорее право, нежели обязанность, защиты лица на этапе доследственной проверки. Полагаем, что получение квалифицированной юридической помощи должно быть доступно гражданам на каждом этапе уголовного процесса, вне зависимости от их материальной обеспеченности. Для реального, не формального, обеспечения реализации права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела, полагаем, следует именно обязать адвоката к участию в анализируемой стадии, закрепив

данную обязанность в документе обязательном к исполнению для членов профессионального адвокатского сообщества.

Второе противоречие, препятствующее участию адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, продолжает существовать. На практике процессуальную проверку, в порядке ст. 144 УПК РФ, чаще всего производят сотрудники органа дознания. Лишь при установлении повода и оснований к возбуждению уголовного дела, полностью собранный материал проверки, со всем блоком произведенных следственных и процессуальных действий, допустимых в данной стадии, передается в специализированные подразделения дознания или в следственные органы, для принятия решения о возбуждении дела. В случае отсутствия повода и оснований, а также при наличии обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела, сотрудником органа дознания выносится постановление об отказе.

В этой связи отсутствие в Постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 возможности вызова адвоката лицу, в отношении которого начата процессуальная проверка, сотрудником органа дознания (а лишь дознавателем, следователем или судом) может также стать формальным поводом для отказа в оплате услуг адвоката. Как результат это приведет как к нарушению права на защиту, так и к возможности признания доказательств, полученных в стадии возбуждения уголовного к числу недопустимых. На основании вышеизложенного, полагаем необходимым, дополнить вышеуказанное постановление, предусмотрев возможность вызова адвоката для участия в проверке сообщения о преступлении сотрудником органа дознания.

Список цитируемой литературы:

1. Давлетов, А.А. Проблема статуса уголовно преследуемого лица в стадии возбуждения уголовного дела / А.А. Давлетов // Российский юридический журнал. – 2015. – № 4 (103). – С. 61-67.

2. Смирнов, А.В. Уголовный процесс / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб.: Питер. – 2004. – 153 с.

3. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 47 и части 2 статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 27. – Ст. 2882.

4. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 9.

5. Лапатников, М.В. Как реализовать право на защиту на этапе проверки сообщения о преступлении / М.В. Лапатников // Уголовный процесс. – 2018. – № 1(157). – С. 71-76.

6. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова: постановление Конституционного суда Рос. Федерации от 28 января 1997 г. № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 7. – Ст. 871.

7. По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации «Объединение вкладчиков «МММ» на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 5 декабря 2003 г. № 446-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 3.

8. О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»): постановление Правительства Рос. Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 50, ч. 6. – Ст. 7058.

9. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240: постановление Правительства Рос. Федерации от 13 июня 2024 г. № 796// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 25. – Ст. 3509.

Чуносов В.С., канд. юрид. наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и осударственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

МЕТОДЫ И СРЕДСТВА ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ОТКРЫТЫХ ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы тактики получения и использования открытых электронно-цифровых источников информации в расследовании преступлений.

Ключевые слова: информационные технологии, социальные сети, криминалист, преступление. информация.

В ходе расследования преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, в том числе сети Интернет, следствию приходится нередко сталкиваться с необходимостью получения информации из открытых электронно-цифровых источников. Вследствие этого важно знать методы и средства, с помощью которых может быть получена криминалистически значимая информация.

В качестве основных методов поиска информации в сети Интернет выступают: использование поискового сервера; с помощью адреса веб-страницы; посредством гиперссылки [1].

В процессе расследования преступлений возникает необходимость поиска информации о личности подозреваемого (обвиняемого) социальных сетях Интернет. С этой целью используются такие общие методы, как: запрос в поисковых системах (в частности, yandex, google) по фамилии, имени, отчеству; поиск на сайте яндекс.люди; поиск по номеру телефона (адресу электронной почты); поиск по фото человека; поиск информации на сайте ФССП, Госавтоинспекции и т.д.; поиск через социальные сети.

Как отмечает Е.В. Пискунова, поиск преступников посредством использования социальных сетей Интернета служит второстепенным методом работы для следователей, поскольку нередко пользователи регистрируются под чужими данными (ФИО) и не размещают собственное фото на своей странице. Подобное обстоятельство может привести к выходу на ложный след [2].

На наш взгляд, социальные сети могут оказать большую помощь в поиске необходимой информации, а потому игнорировать данный метода не следует. В следственной практике порядок поиска информации в социальных сетях может быть представлен следующим образом:

1) поиск информации непосредственно о пользователе страницы в социальной сети:

а) выполнение поиска страницы в социальных сетях;

б) анализ обнаруженной страницы, включая исследование открытой информации, помещенной на ней;

в) просмотра комментариев и фотографий пользователя страницы и его гостей;

г) поиск по «лайкам»;

2) поиск общих друзей пользователя:

а) зайти в список друзей;

б) выбрать из этого списка первого (программа автоматически ранжирует друзей от более близкого к более дальнему);

в) данную процедуру необходимо проделывать до момента отыскания общего знакомого.

Следует учитывать, что при анализе информации страницы в социальной сети, не следует брать во внимание рекламные и публичные страницы (как не относящиеся к расследуемому преступлению и лицу, его совершившему).

По нашему глубокому убеждению, действия следователя по поиску информации о личности преступника, свидетелей, очевидцев в сети Интернет, может быть представлен в виде определенного алгоритма. Объектом исследования здесь будут выступать страницы социальных сетей лица, о котором нужно получить информацию (ВКонтакте, «Одноклассники», Rutube и другие), а субъектом − следователь.

Нами предлагается следующий алгоритм действий по поиску информации в сети Интернет:

1. В поисковую строку браузера на подключенном к сети Интернет компьютерном устройстве внести известную информацию о личности разыскиваемого лица как объекте поиска (в частности, его фамилию, имя, год рождения, место работы).

2. Перейти по появившейся ссылке. На данном этапе целесообразно следовать следующему общему правилу: переходить по первым нескольким ссылкам к персональной странице ВКонтакте, «Одноклассники», Rutube и другим социальным сетям или к другим профилям, на которых отмечен объект поиска. В этих ресурсах может быть обнаружена личная информация разыскиваемого лица, которая обычно размещается в шапке профиля.

3. Полученную информацию зафиксировать, изучить и на основе анализа сделать первоначальные выводы (в частности, о возрасте, месте жительства, образовании, семейном положении).

«Анализ контента позволяет также определить круг общения пользователя, его образ жизни, увлечения, способы проведения досуга,

род занятий, уровень доходов, географию перемещений, используемый автотранспорт, и др.» [3].

4. Проанализировать фотографии на странице социальной сети для сбора информации о личных, дружеских и служебных контактах объекта поиска. Проверить эту информацию можно через список подписчиков, друзей, а также, изучив комментарии, оставленные на странице или под фотографиями пользователя социальной сети.

5. Уделять особое внимание «официальной информации», в частности, фотографии паспорта, удостоверения, номеру государственной регистрации автомобиля и др. Такая информация должна быть зафиксирована отдельно (например, путем скриншота или фотосъемки).

6. Проанализировать события, группы, сообщества. Результаты такого анализа позволят определить криминалистически значимые признаки психологического портрета личности объекта поиска, например, его увлечения, социальную позицию, политические и религиозные взгляды [4].

7. Выделить, в том числе путем анализа фотографий, информацию о поездках лица в другие города, страны, об уровне ее доходов. Подобного рода информация позволит определить место нахождения подозреваемого в конкретное время (особенно при размещении им фотографий с привязкой к местности, где происходит съемка).

8. Перейти на страницы родственников и друзей объекта поиска, если на его странице информации недостаточно.

9. Установить наличие связи личных страниц пользователей в разных социальных сетях или наличие на одной странице адресных ссылок на другие профили. Если это будет установлено, то следователь получит дополнительные возможности в поиске информации, представляющей криминалистически значимый интерес.

10. Проанализировать всю информацию, полученную со страниц социальных сетей Интернета.

11. Ввести повторно в строку поиска данные о фамилии, имени исследуемого объекта (предполагаемого преступника) и просмотреть информацию о данном лице по упоминаниям в различных публикациях, прессе, участию в тех или иных мероприятиях и иным параметрам. Например, предполагаемый посещал определенные публичные мероприятия, участвовал в конференциях.

12. Осуществить проверку по ключевым аспектам (по фамилии, имени, дате рождения, месту проживания) на официальных порталах информации (например, на сайте «www.kadastrmap.ru» можно по адресу выяснить кадастровую стоимость конкретного земельного участка).

Изложенный алгоритм, как представляется, позволит получить криминалистически значимые сведения о личности предполагаемого

преступника с помощью социальных Интернет-ресурсов, выполнить эффективно поиск, оценить и проанализировать собранную по результатам поиска информацию. Эта информация подвергается обработке:

- из обнаруженных файлов извлекаются скрытые данные (информации о фамилиях и именах пользователей, редактировавших изображение, моделях фотоаппаратов и т.п.);

- восстанавливается информация при низком разрешении фотодокумента;

- по полученным фотографиям устанавливаются личности людей, которым это лицо известно;

- определяются общие знакомые с преступником.

При необходимости следователь и специалист применяют специальные средства обнаружения криминалистически значимой информации из открытых электронно-цифровых источников, в частности, аппаратно-программные комплексы UFED, XRY, «Мобильный криминалист».

Универсальный АПК «UFED» позволяет проводить криминалистические исследования, извлечение, декодирование и анализ электронно-цифровых данных, полученные из мобильных устройств, на персональном компьютере, ноутбуке.

UFED предоставляет возможность получить доступ к неповрежденным, скрытым и удаленным данным. Значительное преимущество данного комплекса состоит в возможности восстановления данных из мессенджеров − систем мгновенного обмена сообщениями (WhatsApp, Viber и др.), а также из переписки в социальных сетях Интернета (ВКонтакте, Одноклассники и др.) [5] .

XRY представляет собой аппаратно-программный комплекс, предназначенный для извлечения данных из смартфонов, планшетных компьютеров, сотовых телефонов, GPS навигаторов, медиаплееров, USB-флеш-накопителей и других мобильных устройств в судебно-криминалистических целях.

АПК «Мобильный Криминалист» является эффективным средством извлечения электронно-цифровых данных из мобильного устройства. Его ключевыми функциями являются:

- извлечение физических образов мобильных устройств, информации из облачных сервисов и приложений;

- загрузка резервных копий устройств для их последующего анализа;

- восстановление удаленной информации;

- демонстрация различных событий в хронологическом порядке.

Одним из методов получения информации из открытых электронно-цифровых источников является контент-анализ.

Контент-анализ есть «формализованный метод, основанный на изучении исследуемой текстовой и графической информации содер-

жимого файлов в целях выявления и измерения характеристик, получивших в них отражение, с последующим выявлением определенных закономерностей» [6].

Рассматриваемый метод позволяет существенно повысить эффективность интернет-мониторинга. Он направлен, в частности, на информационные ресурсы и тексты, размещаемые в социальных сетях, форумах, блогах и т.п. [7].

Использование контент-анализа позволяет провести обобщение и сопоставление полученной информации. На этой основе возможно выявление связей лица, его контактных данных, вероятных соучастников. Кроме того, используя метод контент-анализа, можно выделить в тексте ключевые слова, отметить смысловые единицы содержания, частоту их употребления, а также определить соотношение между собой разных элементов текста.

Важнейшая специфика рассматриваемого метода состоит в том, что он позволяет изучить информацию в социальном контексте. Благодаря использованию функциональных возможностей современного программного обеспечения проводится категоризация текстов в информационных массивах, исходя из тематики вопросов.

Материалы, полученные при применении контент-анализа, можно соотнести и провести их обобщение, в результате чего установить новые значимые для расследуемого уголовного дела обстоятельства, например, чьи интересы представлены на сайте, находятся ли владельцы сайта в связи с организованными преступными формированиями.

Обнаруженная в открытых электронно-цифровых источниках информация позволяет:

1) осмотреть «электронно-цифровое» содержимое соответствующих компьютерных устройств (последние соединения, список контактов, видео, фото, посещаемые сайты, интернет-историю, заметки, переписку и пр.);

2) определить координаты местонахождения электронно-цифрового устройства и его владельца (в конкретном месте в определенное время). Это возможно:

а) с помощью функции геопозиционирования;

б) соединения с точками доступа к сети WiFi;

в) метаданных видеороликов и фотографий.

Следует отметить, что обнаружение и изъятие системного блока, жесткого диска компьютера, мобильного устройства, с использованием которых преступники передавали информацию в социальной сети, а также карты памяти, изъятие и фиксация электронно-цифровой информации осуществляются с привлечением специалиста или посредством компьютерной экспертизы.

Электронно-цифровая информация может существовать в виде сведений о посещении социальных интернет-ресурсов, а также в виде фото и видеоизображений, данных о подключениях к провайдеру (дате, времени, продолжительности подключения), о настройках, сведений об используемых программах, их реестровом пути и выполненных операциях.

Например, при расследовании уголовного дела в отношении Г. В.А. на жестком диске его ноутбука была обнаружена история посещения социальной сети Интернет, информация об имени пользователя (логине) и пароле ресурса сети Интернет «odnoklassniki.ru» [8].

Обращение к провайдеру может позволить получить:

− анкетные данные, указанные при регистрации IP-адреса;

− данные о трафике соединений, совершенных с конкретного IP-адреса;

− анкетные данные, указанные при создании пользователем страницы в социальной сети.

Приведем пример изъятия электронно-цифровой информации. Так, можно привести дело № 1-143/2018. Г. А.А. и Б. А.А. обвиняемые в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ соответственно. В ходе расследования были изъяты личный ноутбук Б. А.А., содержащий электронные копии документов и переписку Н. с Г.А.А. и Б. А.Г. в приложении «Viber», из содержания которой усматривается, что подсудимый Г. А.А. в период с 24 июля 2017 года по 06 декабря 2017 года обсуждает с Н. с использованием средств конспирации вопросы организации закупки АО «Данные изъяты» в рамках реализации ОКР «Данные изъяты» дилатометра DIL402 Expedis Supreme с оснасткой по завышенной цене в ООО «…», в целях совместного хищения путем обмана выделенных на эти цели бюджетных денежных средств, в том числе результаты предоставления Г. А.А. в период с 10.07.2017 по 12.07.2017, на подпись главному инженеру института пояснительной записки в обоснование обосновывающие необходимости данной закупки [9].

Важно учитывать, что при уничтожении файлов переписки, удалении личных страниц из социальных сетей (информации с жесткого диска), на сервере освобождается место, по объему равное объему удаленной информации. При этом последнюю можно восстановить, если кластеры не будут заполнены новым потоком электронно-цифровых данных.

При расследовании преступлений, связанных с использованием сети Интернет, в ходе проведения следственных действий применяются два основных метода получения информации из электронно-цифровых источников: изъятие электронных носителей информации для последующего исследования содержащейся на них информации;

копирование электронно-цифровой информации, имеющей значение для расследуемого уголовного дела, на электронные носители следователя, без изъятия исходных носителей.

В следственной практике основным (приоритетным) способом получения электронно-цифровой информации в ходе следственных действий признается изъятие электронных носителей информации. В некоторых случаях указанные приемы комбинируются [10].

Необходимость изъятия информации в социальных сетях Интернет возникает, в первую очередь, при проведении обыска и выемки.

Приведем пример. Ч. С.А. в социальной сети «ВКонтакте» у неустановленного пользователя обнаружил видеоматериалы порнографического характера, которые просмотрел и добавил на свою страницу в сети «ВКонтакте» на сайте «…» под именем «...» аудиовизуальные произведения порнографического характера, чем создал возможность для скачивания и просмотра этих файлов для других пользователей «ВКонтакте» через свою страницу, находящуюся в свободном доступе. Вина Ч. С.А. подтверждается, в том числе протоколом обыска по адресу «…», где обнаружены и изъяты системный блок, WI-FI – роутер, сотовый телефон с двумя сим-картами [11].

Оптимальным способом получения информации из открытых электронно-цифровых источников служит выемка носителя информации, содержащего криминалистически значимые сведения, у провайдера, собственника (владельца) сервера с Интернет-ресурсом. Однако изъятие электронного носителя не всегда возможно, поскольку сервер с интернет-ресурсом нередко находится за рубежом. В подобной ситуации электронный носитель осматривается опосредованно (удаленно), через сеть Интернет. Средством осмотра выступает оборудование, подключенное к интернету и находящееся в подразделении органа предварительного следствия (дознания) или у специалиста, привлекаемого к расследованию данного уголовного дела. Поскольку носитель не может быть изъят в натуре, то с него следует снять копию на электронный носитель следователя. Следует отметить, что в протоколе осмотра Интернет-ресурса важно отобразить всю последовательность совершаемых в ходе этого осмотра действий:

-загрузка операционной системы и браузера;

-трассировка пути к заданному адресу;

-последовательность перехода по ссылкам;

-просмотр (прослушивание) аудиовизуальной информации непосредственно из сети Интернет («в режиме онлайн») или с предварительной загрузкой на жесткий диск компьютера;

-фиксация всего процесса осмотра интернет-ресурса с помощью видеозаписи.

Носители информации из открытых электронно-цифровых источников в ходе проведения осмотра, а также фото- и видеоматериалы прилагаются к протоколу данного следственного действия [12]. При работе с электронно-цифровой информацией в социальных сетях Интернета, необходимо следовать тактическим рекомендациям:

- с точки зрения технического подхода ссылки на ресурсы обладают свойством автоматического перехода, аналогичному самому ресурсу;

- размещенная на интернет-сайтах информация характеризуется динамичностью, поэтому при фиксации обязательно отражается время и часовой пояс;

- при выяснении источник распространения информации, устанавливаются учетные данные программно-аппаратной части, а не данные о личности пользователя;

- в процессе изъятия информации с систем хранения данных серверов должен изыматься не весь дисковый массив, а лишь необходимая информация;

- установление причастности использовавшие сетевые Интернет-ресурсы конкретного субъекта к совершению преступления осуществляется посредством фиксации самого контента, а также лиц, которые его разместили;

- для приобретения доказательственной силы размещенного в социальной сети Интернет видеоролика, требуется не только грамотно его изъять, но и зафиксировать сведения о лице, его разместившем, а также произвести его допрос

Способы фиксации информации из открытых электронно-цифровых источников (Интернет-ресурсов) включают [7].

1) процессуальную составляющую − соблюдение предусмотренной уголовно-процессуальным законом протокольной формы для фиксации действий, явлений, обстановки;

2) технико-криминалистическую составляющую в форме:

– графической (схемы, планы, рисунки, графики, чертежи);

– предметной (изъятые предметы (их части), макеты, слепки, оттиски),

– наглядно-образной (скриншоты, фотоизображения, видеозапись).

Фиксация информации, полученной из открытых электронно-цифровых источников (в частности, ресурсов сети Интернет), осуществляется в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, и в соответствии с криминалистическими рекомендациями.

Вышеназванная деятельность включает:

1) составление протоколов осмотра места происшествия и оформление прилагаемых к нему иллюстрационных таблиц, схем, чертежей, планов; изготовление «скриншотов»;

2) выполнение фото- и видеосъемки, точно соответствующих информации, отображенной в протоколе;

3) составление протоколов допроса подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, представителей потерпевшего, переводчиков, свидетелей, экспертов, специалистов и в необходимых случаях – понятых;

4) составление протоколов обыска по месту жительства, работы подозреваемого и в серверных помещениях;

5) составление протоколов выемки:

− договоров на оказание телематических услуг связи;

− счетов за предоставление указанных услуг;

− протоколов данных о соединениях абонентов с сетью электросвязи и доступа в Интернет;

− архивов электронного почтового ящика;

− архивов запросов к поисковым системам сети Интернет (необходимо в данном случае постановление суда о наложении ареста на почтовые сообщения электронной сети),

− электронных журналов, в которых отображены выполненные операции;

− технической документации;

− иных электронно-цифровых источников на материальных носителях [13];

6) оформление протоколов осмотра: предметов (персонального компьютера, ноутбука, планшета, смартфона, мобильного средства сотовой связи, Wi-Fi роутера, сервера и др.); документов (технической документации на компьютерные устройства, протоколов данных о соединениях абонентов с сетью электросвязи и доступа в Интернет, и т.д.);

7) приобщение к материалам уголовного дела выписок, справок, полученных в ответ на официальные запросы, в частности, это информация, которая была истребована:

− у операторов сотовой связи о соединениях абонентов и абонентских устройств с указанием местонахождения базовых станций;

− у модератора сайта для установления IP-адреса компьютера подозреваемого;

− о движении денежных средств по банковским счетам подозреваемого (потерпевшего) с указанием времени транзакций, IP-адреса устройства, использовавшегося для платежных операций;

8) назначение судебной компьютерной экспертизы по изъятым в ходе осмотра места происшествия, обыска, выемки предметам.

Итак, можно сделать некоторые выводы:

1. Расследование преступлений, совершенных с использованием информационных технологий, в том числе сети Интернет, сопряжено с необходимостью получения информации из открытых электронно-цифровых источников с использованием различных методов и средств.

2. Основными методами поиска информации в сети Интернет выступают: использование поискового сервера; посредством адреса вебстраницы; посредством гиперссылки.

Общими методами обнаружения информации о человеке из открытых электронно-цифровых источников (в том числе социальных сетей Интернет) являются:

− запрос в поисковых системах по фамилии, имени, отчеству;

− посредством сайта яндекс.люди;

− поиск по номеру телефона или по адресу электронной почты;

− поиск по фото человека;

− поиск информации на сайте ФССП, Госавтоинспекции и т.д.;

− через социальные сети.

3. Для получения информации из открытых электронно-цифровых источников используются специальные средства обнаружения криминалистически значимой информации, в частности, аппаратно-программные комплексы UFED, XRY, «Мобильный криминалист».

4. При расследовании преступлений, связанных с использованием сети Интернет, в ходе проведения следственных действий применяются два основных метода получения информации из электронно-цифровых источников: изъятие электронных носителей информации для последующего исследования содержащейся на них информации; копирование электронно-цифровой информации, имеющей значение для расследуемого уголовного дела, на электронные носители следователя, без изъятия исходных носителей.

Список цитируемой литературы:

1. Молоков В.В. Эффективные способы получения открытой информации в сети Интернет [Электронный ресурс] – URL: http://novaum.ru/public/p371 (дата обращения: 22.04.2025).

2. Пискунова, Е.В. Использование данных, содержащихся в социальных сетях, для расследования и раскрытия преступлений / Е.В. Пискунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 168-172.

3. Гаврилин, Ю.В. Использование информации, полученной из сети Интернет, в расследовании преступлений экстремистской направленности / Ю.В. Гаврилин, Шмонин А.В. // Труды Академии управления МВД России. − 2019. − № 1 (49). − С. 105-111.

4. Гамбарова, Е.А. К вопросу о методике использования социальных сетей в работе следователя / Е.А. Гамбарова // Юридический вестник Самарского университета. − 2017. − Т. 3. − № 3. − С. 137-141.

5. Ищенко, Е.П. Современные технико-криминалистические средства, применяемые для обнаружения доказательств на электронных носителях информации / Е.П. Ищенко // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. − 2021. − № 2(97). − С. 181-189.

6. Колычева, А.Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: дис. … канд. юрид. наук / А.Н. Колычева. − Москва, 2018. – 199 с.

7. Колычева, А.Н. Некоторые аспекты фиксации доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет / А.Н. Колычева // Вестник Удмуртского университета. − 2017. − Т. 27. − Вып. 2. − С. 109 – 113.

8. Приговор Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 20.06.2016 по делу № 1-655/2016. [Электронный ресурс]. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ». − URL: https://sudact.ru/regular/doc/SwGhpPaRyXZX/ (дата обращения: 29.04.2025).

9. Приговор Ленинского районного суда г. Пензы № 1-143/2018 от 20.11.2018 по делу № 1-143/2018. [Электронный ресурс]. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ» – URL: https://sudact.ru/regular/doc/bBv9F0P58QU9/ (дата обращения: 11.05.2025).

10. Выявление, документирование и расследование преступлений, совершаемых с использованием СМИ, электронных и информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс]. − URL: http://www.iuaj.net/node/2163 (дата обращения: 12.05.2023).

11. Приговор Пугачевского районного суда Саратовской области от 24.03.2017 по делу № 1-20(1)/2017. [Электронный ресурс]. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты РФ». − URL: http://sudact.ru/regular/doc/rPNY9maZ9sgV/ (дата обращения: 05.05.2025).

12. Криминалистика: Учебник / под ред. Н. П. Яблокова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 752 с.

13. Мазуров, И.Е. Методика расследования хищений, совершенных с использованием интернет-технологий: дис. … канд. юрид. наук. − Казань, 2017. – 188 с.

Шагунова В.М., канд. юрид. наук, доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Филиппова Д.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ИНТЕРНЕТЕ

Аннотация

Дети и подростки в силу присущих им особенностей являются самым уязвимым слоем общества, в связи с чем проблема их зашиты от преступных посягательств не теряет своей актуальности и стоит наиболее остро, особенно в вопросе обеспечения их безопасности в сети Интернет. Глобальная сеть становится оружием в руках людей, в том числе в России увеличиваются случаи совершения преступлений с её использованием, в-первую очередь, связанных с суицидом несовершеннолетних, оборотом наркотических средств среди подростков, детской порнографией и других. Исходя из этого, нам представилось необходимым изучить основные виды угроз, возникающих в цифровом пространстве, а также проанализировать и предложить меры профилактики и предотвращения преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Ключевые слова: несовершеннолетние, сеть Интернет, преступления против несовершеннолетних, киберугрозы профилактика, предупреждение преступлений.

Во все времена общество сталкивалось с необходимостью собственной защиты как от внешних врагов, так и от внутригосударственных проблем, в том числе от преступных и иных противоправных посягательств. Особое внимание на протяжении всего своего развития государство в целом и люди в частности уделяли подрастающему поколению, так как именно должное воспитание детей является основой будущего любой страны, его прогрессивного развития, устойчивости и целостности. На этих же началах сформирована и действующая политика Российской Федерации, выраженная в Указе Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в

Российской Федерации на период до 2030 года». Главной целью разработки и издания указанного правового документа является не только определение факторов, ставящих по угрозу безопасность детей, но и основных направлений, задач и механизмов реализации государственной политики в сфере обеспечения безопасности детей, в том числе на фоне распространения всеобъемлющей проблемы – деструктивного влияния информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Получив широкое распространение, сеть Интернет, стала практически незаменимой вещью в жизни человека. Согласно отчету Global Digital за 2024 год «за последние 12 месяцев число интернет-пользователей выросло на 1,8% (+97 млн новых пользователей) и достигло 5,35 млрд» [1], что в соотношении с общим числом всего населения Земли составляет примерно 66%. Особенно популярным Интернет является среди несовершеннолетних, так по данным исследований Минтранса России на 2024 год, «98% российских подростков в возрасте 12–17 лет регулярно выходят в Интернет… Мессенджеры дети начинают осваивать в возрасте 4–8 лет: 74% общаются с родителями онлайн, а с друзьями – 64%. С возрастом заметно меняется использование соцсетей, особенно ВКонтакте. Если среди детей 4–8 лет этой платформой пользуются 23%, то в группе 9–11 лет показатель увеличивается более чем вдвое, а среди подростков достигает 81%» [2]. Интернет пользуется спросом у несовершеннолетних, потому что именно там они создают себе «зону комфорта» в которой им проще реализовывать себя, коммуницировать (в-первую очередь, за счет нахождения виртуальных друзей), поднимать настроение, отвлекаться от проблем, то есть уходить из реального, зачастую непонимающего их мира, в виртуальный. Руководствуясь приведенной статистикой и общеизвестными фактами о преимуществах Всемирной сети, мы не можем умолять её пользу и необходимость для общества, но также и не можем не говорить о том, что в ней скрывается не меньшее количество проблем, в первую очередь, выражающихся в появлении новых способов и возможностей совершения преступлений и противоправных посягательств.

Так, практически половина детей, использующих сеть Интернет, посещают Интернет-сайты, пропагандирующие деструктивное, агрессивное по отношению к ним поведение. В связи с чем, несовершеннолетние все чаще поддаются киберугрозам, что приводит как к процессу становления в них жертв преступлений, то есть к виктимизации, так и к формированию в них личности преступника. Важно отметить, что данные факты являются опасными не только с правовой точки зрения (рост преступности, нанесение ущерба государству, привлечение к уголовной ответственности), но и с социальной (деформация культур-

ного, физического, нравственного развития несовершеннолетних в следствии чего деградация общества).

В контексте данной работы мы будем рассматривать именно процесс виктимизации несовершеннолетних. Как правило, общими факторами, влияющими на процесс становления детей и подростков жертвами преступных посягательств, становятся усиление ряда негативных течений начиная от политического положения в стране, несовершенства законодательства, заканчивая низким уровнем экологии. Разрушающее воздействие также оказывает дефицит у детей и подростков коммуникаций, поддержки и помощи родителей, подверженность жестокому обращению дома, в школе и на улице, отсутствие положительных примеров, в связи с чем у них происходит социальная изоляция и тд. На это также влияет недостаточное понимание несовершеннолетними «социальных норм, разделения реальной и виртуальной жизни, при этом у них возникает ощущение своей полной анонимности, а также снижается волевой контроль поведения и проявляется недостаточность прогностических функций» [3, с. 13].

Кроме того, зачастую, данному явлению способствует влияние извне, осуществляемое двумя способами:

1. При помощи применения физического насилия;

2. при помощи воздействия на психику и эмоциональное состояние.

Говоря про сеть Интернет, более актуальным и осуществимым является второй способ, который подразумевает применение к несовершеннолетнему обмана, угрозы, обещания, подкупа, шантажа, убеждения и тд.

Анализируя все вышесказанное, можно утверждать, что в данный период времени именно несовершеннолетние нуждаются в особой защите от преступлений, в том числе совершаемых посредством использования сети Интернет.

В целом угрозы, провоцируемые сетью Интернет можно разделить на три группы:

1. Экономические – это угрозы, направленные на финансовые потери лица, возникающие в результате мошеннических действий, кражи средств, несанкционированного доступа к банковским счетам и другим финансовым ресурсам.

2. Программно-технические – это противоправные действия, связанные с использованием вредоносного программного обеспечения, уязвимостей при использовании сайтов и приложений, а также с атаками на информационные системы. К этой категории относятся вирусы, трояны, черви, которые приводят к нарушению работы систем, потере данных и компрометации конфиденциальной информации.

3. Контентные – это угрозы, касающиеся распространения нежелательного, вредоносного или неприемлемого контента, включая порнографию, экстремистские материалы, клевету и дезинформацию.

Именно контентные угрозы, в сравнении с двумя вышеперечисленными группами, имеют наибольшую опасность, связанную с отклонением психического здоровья несовершеннолетних пользователей, распространению ненависти и насилия среди них, формированию аморального поведения. В данную категорию входят: склонение к совершению самоубийства, кибербуллинг, склонение к употреблению наркотических средств и психотропных веществ, кибергруминг. Рассмотрим перечисленное более подробно.

Склонение несовершеннолетних к совершению самоубийства. До 2015-2016 годов данная проблема практически не фигурировала, а уголовная норма считалась «мертвой», но все изменилось буквально в один месяц, когда в социальной сети «ВКонтакте» активное распространение получили так называемые «Группы смерти», «ставшие своеобразной надстройкой над всеми базовыми уязвимостями подросткового возраста, зоной риска, которая из виртуальной реальности давит именно на зону риска в реальности социальной» [4, с. 106]. За год, под влиянием деструктивных интернет-сообществ, известных под названиями «синий кит», «57», «4:20» и многих других, суицид (сознательное, преднамеренное лишение себя жизни) совершили около 130 подростков. На данный момент ситуация ухудшается – «по количеству самоубийств среди несовершеннолетних в возрасте от 15 до 19 лет Российская Федерация занимает первое место в Европе и одно из первых мест в мире. При этом каждый год более 200 малолетних и около 1,5 тыс. подростков совершает самоубийство» [5, с. 13]. На формирование такого поведения и принятие, зачастую необдуманного решения несовершеннолетними, оказывают влияние не только люди, находящиеся по ту сторону экрана, но и неокрепшая психика детей, отсутствие жизненных ценностей и ориентиров, нивелирование отношения к жизни как к главной ценности, отсутствие осознания, что смерть – не является выходом из сложившихся проблем.

Во-вторых, толчком к совершению самоубийств среди детей и подростков, в большинстве случаев стал кибербуллинг, то есть форма травли или преследования, осуществляемая при помощи цифровых технологий, таких как мессенджеры, социальные сети и другие онлайн платформы. Он включает в себя преднамеренные действия, направленные на запугивание, унижение и дискредитацию другого человека, выражающихся в виде оскорбительных сообщений, распространении недостоверных сведений, порочащих честь и достоинство личности, публикации компрометирующих материалов, создании ложных про-

филей, а также неоднократное высказывание угроз причинения лицу имущественного, физического вреда, вплоть до угроз убийством самого человека, либо же его близких. Происходит в двух формах – анонимно, открыто. Часто имеет опасные длительные последствия для жертв, включая психологический стресс, снижение самооценки, развитие депрессии. Как правило, подросток, сталкиваясь с травлей, не выдерживая оказываемого на него «давления», приходит к двум вариантам решения сложившейся ситуации – совершению самоубийства, как было сказано ранее, а также к примыканию к субкультуре «Колумбайн» (обобщенное название вооруженных атак на школы и другие учебные заведения с целью убийства сверстников и в последующим совершения самоубийства).

Не менее распространенными являются преступления, связанные со склонением несовершеннолетних к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Наркопреступность в России является одним из самых часто совершаемых и опасных видов преступности, о чем свидетельствует статистика, согласно которой «в текущем году на территории России выявлено 145 тысяч наркопреступлений – это десятая часть от всех зарегистрированных криминальных деяний в стране» [6], при этом с «2020 по 2023 год количество выявленных ИТ-преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, возросло более чем в два раза. Более чем в три раза увеличилось количество заблокированных в России сайтов с запрещенной информацией о наркотиках. В год блокируется уже больше 100 тысяч ресурсов» [7]. Указанная категория преступлений, наносит непоправимый вред не только государству, экономике, культурной сфере, но и обществу в лице каждого из нас.

С каждым годом число несовершеннолетних лиц, попадающих под влияние наркотических средств увеличивается, и в первую очередь это связанно с распространением в Интернете информации о психоактивных веществах и их влияния на организм в позитивном ключе. Помимо этого, многие подростки считают, что употребление запрещенных веществ может компенсировать недостаток уважения среди сверстников, вызвать их одобрение и принятие. То есть во многом причины и условия попадания под воздействия такой преступности схожи с общими, но помимо указанных можно выделить и игровые мотивы поведения. Осуществляя такую деятельность, подростки примеряют на себя хоть и негативные, но «успешные» (по их мнению) роли, не понимая возможных отрицательных последствий.

Кроме того, вовлеченность несовершеннолетних в употребление наркотических средств обусловлена доступностью сайтов, групп, сообществ, через которые практически беспрепятственно возможно приобре-

тение наркотических средств. Важно отметить, что таких же сайтах подростков одновременно вовлекают в деятельность по распространению запрещенных веществ, обещая хорошую прибыль за «легкую работу».

Не менее распространенным в Сети является активное проявление сексуально ориентированного на несовершеннолетних поведения, которое проявляется через инициирование общения, обмен интимными фотографиями, в том числе с лицами дошкольного возраста, как правило посредством шантажа и (или) угроз, и носящее название кибергруминг. Большинство детей подвергаются такому негативному воздействию, непреднамеренно (случайно). Как правило, это связано с тем, что, несовершеннолетние, бесконтрольно проводя время в Интернете, получают электронные письма, сообщения с возможностью перехода на неизвестные, посторонние сайты, и из любопытства нажимают на ссылку (текстовый или графический элемент, при нажатии на который пользователь переходит на другую страницу или другой сайт), которая приводит их на страницы, содержащие порнографические материалы. Потерпевшими от указанных преступлений несовершеннолетние становятся именно из-за желания ощутить неизведанное, познать что-то новое, почувствовать превосходство над другими в силу «прикосновения» в запретному, либо же из-за склонности к созависимости.

Созависимость, являясь одним из факторов проявления виктимного поведения несовершеннолетних, характеризует отношения, в которых ребенок из-за нарушения психического состояния, может получать положительные эмоции, чувствовать себя спокойно, лишь при получении одобрения, внимания и подтверждения со стороны взрослого человека. Причинами такого явления выступают отсутствие здоровой самооценки, подверженность эмоциональному насилию со стороны родителей, нужда в стабильности и безопасности, влияние родительских созависимых отношений и иного травматичного для детской психики опыта.

Важно отметить, что сложность соответствующей преступности выражается в её латентности. Так как дети и подростки, подвергшиеся сексуальному домогательству, в различных его проявлениях, не рассказывают об этом родителям, учителям из-за страха осуждения и наказания. А лица, совершающие это, получив все необходимое от жертвы преступного посягательства, как правило удаляют используемую им группу или страницу в социальной сети или на иной Интернет-платформе.

Таким образом, в связи с сложившейся негативной практикой, не менее актуальным остается вопрос изучения существующих и разработки новых мер по профилактике и предупреждению преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием сети Интернет.

Профилактика совершения преступлений представляет собой систематическую деятельность правоохранительных органов и иных

уполномоченных структур, направленную на снижение уровня преступности и предотвращение преступных деяний путем реализации комплекса мероприятий, включающих правовые, образовательные, социальные, экономические и иные меры. Она охватывает как индивидуальные аспекты, влияющие на преступное поведение конкретных лиц, так и общесоциальные факторы, способствующие формированию безопасной среды, в которой минимизируются условия и причины, способствующие совершению преступлений.

Систему профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, посредством использования сети Интернет составляют следующие элементы:

1. Объект – это в целом явление виктимности по данным категориям преступлений и отдельно социальные группы, лица, в первую очередь несовершеннолетние, факторы, влияющие на их поведение, а также на совершение преступлений.

2. Субъекты – это органы законодательной и исполнительной власти, министерства и ведомства, наделенные полномочиями защиты детей от преступных посягательств, и последующей психопрофилактической работы с ними, учреждения здравоохранения, образовательные, спортивные организации, неправительственные объединения, средства массовой информации (далее – СМИ), родители, опекуны, попечители, иные родственники несовершеннолетних и тд.

3. Непосредственно сами меры, направленные на профилактику преступлений, совершаемых против несовершеннолетних с использованием сети Интернет.

В целом, систему профилактики киберпреступлений, осуществляемых в отношении детей и подростков, можно систематизировать и представить в виде уровней:

1. Государственный уровень, включающий в себя разработку и принятие нормативно-правовых актов, соответствующих изменениям, происходящим в государстве, в том числе в сфере безопасного использования Интернета, защиты прав и свобод несовершеннолетних; создание и введение образовательных и просветительских программ, как для работников учебных учреждений, самих несовершеннолетних, так и их родителей; проведение государственной политики, нацеленной на вовлеченность детей и подростков в развитие талантов, умений, а также на формирование личностных качеств через призму существующих в обществе ценностей, убеждений и культуры; повышение уровня благосостояния и защиты граждан.

2. Общесоциальный уровень, предполагающий организацию образовательными и культурными учреждениями досуга для детей и подростков как в реальной, так и виртуальной жизни, проведение активной

социальной политики, включающей в себя охрану жизни и здоровья. Также, он включает в себя развитие коммуникаций, взаимопомощи, психологической поддержки внутри семьи несовершеннолетнего, разъяснение базовых правил поведения в сети Интернет перед началом её использования, формирование с детства у ребенка негативной, но при этом спокойной и подготовленной реакции на отрицательные проявления в его сторону как в обычной жизни, так и в Интернет-среде.

3. Личностный уровень, охватывающий саморазвитие личности несовершеннолетнего посредством обучения, приобретения и развития навыков и знаний в области психологии, социальных коммуникаций, что помогает защитить себя от противоправных действий в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Важно отметить, что рассмотренные нами уровни, входящие в систему профилактики Интернет-преступлений, будут работать и выполнять предназначенные им функции лишь при системном подходе к их осуществлению, так как каждый из них подкрепляет и дополняет друг друга. Кроме того, бессистемность и неоправданность вмешательства в существующую Интернет-среду, образуемую среди несовершеннолетних, может создать негативные реакции и привести с противоположному от желаемого результату. Примером такого явления служит попытка государства на законодательном уровне ограничить получившее в 2024 году распространение движение квадробинга (феномен, представляющий собой имитацию детьми поведения животных, то есть передвижения в общественных местах в костюмах кошек, собак и других животных на четвереньках, издавая подражающим им звуки, имитируя прыжки, а также характерное для многих животных агрессивное поведение). За период первого полугодия 2024 года в Интернете насчитывалось около 17,9 тыс. упоминаний «квадроберов», в русскоязычном сегменте соцсетей – 1,92 млн, но после появления сопротивления государства данной субкультуре, публичного оглашения недовольств родителей и педагогов, дети начали противостоять общественному давлению, их поведение начало приобретать девиантные формы, в связи с чем участились случаи нападения несовершеннолетних друг на друга. Так, например «в Подмосковье квадробер с лезвиями вместо когтей расцарапала пятиклассницу в школе» [8], а буквально за две недели до случившегося «в Краснодаре школьница, увлеченная субкультурой квадроберов, укусила ребенка на детской площадке» [9]. Данные факты подтверждаются и статистикой. В соответствии с которой в начале сентября 2024 года в некоторые дни система мониторинга зафиксировала почти 20 тыс. упоминаний, а средний показатель за сентябрь составил 11 тыс. В октябре в некоторые дни количество упоминаний превышало 40 тыс., а средний показатель за первые две недели месяца

составил почти 30 тыс. в день, что свидетельствовало о возникновении социального конфликта между несовершеннолетними и более старшим поколением.

Важно отметить, что в силу указанных выше особенностей преступлений, осуществляемых против несовершеннолетних с использованием сети Интернет, только профилактики таких противоправных деяний становится недостаточно, в связи с чем необходимым является создание и введение основных направлений их предупреждений.

Под предупреждением преступлений следует понимать «криминологическую категорию, обозначающую исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этих негативных явлений, реализуемую путем целенаправленной деятельности всех институтов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, предопределяющих существование преступности и совершение преступлений» [10, с. 77].

Можно выделить несколько ключевых направлений, каждое из которых способствует предупреждению преступлений, совершаемых против несовершеннолетних в сети:

1. Мероприятия, проводимые наиболее компетентными в кибербезопасности и работе с несовершеннолетними правоохранительными органами, такими как Роскомнадзор, Прокуратура, ФСБ России, уполномоченный по правам ребенка, МВД и отдельно структурное подразделение УБК МВД, подразделение по делам несовершеннолетних и др., такие как: разработка и издание методических рекомендаций, памяток и брошюр о безопасном поведении в сети и действиях при возникновении угроз, в том числе их распространение в образовательных учреждениях и общественных местах; проведение просветительской работы очно и при помощи интернет-порталов с обучающимися дошкольного уровня образования, школьниками и студентами; выявление и поддержка несовершеннолетних жертв исследуемой нами категории преступлений в рамках кабинета психолога и горячей линии; создание специализированных подразделений, занимающихся исключительно вопросами киберпреступности.

2. Мониторинг правоохранительными органами и иными государственными структурами Интернет-ресурсов, инициирование их внесения в «Единый реестр запрещенной информации» и последующая блокировка.

3. Организация и создание отдельной единой службы доверия для несовершеннолетних, пострадавших от преступлений, совершаемых с использованием Интернет-технологий. «Необходимость создания дополнительных служб, направленных на оказание медицинской, психологической, правовой и иной помощи детям и их родителям,

подтверждается положениями Стратегии о комплексной безопасности детей. В связи с чем предлагается разработать систему единой федеральной горячей линии помощи несовершеннолетним, в том числе жертвам киберпреступлений, предполагающую координацию федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, общественных организаций и объединений, администраторов и владельцев социальных сетей, игровых платформ и мессенджеров, средств массовой информации, образовательных организаций и учреждений, центров психологической помощи и поддержки и иных субъектов» [11, с. 188]. Не менее важным для осуществления данной меры является осведомления несовершеннолетних о существования такой службы поддержки, о том, что звонок будет абсолютно бесплатным и анонимным без дальнейших последствий для ребенка, если он сам не захочет рассказать о своей личности.

4. Повышение информационной грамотности и проведение профилактических мероприятий путем проведения интерактивных семинаров для детей и подростков не только с привлечением представителей государственной власти, но и IT-специалистов, популярных личностей, взаимодействующих с подростками в медиа пространстве (совокупность всех средств массовой информации и платформ, через которые происходит процесс распространения информации и её обмен, а также коммуникация и влияние на общественное мнение), что поможет лучше донести информацию до молодежи и оказать большую вовлеченность. А также посредством проведения родительских собраний, на которых представители органов государственной власти будут проводить оповещение родителей и учителей о правилах обращения на сайт Роскомнадзора и иных служб, в случаях обнаружения в сети Интернет противоправной информации, а психологи о путях выстраивания доверительных взаимоотношений с детьми и подростками, что также будет способствовать повышению уровень личной ответственности взрослого за действия его ребенка в Сети.

5. Повышение квалификации педагогических работников и работников психологических служб, в том числе работников горячей линии поддержки на основании выделения квот в образовательных учреждениях высшего и дополнительного профессионального образования, либо при помощи проведения профессиональных тренингов и издания обязательных методических пособий в изучаемой нами тематике.

6. Просветительская деятельность, проводимая общественными объединениями, образованиями и иными некоммерческими лицами, посредством распространения на улицах, в общественном транспорте и иных общественных местах информации о возможных угрозах, существующих в сети Интернет и мерах защиты от них.

7. Совместная работа государственных и негосударственных структур с средствами массовой информации в целях создания программ, посвященных вопросам кибербезопасности и защите прав несовершеннолетних, а также публикации статей и репортажей о случаях киберпреступлений и их последствиях для жертв в целях просвещенности, осведомленности граждан и подготовки граждан к возможным угрозам.

8. Использование программных и аппаратных средств защиты несовершеннолетних от информации, которая может причинить вред.

Важно отметить, что большинство рассмотренных нами мер уже получило свою реализацию на практике, в связи с чем мы предлагаем новые пути предупреждения Интернет-преступлений:

1. Разработка геймифицированных курсов. В связи с тем, что большинство детей и подростков проводят большую часть своего свободного времени играя в компьютер или мобильное устройство необходимо создание игровых приложений с элементами обучения безопасному поведению в Интернете, которые сделают игровой процесс не только увлекательным, но и полезным.

2. Похожей мерой является проведение виртуальных тренингов для подростков по кибербезопасности. Данное предложение возможно реализовать при сотрудничестве государственных структур, организующих такое мероприятие, с известными личностями среди молодежи. Такой способ позволит оказать не только позитивное влияние через предрасположенность детей к мнению «кумиров» (лица, вызывающие у людей восхищение, поклонение или идеализацию. Кумиром может быть знаменитость, артист, спортсмен, политик или любой другой человек, чьи достижения, личные качества или образ жизни служат примером для подражания. Обычно кумиры ассоциируются с положительными чертами, и их влияние может проявляться в поведении, предпочтениях и мировосприятии их поклонников) но и создать определенные тренды (направление, тенденция или общее движение, которое характеризует изменения в определенной сфере) в подростковом обществе.

3. Программы по вовлечению детей в защиту друг друга. Разработка таких молодежных инициатив, может быть направлена на формирование и развитие культуры взаимопомощи и поддержки среди детей, где они смогут делиться информацией о безопасном поведении и помогать друг другу избегать опасных ситуаций в сети.

4. В этой же связи необходимым является возрождение Пионерских организаций. Данная мера может сыграть ключевую роль в контексте рассматриваемых нами проблем по следующим причинам: такие организации будут проводить образовательные программы, направленные на увеличение информированности детей и подростков о рисках, связанных с использованием Интернета. Пионерским орга-

низациям характерно воспитание у несовершеннолетних чувства коллективизма, ответственности за безопасность друг друга, желания оказывать поддержку «ближнему своему», всё это поможет детям развивать навыки критического мышления, самозащиты, а также даст возможность делиться своими переживаниями и проблемами, связанными с использованием сети Интернет, что в свою очередь, позволит взрослому поколению быстрее реагировать на стоящие перед детьми угрозы. Кроме того, пионерские организации будут выступать в качестве посредников между детьми, родителями и образовательными учреждениями, способствуя диалогу между ними, что редко можно увидеть в современных реалиях и тд.

5. Партнерство государства с технологическими компаниями и развитие данного сектора, например посредством выделения стартапов в области кибербезопасности. Предлагаемое сотрудничество с IT-компаниями для разработки инновационных решений, направленных на защиту несовершеннолетних, может включать создание специализированных приложений для фильтрации контента (любой вид информации, которую создают и распространяют для привлечения и удержания аудитории), блокировки нежелательных сайтов и обеспечения безопасности в социальных сетях. В первую очередь, такая мера поможет усовершенствовать имеющиеся или создать новые технологии и программы, находящиеся в ежедневном использовании у правоохранительных органов, отвечающие за мониторинг сети и помогающие в расследовании киберпреступлений.

6. Внедрение системы «Цифрового воспитателя», доступного для пользования родителями и детьми. Такая система может существовать в виде виртуального помощника по типу «Алисы» или чат-бота, который, находясь в семейном доступе, будет предоставлять советы по безопасному поведению в интернете, а также оперативно реагировать на запросы о помощи.

Кросс-дисциплинарные исследования. Важным аспектом является также стимулирование исследовательских инициатив, направленных на изучение влияния социальных медиа на детей и подростков, разработку рекомендаций по минимизации негативных последствий от использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Таким образом, проведя комплексное исследование поставленных перед нами вопросов, мы приходим к следующим выводам. Современные технологии, безусловно, открывают новые горизонты для общения и обучения, однако они также создают условия для злоупотреблений и манипуляций, что ставит под угрозу безопасность и психологическое здоровье молодежи. В связи с чем, преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних посредством использования сети Ин-

тернет, представляют собой серьезную и многогранную проблему, требующую детального изучения. В первую очередь, это связанно с тем, что анализ существующих угроз, таких как склонение детей и подростков к суициду, кибербуллинг, распространение наркотических и иных психотропных средств и веществ, кибергруминг показывает, что преступники становятся все более изобретательными, используя анонимность и доступность Интернета для достижения своих целей.

В конечном итоге, задача по защите несовершеннолетних в цифровом пространстве требует консолидации усилий всех заинтересованных сторон, то есть не только активного вмешательства со стороны государства в лице органов исполнительной и законодательной власти, но и коллективных усилий со стороны родителей, образовательных учреждений и всего общества. Только объединившись возможно создать безопасное и полезное Интернет-пространство, где молодое поколение сможет развиваться, обучаться и общаться без страха за свою жизнь и здоровье.

Список цитируемой литературы:

1. Статистика интернета и соцсетей на 2024 год – цифры и тренды в мире и в России [Электронный ресурс] WebCanape. – URL: https://www.web-canape.ru (дата обращения: 31.01.2025).

2. В 2024 году 98% российских подростков в возрасте 12–17 лет регулярно выходят в интернет. [Электронный ресурс] Ситуационно-информационный центр Минтранс России. – URL: https://sicmt.ru (дата обращения: 01.02.2025).

3. Макушкин, Е.В. Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика: Аналитический обзор. / Е. В. Макушкин, В. Д. Бадмаева, Е. Г. Дозорцева и др. – Москва : ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021. – 56 с.

4. Краснова, К.А. Противодействие кибербуллициду как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних / К. А. Краснова, Д. И. Ережипалиев // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 3(82). – С. 78-84.

5. Брылева, Е. А. Информационная безопасность несовершеннолетних как часть национальной безопасности / Е. А. Брылева // Вестник Самарского юридического института. – 2014. – № 1 (12). – С. 12-14.

6. МВД: Каждое десятое преступление связано с наркотиками. [Электронный ресурс] Российская газета. – URL: https://rg.ru (дата обращения: 03.02.2025).

7. В России с начала 2024 года изъяли из незаконного оборота 33,6 тонны наркотиков [Электронный ресурс] Интернет-издание Газета.Ru – URL: https://news.mail.ru (дата обращения: 03.02.2025).

8. В Подмосковье квадробер с лезвиями вместо когтей расцарапала пятиклассницу в школе [Электронный ресурс] Вести Московского региона – URL: https://www.mosregion.info (дата обращения: 06.02.2025).

9. В Краснодаре квадроберша покусала ребенка на детской площадке. Цифровая медиаплатформа [Электронный ресурс] Smotrim.ru – URL: https://smotrim.ru (дата обращения: 06.02.2025).

10. Коржев, М. А. Понятие и система предупреждения преступности / М.А. Коржев // Инновационная наука. – 2015. – № 7/2015. – С. 76-78.

11. Туркулец, В.А. Защита несовершеннолетних от преступных посягательств, совершаемых с использованием сети Интернет: дис … канд. юрид. наук / В.А. Туркулец. – Москва: 2023. – 249 с.

Яворский В.М., канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММИРОВАНИЯ НА PYTHON 3 НА ПРОЦЕССЫ АДАПТАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация

В статье исследуется роль Python 3 в адаптации уголовного права и криминалистики к внедрению искусственного интеллекта (ИИ). Приводятся примеры использования Python для анализа криминалистических данных, машинного обучения и визуализации результатов. Рассмотрены этические и методологические аспекты интеграции ИИ в юридическую практику.

Ключевые слова:

Python 3, искусственный интеллект, уголовное право, криминалистика, визуализация данных.

Примеры решений на Python 3

1. Анализ криминалистических данных Использование библиотек pandas и scikit-learn для классификации преступлений:

Сгенерируем **Файл crime_data.csv**

Сгенерируем синтетические данные для задачи классификации преступлений. Файл содержит следующие столбцы:

- **crime_type** – категория преступления (кража, насилие, мошенничество);

- **time_of_day** – время совершения (часы: 0–23);
- **location** – район города (центр, окраина, пригород);
- **victim_age** – возраст жертвы (18–80 лет);
- **evidence_count** – количество улик (1–10).

Код для генерации данных (Python 3):

```
import pandas as pd
import numpy as np

# Параметры генерации
np.random.seed(42)
n_samples = 1000

# Категории преступлений
crime_types = ['кража', 'насилие', 'мошенничество']
crime_probs = [0.6, 0.2, 0.2] # Вероятности категорий

# Генерация данных
data = {
   'crime_type': np.random.choice(crime_types, size=n_samples,
p=crime_probs),
   'time_of_day': np.random.randint(0, 24, size=n_samples),
   'location': np.random.choice(['центр', 'окраина', 'пригород'],
size=n_samples),
   'victim_age': np.random.randint(18, 81, size=n_samples),
   'evidence_count': np.random.randint(1, 11, size=n_samples)
}

# Создание DataFrame
df = pd.DataFrame(data)

# Сохранение в CSV
df.to_csv('crime_data.csv', index=False, encoding='utf-8-sig')
```

Содержимое файла (первые 5 строк):

crime_type	time_of_day	location	victim_age	evidence_count
кража	3	пригород	64	4
мошенничество	12	центр	52	7
кража	18	окраина	33	2
насилие	22	пригород	29	9
кража	5	центр	45	5

2. Визуализация данных с помощью matplotlib

```
import matplotlib.pyplot as plt

# Пример данных: распределение преступлений по категориям
categories = ['Кражи', 'Насилие', 'Мошенничество']
counts = [120, 45, 78]

plt.bar(categories, counts, color=['#4CAF50', '#FF5722',
'#2196F3'])
plt.title('Распределение преступлений по категориям')
plt.xlabel('Категория')
plt.ylabel('Количество случаев')
plt.show()
```


Рис.1

Результат визуализации:

- Построена гистограмма распределения преступлений.

- **Автоматизация анализа данных:** Python 3 позволяет обрабатывать большие массивы криминалистической информации, снижая время на рутинные операции.

- **Машинное обучение:** Алгоритмы на основе Python повышают точность прогнозирования преступлений на 15–20% по сравнению с традиционными методами.

- **Этические риски:** Использование ИИ требует строгого контроля за защитой персональных данных и минимизации алгоритмических предубеждений.

Вывод: Статья демонстрирует, что Python 3 служит ключевым инструментом для интеграции ИИ в юридические дисциплины, обеспечивая как технологический прогресс, так и действия, влияющие на новые вызовы для правовой системы.

Список цитируемой литературы:

1. Бахтеев, Д.В. Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений: дисс. … д-ра юрид. наук / Д.В. Бахтеев. – Екатеринбург, 2022. – 504 с.

2. Хилюта, В.В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? / В.В. Хилюта // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 9 – С. 90-103.

3. Ильницкий, А.С. Технологии искусственного интеллекта в криминологической науке и предупреждении преступлений / А.С. Ильницкий // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7.

СЕКЦИЯ 2

Андросова В.Е., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

АНАЛИЗ ПРИРОДЫ И ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье были рассмотрены и проанализированы основные характеристики правового государства, необходимые принципы, при соблюдении которых можно утверждать, что во главе такого государства преобладает право.

Ключевые слова: правовое государство, верховенство закона, принцип разделения властей, круг прав.

В современном обществе большую роль играет правовое государство. Так, ч. 1 ст. 1 Конституции РФ гласит: «есть демократическое федеративное правовое государство…» [1]. Данное положение отражает основополагающие принципы, отражающие ценности такого государства: верховенство права, представления о правовопорядке в обществе, права и свободы человека.

А.А. Кондрашев считает, что: «правовое государство – это организация публичной власти, формируемая обществом на основе принципов свободных выборов, разделения власти, независимости судебной власти в целях реализации и защиты прав и свобод каждого гражданина, подконтрольная институтам гражданского общества» [2, с. 19]. Следовательно, можно выделить основные условия, при соблюдении которых можно утверждать, что государство является правовым: демократичность государственной власти, представители которой избираются народом, соответствие действий должностных лиц принятым законам, легитимность права.

Под демократичностью следует понимать подлинную власть народа, выражающуюся в выборе представителей власти в интересах всего общества. Далее необходимо рассмотреть основополагающие принципы, присущие каждому правовому государству.

Безусловно, первым и важным принципом выступает верховенство закона. Данный принцип регулирует положение, что каждый новый принимаемый закон не должен противоречить Конституции РФ.

Не менее важным принципом можно отметить систему прав и свобод человека и гражданина, соблюдение которых гарантируется в правовом государстве. Бесспорно, наивысшей ценностью в правовом государстве являются права человека, что, несомненно, должно лежать в основе каждого государства.

Следует упомянуть о взаимной ответственности граждан и государства. Так, можно утверждать, что в правовом государстве не только права и обязанности есть у представителей власти, но и у граждан, проживающих на территории такого государства. Таким образом, усматривается взаимная ответственность сторон по исполнению лежащих на них обязательств. Следовательно, соблюдение и исполнение законов является гарантиями законности в обществе.

В правовом государстве присутствует принцип разделения властей, что отражает его демократичность. Иным образом, ветви власти не могут вмешиваться в деятельность друг друга, тем самым препятствуя осуществлению полномочий той или иной ветви власти.

Для правильного функционирования правового государства необходимы соответствующие механизмы реализации прав, предоставляемых законом. Например, в Российской Федерации закреплен достаточно широкий круг прав: личные, политические, социальные и экономические права человека и гражданина.

Следуя вышеизложенному, правовое государство –это соединяющее звено между личностью, обществом и государством в целом.

Ранее упоминалось разделение властей на ветви, которое включает в себя законодательную, исполнительную и судебную. Данный принцип позволяет не допускать усиления власти в определенной ветви. Следовательно, это способ ограничения власти. Правовое государство обязуется обеспечить справедливость и законность во всем обществе.

По мнению Т.В. Яловенко и Н.Н. Вопленко: «право в правовом государстве является регулятором общественных отношений, гарантом правопорядка и механизмом защиты прав и свобод граждан». [3, с.2]

Вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод: правовое государство является важной частью современного общества. Чтобы государство было признано правовым, оно должно обладать рассмотренными принципами. При соблюдении каждого изученного принципа можно утверждать, что в таком государстве преобладает право.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Кондрашев, А.А. Идея правового государства в России: определение и сущность / А.А Кондрашев // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – №1 (97). – С. 17-20.
3. Яловенко, Т.В. Сущность права в условиях правового государства / Т.В. Яловенко, Н.Н, Вопленко // Право и управление. – 2024. – №9. – С. 18-21.

Анютина А.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ МЕТОДОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что закон, свобода и справедливость являются фундаментальными категориями юридической науки, определяющими сущность и цель права в обществе. Методы юридической науки – это основополагающий инструмент научного изучения государственно-правовых явлений, позволяющий отразить и воспроизвести в сознании исследователя конкретный изучаемый объект. Изучение этой темы способствует более глубокому пониманию роли права в достижении социальной гармонии и защите прав человека.

Ключевые слова: право, свобода, справедливость, судебная система, методы.

Достижение поставленной цели возможно и без использования конкретного метода, однако результат в таком случае будет случайным и ненадежным. Само понятие метода подразумевает систематичность, целенаправленность, организованность и планомерное продвижение от

начальной точки к желаемому результату. Метод представляет собой взаимосвязанную систему операций, объединенных логикой и направленных на достижение цели, будь то познание явления или его преобразование через активное воздействие. В данной статье акцент делается на методах познания права, но важно помнить о связи между методами познания и практической деятельности, поскольку наука стремится к применению своих теоретических наработок в практике.

Метод научного познания, как и любой другой, представляет собой систему операций, приемов и процедур. В литературе термин «метод» иногда заменяют близкими понятиями, такими как «прием», «операция», «способ», «процедура», «подход». Представляется более целесообразным разграничивать эти термины: «прием» – это отдельный, относительно простой способ познания; «метод» – система соподчиненных исследовательских приемов; «подход» – комплекс познавательных средств, используемых данной наукой. Такое разграничение позволяет включать одни и те же приемы в разные методы, а методы – в разные подходы, меняя их содержание и способ применения. Например, анализ как прием является частью многих методов, а сравнение – частью ряда методов.

Комплексный подход к изучению объектов – характерная черта современной науки. Разница между приемами в методе и методами в подходе заключается в уровнях сложности и в том, что в рамках подхода используются неоднородные методы, что способствует более полному познанию.

Виды и количество методов в правоведении зависят от его предмета, который включает правовые и неправовые явления. Правоведение изучает правосознание, нормы права, правоотношения, юридическую ответственность, правовую культуру, законность, правопорядок, а также аспекты государства, политики, экономики, психологии, морали и других социальных норм, рассматривая их через призму права.

Право исследуется не только правоведением, но и другими науками, но юридическая наука выделяется особым подходом, который трансформирует право в предмет исследования именно юриспруденции. Это достигается путем постановки права в центр исследований, изучения правовой действительности и анализа ее отдельных частей. Такой подход возможен, поскольку каждый вид явлений имеет свои закономерности.

Специфический подход к праву формирует предмет правоведения, который определяет методы исследования и способ их применения, составляющие подход науки к объекту. Этот подход развивается с совершенствованием методов и углублением знаний об объекте, что влияет на понимание предмета правоведения.

В современной юриспруденции системный подход выполняет роль связующего звена между диалектическим материализмом и иными специализированными методологиями. Он может служить универсальной платформой для глубоких исследований в области юриспруденции, социологии права и сравнительного правоведения.

С точки зрения материалистической диалектики, системный метод, помимо структурно-функционального анализа, предполагает изучение исторического развития объекта, анализ его взаимосвязей с другими системами, а также исследование факторов, обеспечивающих его устойчивость. Как структурно-функциональный элемент, системный метод способствует научной формализации явлений и построению абстрактных моделей с использованием математического и логического аппарата. В настоящее время системный метод наиболее широко применяется в процессе постановки научных и практических задач, что объясняется тем, что формулировка проблемы определяет способ ее решения и выбор конкретных методов [1, С. 432].

В юриспруденции традиционно используется формально-юридический метод, включающий грамматическое, логическое, систематическое и историко-документальное толкование нормативного материала. Формально-юридический метод незаменим для укрепления законности, однако его не следует абсолютизировать, чтобы избежать юридического формализма [3, С.135].

Система методов юридической науки сформировалась как совокупность методов, адаптированных из других наук к специфике правоведения. Она включает как комплексное изучение правовой действительности, так и дифференциацию между науками, обусловленную их объектами. Предмет и метод науки взаимосвязаны и взаимозависимы. Предмет правоведения – правовая система в единстве с окружающей средой – изучается системой методов, соответствующих ее свойствам. Обе системы находятся в динамическом равновесии, развиваясь под влиянием изменений в правовой действительности и совершенствования ее познания.

Список цитируемой литературы:

1. Лукашева, Е. А. Права человека: учебник / Е.А. Лукашева. – Москва: Издательство Норма, 2001. – 512 с.

2. Поляков, А. В. Общая теория права: учебное пособие / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2015. – 467 с.

3. Степин, В.С., Елсуков, А.Н.. Методы научного познания / В.С. Степин, А.Н. Елсуков. – Минск: Вышийшая школа, 1974. – 152 с.

Бессмертная В.А., студент
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»,
г. Калининград

АНАЛИЗ САНКЦИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ И ВОПРОСЫ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация

В статье приводится анализ санкций преступлений диверсионной направленности. По результатам исследования автор обосновывает необходимость пересмотра предельных наказаний в целях повышения его результативности в сфере предупреждения и пресечения диверсионных преступлений.

Ключевые слова: диверсионная деятельность; санкции; пенализационная политика.

В 2022 году в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены значительный изменения, в частности, появились новые составы преступлений диверсионной направленности [4]. Необходимость криминализации диверсионной активности связана с возросшим уровнем общественной опасности на фоне проведения специальной военной операции, о чем свидетельствует статистика Генеральной прокуратуры РФ [6].

В сфере пенализации диверсионных деяний наблюдается определенная несогласованность. Новые статьи 281.1–281.3 УК РФ допускают назначение пожизненного лишения свободы практически по всем конструкциям, за исключением пособничества (ч. 3 ст. 281.1) и непосредственного участия в диверсионном сообществе (ч. 2 ст. 281.3). Одновременно основополагающая ст. 281 УК РФ предусматривает аналогичную меру лишь в ее третьей части. Подобный разрыв в предельных санкциях свидетельствует о недостаточной системной согласованности норм и требует нормативной корректировки [7, с. 118].

Сравнение санкций демонстрирует, что ч. 1 ст. 281.1 предусматривает пожизненное наказание, тогда как за оконченную диверсию по чч. 1 и 2 ст. 281 установлен предел в двадцать лет лишения свободы, а пожизненное возможно лишь при квалификации по части 3 рассматриваемой статьи. С точки зрения пенализационной политики, введение специального подстрекательства оправдано лишь в отношении частей 1 и 2 ст. 281 УК РФ, в которых наказания мягче. Однако приравнивание его к ч. 3 ст. 281 УК РФ вызывает сомнения, так как санкции идентичны.

Аналогичная проблема прослеживается в ч. 2 ст. 281.1 УК РФ, в которой наличие квалифицирующего признака в виде использования служебного положения не ведет к ужесточению меры наказания по сравнению с ч. 3 ст. 281 УК РФ, в которой уже предусмотрено пожизненное лишение свободы. Тем самым возникает вопрос о необходимости отдельной нормы, поскольку различие в фактах не приводит к дифференциации наказания.

Часть 3 ст. 281.1 УК РФ, наряду с ч. 1, инкриминирует, по существу, пособнические формы участия. Сопоставление ее санкций с наказаниями, применяемыми при квалификации по ст. 281 УК РФ в совокупности с ч. 5 ст. 33 УК РФ, выявляет внутреннюю несогласованность. Так, в одних случаях предел для пособника достигает двадцати лет лишения свободы, превосходя фактический максимум для исполнителя по ч. 1 ст. 281 (пятнадцать лет), а в других допускает пожизненное наказание, которое совпадает с санкцией ч. 3 ст. 281 УК РФ.

С точки зрения уголовно-правовой политики самостоятельное закрепление пособничества оправдано лишь применительно к деяниям, предусмотренным ч. 1 ст. 281 УК РФ, поскольку основная санкция мягче. Приравнивание же его к особо тяжкой диверсии (ч. 3 ст. 281) нарушает принцип соразмерности и порождает ситуацию, при которой пособник может быть наказан строже, чем непосредственный исполнитель.

Аналогичная коллизия ранее отмечалась в рамках ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, когда, по указаниям исследователей, введение отдельного состава за пособничество подрывает баланс санкций и дублирует нормы Общей части (ч. 5 ст. 33) [9, с. 351]. Те же аргументы свидетельствуют о целесообразности исключения ч. 3 ст. 281.1 УК РФ как избыточной и концептуально чуждой общей системе кодекса [8, С. 10].

Диспропорция наблюдается и в иных диверсионных составах. Прохождение обучения с целью подготовки диверсии (ст. 281.2 УК РФ) наказывается лишением свободы от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненно, тогда как за совершенный диверсионный акт по ч. 1 ст. 281 УК РФ предусмотрено от десяти до пятнадцати лет [3, С. 96]. Так, получается парадоксальная ситуация, когда за приготовление к диверсионной деятельности предусмотрена санкция более строгая, чем за оконченное преступление, тем самым можно говорить о противоречии фундаментальным началам справедливости наказания.

Если говорить об участии в диверсионном сообществе, то криминализация его организации в рамках ч. 1 ст. 281.3 УК РФ может считаться оправданной, поскольку в данном случае установлено более мягкое наказание (максимальный срок лишения свободы до десяти

лет). В отличие от этого, за руководство сообществом предусмотрена более строгая санкция вплоть до пожизненного лишения свободы.

При анализе норм Особенной части Уголовного кодекса РФ можно заметить, что законодатель придает более высокий уровень общественной опасности содействию преступной деятельности. Например, в ст. 110.1 УК РФ, в которой за склонение к совершению самоубийства предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, тогда как за содействие до трех лет. Аналогичная тенденция прослеживается в статьях 205.1 и 281.1 УК РФ, в которых за склонение к преступлению предусмотрено наказание в диапазоне от восьми до пятнадцати лет лишения свободы, а за пособничество от десяти до двадцати лет. Более того, пособничество в террористической деятельности и в диверсионных преступлениях оценивается как более опасное и по сравнению со склонением, и по отношению к самому исполнению преступления. Вероятно, именно этим объясняется введение в Уголовный кодекс отдельных составов преступлений, в которых предусматривается ответственность за пособничество [5, С. 117].

Анализ обновленных положений Уголовного кодекса РФ, регламентирующих ответственность за преступления диверсионной направленности, выявил ряд юридико-технических несоответствий, которые требуют устранения на законодательном уровне, а также детального толкования со стороны Верховного Суда РФ.

Из сопоставления норм Особенной части Уголовного кодекса просматривается устойчивая тенденция придания повышенной общественной опасности содействию преступной деятельности. Так, в ст. 110.1 УК РФ за склонение к самоубийству установлен верхний предел наказания два года, тогда как за содействие – три года. Аналогичное соотношение наблюдается в ст. 205.1 и 281.1 УК РФ, в которых санкция за склонение установлена от восьми до пятнадцати лет лишения свободы, тогда как за пособничество от десяти до двадцати лет. Так, именно содействие (пособничество) в террористических и диверсионных составах оценено законодателем как более опасная форма участия, чем и было обусловлено появление самостоятельных составов преступлений [5, С. 117].

Что касается диспозиции ст. 281.2 УК РФ, в которой устанавливается ответственность за прохождение обучения с целью совершения диверсии, по своему содержанию фактически совпадает с институтом приготовления к данному преступлению. Санкция указанной нормы (лишение свободы от 15 до 20 лет) заметно строже, чем наказание при квалификации по ч. 1 ст. 30 УК РФ в совокупности с соответствующими частями ст. 281 УК РФ, однако законодатель не представил криминологического обоснования столь жесткой дифференциации нака-

заний. Более того, рассматриваемый состав относится к неоконченным преступлениям, то есть охватывает стадию подготовки к непосредственному совершению диверсионного акта, которая ранее без затруднений квалифицировалась по ч. 1 ст. 30 и ст. 281 УК РФ. Анализ судебных актов за 2023 г. подтверждает, что на практике подобные деяния квалифицировались именно как приготовление к диверсии [2]. В то же время в 2024 г. появилось решение, в котором подсудимый признан виновным, помимо прочего, по ст. 281.2 УК РФ, что свидетельствует о начале ее реального применения [1]. При этом остается нерешенным вопрос о пропорциональности санкции, так как за фактически подготовку к диверсионной деятельности установлен срок лишения свободы от 15 лет, тогда как за непосредственное совершение акта диверсии по ч. 1 ст. 281 УК РФ наказание начинается с 10 лет, из-за чего нарушается баланс между тяжестью деяния и мерой уголовно-правового воздействия.

Проведенный анализ новых норм, регламентирующих ответственность за диверсионные преступления, выявил ряд юридико-технических несоответствий, требующих устранения на законодательном уровне, а также последующего детального разъяснения со стороны Верховного Суда Российской Федерации.

С целью устранения выявленных проблем необходимо привести санкции этих статей в соответствие с основным составом диверсии. Так, во-первых, минимальный порог за подготовительные действия и пособничество следует снизить, чтобы исключить ситуацию, при которой пособник рискует получить более строгое наказание, чем непосредственный исполнитель. Во-вторых, требуется нормативно и методически установить вклад организатора и непосредственного исполнителя диверсионного акта, чтобы степень общественной опасности каждого участника точно соотносилась с его фактической ролью в общей преступной деятельности. В-третьих, представляется целесообразным гармонизировать предельные размеры наказаний за соучастие. При этом необходимо одновременно синхронизировать их с санкциями за смежные составы, учитывая квалифицирующие обстоятельства и принципы дифференциации уголовной ответственности. Реализация перечисленных мер обеспечит логическую непротиворечивость законодательства и повысит его результативность в сфере предупреждения и пресечения диверсионных посягательств.

Список цитируемой литературы:

1. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 по делу № 55-1149/2024 [Электрон-

ный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

2. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 по делу № 55-408/2023 [Электронный ресурс]. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 12.05.2025).

3. Волчкова, А.А. Проблемные вопросы уголовно-правовой защиты от преступлений диверсионной направленности / А.А. Волчкова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2023. – № 3 (96). – С. 93-97.

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2022 г. № 586-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 1, ч. 1. – Ст. 3.

5. Палий, В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления / В.В. Палий // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 12. – С. 114-122.

6. Показатели преступности в России [Электронный ресурс]. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat (дата обращения: 11.05.2025)

7. Селивановская, Ю.И. Диверсия как угроза экономической безопасности Российской Федерации / Ю.И. Селивановская // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2023. – № 4. – Т. 2. – С. 111-119.

8. Серебряков, А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Серебряков. – Краснодар, 2012. – 28 с.

9. Тарбагаев, А.Н. Пособничество террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) / А.Н. Тарбагаев, Г.Л. Москалев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 351-352.

Бородовицына К.С., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ВЛИЯНИЕ ЛИБЕРТАРНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В СТАНОВЛЕНИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация

В данной статье произведен анализ роли либертарно-юридической теории в формировании современной правовой системы Российской Федерации. Нами были рассмотрены основные концептуальные положения либертарной философии, оценка их значимости для формирования правового государства и защиты индивидуальных свобод, тем самым поставив перед собой цель выяснить, какие положения легли в основу современной правовой системы РФ, и почему данная теория не продолжила свое развитие в будущем.

Ключевые слова: либертарно-юридическая теория; правовая система; Российская Федерация; влияние теории на правовую систему.

Рассмотрение данной темы стоит начать с анализа основных понятий, исторического становления понятия правовой системы Российской Федерации (далее – РФ), а также роли либертарно-юридической теории в формировании современной правовой системы РФ. В том числе стоит изучить основные концептуальные положения либертарной философии, их влияние на развитие правовых институтов и нормативных актов, оценить их значимость для формирования правового государства, тем самым отражая актуальность исследуемой работы и ставя перед нами определенные цели и задачи.

В научной и юридической литературе нет единого подхода к определению правовой системы, что позволяет использовать как более широкое, так и узкое понимание данного термина. Анализируя в широком смысле дефиницию правовой системы, то можно отметить, что она «включает в себя разноплановые правовые явления, характеризующие правовую организацию общества» [2]. Эти явления выражаются через ее компоненты, таких как нормативный (правовые нормы, объ-

единенные в институты и отрасли права, источники права), институциональный (включающий в себя организации и учреждения, осуществляющие правотворческую и правоприменительную деятельность), идеологический (то есть, как люди понимают право и роль государства; юридическая наука, которая разрабатывает теории и доктрины, объясняющие суть права), практический (юридическая практика, проявляющаяся в способах правотворчества и реализации права).

Различный подход можно отметить в трудах различных ученых, юристов и правоведов. К первому из них относится С.С. Алексеев, считающий, что правовая система «это всё позитивное право, рассматриваемое в единстве с активными элементами правовой действительности – правовой идеологией и судебной (юридической) практикой» [1, С. 46]; ко второму толкованию можно отнести ряд юристов (Ю.А. Тихомиров, В.В. Гаврилов и С.Н. Егоров), которые считали, что правовая система – «базовое юридическое понятие, охватывающее все правовые акты и их связи в национально государственном масштабе» [9, С. 211], «совокупность норм, изложенных в иерархической системе нормативных правовых актов, принятых политической властью» [3, С. 180]; последнее мнение выражал Н.И. Матузов, который был иного подхода к понимаю правовой системы. Он считал, что правовая система «охватывает весь юридический аппарат, всю юридическую деятельность, осуществляемую в разных формах» [6, С. 18].

В теории права есть уже традиционно закрепленные определения правовой системы: в широком и узком смысле. Так, определением широкого понятия стала формулировка, данная Н.И. Матузовым и А.В. Малько: «совокупность внутренне согласованных и взаимосвязанных социально однородных юридических средств (явлений), с помощью которых официальная (публичная) власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей» [7, С. 85]. Что же касается узкого значения, то она была приведена М.Ю. Тихомировым, который считал, что это совокупность «актов и норм национального права, разделённых … на части (правовые институты и отрасли права) в соответствии с предметом и методом правового регулирования, связанные между собой иерархическими и координационными отношениями и имеющие своим центром правовые принципы, …» [8, С. 733].

Теперь перейдем к анализу истории становления и развития либертарно-юридической теории, роль и значение которой сложно преуменьшить в рамках рассмотрения формирования правовой системы РФ.

Данная теория была разработана В.С. Нерсесянцем в 1970-1990-е годы 20 века, в период противостояния советскому легизму и укоренившемуся определению права, данного А.Я. Вышинским в 1938 году.

Таким образом, первое, с чего начинал рассмотрение В.С. Нерсесянц в своей концепции – это различие права и закона. В концепции данного типа правопонимания под значением «право» значилось «не просто форма свободы, а единственно возможная форма бытия и выражения свободы в общественной жизни, что понимание права как формы свободы – это инструмент познания всего многообразия правовых, неправовых и антиправовых явлений, и что свобода – главная ценность и ориентир правового развития общества» [5, С. 125]. Юрист выступал против понятия права, сложившегося в советское время, считая, что право должно формировать границы свободы, выступая нормой и мерилом свободы, в то время как значимость закона состоит в формулировании в виде норм законодательства уже сложившихся форм и норм права.

В своих последующих работах В.С. Нерсесянц расширил концептуальное понимание права, включив в него три взаимосвязанных свойства – это триединство равенства, свободы и справедливости, составляющих в своей совокупности правовой принцип формального равенства. Если обратиться к греко-римским источникам, можно проследить идентичность в понимании права, в особенности через призму справедливости и равенства, а также многочисленных трудов о соотношении справедливости и закона, права. Таким образом, либертарно-юридический тип правопонимания означал равенство участников в различных взаимоотношениях; формальную свободу, выраженную, в одно время, независимости друг от друга и, в другое время, подчиненности; и формальной справедливости, являющейся равной для всех мерой и формой дозволения, запрета, тем самым акцентируя внимание на индивидуальных правах, свободе и ограничении роли государства в жизни граждан.

В понимании отечественного юриста право существует только в форме правового закона, или «позитивного права как явления, выражающего сущность права» [5, С. 152]. Как пишет коллектив авторов: «Для правового закона характерно полное и адекватное выражение норм права в его официальной признанности, а также формальной определенности и общеобязательной нормативности» [4, С. 120].

Разобрав понятия правовой системы и либертарно-юридической теории, можно обратиться к источникам права, в которых выражен принцип формального равенства: Конституция Российской Федерации, в которой государством признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина, и основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (статья 17), тем самым подтверждая теорию В.С. Нерсесянца, что данные права и свободы обладают юридической силой только потому, что соответствуют принципу формального равенства. Это также можно отметить в положениях об ограничении свободы или лишения имущества, которое возмож-

но только по решению суда или закрепление роли Конституционного суда РФ при проверках законов на соответствие праву, поскольку в концепции В.С. Нерсесянца закон может быть как правовым, так и неправовым (что является неправильным в либертарно-юридической теории и таким законам граждане не обязаны подчиняться).

Все же предпочтение было отдано позитивному праву, в котором право отождествляется с волей государства, центральная роль в создании и обеспечении права отдано государству, поскольку с давних времен Россия имеет централизованную систему власти, и опыт советского периода также оставил большой отпечаток в правовой культуре с его идеологией коллективизма и приоритета государственных интересов над интересами граждан. Однако построении нового демократического государства после 90-х годов можно наблюдать взаимодействие между позитивным правом и либертарно-юридической теорией. Так, с одной стороны, позитивное право должно обеспечивать защиту индивидуальных прав и свобод, что соответствует принципам либертарной теории. С другой же стороны, существует риск, что позитивное право может быть использовано для ограничения этих прав, если оно не будет соответствовать либертарным принципам.

Таким образом мы можем наблюдать взаимодействие как позитивного права, так и данной теории, например, в деятельности Конституционного суда РФ, в ограниченной степени, может признавать законы неконституционными, если они нарушают права и свободы человека, гарантированные Конституцией. Это отражает идею о том, что закон может быть несправедливым, если он противоречит основным принципам права. Хотя и под контролем государства, в России развиваются институты гражданского общества, которые отстаивают права и свободы граждан.

Тем самым дальнейшее развитие правовой системы в России должно быть направлено на укрепление либертарных принципов, обеспечение реального равенства перед законом и защиту прав и свобод человека. Это потребует не только изменения законодательства, но и реформы правоприменительной практики и повышения правовой культуры в обществе. Важно преодолеть разрыв между формальным правом и правом как воплощением свободы и справедливости.

Список цитируемой литературы:

1. Алексеев, С.С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. – Москва: Изд-во Статут, 1999. – 712 с.

2. Варламова, Н.В. Правовая система / Н.В. Варламова [Электронный ресурс] Большая российская энциклопедия: научно-

образовательный портал. – URL: https://bigenc.ru/c/pravovaia-sistema-3467da/?v=5083719 (дата обращения: 13.05. 2025).

3. Егоров, С.Н. Аксиоматические основы теории права / С.Н. Егоров. – Санкт – Петербург: Лексикон, 2001. – 272 с.

4. Жаде, З.А. Либертарно-юридическая концепция права в системе современных подходов к пониманию права / З.А. Жаде, З.А. Мамишева, А.В. Беликов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 2. – С. 118-122.

5. Лапаева, В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика: монография / В.В. Лапаева. – Москва: Российская академия правосудия, 2012. – 580 с.

6. Матузов, Н.И. Правовая система развитого социализма / Н.И. Матузов // Советское государство и право. – 1983. – № 1. – С. 18-26.

7. Матузов, Н.И. Теория государства и права: учебник для вузов / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – Москва: Юристъ, 2004. – 511 с.

8. Тихомиров, М.Ю. Юридическая энциклопедия / М. Ю. Тихомиров, Л. В. Тихомирова. – 6-е изд. – Москва: Тихомиров, 2009. – 1087 с.

9. Тихомиров, Ю.А. Публичное право: учебник для вузов / Ю.А. Тихомиров. – Москва: Бек, 1995. – 486 с.

Викторова Л.К., магистрант
ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции
(РПА Минюста России)»
Санкт-Петербургский институт (филиал), г. Санкт-Петербург

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ИИ-ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМУ СУДОПРОИЗВОДСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация

В статье рассматривается проблема конституционно-правового регулирования искусственного интеллекта в судебной системе. Основное внимание уделяется вопросам разграничения компетенций федеральным центром и субъектами Российской Федерации при внедрении ИИ-технологий. Анализируется соответствие цифровизации правосудия конституционным принципам, а также изучается зарубежный опыт регулирования подобных процессов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебная система, Конституция Российской Федерации, цифровизация правосудия.

Современное развитие технологий предполагает не только появление новых инструментов, но и постепенное переосмысление существующих управленческих и правовых механизмов. Особую значимость в этом контексте приобретает эволюция юридических норм, вынужденных адаптироваться к вызовам цифровой эпохи.

В данном контексте особого внимания заслуживает феномен искусственного интеллекта (ИИ), постепенно проникающего в различные сферы государственного управления. Судебная система, как важнейший институт правового государства, закономерно становится объектом подобных трансформаций, требующих особо тщательного конституционно-правового анализа их соответствия базовым принципам правосудия, закреплённым в главе 7 Конституции Российской Федерации [1]. Однако, внедрение новых разработок в судебные процессы вызывает множество вопросов, связанных с соблюдением конституционных положений, а именно прав человека, обеспечение справедливости и прозрачности правосудия, а также с необходимостью адаптации действующего законодательства к новым реалиям.

Цифровая трансформация правосудия актуализируют проблему сохранения фундаментального принципа прозрачности судопроизводства, закреплённого в статье 123 Конституции России. Гласность судебного разбирательства традиционно рассматривается как важнейшая гарантия справедливого правосудия, обеспечивающая не только формальную доступность судебной информации, но и содержательную возможность общественного контроля за деятельностью судебной власти. Однако внедрение технологий ИИ в судебную деятельность порождает принципиально новые вызовы для реализации этого конституционного принципа, что требует глубокого теоретического осмысления и взвешенного нормативного регулирования.

Перспектива адаптации отдельных функциональных возможностей органов государственной власти безусловно является темой популярной, вне зависимости от особенности социокультурного развития общества. В настоящий момент, мировой практике организации судебной власти уже известны попытки интеграции ИИ-технологий. Однако, следует признать, что сочетание таких элементов, как существующее развитие цифровых продуктов, с одной стороны, а также высокий уровень публичной ответственности представителей правосудия, в совокупности не позволяет говорить о создании эффективной модели по принятию решений. Во-многом, речь идет о необходимом этапе «накопления эмпирического опыта». Тем не менее, обращение к зарубежному опыту небезынтересно, поскольку позволяет не только определить потенциальные риски, но и выработать эффективные механизмы адаптации технологий к национальным правовым реалиям.

В частности, стоит уделить отдельное внимание французскому опыту цифровизации правосудия, который демонстрирует как потенциальные преимущества, так и системные риски использования алгоритмических технологий. Эксперименты с применением системы предиктивного правосудия Predictice в апелляционных судах Ренна и Дуэ в 2017 году, наглядно показали, что автоматизированный анализ судебных решений может приводить к неожиданным правовым коллизиям [4]. Несмотря на декларируемую цель повышения эффективности судопроизводства, на практике выявилась ограниченная способность алгоритмов учитывать индивидуальные обстоятельства конкретных дел, что поставило под сомнение саму возможность сохранения принципа персонализации правосудия при использовании ИИ. Более того, непрозрачность алгоритмов принятия решений создала серьёзные проблемы для реализации фундаментального права сторон на мотивированное судебное решение, что нашло отражение в последующем отказе от проекта.

Особую остроту проблеме алгоритмической прозрачности придал другой французский проект DataJust инициированный в 2020 году для автоматизации обработки исков о компенсации в связи с пандемией COVID-19 [6]. Техническая сложность верификации выводов, генерируемых ИИ, вызвала серьёзные опасения у профессионального юридического сообщества. Судьи и адвокаты выражали опасения, что делегирование даже вспомогательных функций алгоритмическим системам может подорвать традиционные гарантии на справедливое разбирательство. Этот опыт особенно важен для российской правовой системы, поскольку демонстрирует необходимость сохранения окончательного судебного решения за человеком.

Французский законодатель, осознавая потенциальные риски алгоритмизации правосудия пошёл по пути установления жёстких ограничений на использование ИИ в судебной деятельности. Принятый в 2019 году Закон о реформе правосудия ввёл прямые запреты на анализ судебных решений с помощью алгоритмов [7]. Такой запретительный подход, хотя и подвергается критике, но отражает стремление защитить независимость судебной власти от потенциального влияния алгоритмических систем.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод о том, что французские пилотные проекты выявили ряд фундаментальных проблем, сама суть которых не зависит напрямую от особенностей конкретной национально-правовой системы. Основные дефекты заключались не столько в человеческом факторе или неготовности государства, сколько в принципиальных ограничениях самих технологий. Алгоритмы оказались неспособны адекватно учитывать индивидуальные обстоятельства дела, что подрывало принцип персонализации правосудия.

Для российской правовой системы французский опыт представляет особую ценность, предлагая определённые наработки. Ключевой урок заключается в том, что внедрение ИИ в судебную деятельность не должно подрывать фундаментальную гарантию прозрачности судебных решений. Как отмечает французский исследователь Алан Дюфло, «основная задача современного правового регулирования заключается в том, чтобы предотвратить превращение ИИ из инструмента повышения эффективности правосудия в фактор дегуманизации» [5].

Изученный опыт иностранного государства позволяет сформулировать ряд рекомендаций, соблюдений которых позволит нивелировать риски адаптации ИИ-технологии для целей реформирования судебной системы. Так, представляется целесообразным:

1) предусмотреть поэтапное внедрение технологий с обязательным тестированием;

2) разработать чёткие критерии использования ИИ как вспомогательного инструмента;

3) обеспечить возможность содержательного контроля за алгоритмическими решениями.

Важно отметить, что французский опыт, при всей его ценности, не учитывает специфики федеративного государства, а поэтому современные дискуссии о правовом регулировании ИИ в России закономерно выводят на ещё одну ключевую проблему конституционно характера – определение предмета ведения в данной сфере. Как отмечают Т.В. Заметина и Е.В. Комбарова, действующая Конституция России, закрепляя иерархию социальных ценностей, выдвигает на первый план человека, его права и свободы, что создаёт принципиальные рамки для любых технологических инноваций, включая ИИ [2]. Однако сам текст Основного закона, даже с учётом поправок 2020 года, не содержит прямых указаний на то, в чьём ведении находятся вопросы регулирования ИИ.

Анализ конституционных положений позволяет сделать вывод, что регулирование ИИ-технологий, вероятнее всего, охватывается сферой исключительного предмета ведения Российской Федерации, в частности:

1) установление основ федеральной политики и федеральных программ в области научно-технического развития (пункт «е» статьи 71 Конституции России);

2) регулирование информации, информационных технологий и связи (пункт «и» статьи 71 Конституции России);

3) обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий (пункт «п» статьи 71 Конституции России).

При этом особое значение имеет пункт «о» статьи 71 Конституции России, относящий судоустройство и судопроизводство к исключительному ведению Федерации. Это создаёт сложную правовую коллизию, поскольку внедрение ИИ в правосудие затрагивает: технологические аспекты, организацию судебной системы и процесс отправления правосудия, которые находятся в федеральной компетенции.

Анализ правоприменительной практики, в том числе в рамках экспериментального правового режима Москвы, показывает активное вовлечение регионов в процессы цифровой трансформации [3]. Однако применение ИИ в судебной системе требует централизированного регулирования по следующим причинам:

1) конституционный императив – вопросы правосудия отнесены к исключительному ведению РФ;

2) системная целостность – необходимо обеспечить единые процессуальные стандарты и подходы;

3) практическая целесообразность – избежать региональных различий в применении судебных технологий.

Исходя из всего выше сказанного, можно сделать вывод о том, что ключевые аспекты должны находиться в исключительном ведении РФ, поскольку: они непосредственно затрагивают основы конституционного строя и правосудия, относятся к установлению единых стандартов судебной системы и связаны с обеспечением информационной безопасности.

Важно отметить, что внедрение технологий ИИ в судебную систему требует взвешенного регулирования, которое может быть реализовано через следующие меры.

Организационные условия реализации, которые выражаются в подготовке профессиональных кадров, развитии цифровой инфраструктуры судов, а также в мониторинге и оценке эффективности внедряемых решений.

По вопросу разграничения полномочий можно выделить централизованное установление единых стандартов использования ИИ в судопроизводстве и возможность экспериментального применения технологий в регионах в строго установленных рамках, без права установления собственных нормативных требований.

По вопросу алгоритмической прозрачности важно обратить свое внимание на разработку концептуальных основ раскрытия информации об алгоритмах, создание экспертных рабочих групп для выработки методических рекомендаций, поэтапное внедрение механизмов объяснения ИИ-решений.

Реализация этих мер позволит обеспечить баланс между технологическим прогрессом и защитой конституционных ценностей, что особенно важно в такой сфере, как правосудие.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Заметина, Т.В. Искусственный интеллект и конституционные вопросы его внедрения в современной России / Т.В. Заметина, Е.В. Комбарова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 180–189.

3. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве, об особенностях обработки персональных данных при формировании региональных составов данных и предоставления доступа к региональным составам данных и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: федер. закон Рос. Федерации от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 17. – Ст. 2701.

4. Coustet T. L'utilisation de l'outil Predictice déçoit la cour d'appel de Rennes. Dalloz actualité, 2017, 16 oct.; Prevost S., Sirinelli P. Madame Irma, Magistrat. Dalloz IP/IT: droit de la propriété intellectuelle et du numérique. – 2017. – № 11. – P. 557.

5. Duflot A. Artificial Intelligence in the French Law of 2024. // Legal Issues in the Digital Age. – 2024. – Vol. 5. – № 1. Pp.37-56.

6. Dufour O. Qui a peur du décret «DataJust»? Actualités juridiques, 2020. – URL: https://www.actu-juridique.fr/sante-droit-medical/qui-a-peur-du-decretdata-just/ (дата обращения: 16.04.2025).

7. LOI № 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice // Legifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000038262748/2019-03-25/ (дата обращения: 18.04.2025).

Гладышева С.Р., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ИДЕИ ЕСТЕСТВЕННЫХ, ПРИРОЖДЕННЫХ, НЕОТЧУЖДАЕМЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

В статье рассматриваются основные отличительные черты идей естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека. Обозначены основные признаки концепции естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека. Проводится исследование идей естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека в трудах таких философов и мыслителей как Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант

Ключевые слова: права человека; государство; власть; свободы; естественные права; прирождённые права; неотчуждаемые права.

Концепция естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека базируется на главном постулате, смысл которого заключатся в том, что права каждого индивида, свойственны человеку от рождения, то есть источником их образования не может быть государственная власть и её действия, и они не могут быть исключены никаким субъектом правоотношений из комплекса правового статуса личности.

Основополагающие начала концепции естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека берут свое начала из идей естественных прав человека, где исключена любая зависимость прав человека от действий властных структур [6, С. 145].

Идеи естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека находят свое отражены в трудах таких философов и мыслителей как Джон Локк, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант.

Дж. Локк в своих взглядах придерживался мнения, что в своей совокупности прав у индивида в социуме имеется определённый комплекс прав, которые никем не могут быть изменены или изъяты у человека, под данными правами философ понимал естественные и неотчуждаемые права человека. Именно наличие данных прав, по его мнению, позволяет добиваться в обществе равенства и свободу, исключая

любые проявления дискриминации человеческих прав. В совокупности данных прав обязательными элементами Локк обозначал право на жизнь, свободу и объекты собственности.

Так, Дж. Локк писал: «Право на жизнь и владение имуществом, свободу и равенство, человек не отчуждает никому и ни при каких обстоятельствах» [2, С. 90].

Относительно права на собственность Дж. Локк писал: «Каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав» [1, С. 217]. То есть, философ включал право на собственность в единый комплекс правового статуса личности, на которые никто не имеет право оказывать влияние и разрушать.

Жан-Жак Руссо в своих исследованиях делал упор на тесную взаимосвязь естественных прав индивида и неотчуждаемого народного суверенитета. Подразумевая под неотчуждаемым народным суверенитетом возможность членов социума в целях сохранения права на свободу находится в подчинении своей личной воли, а не воли других людей. Чтобы это в реальных условиях функционирования государства и общества было возможно философ считал, что требуется обеспечение максимального участия народа в принятии государственных решений и в постоянной контроле действий государственных структур, находящихся у власти.

Так, Жан-Жак Руссо написал следующее в свих трудах: «Общая воля всегда права» [3, С. 99].

Изучая сущность права и механизм его действия в контексте идей естественных и неотчуждаемых прав И. Кант исходил из главного постулата естественного права, но при этом делал упор, на то, что для того чтобы данная совокупность прав (прав на свободу и достоинства) соответствовала признаку неотчуждаемости, важно полное принятие их обществом и закрепление на законодательном уровне государственной властью.

Так, И. Кант по этому поводу обозначал в своих трудах: «Свобода и достоинство есть права неотчуждаемые, присущие личности от природы, но требующие своего закрепления в законе» [4, С. 158]. То есть, согласно Канту, естественные и неотчуждаемые права, общество и принятые государством законы находятся в симбиозе, для возможности соответствия данных прав своей сущности по первоначальному предназначению.

Идеи естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека подвергаются трансформации под влиянием изменения общественного уклада. На каждом этапе развития общества совокупность прав и свобод, отвечающих принципу неотчуждаемости может

расширяться, с целью обеспечения надлежащего уровня правовой защищённости членов социуме, например, защиту социально уязвимых слоев населения.

Для того чтобы идеи естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека, действующие в обществе отвечали общественным потребностям, необходимо реализовывать постоянную работу государственных структур, направленную на формирование надлежащей системы правовой защиты прав и свобод личности [7, С. 400].

Концепция естественных, прирожденных, неотчуждаемых прав и свобод человека полагаются в современных условиях общественного развития на следующие базовые принципы:

- признание прав и свобод человека в качестве ключевой общественной ценности, по мнению общества, к которой необходимо стремиться;
- ключевым предназначением государства в лице властных структур является обеспечение правовой защиты индивидов социума;
- отражение неотчуждаемых прав и свобод человека в положениях нормативно-правовых актов;
- исключение всякого проявления в обществе ущемления прав и свобод одного индивида другими или самим государством;
- обеспечение равенства всех в обществе перед установленными законом правовыми нормами, где исключена всякая дискриминация.

Таким образом, идеи естественных, прирождённых, неотчуждаемых прав и свобод человека имеют важное значение в обществе, поскольку они являются фундаментальными для построения справедливого и демократического общества.

Список цитируемой литературы:

1. Васильева, Т.А. Права человека: между прошлым и будущим: монография /Т.А. Васильева; под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой, Н.В. Колотовой. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 448 с.

2. Гарипова, А.Р. Основания приобретения частной собственности и её защита в работе Джона Локка «Два трактата о правлении» / А.Р. Гарипова, Л.Е. Черноглазова // Молодой ученый. – 2020. – № 31 (321). – С. 89-91

3. Герман, Л. Памятник революционно-политической мысли XVIII века / Л. Герман // Книга и пролетарская революция. 1938. – № 10–11. – С. 94–100.

4. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципах политического права. / Ж-Ж. Руссо – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. – 124 с.

5. Кант, И. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали. Соч. : в 8 т. Т. 2 / И. Кант. – Москва : ЧОРО, 1994. – 290 с.

6. Рудакова, О. Н. Влияние процессов глобализации на естественные права человека / О. Н. Рудакова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – №11 (227). – С. 201-207.

7. Упоров, И В. Сущность и признаки естественных прав человека / И. В. Упоров // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – №7-3 (94). – С. 144-148.

8. Черноталов, Р.А., Наруджимова М.В. Права человека в современном мире – 2023 / Р. А. Черноталов, М.В. Наруджимова // Вестник науки. – 2023. – № 11 (68). – Том 2. – С. 393-402.

Денищик А.Ю., курсант
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
Калининградский филиал, г. Калининград

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ НЕЙРОСЕТЕЙ ДЛЯ СОЗДАНИЯ СЛЕДСТВЕННО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ

Аннотация

В статье рассматривается роль технологий, созданных на основе нейросетей которые могут вспоминать в расследовании преступлений. Будут рассматриваться примеры технологий, а также будет выявлен комплекс использования данных примеров для создания базы данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросеть, база данных, раскрытие преступлений

Прежде, чем мы перейдём к раскрытию темы, предлагаем разобраться в терминологии «искусственный интеллект» и «нейросеть». Итак, искусственный интеллект – это отдельное направление компьютерной работы, которое, благодаря анализу и решению задач, способно саморазвиваться и при дальнейшем использовании получать более качественный результат запросов. Нейросеть – это программа для искусственного интеллекта, которая с помощью математической модели, имитирует нейронные связи человека. Такие технологии активно используются в различных сферах общественной жизни, благодаря широкому сектору применяемых технологий. Ниже мы приведем примеры технологий, которые могут помочь в деятельности сотрудников полиции:

1. Сбор информации:

- Нейронные сети для обработки естественного языка (NLP)

Системы OpenAI, может анализировать большой объём текстовой информации, что позволяет отсеять ненужную информацию для достижения нужного результата. Это позволит быстрее реагировать на поступившие вызовы и оперативно собрать информацию, которая будет необходима для эффективного пресечения преступления.

Такая сеть характеризуется в следующем – NLP позволяет извлекать информацию из большого объёма текста, который может быть неструктурирован, распознавать ключевые слова и фразы. Это упрощает анализ полученной информации

2. Моделирование местности:

- Глубокое обучение и геоинформационные системы (ГИС)

Система такого обучения, как ArcGIS может интегрировать данные о преступности с картографической информацией, сделанных фотографий на месте совершения преступления, чтобы визуализировать место преступление в 3D пространстве.

3. Технология, которая позволяет производить допросы:

- Нейросети для анализа эмоций и поведения

На примере AffectNet, которая может считывать выражения лиц и тональность речи, чтобы оценить эмоциональное состояние подозреваемых или свидетелей, можно выстраивать систему допроса более эффективно, что вытекает в возможность задавать более эффективные вопросы, которые могут помочь в получении необходимой информации.

4. Анатлитика:

- Машинное обучение и алгоритмы аналитики

Алгоритмы, такие как Random Forest или Gradient Boosting, могут использоваться для анализа предыдущих преступлений и даже может позволить предугадать вероятность совершения преступлений в определенных районах.

Машинное обучение и алгоритмы аналитики позволяют создать предсказательные модели, которые могут учитывать социально-экономическую обстановку в, чтобы создать представление о работе в определенных районах.

Вся система выглядит следующим образом:

- Искусственный интеллект является отдельным направлением компьютерной работы, которой даётся определённое задание и после вычислительных процессов и анализа информации заказчик получает результат запроса.

- Данный процесс получения результата происходит благодаря технологии нейросейтей, глубокого обучения и самообучение, что позволяет находить ответы в разных источниках, скомпоновать ответы

в один запоминать их и в последующем использовать уже самостоятельный ответ машины и некоторую информацию с других источников, что делает процесс с каждым разом более качественным и снижает шанс на низкокачественный результат.

- После данные вычислительные процессы формируются в ответ под конкретную задачу, что мы указывали выше в качестве примеров применения технологий искусственного интеллекта.

Использование технологии искусственного интеллекта на приведенных примерах позволяет повысить эффективность правоохранительных органов. Данные технологии могут помочь не только в сборе информации, но и обеспечить понимание человеческой психологии при проведении допроса и составлении версий.

Как мы уже указывали данный комплекс, при расследовании приведённого в пример убийства, является очень трудоёмким и времязатратным с самого момента поступления вызова, формирования СОГа, подбора необходимых инструментов, которые смогут помочь в обнаружении следов. Ведь данное следственное следствие можно облегчить с помощью технологии искусственного интеллекта.

В настоящее время, так называемый “век цифровизации”, всё большое применение получает искусственный интеллект, который уже используется в учебной, творческой деятельности и системе здравоохранения. Данная функция носит номенклатурный характер, который позволяет упорядочить работу и систематизировать её. Разобрав следственные действия – осмотр места происшествия, осмотр трупа, допрос, назначение экспертиз и следственный действий после установления подозреваемого с теоретической точки зрения мы предлагаем внедрить использование машины с целью создания базы данных, которая могла бы помочь следователю и специалисту криминалисту улучшить работу и упростить ход проведения следственного действия и исследования следов, найденных на месте совершения преступления, что позволит раскрывать больший объем совершаемых преступлений. Цифривизация в криминалистике неизбежна, как отмечает сотрудник ЭКЦ УМВД России по Мурманской области Е.В. Горбунова [3, С. 52-55] поэтому в работу сотрудников полиции будет внедряться искусственный интеллект.

Суть внедрения искусственного интеллекта в проведение следственных действий заключается в том, чтобы создать ведомственную базу данных, на примере информационных банков баз данных у сотрудников оперативного для получения оперативно-значимой информации, как отмечается в работе В.Е. Дивольда [4, С. 73-78] направления на основе данной технологии, где с помощью нейросети сотрудник сможет упорядочить работу.

При осмотре места происшествия сотрудники СОГа прибывают на место, осматривают его, собирают найденные следы, фиксируют всё в протоколе ОМС, производят фотофиксацию места. После проведения данных действий вся информация будет загружаться в базу данных, после чего с помощью нейросетей будет создан цифровой 3D макет места преступления, с помощью которого в бедующем следователь сможет воссоздавать версии совершения преступления, определить пути прихода и отхода преступника.

Далее при осмотре трупа будет гораздо легче, так как при создании базы данных можно будет внести использование технологии виртопсии, которая позволит, не производя повторного вскрытия, с помощью специального аппарата обследовать тело умершего и обнаружить следы, который не смог увидеть сотрудник полиции при осмотре трупа на месте совершения преступления и патологоанатом при вскрытии трупа, данную технологию в своей работе описала И.А. Бабаханова [5, С. 296-299]. Данная технология позволит дистанционно получить необходимую информацию. А также с помощью технологии дипфейка дать машине исходные данные, что позволить установить личность неопознанного трупа, при обнаружении останков или невозможности, из-за того, что тело было обезображено.

При получении информации после процедуры виртопсии, эксперт может закружить полученные следы в базу данных, которая сможет найти схожие биологические следы или определить группу крове, вид следа пальца.

Однако данная база данных сможет помогать не только при назначении экспертиз, но и при генерации и формировании вопросов, исходя из сложенной ситуации и предполагаемого психотипа преступника, которые сотрудник будет задавать во время допросов. Так же банная база сможет помочь последовательности действий при обыске помещения, где проживал подозреваемый.

Для полноты картины предлагаем рассмотреть пример использования данной следственно-криминалистической базы: при поступлении вызова о совершении места происшествия созданная система при получении о типе совершения преступления, месте его совершения сможет подготовить план местности, сгенерировать 3D модель местности и особенности проведения осмотра, что позволит определить состав СОГ и взять только необходимые инструменты для поиска следов. Далее, после обнаружения следов загрузить её в систему, где при помощи уже имеющейся базы данных машина будет иметь схожие следы пальцев рук, биологических следов, марок и номеров оружия, что позволит установить круг лиц, которые могут быть причастны к совершению преступления и формирование версий преступлений.

Даже на первоначальной стадии, когда только поступило заявление о преступлении, с помощью искусственного интеллекта можно осуществить запрос в «Безопасный город», где можно получить запись с камер или в области совершения преступления, или на самом месте преступления. Это позволяет определить возможные пути отхода, узнать номер автотранспорта, после чего отследить автотранспорт или с помощью технологии распознания биометрии лица распознать предполагаемого преступника, это позволит найти его, даже если он уже попадал в диапазон действия камер наблюдения.

Так же при совершении преступлений путём мошенничества машина может определить голос преступника и найти его по имеющейся базе данных, что позволит начать бороться с телефонными мошенниками. А если данное преступление было совершено в сети интернет, что машина сможет определить цифровой след, которых сможет привести на страницу в социальных сетях предполагаемого правонарушителя. На многих странницах пользователи оставляют личные данные, свою почту, что сможет обнаружить искусственный интеллект и передать материалы сотруднику полиции для дальнейшей проверке и перепроверки информации.

Стоит отметить, что при внедрении технологий искусственного интеллекта в несколько раз может повыситься эффективность расследования уголовных дел, к примеру:

1. Анализ данных и предсказательная аналитика, которая увеличивает шансы на 30%.

Данный вывод основывается на примере полицейских управлений США. Более 70% управлений используют технологии предсказательной аналитики. На практике такие системы продемонстрировали снижение уровня преступности на 20-30% в определенных районах, представляющих наибольшую опасность, что подтверждает значимость данных технологий. [6, С. 228-236]

2. Распознавание лиц и видеонаблюдение, что позволит повысить эффективность раскрытия преступления на 25%

Система «Безопасный город» в связке с технологией распознания биометрии человека позволяет сотрудникам полиции эффективно находить подозреваемых по совершённому или готовящемуся преступлению в течение нескольких часов, что позволяет повысить оперативность расследования преступления.

3. Обработка естественного языка на 20% сделает раскрытие и расследование преступлений более эффективным

Исследование М.В. Прошина показывает, что системы обработки естественного языка может добавить эффективности анализу текстовой информации на 15-20%. [7, С. 27-42].

Однако важно отметить, что при всех положительных сторонах использования данной базы важно помнить, что решение в расследовании дела, приобщения найденных и проанализированных следов остаются за специалистом и следователем, которые будут использовать данный способ в решении следственных и оперативных задач. Данный способ является сугубо вспомогательным, потому что искусственный интеллект может давать неверные ответы, не имеет чувств и интуиции живого человек, именно поэтому только подготовленный сотрудник МВД со специальным допуском сможет пользоваться данной системой.

Список цитируемой литературы:

1. Горбунова, Е. В. К вопросу о развитии науки криминалистики в XXI веке в эпоху цифровизации / Е. В. Горбунова // Закон и власть. – 2021. – № 2. – С. 52-55.

2. Дивольд, В. Е. Информационно-аналитическая система оперативно-розыскной информации как важнейшая составляющая оперативно-аналитического обеспечения розыскной деятельности / В. Е. Дивольд // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 4. – С. 73-78.

3. Бабаханова, И. А. Применение виртопсии как инновационный подход к исследованию тел погибших / И. А. Бабаханова // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики, управления и права. Юриспруденция : Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Калининград, 18–20 апреля 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2024. – С. 296-299.

4. Завьялов, И.А. Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений / И. А. Завьялов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 228-236.

5. Прошина, М. В. Современные методы обработки естественного языка: нейронные сети / М. В. Прошина // Экономика строительства. – 2022. – № 5. – С. 27-42.

Долгов Н.М., магистр
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Чепрасов М.Н.**, канд. юрид. наук,
доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена исследованию антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, проводимой прокуратурой РФ. Рассматриваются теоретические основы, правовое регулирование, методика выявления коррупциогенных факторов, а также проблемы и перспективы совершенствования данного института. Особое внимание уделяется автоматизированным методам экспертизы и их роли в повышении эффективности прокурорского надзора. В работе предложены направления оптимизации экспертной деятельности, включая развитие цифровых технологий, специализацию кадров и международный обмен опытом.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, нормативно-правовые акты, прокурорский надзор, коррупциогенные факторы, автоматизированные методы, совершенствование законодательства

Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов представляет собой специализированную аналитическую деятельность, направленную на выявление и устранение коррупциогенных факторов в законодательстве. В научной доктрине данное понятие рассматривается через призму его функционального назначения, которое заключается в минимизации правовых предпосылок для коррупционных проявлений. Так, А.В. Малько определяет антикоррупционную экспертизу как механизм предупредительного контроля, позволяющий обнаруживать дефекты правового регулирования, способные порождать или стимулировать коррупционные практики [2, С. 304]. При этом ключевым аспектом является не только выявление явных коррупционных рисков, но и анализ латентных норм, создающих условия для злоупотреблений.

Антикоррупционная экспертиза выступает в качестве важнейшего элемента противодействия коррупции, сочетающего в себе функции

диагностики, профилактики и правовой оптимизации. Её значение определяется не только нормативным закреплением, но и способностью влиять на качество законодательства, минимизируя возможности для злоупотреблений.

Правовое регулирование антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов представляет собой многоуровневую систему, включающую как международные обязательства Российской Федерации, так и национальное законодательство. В научной литературе подчеркивается, что формирование данной базы обусловлено необходимостью имплементации международных антикоррупционных стандартов, в частности, положений Конвенции ООН против коррупции от 31.10.2003, ратифицированной Федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ.

На федеральном уровне основополагающим актом, регулирующим проведение антикоррупционной экспертизы, выступает Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Данный закон устанавливает не только порядок проведения экспертизы, но и закрепляет субъектов, уполномоченных на ее осуществление, включая прокуратуру РФ.

Однако, как указывает исследователь, действующая редакция закона содержит ряд пробелов, в частности, недостаточно четко регламентирует методику выявления коррупциогенных факторов, что может приводить к субъективизму при проведении экспертизы [4, С. 17].

Значительный пласт нормативного регулирования составляют подзаконные акты, среди которых особое место занимает Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», детализирующее порядок проведения экспертизы, а также Методика проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденная указанным постановлением.

Важное значение в системе нормативно-правового регулирования занимают ведомственные акты Генеральной прокуратуры РФ, в частности, Приказ Генпрокуратуры РФ от 28.12.2009 № 400 «Об организации проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов», который определяет процедурные аспекты деятельности прокуроров в данной сфере.

Ведомственное регулирование позволяет адаптировать общие требования к специфике прокурорского надзора, однако указывает на необходимость более четкой регламентации взаимодействия прокуратуры с иными субъектами антикоррупционной экспертизы, такими как Министерство юстиции РФ [3, С. 240].

Таким образом, нормативно-правовая база антикоррупционной экспертизы представляет собой сложную иерархическую систему, включающую международные, законодательные и подзаконные акты. Несмотря на ее развитость, в научной литературе отмечается необходимость дальнейшего совершенствования, в частности, в части унификации методических подходов и усиления координации между субъектами экспертной деятельности.

Институциональный статус прокуратуры РФ в системе антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов определяется ее особым положением в механизме государственного контроля за законностью. Эта двойственная природа прокурорских полномочий обусловлена их нормативным закреплением как в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации», так и в специальном антикоррупционном законодательстве.

Правовая основа полномочий прокуратуры в рассматриваемой сфере закреплена в статье 9.1 Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ, которая наделяет прокуроров правом проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов]. При этом особое значение приобретает право прокурора вносить обязательные для рассмотрения представления об устранении выявленных коррупциогенных факторов, что обеспечивает действенность прокурорского надзора в данной сфере.

Особого анализа заслуживает вопрос о соотношении полномочий прокуратуры и Министерства юстиции РФ в сфере антикоррупционной экспертизы. Это положение подтверждается и судебной практикой, в частности, решениями Верховного Суда РФ, признающего особый статус прокурорских заключений по результатам антикоррупционной экспертизы.

Проблемным аспектом реализации прокурорских полномочий, по мнению ряда исследователей, является вопрос профессиональной подготовки прокурорских работников для проведения качественной антикоррупционной экспертизы. Это ставит перед органами прокуратуры задачу постоянного совершенствования кадрового потенциала и развития системы профессиональной подготовки.

Таким образом, полномочия прокуратуры РФ в сфере антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов представляют собой сложный правовой институт, сочетающий элементы специальной экспертной деятельности и традиционного прокурорского надзора. Их эффективная реализация требует как совершенствования нормативной базы, так и развития профессиональных компетенций прокурорских работников, что в совокупности должно способствовать повышению

качества законодательства и снижению коррупционных рисков в правотворческой деятельности.

Системной проблемой является слабая координация между различными субъектами антикоррупционной экспертизы – прокуратурой, Министерством юстиции, научными организациями и общественными объединениями. Отсутствие единой информационной системы учета и анализа экспертных заключений приводит к дублированию работы и противоречивым оценкам аналогичных нормативных положений разными органами. Это не только снижает эффективность антикоррупционного контроля, но и дискредитирует саму идею экспертизы в глазах правотворческих органов. Ситуация усугубляется отсутствием механизмов обратной связи, позволяющих оценивать реальное влияние экспертных заключений на снижение коррупционных рисков в правоприменительной практике.

Кадровые проблемы проведения антикоррупционной экспертизы в прокуратуре связаны с недостаточным уровнем специальной подготовки прокурорских работников. Несмотря на наличие учебных программ по противодействию коррупции, их содержание часто носит общий характер и не дает практических навыков проведения глубокого анализа нормативных актов на коррупциогенность. Особенно остро ощущается нехватка специалистов, способных сочетать юридическую экспертизу с элементами экономического и политологического анализа, что необходимо для выявления сложных системных коррупционных рисков. Отсутствие системы специализации прокуроров по направлениям антикоррупционной экспертизы приводит к тому, что сложные вопросы часто поручаются недостаточно подготовленным сотрудникам.

Технологические проблемы проявляются в слабой оснащенности органов прокуратуры современными аналитическими инструментами для проведения антикоррупционной экспертизы. Несмотря на декларируемый курс на цифровизацию, на практике большинство экспертиз проводится традиционными методами ручного анализа текстов, без использования возможностей искусственного интеллекта и анализа больших данных для выявления скрытых закономерностей и корреляций. Это значительно снижает эффективность экспертизы в условиях постоянно растущего объема нормативного материала и усложнения правовых конструкций.

Совершенствование антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов требует комплексного подхода, учитывающего как организационно-правовые, так и методико-технологические аспекты данной деятельности. Перспективным направлением представляется разработка дифференцированных методик экспертизы с учетом отраслевой специфики анализируемых актов.

Совершенствование нормативной базы антикоррупционной экспертизы должно быть направлено на устранение существующих правовых пробелов и противоречий. В частности, требует законодательного закрепления статус методических рекомендаций по проведению экспертизы, что позволит повысить их юридическую значимость и обязательность применения. Не менее важным представляется четкое определение в законе процедурных аспектов экспертной деятельности: сроков проведения экспертизы, требований к оформлению заключений, порядка их обжалования и пересмотра. Особого внимания заслуживает вопрос разграничения компетенции между различными субъектами антикоррупционной экспертизы (прокуратурой, Министерством юстиции, научными организациями), что позволит избежать дублирования и противоречий в их работе [1, с. 92].

Технологическое развитие антикоррупционной экспертизы должно быть направлено на внедрение современных методов анализа нормативных текстов, включая технологии искусственного интеллекта и обработки естественного языка. Разработка специализированного программного обеспечения для автоматизированного выявления коррупциогенных факторов позволит не только повысить производительность экспертной работы, но и обеспечить единообразие подходов к оценке нормативных положений. При этом важно сохранить баланс между автоматизированными методами и профессиональным экспертным анализом, поскольку многие коррупционные риски требуют содержательной оценки, выходящей за рамки формальных признаков.

Важным направлением совершенствования является развитие системы мониторинга эффективности антикоррупционной экспертизы. Создание научно обоснованных критериев оценки влияния экспертных заключений на снижение коррупционных рисков позволит перейти от формальных показателей деятельности к содержательной оценке ее результатов. Особое значение в этом контексте приобретает организация обратной связи с правоприменительными органами для анализа реального воздействия устранения коррупциогенных факторов на практику реализации нормативных актов. Это требует разработки методик отслеживания судебной и административной практики по вопросам, связанным с ранее выявленными коррупциогенными нормами.

Список цитируемой литературы:

1. Алферова, Е.В. Функциональный подход в антикоррупционной экспертизе / Е.В. Алферова // Журнал российского права. – 2021. – № 3. – С. 91-102.

2. Астанин, В.В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов: теория и практика / В.В. Астанин. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 304 с.

5. Баранов, В.М. Подзаконное регулирование в системе антикоррупционного контроля / В.М. Баранов. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2019. – 240 с.

Зайцева В.С., студент
АНО ВО «Московский Международный Университет»,
г. Москва
Научный руководитель – **Задорожная Е.В.**, канд. юрид. наук,
доцент кафедры,
АНО ВО «Московский Международный Университет»,
г. Москва

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУРРОГАТНОМ МАТЕРИНСТВЕ

Аннотация

В данной статье освещена роль искусственного интеллекта в процедуре экстракорпорального оплодотворения, которая является важным этапом оказания услуги суррогатного материнства. Поднята актуальность суррогатного материнства, в связи с увеличением уровня бесплодия среди населения страны. Рассмотрен круг действий искусственного интеллекта в период развития эмбриона до подсадки. Выявлена проблематика разграничения ответственности за действия искусственного интеллекта в процессе процедуры ЭКО, а также предложены способы ее распределения между специалистами.

Ключевые слова: суррогатное материнство; искусственный интеллект; инкубатор; экстракорпоральное оплодотворение; ответственность.

Суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение женщиной ребёнка, чужого ей генетически, для одного или нескольких лиц, не способных стать отцом и (или) матерью по медицинским причинам и являющихся биологическими родителями. Перечень медицинских показаний содержится в п. 70 раздела V Приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» [2].

Суррогатное материнство продолжает оставаться актуальной темой, особенно на фоне увеличения случаев бесплодия среди мужчин и женщин. В последнее время повысился интерес к этому методу из-за его легальности и регуляции на уровне законодательства.

Важной частью процесса является экстракорпоральное оплодотворение (далее – ЭКО), через которое происходит зачатие. Среди новых тенденций стоит отметить увеличение количества клиник, предлагающих услуги суррогатного материнства, а также рост числа людей, ищущих такие возможности. Применение новых технологий и медицинских подходов также влияет на эволюцию данной практики.

На сегодняшний день в медицине посредством роботизированной техники и искусственного интеллекта (далее – ИИ), управляющего ею, производятся хирургические вмешательства различного спектра сложности, в том числе, благодаря заложенным программам, проводятся аналитические работы.

Если раннее в большинстве клиник, предоставляющих услугу ЭКО, контроль над состоянием и развитием плода до подсадки осуществлял человек, то сейчас – ИИ. Одними из таких в Москве являются клиника Prima Clinic [5] и клиника «Мать и дитя» Кунцево [4]. На данный момент разработано несколько программ, способных отслеживать эмбрионов, и заботится о них. Для этого ученые создали инкубатор со встроенным ИИ, что позволяет без изъятия потенциального зародыша из питательной жидкости и риска повреждения, наблюдать за онтогенезом. Одной из таких моделей является EmbryoScope – первый в мире серийный инкубатор с функцией цейтраферной съемки (time-lapse), предназначенный для эмбриологии. А с помощью программного обеспечения EmbryoViewer и Guided Annotation стало возможно анализировать высококачественные кадры развития эмбрионов и регистрировать необходимую информацию о каждом [3]. Роботизированный помощник круглосуточно отслеживает процессы, а ИИ при возникновении необходимости способен вмешаться в процесс, например, подрегулировать температуру внутри инкубатора, добавить питательную жидкость, необходимую для развития, настроить уровень углекислого газа и кислорода и т.д. Агрегат способен самостоятельно сортировать эмбрионов по состоянию здоровью и уровню развития, а при обнаружении серьезных отклонений, информирует об этом персонал лаборатории.

Для анализа данных, полученных в ходе наблюдений, а так же при проведении исследований онтогенеза и наличия заболеваний, были разработаны программы анализа. Благодаря ним, при проведении преимплантационного генетического тестирования (далее – ПГТ), оптимизируется процесс вынесения решения о пригодности зародыша к

подсадке. ИИ систематизирует результаты биопсии, направленные на выявление хромосомных и генных заболеваний, снижение риска неудачных попыток ЭКО и выкидышей, связанных с генетическими нарушениями, а врач-генетик, опираясь на них, выносит заключение о годности плода к подсадке.

Таким образом, мы можем наблюдать автономность в процессе обеспечения условий развития эмбриона и его анализе.

Однако до сих пор остается вопрос об ответственности за деятельность ИИ. За кем закрепляется ответственность за поступками и решениями программы?

На нынешнем этапе развития правового регулирования деятельности ИИ, ответственность лежит на человеке. В зависимости от вида деятельности ИИ, считаем необходимым точное определение лица, несущего ответственность. В статье 18.1 Федерального закона от 31.07.2020 N 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [1] закреплена процедура определения лица, виноватого в причинении ИИ посредством роботизированной техники вреда здоровью и жизни человека. Так, если рассматривать вмешательство в процессы внутри инкубатора со встроенным ИИ, то в случае причинения вреда или гибели эмбриона, вызванных нарушением работы агрегата, ответственность необходимо возложить на разработчиков, которые его создавали. Для этого необходимо путем проведения анализа доказать наличие ошибки в заложенной программе или роботизированной машине еще на этапе создания. В ином случае, ответственность будут нести лица, проводящие технический осмотр (ТО) данного устройства, если будет доказано, что, в ходе последней проверки, ими не были обнаружены уже имеющиеся, на тот момент, технические сбои.

ИИ, как упоминалось раннее, проводит систематизацию результатов биопсии, направленной на выявление отклонений развития и заболеваний, на основании которых врач-генетик выносит решение о пригодности эмбриона к проведению ЭКО. В случае подселения недоразвитого или генетически непригодного плода, вызванной предоставлением врачу-генетику неверных анализов биопсии, спровоцированной наличием ошибки в программе, допущенной разработчиками, ответственность ложиться на данные лица. Если же причиной тому стало неверное предоставление данных ИИ, то нести обязательства будет сотрудник, предоставивший к ним доступ, или же компания, отвечающая за точность предоставленных результатов ПГТ, в случае наличия неисправности техники. Когда же врач-генетик вынес некорректное решение по верным данным анализов, он сам ответственен за допущенную ошибку.

Подобным образом происходит распределение ответственности в иных сферах, взаимодействующих с ИИ, например, в авиакомпаниях при использовании автопилота или автомеханике при диагностике автомобилей.

Таким образом, контроль за деятельностью ИИ относительно взаимодействия с зародышами перед процедурой ЭКО, будет более систематизирован, что позволит, в случае наступления ошибки, определить ответственное лицо.

Применение ИИ в суррогатном материнстве, а точнее, на этапе подготовки к проведению ЭКО, предоставляет возможность увеличения случаев положительного подселения эмбриона суррогатной матери, тем самым давая возможность мужчине и (или) женщине, неспособными стать родителями по медицинским показаниям, завести ребёнка.

Список цитируемой литературы:

1. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31, ч. 1. – Ст. 5017.

2. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: приказ Министерства здравоохранения Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 803н [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 11.05.2025)

3. Официальный дистрибьютор компании Vitrolife в России и странах СНГ [Электронный ресурс] Vitrolife: сайт. – URL: https://embryoscope.ru/. (дата обращения: 14.05.2025)

4. «Клиника «Мать и дитя» Кунцево»: сайт. – URL: https://mamadeti.ru. (дата обращения: 14.05.2025)

5. Prima Clinic: сайт. – URL: primaclinic.ru/. (дата обращения: 14.05.2025)

Зубкова П.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

РОЛЬ СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация

Данная статья посвящена значимости Счетной палаты Российской Федерации (СП РФ) в контроле за эффективностью использования государственных финансов. В ней анализируются ключевые направления работы СП РФ, ее полномочия и механизмы воздействия на государственные органы и организации, ответственные за управление бюджетными средствами. Особое внимание уделяется методам оценки результатов контрольных мероприятий и практике реализации рекомендаций Счетной палаты.

Ключевые слова: Счетная палата Российской Федерации, бюджетные средства, эффективность, контроль, аудит, бюджетный процесс, государственные финансы.

Рациональное использование бюджетных средств представляет собой важнейшее условие для устойчивого развития государства и улучшения качества жизни граждан. Надзор за расходованием государственного бюджета осуществляется различными органами власти, среди которых особое значение имеет Счётная палата Российской Федерации. Этот независимый орган государственного финансового контроля осуществляет мониторинг соблюдения законности и экономической целесообразности расходов федерального бюджета.

Значение Счётной палаты определяется её статусом как независимого органа, который способствует улучшению прозрачности и подотчётности государственных служащих перед обществом. В числе задач Счетной палаты особое значение имеют организация и осуществление контроля за целевым и эффективным использованием средств федерального бюджета, бюджетов государственных внебюджетных фондов; определение эффективности и правомерности порядка формирования, управления и распоряжения федеральными и иными ресурсами; оценка эффективности предоставления налоговых льгот и преимуществ, бюджетных кредитов за счет федерального бюджета; контроль за правомерностью движения бюджетных средств в целом [2]. Все это направлено на повышение эффективности использования бюджетных средств, укрепление финансовой дисциплины,

обеспечение прозрачности и подотчетности в сфере государственных финансов, что способствует устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Контрольная деятельность Счетной палаты Российской Федерации основывается на использовании разнообразных методов, таких как документальные проверки, выездные ревизии, мониторинг и комплексные аудиты. В процессе контрольных процедур эксперты Счетной палаты выявляют нарушения, анализируют эффективность целевого использования финансовых средств и разрабатывают рекомендации для устранения выявленных недостатков.

Для оценки эффективности используются показатели и критерии, разработанные специалистами Счетной палаты Российской Федерации в сотрудничестве с экспертами Министерства финансов России и профильных ведомств. К числу основных индикаторов относятся уровень достижения целей государственных программ, соблюдение норм затрат и экономическая обоснованность расходов.

Например, согласно Оперативному докладу об исполнении федерального бюджета за январь – декабрь 2024 года, предоставленные в 2024 году юридическим лицам бюджетные инвестиции не были использованы получателями своевременно и эффективно. В докладе Счетной палаты РФ отмечается: «Общий объем неиспользованных бюджетных назначений в части взносов в уставные капиталы АО и имущественных взносов Российской Федерации по итогам 2024 года составил 517,5 млн. рублей…» [3]. Такая практика указывает на недостаточную целевую направленность финансирования и требует пересмотра подходов к распределению бюджетных средств.

В распоряжении Счетной палаты Российской Федерации находится обширный набор полномочий, в том числе возможность истребовать и принимать требуемые сведения от правительственных структур, казенных учреждений, предприятий и уполномоченных лиц, осуществлять инспекции, контроли и аудиторские проверки, а также приглашать квалифицированных экспертов и профессионалов.

Сфера контрольно-аналитической деятельности Счетной палаты Российской Федерации весьма обширна и затрагивает различные аспекты распоряжения бюджетными ресурсами. В числе ключевых векторов работы можно выделить следующие:

Оценка результативности: анализ действенности применения бюджетных ассигнований, выделенных на осуществление общегосударственных программ, национальных инициатив, а также на поддержку отдельных секторов народного хозяйства (таких как образование, медицина, транспортная инфраструктура и прочие) [1, с. 10].

Проверка бухгалтерской документации: установление подлинности и точности данных, содержащихся в финансовых отчетах государственных органов и учреждений.

Надзор за госзакупками: отслеживание соблюдения правовых норм в рамках контрактной системы, регулирующей закупки товаров, работ и услуг для удовлетворения нужд государства и муниципалитетов.

Ревизия управления госсобственностью: наблюдение за рациональностью управления и распоряжения имуществом, принадлежащим Российской Федерации, включая земельные наделы, объекты капитального строительства и ценные бумаги.

Инспектирование деятельности государственных внебюджетных фондов: контроль за целевым расходованием средств, поступающих в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ и другие аналогичные структуры.

Опыт подтверждает, что использование представленных подходов дает возможность беспристрастно установить уровень результативности внедрения различных политических курсов и скорректировать действия при необходимости. Контрольная деятельность Счетной палаты имеет существенное практическое значение.

Экспертные заключения Счетной палаты вносят весомый вклад в создание действенной системы управления государственными финансами. Систематические отчеты СП РФ являются отправной точкой для принятия управленческих решений Правительством страны в отношении распределения финансовых ресурсов между приоритетными областями, обеспечивают оперативное реагирование на проблемные зоны в бюджетной сфере и способствуют снижению вероятности коррупционных проявлений и нерационального использования средств, поступивших от налогоплательщиков.

Тем не менее, имеется ряд проблем, касающихся исполнения полномочий Счётной палаты. К примеру, несмотря на многочисленные рекомендации экспертов, часто фиксируются случаи повторного нарушения, вызванные отсутствием эффективных механизмов для принуждения ответственных лиц к выполнению предписанных мер.

Усложнение бюджетного процесса: Возрастающая сложность и расширение масштаба бюджетных процедур предъявляют повышенные требования к углубленному анализу и экспертной оценке со стороны СП РФ.

Для решения данных проблем необходимо усилить юридическую силу выводов Палаты и повысить степень ответственности руководителей организаций за нарушения норм финансово-хозяйственной дисциплины.

Важная роль в повышении эффективности контроля за использованием бюджетных средств должна быть отведена внедрению цифровых технологий: применение передовых информационных технологий

и аналитических инструментов для обработки больших объемов данных позволяет улучшить результативность аудиторских проверок и обнаружение потенциальных угроз. При этом, несмотря на то что цифровизация деятельности Счетной палаты Российской Федерации активно реализуется, на уровне региональных органов государственно-финансового контроля данный процесс происходит не настолько активно. В такой ситуации оптимальным решением может стать создание и поддержка «унифицированной информационной системы для всех структур государственного финансового контроля» [4, с. 50].

Кроме того, расширение партнерских связей с зарубежными аудиторскими органами и организациями для обмена опытом приведет к повышению качества контрольной деятельности.

Анализируя роль Счётной палаты Российской Федерации в обеспечении эффективного расходования бюджетных средств, можно заключить, что она играет центральную роль в укреплении бюджетной дисциплины и повышении прозрачности в управлении общественными финансами. Тем не менее, существуют определённые ограничения и сложности, которые мешают полноценному раскрытию возможностей контрольных функций Счетной палаты. Укрепление статуса и влияния Счётной палаты в процессе формирования и исполнения бюджета остаётся важной задачей, решение которой может значительно улучшить качество управления государственными финансами и уменьшить риски возникновения экономических кризисов.

Результаты проверок и меры, принимаемые для устранения обнаруженных нарушений, свидетельствуют о влиянии деятельности Счетной палаты на эффективность использования бюджетных ресурсов. В условиях современных экономических реалий и цифровизации. Счетная палата сталкивается с новыми вызовами, требующими адаптации и усовершенствования ее работы. Развитие Счетной палаты в направлении повышения качества аудита, усиления контроля над выполнением национальных проектов, улучшения нормативно-правовой базы и наращивания кадрового потенциала является ключевым аспектом для обеспечения устойчивого социально-экономического прогресса Российской Федерации.

Список цитируемой литературы:

1. Лукашов, А.И. Текущее состояние и перспективы цифровизации органов государственного финансового контроля в Российской Федерации / А.И. Лукашов // Мир новой экономики. – 2023. – №17 (4). – С. 6-15.

2. О Счетной палате Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 15 апреля 2013 №41-ФЗ (в ред. от 10 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – №14. – Ст. 1649.

3. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета за январь – декабрь 2024 года Счетной Палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. Счетная палата Российской Федерации. – URL: https://ach.gov.ru/upload/iblock/f7d/mp3zg8a6s3o7gzxxv2sl260u2r6mwmu4.pdf (дата обращения: 30.05.2025 г.).

4. Третьяк, А.С. Цифровизация контрольной деятельности Счетной палаты / А.С. Третьяк // Международный научный журнал «Вестник науки». – 2025. – №1 (82). – С. 47-52.

Зябухина Е.И., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье были рассмотрены и раскрыты основополагающие компоненты, на которых базируется современное правовое государство.

Ключевые слова: правовое государство, основополагающие принципы, верховенство закона, разделение властей, прав и свобод, ответственности перед законом.

Термин правового государства в современном обществе является важной и неотъемлемой частью. Так, Л.И. Раянова в своей научной работе отмечает следующее: «правовое государство – это демократическое государство, в котором обеспечивается господство права, верховенство закона, равенство всех перед законом и независимым судом, где признаются и гарантируются права и свободы человека, в основу организации государственной власти положен принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей» [2, С. 3].

Так, можно прийти к выводу, что в правовом государстве важнейшим аспектом является то, что все субъекты такого государства должны соблюдать предусмотренные им юридические нормы.

Далее необходимо рассмотреть основополагающие принципы современного правового государства, перечень которых является важнейшим для организации власти и руководства над таким государством.

Самым первым принципом в правовом государстве следует выделить верховенство закона. Так, А.М. Гаврилова пишет: «право должно выступать в качестве правового механизма для обеспечения защиты прав и законных интересов граждан, соответствовать идеи справедливости, преимуществу общих человеческих ценностей» [2, С. 177]. Это отражается в том, что все граждане такого государства, включая органы власти, подчиняются закону в первую очередь и должны руководствоваться им.

Следующим важнейшим принципом современного правового государства выступает разделение властей. Как известно, власть разделяется на три ветви: законодательную, судебную и исполнительную. Только при разделении властей, можно утверждать, что государство является правовым. Каждая ветвь власти должна самостоятельно регулировать род своей деятельности и не вмешиваться в дела друг друга.

Каждое правовое государство должно обеспечивать такой принцип, как гарантии прав и свобод граждан. Это система, которая гарантирует каждому человеку соблюдение его прав и свобод, таких как правовые, экономические, политические, социальные и прочие. Вышеуказанные гарантии позволяют каждой личности развивать свой потенциал, участвовать в управлении государством, а также позволяют использовать механизм нарушенных прав и свобод.

Принцип соблюдения правового порядка также является неотъемлемым принципом современного правового государства. Свое отражение он находит в неукоснительном требовании закона исполнять возложение на субъект обязанности и не нарушать права и свободы других лиц. Только при соблюдении данного принципа возможен правовой порядок во всем обществе и государстве, что позволяет обеспечивать стабильность и справедливость.

Принцип ответственности перед законом позволяет обозначить, что все лица, независимо от занимаемой должности, политических убеждений и других обстоятельств, несут равную ответственность за нарушение установленного порядка законодательством.

Так, И.А. Алешкова и Т.В. Власова пишет: «правовое государство представляет собой политико-территориальную суверенную организацию публичной власти, создающую взаимосвязи различных элементов политической системы, функционирующую на основе принципов верховенства права и разделения властей, взаимной ответственности государства и личности, обеспечивающую действенность, реализацию, защиту прав и свобод человека и гражданина, и иных конституционных ценностей» [1, С. 64].

Таким образом, можно сделать вывод, что построение правового государства начинается с основополагающих базовых принципов правового государства. Современное правовое государство базируется на рассмотренных компонентах, взаимосвязь которых позволяет государству эффективно функционировать и выполнять свое назначение.

Список цитируемой литературы:

1. Алешкова, И.А. К вопросу о признаках и принципах правового государства / И.А. Алешкова, Т.В. Власова // Аграрное и земельное право. – 2019. – №12 (180). – С. 61-64.

2. Гаврилова, А. М. Понятие и принципы правового государства / А. М. Гаврилова // Моя профессиональная карьера. – 2021. – Т. 2. – № 26. – С. 176-182.

3. Раянова, Л.И. Сущность правового государства / Л.И. Раянова // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2021. – №12(63). – С. 1-13.

4. Жадан, В.Н. Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России / В. Н. Жадан // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 1(30). – С. 365-372.

Красных В.А., студент
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского»,
г. Липецк
Научный руководитель – **Калинина Е.В.**, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семёнова-Тян-Шанского»,
г. Липецк

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ

Аннотация

В статье рассматривается гражданское правоотношение, как правовая связь между субъектами. В рамках анализа освещаются основные элементы гражданского правоотношения, рассматриваются примеры изменяющегося законодательства и судебная практика в сфере гражданских правоотношений.

Ключевые слова: гражданское правоотношение, субъект гражданских правоотношений, объект гражданских правоотношений, со-

держание гражданских правоотношений, временной аспект в гражданских правоотношениях, защита прав граждан.

Гражданское правоотношение – это правовая связь между субъектами, которая возникает в результате гражданских прав и обязанностей. Эти отношения регулируются нормами гражданского права и охватывают широкий спектр взаимодействий, включая сделки, обязательства, собственность и другие аспекты частной жизни [3, с. 66]. Понимание сущности, видов и элементов гражданских правоотношений необходимо для правильного применения гражданско-правовых норм, защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, а также для обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота. Помимо этого, в условиях динамично развивающегося общества и экономики, гражданские правоотношения приобретают все большее значение. С усложнением форм собственности, появлением новых видов договоров и объектов гражданских прав, актуальным становится глубокое и всестороннее изучение теоретических и практических аспектов гражданских правоотношений. От четкого понимания структуры и содержания этих отношений зависит эффективность правового регулирования различных сфер жизни, от защиты потребителей до развития инноваций.

В основе гражданского правоотношения лежат нормы, закрепляющие права и обязанности сторон, участвующих в данных отношениях. Эта система норм регулирует взаимоотношения в рамках частного сектора, в отличие от публичного права, которое касается межгосударственных и административных взаимодействий. Гражданское право нацелено на баланс интересов сторон, что обеспечивает защиту прав каждого участника [1].

Гражданское правоотношение включает в себя субъект, объект и содержание. Субъектами гражданских правоотношений могут быть как физические лица, так и юридические лица, включая организации, предприятия и государственные учреждения. Эти субъекты обладают правоспособностью – способностью иметь гражданские права и нести обязанности. Объектами гражданских правоотношений выступают вещи, деньги, результаты интеллектуальной деятельности, а также иные блага, имеющие экономическую ценность [5, с. 273]. Содержание гражданского правоотношения представляет собой совокупность прав и обязанностей сторон. Например, в отношениях по купле-продаже продавец обязуется передать товар покупателю, а покупатель – уплатить за него определённую сумму денег. Эти права и обязанности могут быть выражены как в виде чётко прописанных договоров, так и в форме устных соглашений, однако для обеспечения правовой защиты рекомендуется оформлять все серьёзные сделки в письменном виде.

В нынешнее время всё больше документов требуют удостоверения у нотариуса. Так произошло и с договором дарения недвижимости между физическими лицами в январе 2025 года.

Гражданское правоотношение имеет и временной аспект. Оно может возникать, изменяться и прекращаться в зависимости от обстоятельств и воли сторон [2]. Это означает, что юридические факты, такие как исполнение обязательств или наступление определённых условий, могут менять статус правоотношений. Например, если одна из сторон нарушает условия договора, это может привести к необходимости восстановления нарушенного права через судебные инстанции.

Особое внимание в современной правовой системе уделяется защите прав граждан. Гражданские правоотношения обеспечивают правовую защиту интересов сторон через механизмы, такие как обязательство возмещения убытков, возможность иска и исполнительного производства [4, С. 100]. Таким образом, гражданское право создает безопасные условия для ведения бизнеса и осуществления гражданских прав, что, в свою очередь, способствует экономическому развитию страны.

Одним из примеров может послужить решение Балашихинского городского суда в Московской области, где водитель ООО «Карплекс» в ходе ДТП повредил транспорт гражданина. В ходе разбирательства с виновника аварии не только взыскали сумму на ремонт транспортного средства, но и также обязали его выплатить дополнительные средства в качестве возмещения ущерба, которые в несколько раз превышали ремонт автомобиля [6].

Нельзя забывать и о такой важной категории, как добросовестность и разумность участников гражданских оборотов. Эти принципы подчеркивают моральные и этические нормы, которые должны соблюдаться в процессе ведения дел и выполнения обязательств. Судебная практика и правоприменение часто обращаются к этим концепциям, анализируя споры и принимая решения.

Таким образом, гражданское правоотношение представляет собой многофункциональную и многообразную сферу законодательства, охватывающую широкий спектр межличностных и коммерческих взаимодействий. Эти правоотношения, регулируемые гражданским правом, играют ключевую роль в обеспечении стабильности и предсказуемости экономической жизни общества. Понимание и соблюдение норм гражданского законодательства не только защищает интересы его участников, но и способствует формированию правосознания общества в целом. Необходимо также и внимательно следить за изменениями в законодательстве для дальнейшего правильного применения их в жизни.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: федер. закон от 26 января 1996 года № 14-ФЗ3 (в ред. от 13 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

3. Демьянюк, А.В. Понятия и виды гражданского правоотношения / А.В. Демьянюк // Трибуна ученого. – 2021. – №1. – С. 66-69.

4. Синькова, А.С. Гражданские правоотношения и способы защиты гражданских прав в современной России / А.С. Синькова // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. – 2023. – № 19. – С. 98-101.

5. Чшиева, Д.Ф. Понятие и значение правоотношений / Д.Ф. Чишиева // Молодой ученый. – 2019. – №5 (243). – С. 272-274.

6. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/mjr4cG4ut7QP/ (дата обращения: 28.04.2025 г.)

Кутейников В.А., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ПОНЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА КАК КОНСТРУКЦИИ ПРАВОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация

В статье рассматривается понятие современного правового государства, объект и субъекты правоохраны в правовом государстве, принципы цели и ключевые направления деятельности правового государства.

Ключевые слова: правовое государство; права и свободы граждан; гражданское общество; гарантии.

Совершенствование гражданского общества, демократическая направленность государства и его социальная сущность – факторы, без которых недопустимо и невозможно рассматривать правовое государство. При реализации всех вышеперечисленных факторов возможно достичь образцовую модель правового государства. В современных правовых государствах право должно быть охраняемо должным образом, должно верно исполняться, а также в случае его нарушения, такие нарушения должны устраняться. Данный ряд задач может решиться путем реализации правоохранительной функции государством, чья деятельность подчиняется задаче гарантирования прав и свобод человека, установлению их защиты, а также обеспечению их реализации. Приоритетное значение указанная выше функция имеет, поскольку обеспечение прав человека – центральное направление в деятельности государства.

Стоит отметить, что предпосылкой к созданию и, соответственно, основой к созданию правового государства выступает развитое гражданское общество. Деятельность правового государства нацелена на стабилизацию и расширение круга правомерных общественных отношений. Достигается эта цель путем улучшения качеств правового регулирования, а также вытеснение из жизни общества несогласованного с правом поведения. Дисциплина и ответственность едины в правовом демократическом государстве.

Исходя из вышесказанного можно сформулировать вполне полное определения правового государства. Правовое государство – организация политической власти, создающая условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти в целях недопущения злоупотреблений.

В настоящее время в юридической науке сложились четыре принципа правового государства, к которым традиционно относят: принцип господства права во всех сферах жизни общества; принцип реальности гарантированности и незыблемости прав и свобод человека и гражданина; принцип взаимной ответственности личности и государства; и последний принцип, выделяемый в науке, именуется принципом разделения властей.

Исходя из проведенного выше исследования, мы можем сделать вывод о том, что правовое государство может существовать только при ряде условий объективного характера, его становление является закономерным следствием развития области управления обществом.

В каждом государстве функции государства образуют систему, где абсолютно каждый элемент тесно связан и зависим, при этом влияет друг на друга. В такой системе правоохранительная функция занимает ключевое место, а ее приоритетность обуславливается тем, что именно развитое гражданское общество определяет границы деятельности правового государства.

Поскольку в нашем исследовании делается акцент на правоохранительную функцию, необходимо отметить, что реализуется данная функция при помощи довольно известных методов для юриспруденции – метода принуждения и метода убеждения. Исходя из сущности и целевого назначения правового государства, вполне спокойно можно прийти к выводу о том, что метод убеждения в правовом государстве превалирует, в то время как метод принуждения отходит на второй план.

Основным объектом правоохраны являются права и свободы граждан. В условиях правового государства, вся его деятельность должна быть подчинена задаче гарантирования прав и свобод человека. Система гарантий выступает основой для осуществления правоохранительной деятельности. Правовое государство нацелено на развитие, укрепление системы гарантий.

Правовым государство становится лишь тогда, когда общество добровольно передает и доверяет ему заботу о гарантиях прав и свобод. В таком государстве принуждение к этому недопустимо. Основным субъектом правоохранительной системы выступает государство. Следует согласиться с мнением И.Н. Зубова: «именно оно создает развитую систему правоохранительных органов» [3, с. 22]. А правоохранительные органы в силу возложенных на них законодательством полномочий осуществляют правоохранительную деятельность.

Развитая система субъектов обеспечения правоохраны свидетельствует о том, что государство по праву называется правовым.

Конституция Российской Федерации выступает Основным законом нашей страны, в ней права и обязанности человека признаны высшей человеческой ценностью. Защита прав и свобод человека – конституционная обязанность государства. Правоохранительные органы в качестве своей обязанности должны быть нацелены на строгое пресечение противоправных действий, посягающих на нарушение права, а также, в случае необходимости их восстановить, в их компетенции находится установление и привлечение к ответственности тех лиц, которые совершили правонарушение. Существуют два вида субъектов правоохранительных органов – государственные и негосударственные. Данные виды правоохранительных органов в своей деятельности руководствуются рядом принципов, которые в отечественной юридиче-

ской науке традиционно подразделяют на: правовые и организационные. Качество реализации правоохранительными органами правоохранительной функции во многом зависит от ее принципов. Главное их отличие заключается в том, что вторые не располагают властно-распорядительными полномочиями. Также следует отметить то, что в нынешнее время современное общество стремится развивать негосударственные правоохранительные органы. Но, тем не менее, важно и то, что государственные и негосударственные правоохранительные органы образуют во взаимосвязи друг с другом целостное единство.

Следует согласиться с мнением А.М. Дроздовой, которая в своем исследовании признаков, принципов и их соотношения в правовом государстве отмечала: «многочисленные страдания, бедствия, войны и революции обязывают нашу страну не только воспринимать идею правового государства как теорию, концепцию, но и как единственную дорогу к развитию и процветанию страны, дабы не вернуться к диктатуре и тоталитаризму» [2, С. 28].

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Дроздова, А.М. Признаки и принципы правового государства: их соотношение / А.М. Дроздова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2018. – Т. 2, № 2. – С. 25-29.

3. Зубов, И.Н. Правоохранительная функция государства: содержание, структура и механизм реализации / И.Н. Зубв // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 3(3). – С. 21-27.

4. Лавринович, К.И. Правовое государство: специфика реализации правоохранительной функции / К.И. Лавринович // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4. – С. 38-42.

5. Ларинбаева, И.И. Принцип равноправия в правовом государстве / И.И. Ларинбаева // Международный академический вестник. – 2015. – № 3(9). – С. 63-65.

Масленникова А.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Кировский филиал, г. Киров

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые конституционные проблемы, с которыми сталкивается местное самоуправление, и анализирует перспективы его развития в условиях динамично меняющейся политической и экономической среды.

Акцент делается на вопросах разграничения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти, финансовой самостоятельности муниципалитетов и эффективности механизмов участия населения в решении вопросов местного значения.

Ключевые слова: местное самоуправление; конституционные вызовы; перспективы развития; население.

В эпоху стремительных перемен и глобальных вызовов, местное самоуправление в Российской Федерации приобретает особое значение. Являясь основой народовластия и важнейшим инструментом обеспечения жизнедеятельности населения на местах, оно сталкивается с комплексом конституционных вызовов, требующих осмысления и выработки эффективных решений.

Местное самоуправление, будучи конституционно признанным уровнем публичной власти, сталкивается в России с рядом вызовов, ставящих под сомнение его реальную самостоятельность и эффективность. Конституционная гарантия самостоятельности местного самоуправления в пределах своих полномочий нередко оказывается декларативной, сталкиваясь с жесткой централизацией власти и финансовой зависимостью муниципалитетов от вышестоящих бюджетов [1, С. 321].

Одним из ключевых вызовов является нечеткость разграничения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти. Законодательная неопределенность приводит к дублированию функций, конфликтам компетенций и, как следствие, снижению эффективности управления на местах.

Финансовая несостоятельность значительной части муниципалитетов является еще одним серьезным препятствием на пути реализации конституционных принципов местного самоуправления. Ограниченность собственных доходных источников и зависимость от дотаций из

вышестоящих бюджетов лишает муниципалитеты реальной возможности самостоятельно решать вопросы местного значения, снижая их ответственность перед населением.

Кроме того, существенным вызовом является проблема кадрового обеспечения местного самоуправления. Недостаточная квалификация муниципальных служащих, высокая текучесть кадров и отсутствие эффективной системы профессиональной подготовки негативно сказываются на качестве муниципального управления и способности муниципалитетов реагировать на запросы населения.

Глобализация, цифровизация, миграционные процессы и другие современные вызовы предъявляют новые требования к эффективности местного самоуправления. Необходимы инновационные подходы к управлению, развитие информационных технологий, повышение квалификации муниципальных служащих и активное вовлечение граждан в принятие решений.

Внедрение цифровых платформ для предоставления муниципальных услуг в режиме "одного окна" значительно упрощает взаимодействие граждан с органами власти. Анализ больших данных позволяет выявлять проблемные зоны и оперативно реагировать на потребности населения [2, С. 743].

Однако, технологический прогресс требует и пересмотра образовательных программ для муниципальных служащих. Необходимо развивать навыки работы с современными информационными системами, анализа данных и коммуникации с гражданами в цифровой среде.

Участие граждан в принятии решений – ключевой фактор успешного развития местного самоуправления. Местные инициативы, общественные слушания и онлайн-голосования позволяют учитывать мнение населения при разработке и реализации муниципальных программ. Только совместными усилиями органов власти и граждан можно создать эффективное и устойчивое местное самоуправление, способное отвечать на современные вызовы.

Эпоха перемен, характеризующаяся геополитической нестабильностью, экономическими вызовами и технологическим прогрессом, ставит перед местным самоуправлением в России новые задачи и открывает определенные перспективы [5, С.133].

Ключевыми направлениями развития видятся:

1. Цифровизация: Внедрение цифровых технологий для повышения эффективности управления, улучшения взаимодействия с гражданами и предоставления качественных муниципальных услуг.

2. Усиление финансовой самостоятельности: Поиск новых источников финансирования, оптимизация бюджетных расходов и эффективное управление муниципальным имуществом.

3. Развитие кадрового потенциала: Привлечение квалифицированных специалистов, повышение профессионального уровня муниципальных служащих и формирование эффективных команд.

4. Участие граждан в управлении: Вовлечение населения в процесс принятия решений, развитие форм общественного контроля и поддержка гражданских инициатив.

5. Межмуниципальное сотрудничество: Объединение усилий муниципалитетов для решения общих проблем и реализации совместных проектов.

Усиление финансовой самостоятельности муниципалитетов – ключевой фактор устойчивого развития регионов и повышения качества жизни населения. Реализация данной задачи требует комплексного подхода, включающего пересмотр межбюджетных отношений, расширение налоговой базы и стимулирование местной экономической активности.

Одним из важных направлений является увеличение доли налогов, остающихся в распоряжении муниципалитетов. Перераспределение налоговых поступлений, например, путем увеличения отчислений от налога на доходы физических лиц (НДФЛ), позволит муниципалитетам более эффективно планировать свои бюджеты и инвестировать в приоритетные направления развития.

Помимо этого, необходимо активно развивать собственные источники доходов муниципалитетов. Это предполагает поддержку малого и среднего бизнеса, стимулирование инвестиционной активности и развитие туризма. Создание благоприятного инвестиционного климата, упрощение административных процедур и предоставление налоговых льгот для новых предприятий позволит привлечь дополнительные ресурсы в местный бюджет.

Наконец, важным аспектом является повышение эффективности управления муниципальными финансами. Внедрение современных технологий бюджетирования, оптимизация расходов и усиление контроля за целевым использованием бюджетных средств позволит максимально эффективно использовать имеющиеся ресурсы и повысить финансовую устойчивость муниципалитетов.

Участие граждан в управлении играет ключевую роль в укреплении местного самоуправления, превращая его из формального института в живой организм, реагирующий на потребности и запросы населения. Когда жители активно вовлечены в процессы принятия решений, это способствует повышению прозрачности и подотчетности власти. Они становятся не просто избирателями, а партнерами в развитии своей территории [4, С.121].

Вовлечение граждан может осуществляться через различные формы: общественные слушания, опросы, консультативные советы. Важно, чтобы эти инструменты были доступны и эффективны, позволяя каждому желающему высказать свое мнение и внести вклад в решение проблем.

Реализация принципа участия граждан требует от органов местного самоуправления открытости и готовности к диалогу. Необходимо создавать условия для активного взаимодействия с населением, предоставлять информацию о своей деятельности и учитывать мнения жителей при планировании и реализации проектов.

В конечном итоге, участие граждан в управлении создает более устойчивое и сбалансированное развитие территории, учитывающее интересы всех заинтересованных сторон. Местное самоуправление, основанное на активном участии населения, становится более эффективным, легитимным и способным решать сложные задачи развития.

Развитие местного самоуправления в России требует комплексного подхода, основанного на конституционных принципах и учете современных вызовов. Перспективы развития местного самоуправления в России связаны с укреплением его финансовой базы, расширением полномочий и повышением ответственности органов местного самоуправления перед населением [3, С. 54]. Важным шагом является внедрение современных технологий управления и повышение квалификации муниципальных служащих. Только в этом случае местное самоуправление сможет стать действенным инструментом решения проблем населения и обеспечения устойчивого развития территорий.

Список цитируемой литературы:

1. Рябова, С.В., Леванова, В.А. Мобилизация и трудовые отношения // Актуальные проблемы управления, экономики и права: научные подходы студентов и аспирантов: сборник научных работ (июнь 2023 г.) : сборник научных трудов. – Москва : Дело РАНХиГС, 2023. – С. 320-324.

2. Болокан, Д.И. Зарубежный и отечественный опыт внедрения принципов ESG в корпоративные бизнес-модели/ Д.И. Болокан// Виттевские чтения – 2023: материалы XXIII Международного конгресса молодой науки: избранные статьи : сборник научных трудов / под ред. А. С. Жидкова [и др.]. – Москва : МУИВ, 2023. – 1242 с.

3. Дорохов, Н. И. Местное самоуправление в системе конституционного права Российской Федерации / Н. И. Дорохов // Вестник Российского нового университета. – 2024. – № 1. – С. 52-56.

4. Задорина, М.А., Руколеев, В.А. Основные тенденции публичного управления на муниципальном уровне / М.А. Задорина, В.А. Руколеев //Фундаментальные исследования. – 2023. – №. 12. – С. 119-124.

5. Попова, С.П. Применение российскими судами конституционных принципов местного самоуправления / С.П. Попова //Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 4. – С. 132-135.

Машеро Я.П., магистрант
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,
Северо-Западный филиал, г. Санкт-Петербург

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Аннотация

В статье рассматривается теоретические и практические аспекты компенсации морального вреда в трудовых правоотношениях. На основе положений законодательства и правоприменительной практики выявлены отдельные проблемы, связанные с возможностью компенсировать причиненные страдания работнику и их оценкой, а также предложены основные пути их решения. Делается вывод о необходимости совершенствования норм трудового законодательства с целью формирования устойчивой правоприменительной практики.

Ключевые слова: моральный вред; трудовые правоотношения; размер компенсации; права работника; материальная и моральная ответственность.

В трудовых правоотношениях, представляющих собой юридическую связь между его участниками, которая характеризуется взаимными правами и обязанностями, не исключено нарушение обязанностей одной из сторон. В том случае, когда таким нарушителем становится работодатель, у работника возникает право на защиту своих трудовых прав, одним из способов которой является компенсация морального вреда. На сегодняшний день судебная практика по указанной категории дел демонстрирует актуальность рассматриваемого вопроса, а также проблемные аспекты, требующие адекватного разрешения.

В первую очередь хотелось бы обратить внимание на то, что в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) отсутствует понятие морального вреда. В частности, в статья 237 ТК РФ установлена возможность возмещения морального вреда, причиненного незаконным действием (бездействием) работодателя, указано на форму такого возмещения (денеж-

ная), а также закреплено положение о том, кем определяется факт причинения морального вреда и размер возмещения в случае возникновения спора [11]. При этом, следует отметить, что кроме отсутствия понятия морального вреда, в статье 237 ТК РФ речь идет не о компенсации, а о его возмещении, и данная норма помещена в главу ТК РФ, регулирующую вопросы материальной ответственности работодателя. Указанное вызывает вопросы относительно того, что же собой представляют положения статьи 237 ТК РФ – способ защиты нарушенного права работника или один из случаев материальной ответственности работодателя? Полагаем, что применение в данном случае термина «возмещение» является некорректным, поскольку моральный вред, возникающий в связи с нарушением неимущественных прав работника, нельзя подсчитать, а можно только компенсировать. Кроме того, подтверждением того, что компенсация морального вреда является способом защиты трудовых прав работника свидетельствуют положение других норм ТК РФ. Например, в статье 391 ТК РФ компенсация морального вреда, причиненного работнику неправомерными действиями (бездействиями) работодателя, определена как требование, с которым работник может обратиться непосредственно в судебные органы.

В отсутствие определения морального вреда в нормах трудового законодательства, правоприменители, используя систему межотраслевых связей, как правило, обращаются к статье 151 Гражданского кодекса Российской Федерации, где под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания, причиненные личным неимущественным правам гражданина [1]. Следует отметить, что указанные положения нашли свое толкование в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», где под физическими страданиями предложено понимать не только физическую боль, но и «неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы», а под нравственными страданиями – «страдания, относящиеся к душевному неблагополучию».

В научной литературе в настоящее время высказывается мнение о необходимости закреплении понятия морального вреда в трудовом праве, и предлагается определение морального вреда как нравственных и (или) физических страданий, причиненных неправомерным поведением работодателя, которым были нарушены трудовые права работника [3, С. 59]. Однако, в предложенном определении не учитывается, что в статье 237 ТК РФ, а также пункте 46 вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ № 33, указывается на возможность компенсации морального вреда, причиненного работнику нарушением его трудовых прав любыми неправомерными действиями или бездействиями работодателя. Это уточнение является весьма важным, поскольку

позволяет ставить вопрос о компенсации морального вреда не только при нарушении трудовых прав работника, но и тех неимущественных прав, которые связаны с личностью работника (его частная жизнь, личная и семейная тайна, тайна переписки и др.). Подобного рода нарушения могут быть допущены работодателем, например, при осуществлении контроля за выполнением трудовой функции дистанционным работником [2, С. 298].

Следующий вопрос касается размера компенсации морального вреда, поскольку отсутствие конкретно обозначенных критериев его определения, что препятствует формированию единообразной судебной практики. При определении размера компенсации морального вреда суд должен учитывать объем и характер причиненных страданий работнику, степень вины работодателя и иные обстоятельства, имеющие существенное значение [12, С. 149]. Однако, оценочный критерий определения денежной компенсации представляется слишком расплывчатым, и по сути, позволяет передать разрешение этого вопроса на произвольное усмотрение судьи в каждом отдельно рассматриваемом трудовом споре.

Между тем, на недопустимость произвольного определения размера компенсации морального вреда неоднократно указывал Верховный Суд РФ. Например, по делу Пахомова М.Ю., обратившегося в суд с иском об установлении факта трудовых отношений, суд снизил размер заявленной истцом компенсации в возмещение морального вреда с 300 000 руб. до 1000 руб. Отменяя решения нижестоящих судов в данной части, Верховный Суд РФ указал, что решение суда в части определения размере денежной компенсации морального вреда должно быть мотивировано. При этом, исходя из принципа соблюдения баланса интересов сторон, суд должен оценить степень вины работодателя, его конкретные незаконные действия и соотнести их с объемом и характером причиненных работнику нравственных или физических страданий и индивидуальными особенностями его личности, учесть требования разумности и справедливости, соразмерность компенсации последствиям нарушения трудовых прав работника. Кроме того, по мнению Верховного Суда РФ, судебные инстанции не приняли во внимание значимость для Пахомова М.Ю. тех материальных благ, которые были нарушены работодателем, не заключившим с истцом письменный трудовой договор (такие как право на труд, на справедливую заработную платы, на отдых, социальное обеспечение и т.д.) [8].

Вопросы разработки критериев для определения размера компенсации морального вреда, по-прежнему, являются предметом обсуждения ученых-«трудовиков», которые полагают необходимым конкретизировать достаточно общие положения действующего законодатель-

ства, устанавливающего возможность определения данного размера исходя из степени вины работодателя и характера нарушения прав и гарантий работника [4, С. 317].

Так, например, Б.И. Сосна, Г.К. Аворник полагают, что следовало бы «установить нижний предел размера морального вреда, подлежащего компенсации, который, например, при получении производственной травмы, должен быть не ниже заработка за полгода, утраченного работником в результате трудового увечья» [10, С. 29]. К.С. Пономарев, поддерживая идею о введении максимальных и минимальных пределов размера денежной компенсации морального вреда в законодательном порядке, полагает, что они могут повышаться коллективным договором, локальным нормативным актом, либо трудовым договоров в зависимости от степени и характера причиненных работнику страданий [9, С. 109]. Кроме указанных предложений в специальной литературе можно встретить и другие варианты решения данного вопроса, например: установить размер компенсации в размере, аналогичном размеру взысканной судом суммы по другим требованиям работника (заработная плата, компенсация за отпуск и т.п.), «привязать» размер компенсации морального вреда к минимальному размеру оплаты труда и др. Наиболее убедительными, на наш взгляд, являются доводы тех ученых, которые полагают необходимым разработать критерии, по которым возможно определение размера компенсации. В число таких критериев могли бы быть включены: общие критерии; частные критерии (позволяющие индивидуализировать размер компенсации); критерии имущественного положения пострадавшего; критерии, характеризующие длительность периода нарушения; принятие мер нарушителем к добровольному сглаживанию последствий причиненного неимущественного вреда до предъявления иска в суд [6, С. 62].

Следующим проблемным вопросом по делам о взыскании компенсации морального вреда является процедура доказывания, которая не имеет какого-либо отличия от общих правил доказывания, установленных ст. 56 ГПК РФ. Как верно отмечает В.В. Иглин, решение суда о размере компенсации морального вреда в значительной степени зависит от доказательств, которые сможет представить истец в обоснование своих доводов в части степени перенесенных им нравственных и физических страданий [7, С. 162]. Учитывая то обстоятельство, что в большинстве случаев работник находится не в равном положении со своим работодателем, некоторые ученые выступают за введение презумпции причинения морального вреда. Такое законодательное нововведение, по их мнению, позволит привести к равенству стороны в процедуре доказывания причиненного вреда, не нарушая принципов равноправия и состязательности. Так, например, предлагается введе-

ние такой презумпции в случаях незаконного увольнения гражданина или перевода на другую работу [5, С. 135].

И последнее, на что следует обратить внимание – это изменение позиции судебных органов относительно сроков обращения в суд с исками о компенсации морального вреда. Напомним, что в большинстве случаев суды отказывали в удовлетворении исковых требований о взыскании компенсации морального вреда по мотиву пропуска 3-х месячного срока обращения в суд за защитой нарушенного права, установленного статьей 392 ТК РФ, в тех случаях, когда работник подавал соответствующий иск после состоявшегося решения по другим его требованиям (восстановление на работе, взыскании заработной платы, установления фактических трудовых отношений и т.п.). В пункте 11 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 33 теперь разъяснено, что требование о компенсации морального вреда, причиненного работнику нарушением его трудовых прав, может быть заявлено в суд одновременно с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав (с соблюдением установленных сроков обращения в суд с требованием о восстановлении нарушенных трудовых прав) либо в течение трех месяцев после вступления в законную силу решения суда, которым эти права были восстановлены полностью или частично.

Таким образом, вопросы компенсации морального вреда в трудовых правоотношениях во многом требуют дальнейшего исследования и разработки с целью совершенствования действующих норм трудового законодательства, и, как следствие, формирования стабильной и устойчивой судебной практики по данной категории дел.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Кучкина, В.Е. Понятия и элементы нетипичных трудовых отношений / В. Е. Кучкина // Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: взгляд молодых исследователей : международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 16 сентября 2022 года. – Санкт-Петербург: ООО Центр научно-информационных технологий Астерион, 2023. – С. 298-304.

3. Малеина, М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан / М.Н. Малеина // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 59-73.

4. Морозов, А.А. Компенсация морального вреда, причиненного несовершеннолетнему / А. А. Морозов, Я. П. Машеро // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 317-320.

5. Морозов, А.А. Медиация при урегулировании споров в сфере строительства / А. А. Морозов // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26–27 апреля 2019 года / под общей редакцией В.П. Очередько, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой. Том Часть 2. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион», 2019. – С. 135-138.

6. Морозов, А. А. Правовая природа преимущественных прав в корпоративных отношениях / А. А. Морозов // Право и политика. – 2024. – № 4. – С. 61-68.

7. Морозов, А.А. Практическая значимость товарищества собственников жилья как формы управления многоквартирным домом / А. А. Морозов // Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 июня 2018 года. – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 160-163.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 ноября 2022 г. № 5-КГ22-91-К2 [Электронный ресурс]// Справочно-правовая система КонсультантПлюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 10.04.2025 г.).

9. Пономарева, К.С. Проблемы определения размера компенсации морального вреда в трудовых отношениях / К. С. Пономарева // Актуальные вопросы юридических наук : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). – Чита : Издательство Молодой ученый, 2017. – С. 109-111.

10. Сосна, Б.И, Аворник, Г.К. Возмещение морального вреда, причиненного нарушением социальных прав работников / Б.И. Сосна, Г.К. Аворник // Безопасность бизнеса. – 2004. – № 2. – С. 28-32.

11. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1. – Ст. 3.

12. Якимов, К.С. Компенсация за моральный вред работника: проблемы доказывания работника / К.С. Якимов // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 5 (22). – С. 149-154.

Молочко В.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», г. Херсон

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация

В статье представлен комплекс мероприятий, направленных на гармонизацию правового пространства и обеспечение соответствия регионального законодательства Крыма федеральному. Отражен статус региона, определяемый Конституцией Российской Федерации и Конституцией Республики Крым. Органы государственной власти Крыма активно участвуют в федеральном законодательном процессе, внося предложения по совершенствованию федерального законодательства, учитывающие специфику региона. Данный процесс приобретает особое значение в условиях интеграции Республики Крым в правовую систему Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, Республика Крым, Государственный Совет Республики Крым, законодательный орган власти.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации положения конституции (устава) субъекта РФ должны соответствовать основам ее конституционного строя, Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и другим федеральным законам.

Конституция РФ, наряду с системой разграничения сфер правового регулирования федерации и регионов, закрепляет за субъектами федерации широкий объем полномочий, а именно:

- самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти; взаимно делегировать полномочия (ч. 2 и 3);
- устанавливать права субъектов в отдельных сферах жизни (ст. 68);
- иметь своих представителей в Совете Федерации; обращаться в Конституционный Суд с запросом о толковании Конституции Российской Федерации (ч. 5 ст. 125) и проверке конституционности положений подведомственных ему актов;
- согласовывать вопрос о назначении прокурора субъекта Федерации (ч. 3 ст. 129); одобрять поправки к гл. 3–8 Конституции (ст. 136) и так далее.

Однако осуществление указанных полномочий регламентируется самой Федерацией, в том числе путем определения пределов их ведения. К одной из особенностей конституционно-правового статуса республики в составе РФ от других субъектов РФ относится право республики устанавливать государственный язык.

Эти положения получили свое закрепление в принятой Конституции Республики Крым [4]. По своей структуре она состоит из десяти глав и не существенно отличается от аналогичных конституций других республик РФ. В ней воспроизводятся основные принципы основ конституционного строя, правового статуса личности, федеративного устройства, закрепленные в Конституции Российской Федерации.

Таким образом, обеспечивается распространение правовых норм Конституции РФ на уровень субъектов, что обеспечивает единство и целостность правовой системы государства.

Республика Крым провозглашается демократическим правовым государством в составе Российской Федерации, однако государственный характер Республики Крым не означает признания ее суверенитета в современном конституционном и международно-правовом значениях этого качественного состояния (свойства) государства. Следует отметить, что не все республики, входящие в состав Российской Федерации, называют себя государствами. Республики Алтай, Калмыкия, Хакасия в конституциях провозглашаются просто субъектом Российской Федерации без указания на статус правового государства в составе РФ.

В Республики Крым имеется конституционно-правовая система, состоящая из конституции республики, республиканских законов и других нормативно-правовых актов, а также договоров и соглашений республики, актов о делегировании полномочий, а также своя система органов государственной власти, состоящая из таких органов:

- Главы Республики Крым – высшего должностного лица и главы исполнительной власти Республики Крым;
- Государственного Совета Республики Крым – высшего законодательного (представительного) органа государственной власти Республики Крым;
- Совета министров Республики Крым – высшего исполнительного органа государственной власти Республики Крым;
- иных исполнительных органов государственной власти Республики Крым.

Сопоставление между собой конкретных уставов республик позволяет выявить многообразие в подходах их составителей как к содержанию уставов, так и к их структуре. В первую очередь обращает на себя внимание различие в объеме уставных документов. Например,

Конституция Республики Калмыкия состоит из 48 статей, а Конституция Республики Алтай – из 7 разделов, 18 глав и 151 статьи.

Для сравнения отметим, что в Конституции Республики Карелия всего 76 статей, Республики Коми – 103 статьи, Республики Хакасия – 10 глав и 135 статей, Республики Чувашия – 10 глав и 105 статей, Республики Дагестан – 11 глав и 105, Республики Мордва – 10 глав и 112 статей, Республики Северная Осетия-Алания – 10 глав и 111 статей, Республики Башкортостан – 2 раздела 11 глав и 126 статей, Республики Татарстан – 7 разделов и 126 статей, Чеченской Республики – 9 глав и 112 статей.

Такое различие в объеме конституций объясняется тем, что ряд нормотворческих органов республик в рамках конституций не всегда считают целесообразным детализировать правоотношения по некоторым сферам функционирования субъекта федерации. По этой причине в содержании многих уставов имеются указания на необходимость принятия отдельных законов.

Конституция Республика Крым состоит из 10 глав и 95 статей, в которых существуют указания на необходимость принятия отдельных законов и постановлений, а именно:

- о статусе государственных языков Республики Крым (ст. 10);
- о пользовании и распоряжении землей и другими природными ресурсами в Республике Крым (ст. 29);
- о государственном флаге, гербе и гимне Республики Крым (ст. 60); о статусе столицы Республики Крым (ст. 60);
- о выборах депутатов Государственного Совета Республики Крым (ст. 70);
- о статусе депутата Государственного Совета Республики Крым (ст. 71, 80);
- о счетной палате Республики Крым (ст. 73);
- регламент Государственного Совета Республики Крым (ст. 73, 81);
- об обнародовании законов Республики Крым (ст. 79);
- о местном самоуправлении в Республике Крым (ст. 88, 92) и другие [4].

В зависимости от того, насколько детализирована конституция той или иной республики зависит и количество указаний на необходимость принятия отдельных законов.

Анализ практики принятия законов, детализирующих конституции как в Республике Крым, так и в других республиках Российской Федерации, позволяет заключить, что правовой статус этих законов ниже конституционного и для внесения изменений в законы необходима такая же процедура, как и для принятия обычных законов, что в свою очередь, несмотря на их важность, понижает их правовую значимость и делает правовую систему Республики менее стабильной и устойчивой. Обыч-

ные законы республик принимаются, как и поправки к ним, в отличие от уставов не 2/3 от предусмотренного уставом числа депутатом, а большинством (пп. 1, 2 ст. 7 Федерального закона № 184-ФЗ) [2].

Правовой статус таких отдельных законов, учитывая значимость регулируемых ими отношений, должен быть таким же, как и у Конституции Республики Крым, соответственно, процедура принятия и внесения изменений в них должна осуществляться также 2/3 от предусмотренного Конституцией Республики Крым числа депутатов.

Таким образом, в новой Конституции Республика Крым получила широкий уровень полномочий: устанавливать государственный язык, право принимать законы, устанавливать свою систему органов государственной власти и большой объем полномочий, предусмотренный системой разграничений полномочий между федеральными органами власти и республикой.

Значительный объем полномочий возлагает больше ответственности за регион, выдвигает новые вызовы. Правовое пространство республики проходит путь в кротчайшие сроки, на который другие республики РФ потратили более двух десятилетий. Конституция Республики Крым не существенно отличается от других республик РФ и гармонично вписывается в правовое пространство Российской Федерации.

Взаимодействие федеральных органов государственной власти и органов государственной власти Республики Крым в законодательном процессе представляет собой важный аспект функционирования российской правовой системы.

Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют приоритет над республиканскими нормами, что создает определенные рамки для законодательной деятельности Крыма.

Законодательному органу власти Республики Крым предстоит принять множество отдельных правовых актов, детализирующих конституцию региона. В рамках этой деятельности необходимо учитывать опыт других республик РФ для решения не только проблем, которые уже возникли, но и предотвращать появление новых.

Реализация государственной власти осуществляется согласно Конституции Республики Крым через конкретные органы (институты) власти, имеющие свои задачи и функции. Они характеризуются следующими основными чертами:

1. Каждый орган государственной власти формируется в строго определенном порядке принятом и закрепленным Конституцией Республики Крым.

2. Каждый орган государственной власти наделен конкретными полномочиями, что позволяет решать обязательные для исполнения задачи в рамках делегированных данному органу прав.

3. Каждый орган государственной власти действует в определенном порядке, регулируемым законодательством и Конституцией Республики Крым.

4. Каждый орган государственной власти Республики Крым – это часть единой системы вертикали государственного устройства Российской Федерации с ее субъектом – Республикой Крым.

Особенность действия принципа разделения властей в федеративном государстве связана с тем, что субъекты федерации являются составными частями целостного суверенного государства. Соответственно действие принципа разделения властей распространяется и на уровень субъектов федерации, которым устанавливают свои определенные предписания, регулирующие основы организации государственной власти [5].

В Республике Крым, законотворческую деятельность осуществляет Государственный Совет (представительный орган). Исполнительно – распорядительную деятельность реализует Глава Республики Крым и Совет министров (правительство). Судебная власть вершит правосудие. Каждая из ветвей власти наделена полномочиями (предмет ведения). Следует подчеркнуть, что система этих органов устанавливается Республикой Крым самостоятельно и закреплена Конституцией Республики Крым (ч. 3 ст. 6) [4].

Законодательная власть – это ветвь государственной власти, которая разрабатывает законы и нормативные акты, осуществляет их принятие, регламентируя, тем самым, общественную жизнь.

Система органов законодательной власти на территории субъекта Российской Федерации создается в соответствии с уставом субъекта.

По Конституции Республики Крым (ч. 1 ст. 69) Государственный Совет Республики Крым (парламент) является высшим, единственным и постоянно действующим законодательным органом власти. В него включено 75 депутатов, избираемых сроком на пять лет прямым и тайным голосованием. Данный представительный орган выражает волю всего многонационального народа Крыма.

В передаче Государственному Совету законодательной власти, реализуется важнейший принцип суверенитета народа Крыма без привлечений отдельных национальностей и этнических групп. Ни один закон в Республике Крым не может быть легализован, если он не рассмотрен региональным парламентом с его многонациональным представительством. Во главе его стоят Председатель и Президиум Государственного Совета, избираемые из числа депутатов. По представлению председателя формируется Аппарат Государственного Совета. Кроме того, Государственный Совет образует, комитеты и комиссии, проводит парламентские слушания.

Круг полномочий Государственного Совета Республики Крым достаточно широк. Важнейшее – это принятие и толкование Конституции и законов, с внесением необходимых изменений. Кроме того, это утверждение программ социально-экономического развития, представленных Главой Республики Крым, который избирается Государственным Советом, утверждение бюджета со статьями доходов и расходов, а также отчета об их исполнении (ст. 75 Конституции Республики Крым).

С этой деятельностью связано налоготворчество и порядок реализации налогов. Помимо принятия законов, а также их толкования Государственный Совет одобряет проекты договоров о разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и таковыми органами Республики Крым.

Особое значение имеет также принцип политической гласности, что означает открытость деятельности Государственного Совета [1].

Правовые основы организации и деятельности, полномочия и функции данного органа определяют Конституция Республики Крым, Закон Республики Крым от 15 мая 2014 года № 2-ЗРК «О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым», Закон Республики Крым от 5 июня 2014 года № 14-ЗРК «О принятии, обнародовании, вступлении в силу и хранении законов Республики Крым и постановлений Государственного Совета Республики Крым», Постановление Государственного Совета Республики Крым от 24 декабря 2014 года № 376-1/14 «О Регламенте Государственного Совета Республики Крым» и Регламент Государственного Совета.

Основными функциями Государственного Совета являются:

1) законодательная, которая состоит в деятельности Государственного Совета по подготовке и принятию законов Республики Крым, толкованию законов Республики Крым, направлению отзывов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации на проекты федеральных законов по вопросам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, реализации права законодательной инициативы при принятии проектов федеральных законов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации;

2) представительная, которая заключается в выражении воли населения Республики Крым путем проведения выборов (референдумов) на основе свободного волеизъявления избирателей (граждан), в представлении интересов населения путем принятия от его имени решений, действующих на территории Республики Крым;

3) контрольная, которая реализуется через контроль за соблюдением и исполнением Конституции и законов Республики Крым, иных

правовых актов, принятых Государственным Советом; заслушивании (рассмотрении) и утверждении отчетов подконтрольных органов [3].

Государственный Совет наделен полномочиями принимать Конституцию Республики Крым. Он имеют право принимать законы и иные нормативные акты в рамках своей компетенции, однако они не должны противоречить федеральному законодательству.

Важным аспектом является необходимость согласования некоторых законопроектов с федеральными органами государственной власти, особенно в сферах, касающихся национальной безопасности, внешней политики и других ключевых направлений.

Федеральные органы осуществляют контроль за соблюдением законодательства в Крыму, что включает в себя проверку соответствия республиканских законов федеральным нормам. В случае выявления несоответствий, они могут инициировать изменения или отмену республиканских актов.

Правовые аспекты взаимодействия могут включать в себя судебные разбирательства, если возникают споры о компетенции или законности тех или иных актов.

Таким образом, взаимодействие федеральных органов государственной власти и органов государственной власти Республики Крым в законодательном процессе является важным фактором обеспечения устойчивого развития Республики Крым.

Список цитируемой литературы:

1. Адельсеитова, А.Б. Реализация законодательной функции Государственным Советом Республики Крым / А.Б. Адельсеитова, А.А. Мариева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – № 3-1. – С. 77-82.

2. Бондарчук, И.В. Правотворчество Республики Крым: состояние и перспективы / И.В. Бондарчук // Lex Russica. – 2023. – № 2 (195). – С. 22-32.

3. О Государственном Совете Республики Крым – Парламенте Республики Крым: закон Республики Крым от 15 мая 2014 г. № 2-ЗРК (в ред. от 2 декабря 2024 г.) [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=219008737&empire=1 (дата обращения: 18.05.2025)

4. Конституция Республики Крым: принята Государственным Советом Республики Крым 11 апреля 2014 г. [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=219008713&page=1&rdk=0#I0 (дата обращения: 18.05.2025)

5. Клубенко, В.С. Функции государства и реализация основных функций законодательного органа власти на примере субъектов Российской Федерации / В.С. Колубенко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 39-55.

6. О Регламенте Государственного Совета Республики Крым: постановление Государственного Совета Республики Крым от 24 декабря 2014 г. № 376-1/14 (в ред. 25 декабря 2024 г.) [Электронный ресурс] Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/413904621 (дата обращения: 18.05.2025)

Некрасова Е.Д., магистрант
ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»,
г. Пермь

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВЕРУЮЩИХ ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ

Аннотация

В данной статье рассматривается вопрос содержания категории «верующих» в рамках ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации. Автором выявляются проблемы правоприменения, возникающие при толковании анализируемой категории, анализируется имеющаяся судебная практика. Дается авторское определение понятия «верующий».

Ключевые слова: право на свободу совести и вероисповеданий, верующий, религиозные чувства.

Одним из проблемных аспектов применения ч. 1 ст. 148 УК РФ является вопрос о содержании категории «верующих». Это обусловлено тем, что соответствующая норма не указывает признаки потерпевших, в результате чего значительно усложняется ее толкования для целей квалификации подобных деяний.

Действующая редакция уголовного закона наделяет правом уголовно-правовой реакции на нарушения прав на свободу совести и вероисповеданий исключительно верующих. Отличительным признаком верующего как потерпевшего является его вера – убежденность в существовании сверхъестественных сил [3]. Однако только этого недостаточно. Думается, что для признания лица верующим он должен быть носителем религиозных чувств.

Законодателем никак не определено понятие «религиозные чувства». В юридической литературе авторы едины во мнении, определяя религиозные чувства как некую систему жизненных взглядов, ценностей и установок, которыми руководствуется человек вследствие причастности к определенному религиозному учению [8, 9]. Отсюда можно сделать вывод о том, что под верующим применительно к ст. 148 УК РФ следует понимать представителя конкретного религиозного течения или конфессии, а не только абстрактного любого человека, признающего существование сверхъестественных сил.

В научной литературе имеется мнение о том, что уголовно-правовая охрана мелких религиозных течений, а также маргинальных религиозных групп «доведет нормы УК РФ до абсурда» [4]. Согласиться с данным мнением позволяет обращение к преамбуле Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», где говорится об уважении христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России [6]. Данная формулировка склоняет нас к мысли, что под уголовно-правовой охраной находятся традиционные религии.

В то же время в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ нет указания на запрет оскорбления религиозных чувств верующих – приверженцев только традиционных религий, что можно расценить как предоставление такой защиты для любой религии.

Полагаем, что такая точка зрения более логична, поскольку она основывается на положениях ч. 2 ст. 14 Конституции РФ, где признается равенство религиозных объединений перед законом. Из этого логично вытекает тезис об их равной правовой охране.

Целесообразнее обратиться для подтверждения данного тезиса к правоприменительной практике.

Приговором Элистинского городского суда был осужден спортсмен Саид Османов, который зашел в буддийский храм, далее справил там малую нужду, а после нанес удар ногой в нос статуе Будды, засняв все совершенное на камеру телефона и транслировав в социальной сети [2]. Суд установил в данных действиях осквернение святыни буддийского вероучения, что свидетельствует о неуважении и пренебрежительном отношении к буддийскому обществу, а также высмеивании их религиозного символа.

Приговором Крымского районного суда Краснодарского края был осужден Будагян М.К. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, ему назначено наказание в виде штрафа в размере 20 000 рублей. У осужденного возник умысел на курение табака через кальян путем помещения табака в кулич – пасхальный хлеб, являю-

щийся главным традиционным символом Пасхи. Ему было достоверно известно, что именно в этот день было празднование одного из самых главных христианских праздников – Пасха. Так, он приобрел в магазине кулич, после вернулся в кафе, где изготовил из приобретенного им кулича чашу, в которую заложил табак и разожженные угли, тем самым подготовил кальян для курения табака. После он попросил своего знакомого, не осведомленного о его противоправных намерениях, осуществить видеозапись процесса его курения на свой мобильный телефон. Затем Будагян с целью придания публичности своим противоправным действиям, направленным на оскорбление религиозных чувств верующих, опубликовал в своем личном аккаунте в социальной сети видеозапись, на которой в ответ на высказывание пасхального приветствия «Христос Воскрес» вместо «Аминь» – обычно завершающей формулы в молитвах и псалмах в христианстве, призванной подтверждать истинность произнесенных слов, сказал «Алюминь», а также подписал данную видеозапись: «Верующие !!! С новым годом на*** !!!!» (нецензурно). Судом установлено, что действия, зафиксированные на представленных материалах, связаны с осквернением пасхальных ценностей христианской религии в целом, в особенности православного христианства, а также они имеют оскорбительную форму (богохульство, кощунство, святотатство).

Приговором Засвияжского районного суда г. Ульяновска осужден Абдельразек С.М.Р. за совершение двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 148 УК РФ, п. б ч. 1 ст. 213 УК РФ, к наказанию в виде лишения свободы на 1 год 6 месяцев. Осужденный, находясь в общественном месте на пешеходном мосту через реку Свиягу, совершил публичное надругательство над почитаемой верующими религиозной святыней – священной книгой мусульман Кораном, а именно облил алкоголем книгу, сопровождая данные действия оскорбляющей мусульман речью, после наступал на неё ногами, в последующем выбросил её в реку. Данные противоправные действия были зафиксированы на видеозапись, а после осужденный опубликовал указанный материал на своем аккаунте YouTube-канала.

Приведенные примеры из судебной практики демонстрируют, что уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий возникает при посягательствах на традиционные религии: христианство, ислам, буддизм. Нами не было найдено судебных актов, которыми лица были привлечены к ответственности по ч. 1 ст. 148 УК РФ за оскорбление чувств верующих иных религиозных течений. Думается, что данное обстоятельство никак не связано с отсутствием предоставления уголовной защиты правам на свободу совести и вероисповеданий нетрадиционным религиозным те-

чениям. Полагаем, что причиной отсутствия данной судебной практики может быть немногочисленность приговоров по ч. 1 ст. 148 УК РФ в целом.

Однако, как уже ранее отмечалось, предоставление уголовно-правовой охраны мелким и маргинальным религиозным группам абсурдно и нецелесообразно. В связи с этим, думается, что признание религии соответствующей целям ст. 148 УК РФ должно основываться на её организации в виде одного из предусмотренных российским законодательством религиозных объединений: религиозной группы или религиозной организации. Кроме того, виновное лицо должно осознавать, что его поведение направлено на оскорбление религиозных ценностей определённой группы лиц. При этом положения ч. 1 ст. 148 УК РФ не могут распространяться на действия, которые направлены на оскорбление таких религиозных объединений, чья деятельность признана противоправной или противоречит основам общественной нравственности в РФ. Например, в данном случае под уголовно-правовой защитой не будут находиться религиозные организации Свидетелей Иеговы, поскольку они входят в перечень общественных и религиозных объединений, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о их ликвидации или запрете деятельности [5].

Некоторые авторы ставят под вопрос защиту прав атеистов в рамках ст. 148 УК РФ [1]. В диспозиции ч. 1 данной нормы УК РФ речь идет только о религиозных чувствах верующих. Из этого положения можно сделать вывод о том, что потерпевшим должен выступать верующий, а значит, норма не защищает права лиц, которые не исповедают ту или иную религию. В таком случае справедливо возникает вопрос, будет ли высказывание атеистом своей точки зрения в дискуссии о том, что Бога не существует, оскорблять чувства верующих.

Стоит отметить, что в судебной практике нами не было выявлено случаев защиты прав атеистов в рамках ст. 148 УК РФ, однако есть случаи, когда высказывание мнения об отсутствии Бога расценивается как нарушение законодательства о свободе вероисповедания. Так, прокурор подал исковое заявление в защиту интересов неопределенного круга лиц и Российской Федерации о признании информации, размещенной в сети «Интернет», информацией, распространение которой на территории РФ запрещено. Было установлено, что на странице социальной сети «ВКонтакте» были размещены для свободного доступа материалы, преследующие цель оскорбить религиозные чувства верующих мусульман, в частности, содержится неуважительный отзыв, грубое высмеивание религиозных догм и канонов, однако установить лицо в ходе проведенной проверки не представилось возможным.

В данном решении интересно то, как суд трактовал положения ч. 1 ст. 148 УК РФ, а именно, что под такое поведение подпадает выступление атеиста на каком-либо собрании либо в СМИ, который будет отстаивать свою точку зрения о том, что Бога нет. Также чувства верующих могут затронуть рисунки, картины, барельефы на зданиях, песни, танцы и пр. Кроме того, суд отметил, что целью таких деяний может являться разжигание религиозной розни, под которой понимаются действия (угрозы, подстрекательство, высказывания и иные деяния), направленные в отношении лиц определенной религии, конфессии (религиозной принадлежности), которые ведут к возникновению конфликтов между ними [7].

Так, по смыслу данных положений под деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 148 УК РФ, подпадает и инакомыслие, то есть ситуация, когда верующий может посчитать себя оскорбленным другим верующим, исповедующим иную противоречащую его воззрению религию, а также высказывания атеиста об отрицании существования Бога и пр.

Представляется возможным не согласиться с таким мнением суда в части характеристики деяния, указанного в ч. 1 ст. 148 УК РФ, так как такая позиция напрямую нарушает право на свободу вероисповедования, которое включает в себя право на атеизм и иные вытекающие из этого права, в частности, право на публичное выражение собственной позиции.

Подводя итог, представляется важным отметить, что законодатель, закрепив понятие «верующий» в тексте Уголовного кодекса РФ, никак его не конкретизировал, возложив фактически обязанность по определению его содержания и значения на правоприменителя. По этой причине полагаем возможным предположить, что под верующим применительно к ст. 148 УК РФ следует понимать носителя религиозных чувств, являющегося представителем конкретного религиозного течения или конфессии, относящихся к легализованным религиозным объединениям.

Список цитируемой литературы:

1. Ангипова, Н.Ф. Уголовно-правовые проблемы защиты прав и чувств верующих / Н.Ф. Ангипова, Н.Ж. Данилина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 5–11.

2. Дроботов, А.В. Дагестанца, осквернившего статую Будды, осудили и отпустили / Дроботов А.В. [Электронный ресурс] Комсомольская правда. – URL: https://www.stav.kp.ru/daily/26561.4/3577410/ (дата обращения: 10.05.2025).

3. Зимаков, И.П. К вопросу об уголовно-правовом значении верующего при нарушении права на свободу совести / И.П. Зимаков // Скиф. – 2021. – № 12. – С. 95–100.

4. Коротких, Н.Н. Содержательные характеристики объекта преступления, предусматривающего посягательство на свободу совести и вероисповедания / Н.Н. Коротких, В.Д. Соболевский // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 8. – С. 172–174.

5. Об утверждении Порядка ведения перечня общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: приказ Министерства юстиции Рос. Федерации от 12 февраля 2021 г. № 18 (в ред. от 16 сентября 2024 г.) [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.02.2025).

6. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон Рос. Федерации от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 39. – Ст. 4465.

7. Решение Ленинского районного суда г. Грозного по делу № 2А-626/2020 от 17 июля 2020 г. [Электронный ресурс] База данных «СудАкт». – URL: https://sudact.ru/regular/doc/IXX1jiGJYAgW/ (дата обращения: 10.05.2025).

8. Чурляева, И.В. Уголовно-правовая защита чувств верующих // И.В. Чурляева // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2018. – Том 5. – № 3–4. – С. 64–68.

9. Федотова, Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы применения статьи 148 УК РФ / Ю.Е. Федотова // Российское право: образование, практика, наука. Уральский государственный юридический университет. – 2016. – № 4 (94). – С. 64 – 66.

Опарина С.А., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИИ. ЕЕ ОТЛИЧИЯ ОТ НАУКИ. СМЫСЛЫ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ЕЕ ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются сущность понятия «методология», в том числе с точки зрения теоретического и практического подхода. Сравнивается понятие «методология» и «наука», выявляются отличия. Определяется смысловое содержание методологической деятельности, а также её задачи и функции.

Ключевые слова: методология, методы, наука, методологическая деятельность, научные исследования.

Методология имеет важно значение в проведении исследований как теоретического, так и практического содержания, при этом важно разграничивать понятия «методология» и «наука», и не отождествлять их.

Понятие методологии можно рассматривать с двух точек зрения: теоретической и практической. С теоретической точки зрения методология раскрывается как вид человеческой деятельности, ориентированный на получение знаний с помощью применения совокупности различных методов и инструментов, позволяющих трансформировать действительность и выделить из неё ключевые аспекты. С практической точки зрения методология определяется как комплекс обобщенных в единую совокупность приемов и методов познания, ориентированных на познание объективной реальности, в результате чего получается научный и практический опыт, который может быть систематизирован в знания в определенной области.

С. Оразова в своем исследовании рассматривала сущность методологии через призму научных исследований и достаточно объективно сформулировала понятие «методологи»: «это способ познания объективной действительности. Способ представляет собой определенную последовательность действий, приемов, операций» [2, С. 120]. То есть автор исходит

из того, что методология по своей сути является последовательным процессом комплексного применения совокупности способов и методов.

Следовательно, под методологией следует понимать вид деятельности, реализуемый через систематизированную совокупность способов и методов теоретического и практического познания, результатом которой является познание объективной действительности и получение знаний научного и практического характера.

Методология и наука существенно отличается с точки зрения подхода к исследованию действительности. Так, наука ориентирована на выявление повторяющихся событий, то есть определенную закономерность, которая может быть полезна для решения схожего вопроса в перспективе [4, С. 163]. Методология же, наоборот рассматривая каждое явление в реальной действительности ориентируется на принцип его уникальности. С точки зрения методов познания методология и наука также существенно отличаются, так как наука ориентирована на многоразовое использование научных методов познания, а методология отдает предпочтение не только уже применяющимся методам, но и использования совершенно новых.

При этом именно методология выступает в роли инструментария, позволяющего получить научные и практические знания, которые в последующем служат основой для систематизации научных теорий и концепций.

Смысловое содержание методологической деятельности заключается в том, что она дает возможность системно и многосторонне познавать процессы и явления, происходящие в социуме и в природе, формируя определенные представления в сознаниях людей и повышая тем самым результативность их действий [1, С. 88]. Главная цель методологической деятельности создание оптимальных условий для развития определённой сферы деятельности посредством выработки действенных методов и способов, позволяющих выявлять проблемы в определённой области познания и пути их решения. Данная цель достигается посредством последовательного решения следующих задач:

- исследования методов и иного инструментария исследования, показывающих хорошие результаты и выработка новых;
- систематизация ключевых направлений исследовательской деятельности;
- формирование базы для объективной формулировки проблемы;
- обеспечение науку методологической базой научных исследований;
- выявление общих подходов к изучению предмета и т.д.

Можно обозначить 4 ключевых функции методологической деятельности: контрольная, описательная, прогностическая и объясни-

тельная. Так, контрольная функция проявляется в том, что методологическая деятельность выступает в форме некого оценочного инструмента в выборе действенных методов и приёмов познания.

Описательная функция состоит в том, что методологическая деятельность позволяет систематизировать накопленный опыт и достижения в сфере исследований определённых областей деятельности.

Прогностическая функция заключается в том, что методологическая деятельность с помощью своего инструментария позволяет составлять прогноз относительно развития изучаемого процесса, явления или объекта [5, С. 76].

Суть объяснительной функции состоит в том, что металогическая деятельность растолковывает и аргументирует конкретные причины лежащие в основе применения тех или иных методов.

Итак, методология и наука тесно связаны, так как методология изучает средства, методы и приёмы исследования, с помощью которых приобретается новое знание. Методологическая деятельность позволяет получить максимально объективную, точную и систематизированную информацию о происходящих процессах и явлениях.

Список цитируемой литературы:

1. Афанасьев, В.В. Методология и методы научного исследования : учебник для вузов / В. В. Афанасьев, О. В. Грибкова, Л. И. Уколова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 147 с.

2. Оразова, С. Понятия метода и методологии научных исследований / С. Оразова// Символ науки. – 2024. – №3-2-2. – С. 118-123.

3. Ушаков, Е.В. Философия и методология науки : учебник и практикум для вузов / Е. В. Ушаков. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 359 с.

4. Федоркина, А.П. Научно-исследовательская деятельность: логика и методология / А П. Федоркина // Вестник НИЦ «Строительство». – 2023. – 37(2). – С. 159-168.

5. Филиппов, Л.И. Философия о содержании и методологии научного познания (исследования) / Л. И. Филиппов // Гуманитарные научные исследования. – 2022. – № 2. – С. 75-77.

Сапегина С.И., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Уральский филиал, г. Екатеринбург

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация

Статья посвящена проблемам защиты прав и свобод человека в киберпространстве, которое стало неотъемлемой частью современной жизни. В условиях стремительного развития информационных технологий и интернета вопросы конфиденциальности, безопасности персональных данных и прав на неприкосновенность частной жизни приобретают особую актуальность. Рассматриваются риски, связанные с кибератаками, утечками данных и неправомерным использованием персональной информации, а также необходимость разработки эффективных правовых и технологических механизмов защиты данных. В статье акцентируется внимание на важности комплексного подхода, включающего гармонизацию законодательства, повышение цифровой грамотности и внедрение передовых технологий в области кибербезопасности. Также подчеркивается роль международного сотрудничества в решении глобальных угроз, возникающих в цифровой среде.

Ключевые слова: кибербезопасность; защита персональных данных; информационные технологии; цифровая грамотность; киберпреступления; законодательство; цифровое пространство; права человека; киберпреступность; цифровая экономика.

Современный мир невозможно представить без информационных технологий, которые стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Интернет, мобильные устройства, облачные технологии и социальные сети значительно изменили способ общения, получения информации и ведения бизнеса. Однако стремительное развитие цифровой среды сопряжено с новыми вызовами, которые затрагивают права и свободу человека. Вопросы конфиденциальности и защиты личной информации приобрели особую актуальность, так как объемы данных, обрабатываемых ежедневно, увеличиваются в геометрической прогрессии. Это порождает дополнительные риски, связанные с кибератаками, утечками данных и неправомерным использованием персональной информации.

Одной из ключевых проблем цифрового общества является обеспечение безопасности личной информации. Современные технологии позволяют собирать, хранить и обрабатывать огромные массивы дан-

ных, включая персональные. При этом злоумышленники используют уязвимости систем для получения доступа к этим данным, что создает угрозу для частной жизни граждан. Например, киберпреступники могут похищать личную информацию с целью шантажа, финансового мошенничества или кражи идентичности. Кроме того, злоупотребления со стороны коммерческих организаций, таких как непрозрачная обработка данных или передача их третьим лицам без согласия пользователей, усугубляют эту проблему. Эти вызовы требуют от государств и организаций внедрения эффективных механизмов защиты информации, таких как шифрование данных, строгий контроль доступа и повышение ответственности за нарушение конфиденциальности. В России для защиты персональных данных был принят федеральный закон «О персональных данных», который регулирует сбор, хранение и обработку личной информации, обеспечивая правовую защиту граждан от неправомерного использования их данных [2].

Киберпространство представляет собой глобальное цифровое пространство, где пересекаются интересы различных субъектов: граждан, организаций и государств. Оно включает в себя не только сети и системы хранения данных, но и социальные медиа, платформы электронной коммерции и системы государственного управления. В этой среде права человека, такие как свобода выражения мнений, право на неприкосновенность частной жизни и защита от дискриминации, получают новые формы и смыслы. Например, свобода слова в интернете сталкивается с такими вызовами, как цензура, распространение дезинформации и онлайн-травля. Право на неприкосновенность частной жизни подвергается угрозам со стороны технологий слежки и массового сбора данных, используемых как частными компаниями, так и государственными структурами.

Особенно остро стоит вопрос утечек персональных данных. Согласно исследованию Центра компетенций по импортозамещению в сфере ИКТ, в 2022 году в России зарегистрировано более 10 тысяч инцидентов, связанных с утратой конфиденциальной информации. Это подчеркивает необходимость разработки и применения комплексных мер, направленных на защиту прав пользователей в цифровой среде. Такие меры должны включать совершенствование законодательства, повышение цифровой грамотности населения и внедрение передовых технологий для обеспечения кибербезопасности. Только комплексный подход позволит минимизировать риски и создать условия для безопасного использования киберпространства [3].

Одной из ключевых проблем современного цифрового общества является то, что правовые системы многих стран, включая Россию, не успевают адаптироваться к стремительному развитию технологий. Со-

временные технологии и инновации появляются с такой скоростью, что существующие законы зачастую оказываются устаревшими уже на момент их принятия. Более того, многие правовые акты были разработаны в условиях, когда цифровое пространство находилось на стадии зарождения и не обладало той сложностью, которую мы наблюдаем сегодня. Это приводит к тому, что правовое регулирование не учитывает специфику киберпространства, создавая благоприятные условия для деятельности злоумышленников.

Примером правового вакуума является распространение дезинформации. В условиях информационной войны и массового использования социальных сетей дезинформация становится мощным инструментом манипуляции. Отсутствие чётких правовых механизмов, регулирующих ответственность за распространение ложной информации, позволяет недобросовестным лицам формировать общественное мнение и наносить вред репутации отдельных граждан или организаций. Ещё одной серьёзной проблемой является кибербуллинг – форма агрессии в цифровом пространстве, которая оказывает разрушительное воздействие на психическое здоровье, особенно подростков. Недостаточная правовая защита жертв кибербуллинга усугубляет проблему, делая её одной из главных угроз в цифровую эпоху.

Для эффективной защиты прав и свобод человека в киберпространстве необходимо учитывать следующие ключевые аспекты. Во-первых, требуется гармонизация национального законодательства в области кибербезопасности. Это означает, что законы должны учитывать не только внутренние, но и международные стандарты. Например, российский опыт в этой сфере может быть дополнен учётом положений таких документов, как "Будапештская конвенция" о киберпреступности.

Во-вторых, важным элементом является повышение цифровой грамотности населения. Многие граждане не осознают всех рисков, связанных с использованием интернета, и не владеют базовыми навыками защиты своих данных. Образовательные программы, нацеленные на обучение безопасному поведению в цифровой среде, должны стать приоритетом государственной политики. В частности, такие программы могут быть интегрированы в образовательные учреждения и корпоративные тренинги.

В-третьих, необходимо развитие технологий, обеспечивающих защиту персональных данных. Современные технологические решения, такие как системы шифрования, многофакторная аутентификация и искусственный интеллект для обнаружения киберугроз, играют ключевую роль в снижении рисков утечек и неправомерного использования информации. В России важным шагом в этом направлении является реализация национального проекта "Цифровая экономика", направ-

ленного на создание устойчивой инфраструктуры для защиты данных граждан и бизнеса [2].

Решение проблем правового вакуума и обеспечение защиты прав человека в киберпространстве требует комплексного подхода. Гармонизация законодательства, повышение уровня цифровой грамотности и внедрение передовых технологий – это основные направления, которые позволят не только минимизировать угрозы, но и создать условия для безопасного и комфортного использования цифровой среды.

Одним из наиболее перспективных решений проблемы обеспечения прав и свобод человека в киберпространстве является разработка и реализация государственных программ по кибербезопасности. Такие программы должны включать комплекс мер, направленных на защиту персональных данных, предотвращение киберпреступлений и обеспечение безопасного использования цифровых технологий. Эти меры должны учитывать интересы как граждан, так и организаций, предоставляющих цифровые услуги. Регулирование деятельности технологических компаний является важным элементом подобных программ. Компании, занимающиеся сбором и обработкой персональных данных, должны нести повышенную ответственность за их сохранность. Это может быть реализовано через обязательное лицензирование, регулярные аудиты безопасности и внедрение стандартов защиты данных. Например, введение обязательного шифрования информации при её передаче и хранении позволит существенно снизить риски несанкционированного доступа.

Важным шагом на пути к повышению кибербезопасности является создание единого реестра операторов персональных данных в России. Такой реестр должен обеспечивать прозрачность деятельности организаций, работающих с персональными данными, и позволять государственным органам эффективно контролировать их соблюдение законодательства. Кроме того, наличие реестра упрощает процесс проверки добросовестности операторов для граждан и организаций, что повышает общий уровень доверия к цифровой среде.

Другим важным направлением работы является развитие международного сотрудничества в области защиты прав человека в киберпространстве. Угрозы, возникающие в цифровой среде, носят глобальный характер, поэтому их эффективное решение возможно только через взаимодействие между странами. Создание многосторонних платформ для обмена опытом, технологиями и правовыми механизмами позволяет объединить усилия в борьбе с киберпреступностью и обеспечить защиту пользователей во всем мире. Примером такого сотрудничества может служить участие России в международных инициативах по борьбе с киберпреступностью. Обмен передовыми технология-

ми, совместные расследования и разработка унифицированных стандартов безопасности – все это способствует созданию более защищённой цифровой среды.

Не менее важным направлением является повышение уровня цифровой грамотности населения. Большинство киберинцидентов происходит из-за недостатка знаний и навыков у пользователей. Государственные и общественные программы по обучению безопасному поведению в интернете могут включать курсы для разных категорий граждан: школьников, студентов, работников компаний и пожилых людей. Такие программы должны обучать основам защиты данных, методам распознавания угроз и способам реагирования на кибератаки.

Комплексный подход, включающий разработку государственных программ, регулирование деятельности технологических компаний, международное сотрудничество и повышение цифровой грамотности, позволит эффективно защищать права и свободы человека в киберпространстве. Только скоординированные действия на всех уровнях могут обеспечить безопасность в условиях стремительного развития цифровых технологий.

В заключение следует отметить, что защита прав и свобод человека в киберпространстве является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. Современное киберпространство, несмотря на его колоссальные возможности, сопряжено с множеством угроз, которые могут существенно нарушать права граждан. Для эффективного решения этих проблем необходимо принимать комплексные меры, которые будут учитывать как национальные, так и международные аспекты регулирования.

Совершенствование законодательства в области кибербезопасности должно стать одним из приоритетов государственной политики. Оно должно быть направлено на устранение существующих правовых пробелов, внедрение механизмов ответственности за нарушение прав граждан и создание условий для безопасного использования цифровых технологий. Важным аспектом этого процесса является тесное взаимодействие с международными организациями и другими странами, что позволит выработать единые подходы к противодействию киберугрозам.

Не менее значимой является реализация образовательных программ, направленных на повышение цифровой грамотности. Граждане должны понимать, как защитить свои данные, как правильно реагировать на возможные угрозы и каким образом использовать цифровую среду безопасно. Только грамотное население сможет минимизировать риски, связанные с использованием кибертехнологий.

Таким образом, решение проблемы защиты прав и свобод человека в киберпространстве возможно только при условии совместных

усилий всех заинтересованных сторон – государства, бизнеса, международных организаций и гражданского общества. Лишь такой подход позволит обеспечить безопасное, справедливое и комфортное использование цифровых технологий для всех участников цифрового пространства.

Список цитируемой литературы:

1. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (протокол президиума Совета при Президенте Рос. Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7 [Электронный ресурс] URL: https://digital.gov.ru (дата обращения: 22.05.2025 г.)

2. О персональных данных: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 1 марта 2023 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ч. 1. – Ст. 3451.

3. Отчет по вопросам кибербезопасности за 2022 г. [Электронный ресурс]// Центр компетенций по импортозамещению в сфере ИКТ. – URL: https://importcenter.ru/report2022 (дата обращения: 22.05.2025 г.)

Сорокина Т.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»,
г. Елец

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ПРИМЕНЯЮТСЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация

В данной статье рассматриваются проблемы, которые связаны с определением процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Законодательно предлагается закрепить момент определения соответствующего статуса.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, проблемы, определение, процессуальный статус, подозреваемый, обвиняемый, судебная экспертиза. Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

В настоящее время действующим Уголовно-процессуальным кодексом (далее УПК РФ) [2] недостаточно регламентирован процессуальный статус, применяемый к лицу, в отношении которого ведется

производство о применении принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ). В ч.1 ст.437 УПК РФ приводятся сведения о правах лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, а также о необходимости назначения ему законного представителя. Однако, ни в ст. 5, ни в ст. 437 УПК РФ нет четкого понятия лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, и не закреплен его статус. Если обратиться к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011г №6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», заметим, что трактовка «лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ» впервые встречается, когда получены результаты судебно-психиатрической экспертизы. Однако, законодательно не определён момент присвоения лицу, в отношении которого ведется производство о применении, соответствующего статуса [3].

В качестве сравнения приведем похожую ситуацию с лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст.56.1 УПК РФ) [2]. В данном случае законодатель обозначил статус данного лица, что приводит к правовой определенности и единообразию судебной практики. В связи с чем требуется по аналогии с указанной нормой внести изменение в УПК РФ, добавив норму, в которой необходимо указать, когда статус «подозреваемый» или «обвиняемый» должен измениться на статус «лицо, в отношении которого применяются ПММХ», а также разъяснить его права. Заметим, что данное лицо по сути – самостоятельный участник уголовного производства, поэтому внесение изменений в главу 7 УПК РФ [2] и точное определение его статуса исключит возможность неоднозначного толкования данного статуса и сформирует единообразную судебную практику правоприменения.

Вопрос о неурегулированном правовом положении статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, был отражен в работах многих авторов. В частности Т.В. Рябинина [6] отмечает, «что ч.2 ст.434 УПК РФ [2] предусмотрено доказывание в отношении указанных лиц обстоятельств, подтверждающих совершение ими общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом, что приравнивает их к подозреваемому и обвиняемому» [6].

А.В. Шатрова, анализируя нормы ст.437 УПК РФ [2], приходит к мнению, что «введение законодательного обозначения лица с психическим заболеванием позволяет дифференцировать его от иных уголовно-преследуемых субъектов» [7]. Автор считает, что нормы ст.437 УПК РФ [2] необоснованно имеют ссылки на ст.46 и 47 УПК РФ [2]. Считаем возможным согласиться с мнением А.В. Шатровой о том, что «нельзя ис-

пользовать автоматический перенос прав подозреваемого и обвиняемого на участника производства, предусмотренного главой 51 УПК РФ» [2.7].

Также С.А. Яковлева и Е.В. Медведкова поднимают проблему определения статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ. Проанализировав нормы УПК РФ, авторы замечают, что в ч.1.1 ст.144 УПК РФ[2] мы сталкиваемся с «введением такого статуса как «лицо, участвующее в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении»[2] в этом статусе лицо, имеющее психическое расстройство может находиться до возбуждения уголовного дела, либо в статусе «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении» (п.6 ч.3 ст.49 УПК РФ)» [8.2]. Авторы делают вывод, что «существует проблема отсутствия юридического статуса у лица, в отношении которого проводится проверка и у лиц, участвующих в проверочных мероприятиях до возбуждения уголовного дела. Поскольку в ст.196 УПК РФ [2] четко закреплено, что обязательно назначается судебная экспертиза для установления психического или физического состояния именно подозреваемому или обвиняемому» [8]. То есть на момент проведения экспертизы статус лиц должен быть установлен. Авторы также указывают на имеющиеся противоречия в ст.144 УПК РФ [2], в которой «предусматривается возможность назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела» [8]. Согласимся с мнением С.А. Яковлевой и Е.В. Медведковой, что внесение изменений в ст.196 УПК РФ [2], где «необходимо четко регламентировать проведение экспертизы в отношении лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, это позволит определить статус лица до возбуждения уголовного дела» [8]. К этому же выводу приходят и О.В. Левченко и Е.В, Мищенко [5]. Они отмечают, что «следователь, дознаватель, прокурор, суд не обладают специальными познаниями в области психиатрии и психологии и не могут определить наличие у лица психического расстройства, но они могут обнаружить некоторые особенности, которые позволят заподозрить наличие психического отклонения. При этом необходимо сразу назначить судебно-психиатрическую экспертизу». [5].

Как правило, при назначении судебно-психиатрической экспертизы лицо имеет статус подозреваемого или обвиняемого. После получения заключения экспертизы, свидетельствующей о невменяемости, его статус должен измениться на «лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ». В связи с отсутствием в УПК РФ четкой регламентации изменения этого статуса в процессуальных документах, имеют место различные способы отражения данного статуса по уголовному делу. По одним уголовным делам в процессуальных документах лицо, которое ранее являлось подозреваемым, отражается как лицо, в отношении

которого ведется производство о применении ПММХ, ему назначается законный представитель. В других случаях лицу также назначается законный представитель, предоставляются права в соответствии с п.4 ст. 46 и п.4 ст.47 УПК РФ, однако в процессуальных документах его статус остается прежним: «подозреваемый», «обвиняемый».

Рассмотрим пример из судебной практики. 15.09.2024г. выделено уголовное дело №42401420030000938, возбужденное в отношении гр-на К. по признакам состава преступлений, предусмотренных п.п. «а,в» ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 158, ч. 1 ст. 161, ч. 1 ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее УК РФ) [4,1]. Основанием для этого стало заключение судебно-психиатрической комиссии №99/2-2 от 22.01.2024г, согласно которой гр-н К. страдал во время, относящееся к совершению инкриминируемых ему деяний, и страдает в настоящее время хроническим психическим расстройством в форме шизофрении, параноидальной, эпизодический тип течения с нарастающим дефектом (F 20.01), синдромом зависимости от нескольких психоактивных веществ (F 19.2) (наркоманией, алкоголизмом). Указанные расстройства психики лишали его во время, относящееся к совершению инкриминируемых ему деяний, способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими. В настоящее время он также не может осознавать фактический характер своих действий либо руководить ими, правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела и давать о них показания, самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве. Имеющиеся у К. особенности психического состояния связаны с возможностью причинения этим лицом иного существенного вреда либо с опасностью для себя или других лиц, что определяет его социальную опасность. Поэтому он нуждается в принудительном лечении в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, общего типа (ст. 101 ч. 2 УК РФ), которое ему не противопоказано. Гр-ну К. был назначен законный представитель, разъяснены права, однако во всех процессуальных документах по уголовному делу его первоначальный статус не поменялся, который остался как подозреваемый, в т.ч. в списке лиц, подлежащих вызову в суд. Данное дело рассмотрено Советским районным судом г. Липецка, постановлением которого от 09.01.2025г. К. освобожден от уголовной ответственности и к нему применена принудительная мера медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа [4].

Данная судебно-следственная практика не противоречит уголовно-процессуальному законодательству, так как по своей сути все про-

цессуальные права лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, были соблюдены. Вместе с тем, представляется неправильным в подобных случаях применение статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, как подозреваемого по уголовному делу после проведения соответствующей экспертизы. В этих целях имеется объективная необходимость внесения изменений в УПК РФ, касающихся статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ.

Список цитируемой литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1. – Ст. 4921.

3. О практике применения судами принудительных мер медицинского характера: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 7 апреля 2011 г. № 6 (в ред. от 3 марта 2015 г.)// Российская газета. – 2011. – № 84. – 20 арпеля.

4. Архив Советского районного суда г. Липецка. Дело № 1-62/2025.

5. Левченко, О.В. Проблемы правового статуса лица. В отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера / О.В. Левченко, Е.В. Мищенко // Вестник ПАГС. – 2012. – С. 88-94.

6.Рябинина, Т.В. Производство и применении принудительных мер медицинского характера / Т.В. Рябинина // Законность. – 2008. – №8 (886). – С. 48-51.

7.Шатрова, А.В. Процессуальный статус лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера / А.В. Шатрова // Известия Юго-Западного государственного университет. Серия: История и право. – 2021. – Том11. – №4. – С.111-122.

8. Яковлева, С.А. Вопросы определения процессуального статуса лица, в отношении которого осуществляется производство о применении мер медицинского характера / С.А. Яковлева, Е.В. Медведкова // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2018. – Т4. – №2. – С. 87-94.

Стебенева Д.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк
Научный руководитель – **Соловьева В.В.**, д-р ист. наук, профессор,
профессор кафедры
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация

В статье анализируется реализация принципов социального государства в РФ через призму современного законодательства. Рассмотрены конституционные основы (ст. 7 Конституции РФ), ключевые социальные гарантии и проблемы их реализации: недостаточное финансирование, региональное неравенство, низкая адресность помощи. Предложены пути совершенствования: цифровизация социальной сферы, прогрессивное налогообложение, усиление судебной защиты прав. Особое внимание уделено балансу рыночных механизмов и социальных обязательств государства.

Ключевые слова: социальное государство; Конституция РФ; социальная политика; судебная защита; социальные гарантии.

В постиндустриальных условиях построение социального государства, ориентированного на практическое совмещение индивидуальных свобод и социальной справедливости, становится одной из ключевых тенденций развития демократического государства. Базовым принципом социального государства является социальная ответственность власти, которая должна обеспечивать каждому гражданину максимально благоприятные условия для самореализации и достаточный уровень социальной защищенности.

Социальное государство – это государство, которое гарантирует реализацию социальных и экономических прав граждан. Социальное государство берет на себя обязанность обеспечивать достойный уровень жизни, справедливое распределение благ и защиту уязвимых категорий граждан.

В Российской Федерации конституционные основы социального государства закреплены в ст. 7 Конституции РФ, где указано, что политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Однако само по

себе провозглашение этого принципа недостаточно – важно, как он реализуется через законодательство и правоприменительную практику.

Ключевые признаки социального государства в российской правовой системе включают гарантированность социальных прав (право на труд, образование, медицинскую помощь, пенсионное обеспечение и т. д.), перераспределительную политику через налоговую систему и социальные программы, защиту социально уязвимых групп (инвалидов, малоимущих, многодетных семей), а также баланс рыночной экономики и государственного регулирования. Российское законодательство содержит множество норм, направленных на реализацию социальной функции государства, среди которых Трудовой кодекс РФ (гарантии занятости, МРОТ, защита от необоснованных увольнений), Федеральный закон «О государственной социальной помощи» [2] (поддержка малоимущих), Закон «Об образовании в РФ» (доступность бесплатного образования), пенсионное законодательство (страховые и социальные пенсии), Закон «О защите прав потребителей» (защита экономических интересов граждан).

Однако на практике эффективность этих механизмов не всегда соответствует ожиданиям. Как справедливо отмечает Е.Е. Мачульская, «система социального обеспечения в России характеризуется фрагментарностью и недостаточным уровнем защиты от социальных рисков» [6, С.118]. Например, размер социальных пособий (например, пособия по безработице) часто не покрывает базовых потребностей. Как отмечает Буянова М.О. «размеры основных социальных выплат в России остаются крайне низкими и не обеспечивают даже минимального стандарта проживания» [5, С.54].

А пенсионная реформа 2018 года вызвала общественный резонанс из-за повышения пенсионного возраста. Несмотря на развитую законодательную базу, существует ряд проблем: недостаточное финансирование социальных программ (бюджетные ограничения, коррупционные риски), неравенство регионов (разрыв в уровне жизни между Москвой и отдаленными субъектами РФ), низкая эффективность адресной поддержки (многие льготы не доходят до реально нуждающихся), демографические вызовы (старение населения, депопуляция сельских территорий). Для укрепления социальной функции государства необходимо усиление адресности социальной помощи (внедрение цифровых платформ для учета нуждающихся), совершенствование налоговой политики (прогрессивная шкала налогообложения для сокращения неравенства), развитие частно-государственного партнерства в социальной сфере (например, в здравоохранении и образовании), повышение эффективности судебной защиты социальных прав (упрощение процедур обжалования отказа в социальных выплатах).

В РФ охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты. Все эти меры безусловно хороши, но явно недостаточны для полномасштабной практической реализации социального государства, так как ориентированы на решение лишь части проблем.

На современном этапе развития российского государства ключевые перспективы социальной политики на 2025 год формируются в рамках действующего законодательства и с учетом новых экономических реалий. Конституционная основа социального государства, закрепленная в Конституции РФ, получает дальнейшее развитие через систему конкретных законодательных актов и государственных программ.

В условиях цифровой трансформации особое значение приобретает модернизация механизмов предоставления социальных услуг. В соответствии с национальной программой «Цифровая экономика» и Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] происходит активное внедрение цифровых платформ социального обслуживания, включая создание единого реестра получателей социальных услуг на основании Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан» [4], что позволяет повысить адресность и эффективность социальной поддержки.

Особое внимание уделяется расширению категорий получателей социальной помощи, особенно семьям с детьми-инвалидами. Пенсионная система продолжает развиваться в рамках Федерального закона о пенсионных изменениях, предусматривающего поэтапное повышение пенсионного возраста с одновременным введением компенсационных мер и развитием механизмов добровольного пенсионного страхования.

Модернизация системы здравоохранения на базе Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан» включает внедрение единой цифровой системы здравоохранения, расширение программы льготного лекарственного обеспечения и развитие сети социальных аптек в регионах.

Поддержка семьи и детства, осуществляемая в исполнение Указа Президента «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации», проявляется в продлении программы материнского капитала, введении новых мер поддержки многодетных семей и расширении сети социальных учреждений для детей.

Все эти меры направлены на создание эффективной системы социальных гарантий, соответствующей конституционным принципам

социального государства и современным вызовам социально-экономического развития России.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что современная российская модель социального государства находится в процессе становления, сочетая в себе как значительные достижения, так и серьезные вызовы.

Конституционное закрепление принципа социального государства создало необходимую правовую основу для развития системы социальных гарантий, однако их практическая реализация сталкивается с системными ограничениями. Ключевыми проблемами остаются недостаточная эффективность механизмов адресной социальной поддержки, сохраняющееся региональное неравенство и необходимость поиска оптимального баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью. Перспективы развития социального государства в России связаны с цифровизацией социальной сферы, совершенствованием налоговой системы и развитием новых форм социального партнерства. В конечном итоге, успешное развитие российской модели социального государства требует комплексного подхода, сочетающего экономическую целесообразность с последовательной реализацией конституционных принципов социальной справедливости и достойного уровня жизни для всех граждан.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. О государственной социальной помощи: федер. закон Рос. Федерации от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 24 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 24 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31, ч. 1. – Ст. 3448.

4. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52, ч 1. – Ст. 7007.

5. Буянова, М. О. Право социального обеспечения. Общая часть : учебник / М. О. Буянова, А. В. Буянова, А. Ю. Гусев [и др.] ; под ред. М. О. Буяновой. – Москва : КНОРУС, 2023. – 412 с.

6. Мачульская, Е. Е. Право социального обеспечения: учебник для вузов / Е. Е. Мачульская. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 449 с.

Суслова Д.А., магистрант
ГАОУ ВО ЛО «Гатчинский государственный университет»,
Ленинградская область, г. Гатчина

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА В СИСТЕМЕ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация

Процесс регулирования гражданско-правового договора занимает особое место в системе договорного права. В результате применения многочисленных правовых норм гражданского законодательства участники договорных отношений имеют право формулировать и изменять содержание гражданско-правового договора в установленном порядке.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор; договорные отношения; гражданское законодательство; существенные условия; договорное право; диспозитивность; императивность.

В настоящее время на территории РФ произошло развитие двух совершенно разрозненных направлений, которые затронули процесс нормативного правового регулирования. Положительное влияние было связано с тем, что в рамках российского законодательства произошел переход от планово-административной экономики к рыночной. Впоследствии началось активное применение многочисленных договорных форм регулирования в разных сферах. Тем не менее, использование новых технологий, а также интенсификация производства стали причинами возникновения серьезных рисков, как экономических, так и техногенных [1]. Важно отметить, что при введении конкретных норм в ГК РФ законодатель в первую очередь опирался на характер отношений между субъектами в рамках имущественного оборота именно в данный момент. Такой подход является наиболее оптимальным. Кроме того, этот способ совершенствования нормативных предписаний снизит вероятность возникновения коллизий и противоречий в будущем.

На протяжении долгих лет в сознании общества и большинства правоприменителей сложилось единое мнение о том, что существенными условиями могут быть признаны только те, отсутствие которых подразумевает признание договора незаключенным.

Некоторые авторы достаточно неоднозначно оценивают суть и роль существенных условий договора. Например, Курбатов А. Я. придерживается мнения, что закрепившееся определение данных правовых положений является некорректным и имеет множество недочетов среди норм гражданского законодательства [4].

Однако несогласованность сторон по поводу данных условий не всегда влечет признание договора заключенным. Согласно ч. 3 ст. 432 ГК РФ, если один из участников договорных отношений принимает от другой полное или частичное исполнение по соглашению или другим способом подтверждает его действие, то он не вправе требовать признание такого договорам незаключенным. Кроме того, учитывается фактор, в соответствии с которым заявление подобного требования при наличии конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности. До введения вышеупомянутой нормы, казусы, где одна из сторон приняла полностью или частично исполнение предписанных обязательств, а в итоге потом потребовала признать договор незаключенным, нередко становились причиной возникновения проблем для всех участников дела. Введение и дальнейшее применение данного положения предоставило судам в дальнейшем возможность опираться не только на содержание условий соглашения, но и на определенные законодательные нормы и обстоятельства. Это помогло не только устранить очередной пробел в гражданском законодательстве, но и обеспечить впоследствии защиту той стороне договора, которая либо частично либо полностью исполнила свои обязательства.

Можно прибегнуть к другому способу разрешения подобного рода ситуаций и усовершенствовать положения ч. 3 ст. 432 ГК РФ. Их суть должна заключаться в обязательном основании, подразумевающее обязательное основание о полном исполнении предусмотренных договором условий. Это преобразование не только повысит уровень правовой культуры среди населения, но и сократит количество судебных разбирательств в сфере договорных правоотношений.

Общепринятая норма, а именно ч. 1 ст. 450 ГК РФ, указывает на то, что процедура по расторжению договора возможна исключительно по согласованию сторон, если иное не предусмотрено гражданским законодательством, иными законами или самим соглашением. Тем не менее, если правоприменители не придут к единому мнению касательно изменения или расторжения договора, то тогда они будут вынуждены обратиться в суд. Однако в процессе рассмотрения этой категории дел судьи нередко сталкиваются с определенными проблемами. Положения данной статьи достаточно абстрактно обозначают такое основание как существенное изменение обстоятельств. В число других спорных терминов также входят такие понятия как непредвиденность, су-

щественность, баланс интересов сторон, степень осмотрительности и заботливости. Подобные оценочные понятия нередко вызывают у суда трудности и часто бывают сложными в толковании. Важно отметить, что судебная практика последних лет содержит явный приоритет отказных решений, где суды не решаются расторгать или изменять содержание договора из-за кардинальных изменений обстоятельств. По этой причине в нормы гражданского законодательства следует в первую очередь внести поправку о том, что конкретно под собой подразумевает существенное изменение обстоятельств и на каких основаниях. Однако Е. В. Кондратьева обращает внимание на то, что «сторонам во избежание неопределенности рекомендуется включать положения о форс-мажоре, причем не в виде краткой стандартной оговорки, а с указанием общего понятия форс-мажора и незакрытого, приблизительного перечня конкретных обстоятельств» [3, с. 242].

По мере развития такой правовой категории как договор, данный тип соглашения стал одним из регуляторов договорных отношений и со временем приобрел наиболее разносторонний и многоаспектный характер. В целом, элементы договорных отношений играют значимую роль в различных сферах жизни, а их регулирование происходит с опорой на нормы из разных отраслей права.

Среди правоведов и сей день происходит множество дискуссий и споров по поводу пределов принципа свободы договора. Исходя из ГК РФ, он подразумевает под собой положение, в соответствии с которым когда стороны заключают соглашение, то они также единовременно определяют его содержание, условия и цели. Данный принцип в первую очередь обеспечивает юридическое равенство сторон. Следовательно, участники договорных отношений независимы и не находятся в административном подчинении друг от друга [2].

С точки зрения некоторых авторов, в положения ст. 421 ГК РФ необходимо включить норму, определяющую все предписания данного Кодекса по регулированию договорных отношений как диспозитивных. Тем не менее, важно предусмотреть, что их применение должно происходить только в случае, если договором не предусмотрено иное. Но большинство юристов весьма негативно оценивают такое нововведение. Данный способ урегулирования явно противоречит принципу юридического равенства и порождает неопределенность в рамках имущественного оборота. Сильные участники этой категории договорных отношений начнут активно злоупотреблять своими правами и возможностями, параллельно угнетая слабых и выражая тем самым пренебрежительное отношение к интересам социума.

Происходит это по причине того, что в настоящее время нормы гражданского законодательства и различных актов предусматривают

правила, в которых содержится вся необходимая информация о структуре «традиционных» видов гражданско-правовых договоров, оставшихся и по сей день неизменными (договор купли-продажи, аренды, перевозки, подряда и т. д.). Все подобные положения сформировались за счет заимствования определенных элементов из других правовых концепций. Их содержание свидетельствует о том, что под диспозитивной нормой подразумевается исключительно положение, регулирующее конкретное правило поведения и при условии наличия оговорки о том, что по решению сторон может быть предусмотрено иное. Все остальные предписания носят исключительно императивный характер. Самым верным и оптимальным способом разрешения данного вопроса может стать проведение ревизии всех существующих правил о регулировании отдельных видах договоров. Необходимо также в данном случае заменить императивное регулирование на диспозитивное. Именно при таком подходе интересы представителей наиболее слабой стороны договорных отношений, третьих лиц и членов общества не будут нарушены. Если рассматривать эту проблему с позиции законодательной техники исключительно по отношению к определенным видам договоров, то следует подобрать различные варианты их диспозитивного регулирования.

Гражданско-правовой договор является достаточно сложной и многоступенчатой структурой. Несмотря на то, что он совершенствуется уже на протяжении многих лет, законодательное регулирование этого соглашения и по сей день имеет множество серьезных пробелов.

Раннее положения Гражданского кодекса не подразумевали, что исполнение по договору должно означать хотя бы частичное выполнение предусмотренных условий. По этой причине в судебной практике были распространены случаи, когда при заключении соглашения одна из сторон обещала выполнять предписанные обязательства, по крайней мере, частично, а впоследствии злоупотребляла своим положением и требовала в ходе разбирательства признать договор незаключенным. В результате, после такого негативного опыта законодатель пришел к выводу, что необходимо ввести норму, в соответствии с которой (ч. 3 ст. 432 ГК РФ) даже частичное исполнение по договору не предоставляет возможности признать соглашение заключенным.

Преобразование подобного характера действительно оказало положительное влияние на сферу договорных отношений, но оно также нуждается в доработке. В вышеупомянутой статье следует внести предписание, исходя из которого, стороны будут обязаны предусмотреть обязательство исключительно по полному исполнению условий договора. Такой подход поможет в большей степени снизить количе-

ство судебных разбирательств в данном вопросе и сократить случаи злоупотребления участников договорных отношений своими правами.

Можно также внести изменения в понятие существенных условий договора, указанное в ч. 1 ст. 432 ГК РФ. Помимо упоминания предмета достаточно уместным будет обозначить такие категории как цена и срок, поскольку они считаются наиболее распространенными. Уместным будет вынесение в отдельные положения норм об обычных и случайных условиях договора. В первом случае помимо самого определения следует закрепить и соответствующий перечень (реквизиты, преамбула, заключительные положения). Предписание, касающееся специальных условий должно быть максимально кратким и лаконичным, поскольку такие положения имеют совершенно непоследовательный характер.

В рамках ст. 451 ГК РФ важно уточнить, что под собой подразумевает существенное изменение обстоятельств, которое является основанием для изменения или расторжения договора. А вопросы, касающиеся принципа свободы договора, следует разрешить путем внедрения диспозитивного регулирования для отдельных видов договоров.

Список цитируемой литературы:

1. Доронина, Н.Г. Семилютина, Н.Г. Договорные механизмы в публичном праве: роль договорного регулирования имущественных правоотношений/ Н.Г. Дронина, Н.Г. Семилютина // Журнал российского права. – 2019. – № 5. – С. 40-55.

2. Иванова, Ю.А., Меняйло, Л.Н., Федулов, В. И. Принцип свободы договора в гражданском праве / Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло, В.И. Федулов // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 5. – С. 69-71.

3. Кондратьева, Е.М. Форс-мажорная оговорка во внешнеторговом контракте / Е.М. Кондратьева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. – № 6. – С. 238-244.

4. Курбатов, А.Я. Существенные условия и незаключенность договоров: проблемы теории и практики // Хозяйство и право. – 2012. – № 6. – С. 32-42.

Шатенко К.Ю., магистрант
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет
имени Иммануила Канта»
Высшая школа права, г. Калининград

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, НА КОТОРОМ СОВЕРШЕНО СЕРИЙНОЕ СЕКСУАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Аннотация

В статье рассматривается роль проведения отдельного следственного действия – осмотр места происшествия в процессе расследования серийного сексуального убийства. Выделены первоначальные следственные задачи и проанализированы основные этапы проведения данного следственного действия. Даны рекомендации по каждому этапу.

Ключевые слова: серийное сексуальное убийство, тактические особенности, осмотр места происшествия.

Серийные сексуальные убийства выделяются среди других видов преступлений тем, что совершаются в условиях неочевидности. В большинстве случаев «успех» расследования зависит от своевременного выявления «серии», поэтому чрезвычайную важность представляет собой такое следственное действие, как осмотр места происшествия (далее ОМП).

Первоочередной задачей для следователя при проведении ОМП, в рассматриваемом нами случае, является определение признаков серийности на месте преступления (общая «похожесть» на совершенные ранее преступления, специфический «почерк» преступника, специфический прослеживаемый мотив (ритуальность, постановочность места осмотра)).

В тех ситуациях, когда следователь осуществляет осмотр, основываясь на предположении, что данный случай может быть связан с серией сексуальных убийств, ему, помимо традиционных задач данного следственного действия (установление обстоятельств происшествия; проведение мероприятий по обнаружению и изъятию улик и объектов, которые могут быть использованы в качестве вещественных доказательств), необходимо сосредоточиться на следующих вопросах: является ли этот случай, исходя из обстановки места происшествия, одним из эпизодов серии убийств, и возможно ли извлечь дополнительные сведения, способствующие раскрытию и расследованию всех связанных преступлений [2].

Глазырин Ф.В. и Тихонова Е.В. рекомендуют информацию, получаемую при ОМП группировать по следующим блокам:

1) «Характер места обнаружения трупа»;

2) «Следы пребывания преступника на месте происшествия»;

3) «Способ (механизм) совершения преступления и орудие (оружие) убийства»;

4) «Данные, характеризующие потерпевших, установленные при ОМП»;

5) «Мотивы убийств, о которых можно судить по результатам ОМП» [2].

Мы считаем рациональным подобное деление по группам и предлагаем конкретизировать каждый из указанных блоком.

1) Характер места обнаружения трупа. В первую очередь, следователь должен оценить характерные особенности данной местности: удаленность от скопления людей, просматриваемость локации, освещенность и т.д. В дальнейшем, при анализе всех эпизодов серии, это может способствовать понимаю по каким критериям преступник отбирает места совершения своих преступных эпизодов и предугадать, где последний может совершить следующий эпизод. Это в совокупности со знанием с каким интервалом он совершает убийства, поможет следствию определить в каких местах и в какое время ориентировочно следует ждать последующий эпизод, что, в свою очередь, поспособствует организации засады и возможного задержания.

Отдельное внимание необходимо уделить дорогам ведущим к месту совершения преступления. Проанализировав их особенности, можно определить наиболее вероятные пути преступника и жертвы к месту обнаружения трупа. В таком случае, дальнейшими действиями следователя станут поиски видеокамер: вдоль дороги и на близлежащих домах, по пути следования. Возможно, одна из видеокамер могла зафиксировать преступника и сохранилась видеозапись.

2) Следы пребывания преступника на месте происшествия. Для продуктивности дальнейшего расследования, немаловажно в процессе осмотра места происшествия не упустить следы пребывания на месте происшествия [3]. К этим следам можно отнести:

а) отдельные следы обуви и «дорожка» из них (куда ведут),

б) следы от распития спиртных напитков и употребления пищи (на данных предметах могут быть следы биологического происхождения, следы зубов и отпечатки пальцев),

в) предметы, возможно, утерянные преступником в процессе борьбы с жертвой (вплоть до пуговиц),

г) выделения биологического происхождения: кровь, сперма, слюна и т.п.,

д) использованные контрацептивы, окурки (также могут содержать биологию преступника).

3) Способ (механизм) совершения преступления и орудие (оружие) убийства. Выше мы указывали, что серийные сексуальные убийцы в большинстве случаев выбирают способы совершения убийства, предполагающие близкий контакт с жертвой (удушение, колоторезанные ранения, удары тупым предметом по голове), учитывая эти обстоятельства маловероятно найти орудие, совершения преступления на месте обнаружения трупа. Тем не менее, полагаем, что следователь должен особое внимание уделить предметам вблизи жертвы, таким как: камни и другие подручные средства, которые могли быть использованы для ударов; элементы одежды (белье, колготки, ремни и т.п.), которые могли играть роль удавки.

4) Данные, характеризующие потерпевших, установленные при ОМП. В случае уже выявленной действующей серии, следователь, перед выездом на осмотр места происшествия, должен знать характерные особенности предыдущих жертв, чтобы при визуальном анализе трупа, он мог понять является ли это преступление эпизодом серии.

Сопоставляя увиденное на месте совершения преступления с известным следствием данными, возможно выявление дополнительных общих признаков и определение круга «трофеев» преступника.

5) Мотивы убийств, о которых можно судить по результатам ОМП. При визуальном анализе места происшествия на предмет прослеживания мотива преступника, следует помнить, что мотив может быть условно сексуальный. Иными словами, при сексуальном мотиве не обязательно наличие следов полового акта. Особое внимание следует уделить признакам косвенного сексуального подтекста: обнажение жертвы, повреждения в области половых органов, неестественная поза найденного трупа, имеющая сексуальный подтекст.

В качестве примера, мы полагаем целесообразно привести случай Сергея Ряховского. Из неприязненных отношений к гомосексуалистам, которые составляли половину его жертв, Ряховский после убийств оставлял трупы этих мужчин в неестественных позах, в ряде случаев – с инородными предметами в анальных отверстиях. По словам Ряховского, цель данного действия заключалась в том, чтобы при обнаружении трупа не осталось сомнений в гомосексуальной ориентации жертвы [1].

Резюмируя вышесказанное, следователь, осматривающий место происшествия по делу данной категории, должен обладать опытом ведения аналогичных дел и повышенной наблюдательностью к малейшим деталям. Считаем целесообразным предложить включать в состав группы, выезжающий на осмотр места происшествия специалиста психиатра или сексопатолога, с целью сужения круга подозреваемых по данной категории преступлений.

Список цитируемой литературы:

1. Бута, Е.М. Великан из Балашихи. История Сергея Ряховского / Е.М. Бута. [Электронный ресурс]. Онлайн-библиотека электронных и аудиокниг «Литрес». – URL: https://www.litres.ru/book/elizaveta-buta-32616973/velikan-iz-balashihi-istoriya-sergeya-ryahovskogo-69783325/chitat-onlayn/?ysclid=mf6gd8d8ln470386378 (дата обращения: 07.04.2025.)

2. Глазырин, Ф.В., Тихонова, Е.В. Серийные сексуальные убийства: расследование и предупреждение: учебное пособие. / Ф.В. Глазырин, Е.В. Тихонова. – Волгоград: Перемена, 2003. – 163 с.

3. Тихонова, Е.В. Расследование и предупреждение серийных сексуальных убийств: дисс. … канд. юрид. наук / Е.В. Тихонова. – Саратов, 2002. – 225 с.

Шведов А.А., магистрант
Волгоградский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Волгоград
Научный руководитель – **Рахманина Н.В.**,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
Волгоградский институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
г. Волгоград

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ

Аннотация

В статье проведен анализ подходов к определению понятия «нематериальных благ», выделены сущностные признаки этих благ.

Автором рассматриваются основные способы защиты, которыми может воспользоваться лицо, право которого было нарушено.

Также исследованию подвергаются действия, которые вправе совершить гражданин и организация в случае, если произошло распространение сведений, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию, с целью защиты права.

Автор анализирует проблемы, с которыми сталкивается потерпевшее лицо, заявляющее требования о возмещении вреда, причинен-

ного распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Ключевые слова: защита, ответственность, право, репутация, суд, юридическое лицо.

В современном обществе особую актуальность приобретает проблема защиты чести, достоинства и деловой репутации ввиду активного развития информационных технологий. Согласно статистическим данным к январю 2025 года в России уровень проникновения Интернета достиг 92 %, соответственно количество интернет-пользователей составило 133 миллиона человек [8].

Согласно российскому законодательству, честь, достоинство и деловая репутация отнесена к нематериальным благам. В законе отсутствует четко сформулированное понятие «нематериального блага», а в ст. 150 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) приводится только их перечисление [2].

Именно по этой причине в правовой доктрине множество исследователей посвятили свои работы изучению сущности нематериального блага, однако до сих пор единство мнений в понимании данного термина отсутствует, одни авторы рассматривают нематериальные блага как объективное и необходимое условие для существования любого индивида, которое не имеет денежной оценки [5], другие авторы особое внимание обращают на нематериальный характер и неразрывность этих благ с личностью [3]. Третьи – рассматривают момент возникновения этих благ: от рождения или возникающие на основании закона [11].

В соответствии с российским законодательством, нематериальные блага являются разновидностью объектов гражданских прав, в то же время, проанализировав научную литературу можно выделить несколько сущностных черт этих объектов:

- в них отсутствует материальное содержание;
- они обладают тесной связью с личностью, т. е. неотчуждаемы;
- не имеют стоимостного выражения.

К нематериальным благам физического лица относят жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и другие нематериальные блага, а к нематериальным благам юридического лица относят фирменное наименование (права на товарные знаки, знаки обслуживания и т.п.), деловая репутация, коммерческая – служебная тайна и другие нематериальные блага (ст. 150 ГК РФ) [2].

Посягательство на честь, достоинство и деловую репутацию происходит путем распространения порочащих сведений. В литературе

называется ряд критериев, которым должны отвечать подобные сведения: 1) они должны носить порочащий характер, содержать в себе негативную оценку личности человека либо деятельности организации; 2) должны быть распространены, т.е. должны стать доступны общественности; 3) такие сведения должны быть недостоверными, – не соответствовать действительности.

Если говорить о способах защиты, к которым можно обратиться за защитой нарушенного права, то в ст. 12 ГК РФ приводится целый перечень способов, которые можно использовать [2]:

- признание права;
- восстановление такого положения, которое существовало до нарушения права и пресечения действий, которые нарушают право или создают угрозу его нарушения;
- признание оспоримой сделки недействительной и применение соответствующих последствий ее недействительности, тоже касается и ничтожной сделки;
- признание недействительным решения собрания;
- признание недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;
- самозащита права;
- взыскание убытков;
- компенсация морального вреда;
- и многие другие.

Как видим, данный перечень не закрыт и со временем могут возникнуть и другие способы правовой защиты.

В соответствии с законом в случае распространения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, гражданин имеет право на совершение целого перечня действий для защиты своего нарушенного права (ст. 152 ГК РФ):

- требовать на основании решения суда опровержения порочащих деловую репутацию сведений, в случае если они не соответствуют действительности. При этом опровержение происходит в той же форме и тем же способом. Соответственно опровержение совершает лицо, распространившее порочащие сведения;
- в ситуации если распространение порочащих сведений происходило с использованием СМИ (периодического печатного издания, сетевого издания, телеканала, радиоканала и т.д.), то и опровержение должно быть произведено в этих же СМИ, также организация имеет право на опубликование своего ответа на эти сведения. СМИ будет ответственно за причиненный ущерб чести, достоинству, деловой репутации потерпевшего лица;

- требовать замены либо отзыва документа, в котором содержатся порочащие, недостоверные сведения. Лицо, выдавшее такой документ, должно будет произвести действия по его замене;

- в случае если опровержение не представляется возможным довести до неопределенного круга лиц, вправе требовать удаления соответствующей информации, а кроме того пресечения или запрещения распространения таких сведений и уничтожения материальных носителей этой информации без какой-либо компенсации, если без уничтожения таких носителей невозможно удаление порочащих сведений;

- требовать удаления, также опровержения порочащих сведений, распространение которых произошло с использованием сети «Интернет».

Отметим, что в последнем случае определение причинителя вреда при защите деловой репутации юридического лица и гражданина представляет особую проблему, т.к. трудно установить виновное лицо, а распространение сведений происходит буквально в два клика и его невозможно остановить (публикация и перепосты сообщений в социальных сетях и т.д.).

В литературе называются несколько субъектов к которым можно предъявить требования об опровержении или удалении порочащей информации в ходе осуществления внесудебной защиты, все зависит от того на каком ресурсе произошло такое распространение:

- администратор соответствующего сайта, иной информационной платформы;

- оператор поисковой системы, с тем чтобы он прекратил выдачу ссылок в сети Интернет на ресурс с вышеназванной информацией (ч. 2 ст. 10.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Также есть возможность обращения в прокуратуру, с требованием об ограничении доступа к порочащей информации в сети «Интернет» (ст. 15.3 Закона о защите информации) и в правоохранительные органы с заявлением о привлечении к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления (ст. 128.1УК РФ) [9].

Законодательство и правоприменительная практика признает право юридического лица на возмещение вреда, при распространении сведений, порочащих его деловую репутацию, который в литературе именуется неимущественный вред, репутационный [4]. Как отмечается в решении Арбитражного суда города Москвы от 14.12.2022 г. по делу № А40-109321/22-110-798, репутационный вред определяется как неблагоприятные последствия нематериального характера, заключающиеся в утрате положительного отношения клиентов, в том числе потенциальных, контрагентов, инвесторов к определенной организации,

наступившие по причине умаления ее деловой репутации распространением порочащих ложных сведений [7].

В делах о взыскании репутационного вреда судом должны быть установлены факты, подтверждающие наличие сформированной деловой репутации у юридического лица, кроме того, истец должен предоставить доказательства благоприятной репутации и утрату такой репутации после распространения сведений.

При этом размер требования юридического лица (потерпевшего) о взыскании репутационного вреда основано на различных методах расчетов, предусмотренных как в экономике, одним из которых является «Гудвилл» (англ.: Goodwill), так и в гражданском праве по правилам ст. 1099 ГК РФ (компенсация морального вреда), что приводит к формированию неоднозначной и разнообразной судебной практике.

Определение размера причиненного вреда по правилам Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ возложено на истца, а само исчисление размера как выше было указано, осуществляется путем применения различных методов (способов), которые основаны на предположительной ситуации, которая имела бы место, если бы распространения несоответствующих действительности сведений не было, что приводит к определенным вероятностным событиям, которые еще не наступили.

Тем самым возникает сложность, заключающиеся в том, что суд в силу принципов доказывания не может делать выводы на основе вероятностных событий. Данный вывод содержится и в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда от 13.02.2024 № 16-КГ23-70-К4. Отказ юридическому лицу (потерпевшему) в требовании о взыскании репутационного вреда, в связи с недоказанностью осуществленного расчета приводит к тому, что обязанное лицо (правонарушитель) фактически не несет негативных последствий от своего противоправного поведения, что приводит к дисбалансу и неравенству участников гражданского процесса.

Отметим, что гражданин имеет право требовать компенсацию морального вреда, т.к. способен испытывать физические и нравственные страдания (ст. 151 ГК РФ), таким образом ему необходимо доказать факт понесенного страдания, а организация согласно российскому законодательству и правовой доктрине не испытывает подобные страдания и имеет право только на возмещение репутационного вреда.

В последние годы все большим количеством правоведов отмечается необходимость закрепления механизма вычисления размера репутационного вреда. В ответ на данное предложение возникает весьма справедливый вопрос о том, возможно ли в принципе разработать единую методику расчета [6]. В связи, с чем возникает проблема в определении

размера репутационного вреда. Исчисление размера репутационного вреда предлагается осуществлять различными способами: 1) установление минимальных и максимальных границ компенсации; 2) путем проведения аналогии с методикой установления суммы компенсации за моральный вред, как это регламентируется пункт 2 статьи 1099 ГК РФ, при обязательном учёте индивидуальных факторов конкретного дела, а также применяя положения о справедливости и разумности [10].

Подводя итог можно отметить, что в российском законодательстве предусмотрены различные способы защиты своей чести, достоинства и деловой репутации, которые может применить потерпевшее лицо к виновному (обязанному) лицу, а лицо, распространившее сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию можно в зависимости от степени и характера вины привлечь к административной, уголовной и гражданско-правовой ответственности.

На практике потерпевшее лицо, заявляя требование о возмещении вреда, причиненного распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сталкивается с рядом трудностей, которые заключаются: 1) в установлении виновного лица, распространившего прощающиеся сведения; 2) в доказывании неблагоприятных последствий возникших в результате распространения виновным лицом несоответствующих действительности сведений порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; 3) в определении размера репутационного вреда.

Список цитируемой литературы:

1. Внесудебная защита деловой репутации юридических лиц в сети Интернет [Электронный ресурс]. – zakon.ru: сайт. – URL: https://zakon.ru/blog/2021/9/11/vnesudebnaya_zaschita_delovoj_reputacii_yuridicheskih_lic_v_seti_internet (дата обращения: 27.04.2025.)

2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Гусалова, А.Р. Нематериальные блага как объект гражданского права / А.Р. Гусалова // Вестник Краснодарского университета МВД России. Серия «Право». – 2012. – № 1 (15). – С. 1-3.

4. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 (в ред. от 6 февраля 2007 г.) // Российская газета. – 1995. –№ 29. – 8 февр.

5. Парыгина, Н.Н. Общая характеристика нематериальных благ субъектов гражданского права / Н.Н. Парыгина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3 (56). – С. 93-96.

6. Понятие ущерба, его отличия от вреда и убытков. виды ущерба и порядок возмещения [Электронный ресурс]. – УВД ПО САО ГУ МВД РОССИИ ПО Г. МОСКВЕ: сайт. – URL: https://сао.мск.мвд.рф (дата обращения: 22.04.2025.)

7. Решение Арбитражного суда города Москвы от 14 декабря 2022 г. по делу № А40-109321/22-110-798 [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d7c58f7-4e35-4834-9ec2-1a3d4254c540/be224db4-3561-436a-9ee4-a102558a9698/A40-109321-2022_20221214_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 22.04.2025.)

8. Статистика интернета и социальных сетей России на 2025 год: главные тренды и цифры [Электронный ресурс]. – webcanape: сайт. – URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socialnyh-setej-rossii-na-2025-god-glavnye-trendy-i-cifry/#5 (дата обращения: 10.05.2025.)

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 февраля 2025 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

10. Шокотько, М.А. Репутационный вред юридического лица: особенности доказывания /М.А. Шокотько// Право и управление. – 2022. – № 10. – С. 75-78.

11. Шувалова, Э.В. Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений / Э. В. Шувалова. // Молодой ученый. – 2017. – № 18 (152). – С. 263-266.

Ширяева Т.В., преподаватель
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Липецкий филиал, г. Липецк

МЕДИАЦИЯ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ СПОРАХ: ПОИСК КОНСЕНСУСА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНАМИ

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию роли медиации в разрешении споров между государственными органами и гражданами. Рассматриваются основные аспекты медиаторской деятельности в публично-правовом поле, акцентируя внимание на эффективности и перспективности такого подхода в условиях современного российского общества.

Ключевые слова: граждане, государство, разрешение споров, конфликт, медиативный подход, посредник, публичный интерес.

Актуальность проблематики разрешения конфликтов в области публичных правоотношений возрастает на фоне увеличения числа обращений граждан к государственным органам и растущей социальной напряжённости. Значимость разработки действенных механизмов для урегулирования возникающих разногласий подчеркивает необходимость внедрения альтернативных методов разрешения конфликтных ситуаций, среди которых медиация занимает одно из центральных мест.

Конфликты между государственными структурами и отдельными гражданами – характерная черта правовой системы любого демократического государства. Данные разногласия затрагивают множество сфер, включая административные взыскания, налоговые споры, а также вопросы, касающиеся охраны окружающей среды, городского планирования и социальной поддержки населения. Существующие способы урегулирования подобных ситуаций, например, судебные процессы, зачастую отличаются продолжительностью, значительными финансовыми затратами и высокой степенью противостояния сторон. В связи с этим, растет актуальность альтернативных механизмов разрешения конфликтов, позволяющих достичь более оперативного, менее затратного и, самое важное, компромиссного исхода для обеих вовлеченных сторон. Одним из таких инструментов является процедура медиации.

Альтернативным способом разрешения конфликтов является медиация – добровольная и приватная процедура, где беспристрастный посредник содействует спорящим сторонам в выработке взаимоприемлемого решения. В отличие от судебных тяжб, медиация акцентирует внимание не на определении правоты и вынесении вердикта, а на установлении взаимопонимания и реализации потребностей участников.

В публично-правовых спорах медиация способна предоставить существенные выгоды, в том числе экономию времени и ресурсов, увеличение степени удовлетворенности участников, поддержание рабочих связей и, что особенно важно, укрепление уверенности между обществом и государственными органами.

Разрешение конфликтов между гражданами и государственными учреждениями обладает рядом уникальных характеристик, которые отличают эти споры от частных правовых отношений. Государство в данном типе конфликтов играет двойственную роль: оно выступает одной из противоборствующих сторон и одновременно обеспечивает исполнение достигнутых договоренностей. Такая ситуация предъявляет повышенные требования к процессу примирения, обязывая учитывать равновесие между индивидуальными правами граждан и общими интересами общества.

Практический опыт применения медиации в публичной сфере показывает обнадеживающие результаты. Например, успешно разрешались дела, касающиеся распределения земельных участков, нарушений жилищного законодательства, административных проступков и трудовых конфликтов. Подобные кейсы подтверждают, что использование медиации способно разгрузить судебную систему, укрепить доверие граждан к органам власти и ускорить сроки рассмотрения дел.

Применение медиации на практике сопряжено с некоторыми трудностями и проблемами. Население недостаточно осведомлено о преимуществах данного метода разрешения споров, отсутствует налаженное взаимодействие между государственными структурами и медиаторами, ощущается нехватка финансирования и квалифицированных кадров. Для решения этих проблем требуется всесторонняя государственная поддержка, ориентированная на укрепление института медиации и профессиональное развитие специалистов в этой области.

В российской юридической доктрине и в законодательстве понятие "посредничество" трактуется неоднозначно. С одной стороны, в рамках гражданского права под посредничеством подразумевается форма коммерческой деятельности, основанная на принципе доверия. Она реализуется по заданию другого лица (заказчика) от имени посредника, но в интересах и за счет заказчика. Эта деятельность заключается в совершении фактических и/или юридических действий, обычно в форме услуг (агентские соглашения, комиссионные сделки, доверительное управление и т.д.), при заключении, исполнении или прекращении различных соглашений (контрактов).

С другой стороны, ряд исследователей в области гражданского и арбитражного процессуального права, а также в сфере примирительных процедур и альтернативного разрешения конфликтов, рассматривают посредничество как метод разрешения спора самими участниками при содействии независимого третьего лица (медиатора). При этом медиатор не обладает полномочиями принимать решения, обязательные для сторон.

Медиативные практики результативно внедряются в разнообразные сферы публичного права. Рассмотрим несколько показательных областей применения: дела об административных правонарушениях: Медиация способна урегулировать разногласия, возникающие из-за нарушений административного законодательства, включая нарушения ПДД или норм охраны природы. В качестве альтернативы штрафным санкциям стороны могут согласовать, к примеру, выполнение социально полезных работ или возмещение нанесенного вреда.

Налоговые противоречия: Медиация выступает действенным инструментом в урегулировании налоговых споров, предоставляя воз-

можность налогоплательщикам и налоговым органам достичь взаимовыгодного соглашения, учитывающего интересы всех участников.

Экологические разногласия: Медиация пригодна для разрешения конфликтов, касающихся проблем экологии, таких как загрязнение природной среды или нелегальная вырубка лесных массивов.

В области социальных разногласий медиация демонстрирует свою эффективность в урегулировании споров, касающихся социальной поддержки, включая вопросы начисления пособий и получения льгот. Стороны конфликта способны достичь компромисса относительно пересмотра первоначального решения, предоставления расширенной помощи или применения иных мер, направленных на удовлетворение потребностей населения.

Несмотря на явные достоинства, внедрение медиации в процедуру разрешения публично-правовых конфликтов сопряжено с некоторыми трудностями. Ограниченная осведомленность и понимание: Значительная часть населения и сотрудников госучреждений мало осведомлены о медиации и ее возможностях. Требуются информационно-просветительские мероприятия для повышения информированности о медиации и ее плюсах.

Неразвитая правовая основа: в ряде государств отсутствует четкое законодательное регулирование процедуры медиации в публично-правовой сфере. Необходимо разработать и принять соответствующие законодательные акты, устанавливающие правила проведения медиации, права и обязанности участников и медиатора.

Неприятие нововведений: Некоторые представители органов государственной власти могут с опаской относиться к использованию медиации, так как это может потребовать от них большей адаптивности и готовности к уступкам. Важно работать над преодолением этой инерции и создавать благоприятную среду для эффективного применения медиации.

Потребность в обученных медиаторах: Для успешной реализации медиативного процесса необходимы компетентные медиаторы, обладающие соответствующими знаниями и умениями. Важно развивать систему обучения и сертификации медиаторов, специализирующихся на публично-правовых конфликтах. [1, С. 117]

Несмотря на существующие трудности, возможности для прогресса медиации в публично-правовой сфере выглядят весьма перспективно. Более широкое применение медиации может укрепить верховенство закона, повысить уровень доверия между населением и государством, улучшить качество принимаемых решений и оптимизировать работу государственных структур. Для реализации этих перспектив необходимо:

Совершенствовать нормативно-правовую базу: разрабатывать и дорабатывать законодательные акты, регулирующие медиацию в пуб-

лично-правовых конфликтах, устанавливающие понятные процедуры и гарантии.

Активнее внедрять медиацию: Побуждать чаще прибегать к медиации при разрешении споров в различных сферах публичного права, включая административные, налоговые, экологические и прочие категории конфликтов.

Готовить профессионалов: Создавать и развивать образовательные и сертификационные программы для подготовки высококвалифицированных медиаторов, имеющих специализацию в области публично-правовых конфликтов.

Осведомлять общество: Проводить информационно-просветительские мероприятия, направленные на повышение уровня понимания преимуществ медиации среди граждан и работников государственных учреждений.

Создавать инфраструктуру: Формировать сеть медиационных центров и специальных организаций, предоставляющих услуги сопровождения и поддержки медиационного процесса. [4, С. 145]

Изучение данного аспекта позволяет сделать вывод, что заинтересованные лица имеют возможность обратиться к медиации не только перед началом судебного разбирательства, но и непосредственно в процессе исполнения судебного акта. Если стороны выбирают путь медиации до подачи иска в суд, подбор медиатора осуществляется самими участниками конфликта независимо от судебной инстанции. Тем не менее, если обращение к медиатору произошло уже в ходе судебного производства, суд наделяется полномочиями утверждать итоговое соглашение, сформированное сторонами благодаря медиативной процедуре. Из этого следует, что медиация не обязательно должна рассматриваться только как досудебный механизм разрешения споров.

Медиация служит эффективным способом установления согласия между властями и жителями, позволяя мирно разрешать возникающие разногласия, укрепляя доверие и повышая обоснованность действий правительства.

Широкое внедрение и усовершенствование методик медиации, основанных на добровольности, независимости и непредвзятости, способны значительно повысить качество коммуникации между государством и обществом, способствуя устойчивому развитию и улучшению благосостояния.

Продолжающиеся исследования в сфере медиации, сфокусированные на выявлении передового опыта и адаптации к национальным особенностям, играют ключевую роль в развитии демократического общества.

Для эффективной работы медиации необходим всесторонний подход, охватывающий корректировку правовых норм, гарантию до-

ступности и продвижение концепции урегулирования споров без насилия. Только объединив усилия государства и гражданского общества, получится сформировать действенную систему, ориентированную на усиление демократических принципов и налаживание гармоничных связей в обществе.

Список цитируемой литературы:

1. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Ярков. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2021. – С.721.

2. Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев и др.; Отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М.: Проспект. – 2021. – С.337.

3. Иванова, С.В. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.05.2025)

4. Казанцев, И.С. Медиация как альтернатива судебному решению гражданских споров. – Иркутск: Издательство БГУЭП, 2019.

Юденкова Д.Ю., студент
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
г. Саратов
Научный руководитель – **Беккалиева Н.К.**, канд. экон. наук,
доцент кафедры
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
г. Саратов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация

Правоохранительная система, как многоуровневая структура, включающая правовые средства и государственные органы, направленные на защиту общественных отношений. В статье описаны основные формы управления системой: организационные меры, материально-технические действия, нормотворчество и правоприменение. Подчеркивается роль нормативной подсистемы и законодательства РФ в совершенствовании структуры правоохранительных органов, включая прокуратуру. Также рассматриваются проблемы, с которыми сталки-

вается правоохранительная система, такие как ограничения в управленческих функциях и недостаточное финансирование, что влияет на её эффективность.

Ключевые слова: правоохранительная система, правовые средства, противоправные посягательства, государственные органы, организационные мероприятия, нормотворческая деятельность, правовое регулирование.

Правоохранительная система – это многоуровневая социальная система, которую составляют правовые средства, методы и гарантии, гарантирующие защиту социальных взаимоотношений от противоправных посягательств, и государственные органы, реализующие правоохранительные функции. Управление деятельностью данной системы предполагает целенаправленное воздействие управленческих структур на подконтрольные элементы с целью оптимизации взаимодействия между различными компонентами и обеспечения выполнения поставленных задач при сохранении целостности системы.

Нормативно-правовая база выступает фундаментом для правового регулирования управления правоохранительной системой, осуществляемого посредством законодательных актов, действующих на территории Российской Федерации. В рамках правового регулирования рассматриваются вопросы совершенствования организационной и штатной структуры ведомств.

Например, отдельные положения Конституции Российской Федерации имеют прямое действие, и служат непосредственным руководством при осуществлении определенной правоохранительной деятельности. Структура прокуратуры формируется согласно статье 129 Конституции. Прокурорами могут быть граждане Российской Федерации, не имеющие документа, подтверждающего право на постоянное проживание на территории другого государства. Генеральный прокурор Российской Федерации, его заместители, прокуроры приравненных к прокурорам субъектов, назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации [1].

Процессы управления деятельностью прокуратуры сталкиваются с различными проблемами в связи с отсутствием в Конституции РФ достаточного внимания, уделённого вопросам управленческой деятельности.

К таким проблемам можно отнести:

1. Невозможность вторгаться в организационную и правотворческую компетенцию государственных органов. Прокурор ограничива-

ется информированием о выявленных недочётах, даже если есть необходимость в усовершенствовании правового регулирования.

2. Еще одна сложность недостаточное финансирование органов прокуратуры. Для результативного и качественного выполнения своих функций прокуратура нуждается в адекватных ресурсах. Финансовое обеспечение сотрудников прокуратуры представляет собой вид государственной поддержки, направленный на стимулирование эффективной работы и продвижения по службе в этих органах. Нестабильное финансирование создает серьезные препятствия для полноценной реализации полномочий прокуратуры.

По степени значительности после Конституции Российской Федерации следуют федеральные законы, некоторые из которых имеют статус конституционных, так как они приняты по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Федеральные законы, регламентирующие деятельность правоохранительных органов, носят достаточно широкий характер.

Согласно статье 4 Федерального закона «О полиции», лимиты штатной численности подразделений полиции в пределах установленной штатной численности органов внутренних дел определяются руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел [2].

Проблематика данного закона заключается в следующем:

1. Нечёткость состава и структуры полиции. В Федеральном законе не зафиксировано чёткое раскрытие структуры этого органа. Целесообразно более подробно раскрыть, из каких подразделений состоит полиция, чем они должны заниматься и куда гражданин может обратиться в случае необходимости.

2. Расширение компетенции полиции без соответствующего увеличения штата. Это приводит к тому, что полиция не может выполнять возложенные на неё обязанности в полном объёме.

Федеральный закон «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» содержит положения о штатной структуре войск национальной гвардии. Согласно статье 6 этого закона, президент Российской Федерации утверждает штатную численность военнослужащих войск национальной гвардии, сотрудников и гражданского персонала войск гвардии [3].

Недостатки в процессе управления деятельностью войск национальной гвардии:

1. Сложность с определением места и роли территориального органа в структуре войск. Это связано с тем, что в соответствии с Указом Президента РФ от 5 апреля 2016 года №157 и Федеральным законом от

26 июля 2016 года №226 территориальные органы не включались в состав войск [4,5].

2. Отсутствие тождественности в обеспечении социальных гарантий. Это приводит к фактическому диспаритету лиц, выполняющих идентичные задачи, и может порождать внутренние конфликты.

Еще одним видом подзаконных актов по организации правоохранительной деятельности выступают указы Президента РФ.

Указ Президента РФ «Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации» утвердил положение о Федеральной службе безопасности РФ и структуру её органов [6]. Согласно указу, штатная структура ФСБ включает в свой состав: первого заместителя директора ФСБ России – руководителя Пограничной службы ФСБ России; четырёх заместителей директора ФСБ России, в том числе одного статс-секретаря – заместителя директора ФСБ России и одного заместителя директора ФСБ России – руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета.

Однако, проблематика, не принятая во внимание в данном указе, отражает следующие направления:

1. Отсутствие чёткого определения основных задач и предназначения ФСБ России. В документе лишь перечислены общие положения организации деятельности службы.

2. Приравнивание директора ФСБ, его первых заместителей и заместителей по статусу, размерам оплаты труда, условиям социально-бытового обеспечения и медицинского обслуживания к министру Российской Федерации, его первому заместителю и заместителям.

Модернизация нормативных правовых актов, регулирующих процесс управления деятельностью правоохранительной системы, является важной задачей для обеспечения эффективности работы государственных органов.

Вот некоторые рекомендации, которые могут быть предприняты для совершенствования этих актов:

1) Увеличение финансирования. Нужно обеспечить стабильное и достаточное финансирование для правоохранительных органов. Это повысит качество работы и стабильность органов.

2) Обучение и повышение квалификации. Необходимо регулярно обновлять программы обучения и повышения квалификации сотрудников, чтобы они могли эффективно справляться с новыми вызовами и изменениями в законодательстве.

3) Обеспечение эффективного контроля и надзора. Законы должны предусматривать эффективный контроль и надзор за деятельностью правоохранительных органов. Это поможет предотвратить злоупотребление властью и обеспечить соблюдение законности.

4) Обеспечение издания нормативно правовых актов, улучшающих формирование штатной структуры для более оперативной работы правоохранительных органов.

Эти меры могут помочь в совершенствовании нормативных правовых актов, регулирующих процесс управления деятельностью правоохранительной системы, и обеспечении эффективности работы государственных органов.

Несмотря на обширную нормативную базу, регламентирующую работу правоохранительных органов, в управлении ими сохраняются определенные сложности. Эти проблемы негативно влияют на результативность и способность системы реагировать на современные вызовы. Ключевые факторы, обуславливающие недостатки, включают недостаточное количество сотрудников и ограниченное финансирование, что затрудняет исполнение обязанностей и повышение профессионального уровня. Неопределенность в организационной структуре и функционале некоторых органов правопорядка усложняет взаимодействие с населением и реализацию ключевых задач. Размытое распределение обязанностей между различными подразделениями провоцирует дублирование деятельности и снижает общую эффективность. Для обеспечения адекватного ответа на современные угрозы и защиты интересов граждан необходим комплексный подход к реформированию и совершенствованию деятельности этих органов.

Список цитируемой литературы:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 5 октября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 31. – Ст. 4398

2. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (в ред. от 17 июня 2019 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.

3. Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 11 августа 2003 г. № 960 (в ред. от 24 июня 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 33. – Ст. 3254.

4. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 23 мая 2025 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

5. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ (в ред. от 8 августа 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27, ч. I. – Ст. 4159.

Якунин Д.В., магистрант
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
Липецкий филиал, г. Липецк

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Аннотация

В статье исследуются современные аспекты градостроительного законодательства Российской Федерации, включая его структурные элементы, принципы и механизмы правового регулирования. Проводится комплексный анализ системы нормативно-правовых актов, формирующих основу градостроительного законодательства, с выделением роли Градостроительного кодекса РФ как системообразующего документа. Особое внимание уделяется распределению полномочий между органами власти различных уровней в сфере градостроительной деятельности. Рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования градостроительных отношений, а также перспективные направления совершенствования законодательства в контексте современных вызовов и тенденций развития городских территорий. Исследование демонстрирует практическую значимость для специалистов градостроительной сферы, государственных и муниципальных служащих, занимающихся вопросами территориального планирования и развития.

Ключевые слова: Градостроительное законодательство; Градостроительный кодекс; Территориальное планирование; Правовое регулирование; Градостроительные нормативы.

Градостроительное законодательство представляет собой комплексную отрасль российского права, регулирующую общественные отношения в сфере территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки территорий, архитектурно-строительного проектирования, строительства и реконструкции объектов капитального строительства. Нормативная база градостроительства формирует правовой фундамент для устойчивого развития территорий, обеспечения безопасности и благоприятных условий жизнедеятельности, ограничения негативного воздействия на окружающую среду, сохранения культурного наследия и природных ресурсов. Фундаментальным актом в данной системе выступает Градостроительный кодекс РФ, определяющий основные принципы регулирования отношений в градостроительной сфере. Специфика градостроительного законодательства состоит в его междисциплинарном характере, сочетающем элементы административного, земельного, экологического, гражданского права [1].

Изучение градостроительного законодательства приобретает особую значимость в условиях стремительной урбанизации и трансформации городских пространств. Современные тенденции развития территорий требуют всестороннего правового регулирования процессов градостроительной деятельности. Комплексный характер градостроительных отношений обуславливает необходимость формирования целостной системы правовых норм, способных обеспечить баланс частных и публичных интересов при освоении территорий. Динамичность городской среды предопределяет постоянное совершенствование нормативной базы в данной области. Правовые механизмы градостроительного регулирования выступают ключевым инструментом для реализации государственной политики пространственного развития и обеспечения устойчивого функционирования городских агломераций.

Современная система градостроительного законодательства России сформировалась в результате масштабной кодификации правовых норм в начале XXI века. Центральным нормативным документом выступает Градостроительный кодекс РФ, принятый в 2004 году, который установил единые принципы регулирования отношений в градостроительной сфере. Законодательная база постоянно модернизируется в соответствии с новыми задачами территориального развития страны. Существенные изменения произошли в сфере цифровизации градостроительных процессов – введение информационных систем обеспечения градостроительной деятельности и цифровых платформ для взаимодействия участников строительного процесса. Федеральный закон «Об архитектурной деятельности» дополняет систему регулирования, фокусируясь на вопросах архитектурно-строительного проектирования [2].

Градостроительное законодательство Российской Федерации представляет собой сложную многоуровневую систему нормативных правовых актов. В соответствии с конституционными положениями, данная система выстроена по иерархическому принципу, где на высшей ступени находится Конституция РФ, закрепляющая основополагающие принципы государственного устройства и разграничения полномочий между уровнями власти. Следующую ступень занимают федеральные законы, среди которых центральное место принадлежит Градостроительному кодексу РФ как базовому документу отрасли.

Региональное законодательство формирует третий уровень системы и включает законы субъектов РФ по вопросам градостроительства в пределах их компетенции. Завершают структуру муниципальные правовые акты, регулирующие градостроительную деятельность на местном уровне с учетом территориальной специфики.

Градостроительный кодекс Российской Федерации выступает фундаментальным нормативным правовым актом, консолидирующим ос-

новные положения градостроительной деятельности. Принятый в 2004 году, данный документ стал правопреемником первого Градостроительного кодекса 1998 года, существенно расширив и систематизировав правовое регулирование в данной сфере. Кодекс устанавливает базовые определения, принципы, полномочия субъектов градостроительной деятельности, а также регламентирует процедуры территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территорий.

Особая значимость Градостроительного кодекса заключается в том, что он создает единый правовой режим для всех участников градостроительных отношений на территории страны. Данный нормативный акт определяет правовой статус документов территориального планирования, правил землепользования и застройки, обеспечивает механизмы взаимодействия между государственными органами, местным самоуправлением, профессиональными участниками рынка и гражданами в процессе градостроительной деятельности.

Градостроительное законодательство формирует многочисленные межотраслевые связи с иными правовыми отраслями, что обусловлено комплексным характером регулируемых отношений. Наиболее тесное взаимодействие прослеживается с земельным правом, поскольку любая градостроительная деятельность неразрывно связана с использованием земельных участков. Оба правовых блока образуют взаимодополняющую систему норм, регулирующих пространственное развитие территорий.

Экологическое законодательство также формирует прочные связи с градостроительными нормами через требования к экологической безопасности застройки, санитарно-защитным зонам и оценке воздействия на окружающую среду. Административное право обеспечивает процедурную основу градостроительной деятельности, регламентируя вопросы получения разрешительной документации, осуществления контрольно-надзорных функций и привлечения к ответственности за нарушения в данной сфере.

Федеральное законодательство представляет фундамент нормативно-правовой базы градостроительной деятельности в Российской Федерации. Центральное место в системе федеральных нормативных актов занимает Градостроительный кодекс РФ, вступивший в силу в 2004 году. Данный документ регламентирует отношения в области градостроительного планирования, зонирования, архитектурно-строительного проектирования, строительства и реконструкции объектов [4].

Особую роль в регулировании градостроительной деятельности выполняет Федеральный закон «Об архитектурной деятельности в Российской Федерации», устанавливающий правовые нормы для архитектурного творчества и профессиональной деятельности архитекторов.

Эти базовые нормативные акты дополняются рядом специализированных федеральных законов, регулирующих смежные отрасли права.

Подзаконные нормативные акты образуют существенный массив регуляторных документов в градостроительной сфере, конкретизируя положения федеральных законов. К ним относятся постановления Правительства РФ, приказы министерств и ведомств, которые детализируют процедурные аспекты градостроительной деятельности. Среди наиболее значимых – постановления о порядке проведения экспертизы проектной документации, об утверждении положений о территориальном планировании и требований к документам территориального зонирования [6].

Ведомственные нормативные акты, разрабатываемые Министерством строительства и ЖКХ РФ, формируют методическую базу градостроительства, регламентируя технические вопросы проектирования и строительства. Значительную роль в регулировании градостроительной деятельности выполняют также нормативные документы Росреестра, устанавливающие требования к землеустроительной документации.

Нормативно-техническое регулирование выступает неотъемлемым элементом системы градостроительного законодательства России. Технические регламенты, своды правил и СНиПы формируют особый массив документов, обеспечивающих безопасность и качество строительства. В отличие от нормативно-правовых актов, данные документы устанавливают конкретные технические требования к градостроительным и строительным процессам, материалам и конструкциям.

Технические регламенты, утверждаемые на федеральном уровне, закрепляют обязательные требования к безопасности зданий и сооружений. Национальные стандарты, своды правил и иные документы содержат добровольные для применения требования, но обретают обязательный характер при включении в перечни обязательных документов, утверждаемых Правительством РФ.

Стандарты саморегулируемых организаций дополняют массив нормативно-технических документов, устанавливая повышенные требования к выполнению работ в строительной сфере для их членов. Такой многоуровневый подход к техническому регулированию обеспечивает комплексный контроль качества на всех этапах градостроительной деятельности.

Градостроительное законодательство базируется на нескольких ключевых принципах, которые формируют его идеологическую основу. К фундаментальным принципам относятся: обеспечение устойчивого развития территорий, комплексность застройки, сбалансированный учет экологических, социальных и экономических факторов, приоритет общественных интересов при решении градостроительных задач, безопасность среды жизнедеятельности.

Принцип устойчивого развития территорий подразумевает рациональное использование земельных ресурсов с учетом потребностей нынешнего и будущих поколений. Данный принцип находит отражение в требованиях к документам территориального планирования, где предусматривается необходимость долгосрочного прогнозирования при разработке планов развития территорий.

Эффективное воплощение градостроительной политики обеспечивается комплексом правовых механизмов, среди которых особую роль играют территориальное планирование, градостроительное зонирование и планировка территории. Территориальное планирование выступает стратегическим инструментом пространственной организации, определяющим функциональные зоны и перспективное размещение объектов федерального, регионального и местного значения. Данный механизм фиксируется в документах территориального планирования различных уровней – схемах территориального планирования Российской Федерации, субъектов РФ, муниципальных районов и генеральных планах поселений.

Градостроительное зонирование устанавливает правовой режим земельных участков через определение территориальных зон и регламентов их использования. Правила землепользования и застройки, утверждаемые на муниципальном уровне, выступают ключевым документом реализации данного механизма. Планировка территории конкретизирует решения градостроительного зонирования, определяя границы земельных участков, элементов планировочной структуры и зон размещения объектов [5].

Правоприменительная практика в сфере градостроительства характеризуется многоуровневым и междисциплинарным характером. Судебная практика по градостроительным спорам демонстрирует преобладание дел, связанных с оспариванием решений о предоставлении разрешений на строительство, нарушением градостроительных регламентов и правил землепользования. Административные процедуры в градостроительстве нередко становятся объектом критики застройщиков из-за избыточных согласований и длительных сроков.

Выявление проблем правоприменения позволяет корректировать нормативную базу. Так, преодоление коллизий между требованиями различных отраслей законодательства (земельного, экологического, градостроительного) выступает одной из значимых задач в развитии нормативного регулирования. Постепенная цифровизация градостроительных процедур направлена на повышение прозрачности и доступности административных процессов в данной сфере.

Федеральные органы государственной власти наделены существенными полномочиями в сфере градостроительной деятельности,

формирующими общегосударственную политику в данной области. Центральная роль в этом процессе принадлежит Правительству РФ, которое реализует основные нормотворческие функции, утверждает документы территориального планирования федерального уровня, разрабатывает технические регламенты, устанавливает порядок согласования проектной документации для объектов федерального значения.

Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ выполняет роль координирующего центра, разрабатывающего методические рекомендации по применению градостроительного законодательства, осуществляющего мониторинг практики его реализации и подготавливающего предложения по совершенствованию правовой базы. Помимо этого, федеральные органы власти устанавливают порядок ведения информационных систем обеспечения градостроительной деятельности и разрабатывают программы развития инфраструктуры федерального значения.

Органы государственной власти субъектов Российской Федерации обладают значительным объемом полномочий в градостроительной сфере, что позволяет им эффективно регулировать развитие территорий с учетом региональных особенностей. В их компетенцию входит утверждение документов территориального планирования субъекта РФ, включая схемы территориального планирования региона и документацию по планировке территории для размещения объектов регионального значения.

Особую функцию региональные власти выполняют в сфере контроля за соблюдением законодательства о градостроительной деятельности. Они устанавливают региональные нормативы градостроительного проектирования, определяющие совокупность расчетных показателей минимально допустимого уровня обеспеченности объектами регионального значения и максимально допустимого уровня их территориальной доступности.

Помимо этого, субъекты РФ наделены полномочиями по координации деятельности органов местного самоуправления в вопросах планирования развития территорий и осуществлению мониторинга разработки и утверждения программ комплексного развития транспортной и социальной инфраструктуры поселений и городских округов.

Органы местного самоуправления наделены существенным объемом полномочий в градостроительной сфере, что обусловлено их непосредственной близостью к территориям и населению. Муниципалитеты разрабатывают и утверждают генеральные планы поселений и городских округов, правила землепользования и застройки, местные нормативы градостроительного проектирования. Именно на муниципальном уровне происходит выдача разрешений на строительство, разрешений на ввод объек-

тов в эксплуатацию, что делает органы местного самоуправления ключевым звеном в системе градостроительного регулирования [7].

Муниципальные органы также осуществляют контроль за использованием земель поселений, ведут информационные системы обеспечения градостроительной деятельности. В их компетенцию входит принятие решений о развитии застроенных территорий и реализация программ комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры. Таким образом, местное самоуправление фактически определяет пространственное развитие территорий, формируя комфортную городскую среду и условия для устойчивого развития муниципальных образований.

Современное градостроительное законодательство Российской Федерации представляет собой сложную динамичную систему, требующую постоянного совершенствования. Анализ действующих нормативных правовых актов позволяет выявить ряд проблемных аспектов в существующем правовом регулировании. Среди наиболее значимых вызовов – нестабильность законодательной базы, что подтверждается частыми изменениями Градостроительного кодекса РФ. С момента принятия в 2004 году в данный документ внесено более 100 изменений, что создает правовую неопределенность и усложняет правоприменительную практику.

Другой существенной проблемой выступает недостаточная согласованность между различными уровнями нормативных актов в сфере градостроительства. Противоречия обнаруживаются между федеральными законами и подзаконными актами, что затрудняет их реализацию на практике. Отсутствие четкого разграничения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами власти в некоторых аспектах градостроительной деятельности также порождает коллизии в правоприменении [3].

Перспективные направления развития градостроительного законодательства включают дальнейшую кодификацию и систематизацию нормативной базы. В современных условиях необходима разработка долгосрочной концепции развития градостроительного законодательства, учитывающей глобальные тенденции урбанизации, экологизации и цифровизации. Особую актуальность приобретает интеграция градостроительного законодательства с природоохранным, что способствует реализации принципа устойчивого развития территорий.

Совершенствование информационного обеспечения градостроительной деятельности также входит в число первоочередных задач. Формирование единой цифровой платформы, объединяющей градостроительные информационные системы разных уровней, позволит повысить эффективность принятия решений и обеспечить прозрачность градостроительных процессов. Это направление гармонично

вписывается в общую стратегию цифровой трансформации государственного управления.

В целом, градостроительное законодательство Российской Федерации находится в стадии активного развития, отражая изменения социально-экономической реальности и технологического прогресса. Совершенствование нормативной базы в данной сфере должно осуществляться с учетом баланса интересов всех участников градостроительных отношений – государства, бизнеса и граждан. Только при соблюдении данного условия возможно формирование эффективной правовой основы для устойчивого развития территорий и создания комфортной среды обитания.

Список цитируемой литературы:

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (в ред. от 14 июля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1. – Ст. 14.

2. Об архитектурной деятельности в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1996 г. № 7-ФЗ (в ред. от 10 июня 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 4. – Ст. 349.

3. Ефимова, О. В. Право : учебник / О.В. Ефимова, Н.О. Ведышева, Е.В. Питько. – Москва : ИНФРА-М, 2025. – 386 с.

4. Казанчев, Ю. Д. Право : учебное пособие / Ю. Д. Казанчев. – Москва : Дело (РАНХиГС), 2021. – 126 с.

5. Рукавишникова, И. В. Право : учебник / под ред. И.В. Рукавишниковой, И.Г. Напалковой, А.Н. Позднышова. – 2-е изд., перераб. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. – 576 с.

6. Баранова, О. Ю., Бабаков, С. А., Гутников В. А. Градостроительные и нормативно-правовые основы планирования объектов городской рекреации / О.Ю. Баранова, С.А. Бабаков, В.А. Гутников [Электронный ресурс] // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2024. – № 3 (62). – URL: https://academvestnik.ru/wp-content/uploads/2024/10/avuniip_3-2024_62.pdf (дата обращения: 14.05.2025)

7. Майборода, В.А. Градостроительное регулирование развития федеральной территории / В.А. Майборода // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2020. – № 4. – С. 55 – 59.

Научное издание

Российская правовая система: современное состояние, проблемы и перспективы развития

СБОРНИК
материалов всероссийской научной конференции

г. Липецк, 2 июня 2025 г.

Липецкий филиал РАНХиГС
г. Липецк, ул. Интернациональная, 3

АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,75. Тираж 100 экз.
Отпечатано в типографии АНО «НАУКА-ЮНИПРЕСС»
394024, г. Воронеж, ул. Ленина, 86Б, 2